C 50/83
1884

50/83 С1

ЗАСЕЛЕНІЕ СИБИРИ

ф 1-64/6803

и

БЫТЪ ПЕРВЫХЪ ЕЯ НАСЕЛЬНИКОВЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. Н. Буцинскаго.

К. г. 9601
19977
Р.С.Ф.С.Р.
ГЛАВПРОФОБР

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1889.

На основаніи постановленія Историко-филологическаго факультета 3-го мая 1889 года и согласно ст. 27 § 1 п. 4 и ст. 41 § 1 п. 4 печатать разрѣшается.

Ректоръ Университета *Ив. Щелковъ.*

20 мая 1889 г.

БИБЛИОТЕКА
Е. Н. ПОЛЕНОВ
Д-2033-41

„Земля Сибирь нарицаемая звѣрообразныхъ людей, по тому что живутъ по лѣсамъ и по рѣкамъ великимъ, и питаются звѣремъ и рыбою кромѣ хлѣба, ѣдятъ кровавое и сырое, вѣры же и грамоты неимать, добываютъ же и продаютъ драгіе звѣри соболи и куницы и бобры и лисицы и бѣлки множество, простирается широко и долго, и подданію державы Московскаго Царя“. *См. Книга глаголемая козмографія, сложена отъ древнихъ философовъ, переведена съ римскаго языка. По листамъ этой рукописи сдѣлана подпись ея собственника: „сія книга козмографія Петра Евдокимова сына Попова“.* (А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 613/1121, л. 10).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга есть только начало обширнаго труда, задуманнаго нами. Мы намѣрены по частямъ изслѣдовать заселеніе Сибири, по частямъ изслѣдовать матеріалъ, касающійся быта насельниковъ этого края и взаимнаго отношенія между ними и туземцами, чтобы потомъ написать общую исторію Сибири отъ начала ея завоеванія и до половины XVIII вѣка. Первая часть нашего изслѣдованія касается заселенія передней Сибири—уѣздовъ верхотурскаго, туринскаго, тюменскаго, тобольскаго, тарскаго, пелымскаго и березовскаго въ періодъ отъ начала завоеванія этого края до конца царствованія Михаила Ѳедоровича. Мы не можемъ сказать, что существующія сочиненія о Сибири и печатные акты оказали намъ достаточную помощь при изслѣдованіи даннаго вопроса. Эта первая часть нашего труда преимущественно составлена на основаніи рукописнаго матеріала, хранящагося въ „Архивѣ М. И. Дѣлъ“ и „Архивѣ М. Юстиціи“. Въ первомъ архивѣ мы просмотрѣли многочисленные портфели Миллера, нашли тамъ много важныхъ документовъ, которые, вмѣстѣ съ извѣстнымъ печатнымъ трудомъ этого перваго историка Сибири, какъ и его продолженіемъ въ „Ежемѣс. Сочин.“, оказали намъ немалую услугу при нашей работѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія мы извлекли и изъ „Приказныхъ дѣлъ“, храня-

щихся въ томъ же архивѣ. Но несравненно болѣе матеріала для нашего изслѣдованія мы нашли въ Архивѣ М. Ю., въ Сибирскомъ Приказѣ. Здѣсь находится много „ясачныхъ книгъ", которыя вмѣстѣ съ другими документами дали намъ возможность коснуться въ настоящей книгѣ инородческаго населенія Сибири, указать на мѣстожительство его, опредѣлить количество сибирскихъ туземцевъ въ первой половинѣ XVII вѣка въ уѣздахъ верхотурскомъ, туринскомъ, тюменскомъ, тобольскомъ, тарскомъ, пелымскомъ и березовскомъ, то есть въ тѣхъ именно уѣздахъ, обозрѣніе заселенія которыхъ русскимъ элементомъ и составляетъ главный предметъ этой книги. Затѣмъ просматривали другія книги, хранящіяся въ томъ же отдѣленіи А. М. Ю.: „дозорныя книги" упомянутыхъ уѣздовъ, „списки" служилыхъ людей, посадскихъ, крестьянъ, ружниковъ и оброчниковъ, населявшихъ сибирскіе города, „списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ", жившихъ въ уѣздахъ, „смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ расходовъ", „ужимныя книги", „смѣтныя книги государевыхъ доходовъ и расходовъ", „окладныя книги", „таможенныя книги", „приходо-расходныя книги" Казанскаго Дворца и Сибирскаго Приказа, и „присяжныя книги" г.г. Верхотурья и Пелыма. Просматривали столбцы переплетенные и разбитые, которые заключаютъ въ себѣ множество царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ, отписокъ прикащиковъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, множество челобитныхъ инородцевъ и всякихъ чиновъ русскихъ людей, обыскныя по нимъ дѣла и проч. Извлекли нѣкоторыя данныя изъ дѣлъ верхотурскаго уѣзднаго суда, составляющихъ особое отдѣленіе документовъ Сибирскаго Приказа. Словомъ, въ двухъ московскихъ архивахъ мы нашли массу рукописнаго

матеріала, касающагося исторіи Сибири и изучали его внимательно. Но тѣмъ не менѣе мы не вполнѣ остались имъ довольны. Относительно конца XVI вѣка и первой четверти XVII вѣка сохранилось мало документовъ; они пропали для насъ безслѣдно, сдѣлались жертвою пожаровъ. Въ 1626 году сгорѣлъ весь архивъ „Сибирскаго Приказа" въ Казанскомъ Дворцѣ, но это было бы не особенною бѣдою: центральный архивъ можно было бы возстановить дубликатами, хранившимися въ архивахъ сибирскихъ городовъ и особенно въ архивѣ города Тобольска. Но въ 1643 году сгорѣлъ весь тобольскій архивъ и въ разное время сгорѣли древнѣйшіе архивы другихъ сибирскихъ городовъ. Когда Миллеръ, во время пребыванія своего въ Сибири въ половинѣ XVIII вѣка, обращался въ разные города за свѣдѣніями, касающимися основанія городовъ, первоначальнаго ихъ населенія и т. п., то получалъ изъ канцелярій этихъ городовъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: подобныхъ свѣдѣній нѣтъ, древніе архивы погорѣли. При изслѣдованіи вопроса о заселеніи Сибири историкъ долженъ особенно чувствовать недостатокъ въ матеріалѣ: для обозрѣваемаго нами періода мы пользовались только одною общею дозорною *) книгою за $162^3/_4$ г. и нѣсколькими частными дозорными книгами, относящимися до колонизаціонной дѣятельности тобольскаго Знаменскаго монастыря и тобольскаго архіепископскаго дома. Недостатокъ этого рода документовъ и заставилъ насъ ограничить предметъ нашего изслѣдованія 1645 годомъ, потому что для перваго періода заселенія Сибири и поми-

*) Въ Сибири въ XVII вѣкѣ „письмо и дозоръ" производили одни и тѣже лица и въ одно и тоже время; это дѣлалось, какъ замѣчали воеводы, „для поспѣшенія".

мо дозорныхъ книгъ намъ удалось достаточно собрать матеріала: разные списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, документы касающіеся основанія и развитія сибирскихъ слободъ вознаграждаютъ насъ за упомянутый недостатокъ. Но для дальнѣйшаго времени отсутствіе дозорныхъ книгъ ничѣмъ не можетъ быть восполнено. Въ описяхъ документовъ Сибирскаго Приказа мы находимъ „переписныя книги", относящіяся уже къ царствованію Петра Великаго, а ранѣе этого времени подобныхъ документовъ нѣтъ. Впрочемъ, существующія описи, какъ мы замѣтили при нашей работѣ, не полны и не точны и мало помогаютъ изслѣдователю разобраться въ массѣ матеріала. Въ настоящее время одинъ изъ уважаемыхъ чиновниковъ А. М. Юстиціи Н. Н. Оглоблинъ составляетъ новыя и систематическія описи документовъ Сибирскаго Приказа. Когда эта обширная работа будетъ доведена до конца, то она, можно смѣло сказать, на половину облегчитъ трудъ изслѣдователя, а можетъ быть даже г. Оглоблину удастся найти и другія дозорныя книги, помимо тѣхъ, которыя мы замѣтили.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить особенную благодарность историко-филологическому факультету Харьковскаго университета, оказавшему намъ матеріальное пособіе для напечатанія настоящей книги.

П. Буцинскій.

ГЛАВА I.

Не трудно было покорить Сибирь: достаточно было похода славнаго Ермака [1]) съ горстью отважныхъ казаковъ, чтобы разрушить Сибирское Царство—эту первую и довольно серьезную преграду распространенію за Уральскимъ хребтомъ русскаго владычества, русской колонизаціи и русской культуры. Страшнымъ ураганомъ пронеслись смѣлые казаки по владѣніямъ вогуловъ, остяковъ и татаръ, много пролили крови, разграбили много инородческихъ юртъ, а самое главное побѣдили и прогнали съ юрта «вольнаго человѣка Кучума Царя», который

---

[1]) Лѣтописное извѣстіе, что будто-бы завоеватель Сибирскаго царства получилъ свое имя или точнѣе кличку отъ артельнаго котла, который по-татарски назывался «ермакъ», не заслуживаетъ никакого вѣроятія: «Ермакъ»—не кличка, а есть испорченное христіанское имя «Ермилъ». Съ этимъ именемъ намъ не разъ приходилось встрѣчаться, когда мы въ «Сибир. Приказѣ» прочитывали такъ называемые «именные списки» разнаго чина сибирскихъ людей. Изъ этихъ списковъ оказывается, что имя Ермакъ носилъ ни одинъ побѣдитель Кучума, а многіе казаки, посадскіе люди и крестьяне; даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича, часть которыхъ потомъ составила въ Тобольскѣ особую «старую сотню» пѣшихъ казаковъ, два казака были ему тёсками; одинъ остякскій князь, принявшій при крещеніи имя Ермила, также назывался Ермакомъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что это имя варьируется на разные лады: «Ермакъ», «Ермачекъ», «Ермачко» и «Ермачишка». Происхожденіе послѣднихъ уменьшительныхъ названій, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что имя Ермакъ было слишкомъ громкимъ въ исторіи Сибири, а такъ какъ московскіе люди низшихъ классовъ всегда писались уменьшительными или искаженными христіанскими именами, то и рядовымъ сибирскимъ казакамъ и крестьянамъ казалось зазорнымъ называться «Ермаками» и они бо́льшею частію писались «Ермачками» и «Ермачишками»; но сотникъ казацкій и староста посадскихъ людей могли уже называться «Ермаками», хотя, впрочемъ, этимъ полнымъ именемъ назывались и нѣкоторые крестьяне. Въ Сибири многія деревни

составлялъ единственную связь разноплеменнаго Сибирскаго Царства. Инородцы были изумлены этими подвигами русскихъ казаковъ и спѣшили покориться державѣ Бѣлаго Царя. Ермакъ съ товарищами «привели татаръ, остяковъ и вогуловъ къ шерти,

---

и урочища получили свое названіе отъ имени Ермакъ, хотя эти деревни и урочища не имѣли никакого отношенія къ Ермаку Тимофеевичу; напр., подъ самымъ Тобольскомъ (по дозорной книгѣ 1623 г.), при рѣчкѣ Мостовой была деревня «Ермакова», а при р. Плоской деревня «Ермачкова»; эти деревни такъ назывались потому, что основателемъ первой былъ крестьянинъ Ермакъ, а второй основателемъ былъ конный казакъ Ермачекъ. Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что имя Ермакъ нельзя производить отъ имени Ермолая: въ спискахъ казаковъ и крестьянъ это имя встрѣчается или въ своемъ настоящемъ видѣ, или въ испорченномъ «Ермошка» и «Ермолка». Въ Сибири есть деревня «Ермолкина»; туринскій татаринъ, принявшій христіанство и получившій при крещеніи имя Ермолая, такъ и писался Ермолаемъ, а юрты его при рѣкѣ Ницѣ назывались «Ермолаевыми». Но имени Ермилъ мы ни разу не встрѣтили въ спискахъ сибирскихъ обитателей, хотя намъ пришлось просмотрѣть болѣе сотни именныхъ списковъ казаковъ, посадскихъ людей и крестьянъ,—не встрѣтили, очевидно, потому, что оно всегда замѣнялось «Ермакомъ» и Ермачкомъ и т. п. Поэтому въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ покорителю Сибирскаго Царства, онъ совершенно вѣрно называется Ермиломъ: «Атаманомъ быть Ермилу Тимофеевичу», читаемъ въ одной пѣсни; или въ другой—«Говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимофеевичъ: ужъ вы слушайте, братцы, послушайте, дайте мнѣ, Ермилу, думушку придумати». (См. «Пѣсни», собр. П. Кирѣевскимъ, выпускъ 6-й, стр. 25, 28, 36 и 37).

Итакъ, настоящее христіанское имя знаменитаго казака Ермилъ, а прозваніе его Ермакомъ не имѣетъ никакого отношенія къ котлу и есть только обычное искаженіе христіанскаго имени. Отсюда всѣ замѣчанія нѣкоторыхъ историковъ, что «скромная должность кашевара не могла удовлетворить Ермака, жаждавшаго болѣе независимой, широкой, удалой жизни и т. д.» мы должны считать не болѣе какъ реторическими фразами. Мнѣ кажется, что именно имя «Ермакъ» ввело въ довольно важную ошибку и Н. И. Костомарова. «Что касается до Ермака Тимофеевича», утверждалъ онъ, «то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ принадлежалъ къ разряду волжскихъ удальцовъ, навлекшихъ на себя опалу своими разбоями. Напротивъ, оказывается, что въ качествѣ донского атамана онъ находился въ царской службѣ и въ концѣ іюня 1581 г. вмѣстѣ съ русскими силами былъ подъ Могилевомъ-на-Днѣпрѣ...». («Русск. Ист.» въ жизнеоп., вып. III, стр. 529). Эту ошибку можно объяснить только тѣмъ, что почтенный историкъ, вѣроятно, встрѣтивъ въ спискѣ казаковъ, бывшихъ подъ Могилевомъ, имя Ермакъ, предполагалъ, что оно свойственно только покорителю Сибир. Царства. Послѣдній въ 1581 году былъ уже въ Сибири, а до похода въ Сибирь казаковалъ на Дону. На это положительно указываетъ найденная нами въ Сибир. Приказѣ челобитная къ Михаилу Ѳедоровичу одного изъ сподвижниковъ Ермака Тимофеевича, казака Ильина, который, между прочимъ, писалъ въ ней, что до похода въ Сибирь онъ «двадцать лѣтъ служилъ съ Ермакомъ въ полѣ...» Выраженіе «въ полѣ» именно указываетъ на вольное казакованіе, а не на царскую службу.

что имъ быть подъ Его Царскою высокою рукою до вѣку, покамѣстъ изволитъ Богъ вселенной стояти, и ясакъ имъ давать Государю по вся лѣта безпереводно» [1]).

Казалось бы, что послѣ такихъ ударовъ инородческій міръ уже не въ состояніи будетъ мечтать о своемъ прежнемъ царствѣ и навсегда долженъ былъ бы помириться съ тою участью, которую возлагала на нихъ «шерть», тѣмъ болѣе, что отъ перемѣны властителя сибирскіе инородцы ничего не теряли. Но на дѣлѣ мы видимъ противное. Едва только стало извѣстно о смерти Ермака, какъ подданные Кучума, ошеломленные прежде подвигами казацкаго «велеумнаго вождя», теперь, такъ сказать, пришли въ сознаніе, забыли свою присягу и снова готовы были наложить на себя иго азіатскаго властелина. Да и впослѣдствіи долгое время мечта «быть себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ Царѣ» не покидала сибирскихъ инородцевъ. Это значитъ, что одного завоеванія посредствомъ оружія, какъ бы ни было послѣднее побѣдоносно, было недостаточно, чтобы удержать въ повиновеніи столь отдаленный край, а тѣмъ болѣе имѣть возможность съ успѣхомъ эксплоатировать его богатства. Повторяю, легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднѣе удержать завоеванное. Московское правительство давно усвоило эту истину при расширеніи русскаго государства насчетъ иноплеменныхъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давно поняло, что мирныя средства болѣе дѣйствительны для окончательнаго покоренія инородческаго міра,—что оружіемъ можно только побѣдить, но удержать въ подчиненіи побѣжденныхъ можно главнымъ образомъ чрезъ заселеніе покоренной страны русскими элементами, послѣдствіемъ чего являлось обрусеніе края. Поэтому и послѣ завоеванія Сибирскаго Царства правительство немедленно начинаетъ строить русскіе города и села. Мы увидимъ, при нашемъ изслѣдованіи, что оно не щадило средствъ для заселенія покоренной страны и въ первое время смотрѣло, такъ сказать, сквозь пальцы на вольную, народную колонизацію этого края, даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя была противозаконною.

---

[1]) А. М. И. Д. Портфель Малиновскаго, карт. 3, № 95, см. «Шертная грамота татаръ, остяковъ и вогуловъ, приведенныхъ къ присягѣ Ермакомъ съ товарищи».

Прежде, чѣмъ приступить къ главному предмету нашего изслѣдованія, мы считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, извлеченныя нами изъ матеріала, достовѣрность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію,—свѣдѣнія о разселеніи туземцевъ и ихъ количествѣ при началѣ русской колонизаціи покореннаго края. Начнемъ съ Верхотурскаго уѣзда. Этотъ уѣздъ въ тогдашнее время простирался съ востока на западъ отъ устьевъ рѣки Тагиля по верхнему теченію рѣки Туры съ ея притоками, по рѣкамъ Лозвѣ, Сосвѣ, Лялѣ и Лобвѣ, по верховьямъ рѣкъ Косвы, Уфы и Чусовой. Эту мѣстность до поселенія здѣсь русскихъ занимали преимущественно вогулы и самое незначительное количество татаръ и остяковъ. Древнѣйшая ясачная книга Верхотурскаго уѣзда, сохранившаяся до насъ, относится къ 1626 г. [1]). Изъ этого документа видно, что инородцы Верхотурскаго уѣзда въ первой четверти XVII в. составляли 12 волостей: Туринскую, Верх-туринскую, подгороднюю Лялинскую, вторую Лялинскую, Мулгаискую, Сосвинскую, Лозвинскую, Косвинскую, двѣ волости Чусовскихъ по верховьямъ Чусовой, Верх-уфимскую и Аятскую около озера Аясткаго и по рѣкѣ Аятъ, которая составляетъ верховье рѣки Рѣжъ. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ волостей, населенныхъ татарами и остякскаго юрта при Невьѣ, всѣ остальныя были населены вогулами. Во главѣ инородческой волости стоялъ сотникъ, поэтому волости назывались еще сотнями, на которыя инородцы дѣлились еще до завоеванія русскими Сибири; волость или сотня составлялась изъ нѣсколькихъ юртъ, а иногда даже изъ одной. По ясачной книгѣ 1626 г. въ Верхотурскомъ уѣздѣ находились слѣдующія юрты:

	Число юртъ.	Живущихъ въ нихъ ясачныхъ людей.
При рѣкѣ Турѣ	3	21
» » Тагилѣ	2	16
» » Салдѣ	3	14

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи. Сибир. Приказъ, кн. № 10, л. 1036, см. «Книга, что взято государева ясаку Верхотур. у. съ татаръ, остяковъ и вогуличей по окладу 1626 г.».

При рѣкѣ Салдѣ 2-й . . .	1	10
» » Мулгаѣ	2	11
» » Невьѣ	1	3
При Аятскомъ озерѣ . . .	1	29
По верховьямъ рѣки Уфы. .	2	25
» » » Чусовой	2	49
При рѣкѣ Лялѣ	4	44
» » Сосвѣ.	1	10
» » Лозвѣ.	2	26
По верховьямъ рѣки Косвы .	6 *)	38

Всего въ Верхотурскомъ уѣздѣ было 30 юртъ, въ которыхъ жило 296 ясачныхъ людей, изъ нихъ 65 татаръ, 3 остяка и 228 вогуловъ. Подъ именемъ ясачныхъ людей здѣсь разумѣются инородцы, платившіе ясакъ, а такъ какъ женщины, дѣти, старые, увѣчные и захребетные люди не платили ясакъ, то они и не входятъ въ вышеупомянутое число. Мы привели данныя объ инородческомъ населеніи Верхотурскаго уѣзда по документу 1626 г., но въ концѣ XVI в. количество ясачныхъ людей было въ немъ еще менѣе. Объ этомъ можно судить по количеству собраннаго ясака въ разное время; такъ, въ 1626 г. верхотурскіе инородцы уплатили ясаку мѣхами по сибирской цѣнѣ на 658 р. и поминочныхъ (подарокъ Государю и воево-

*) *Примѣч.* Кромѣ того, къ Верхотурскому уѣзду тянули нѣкоторое время сыльвинскіе и прискіе остяки, жившіе по сю сторону Уральскаго хребта. Еще до завоеванія Сибири эти инородцы платили ясакъ въ Пермь, но Борисъ Годуновъ въ 1599 г. приписалъ ихъ къ уѣзду Верхотурскому. Злоупотребленія верхотурскихъ ясатчиковъ заставили остяковъ въ 1605 г. обратиться съ челобитной къ Лжедимитрію о припискѣ ихъ къ Перми, но эта просьба не была уважена: царь только избавилъ ихъ отъ ясатчиковъ и разрѣшилъ имъ самимъ привозить ясакъ на Верхотурье (А. И., т. II, № 62). Однако эта привиллегія не принесла остякамъ никакой пользы. Въ 1608 г. они жаловались царю Василію на верхотурскихъ служилыхъ людей, на ихъ насильства и обиды и снова просили дозволить имъ платить ясакъ въ Перми Великой, въ Чердыни. На этотъ разъ челобитная остяковъ была услышана и Верхотурскій уѣздъ лишился около 40 человѣкъ ясачныхъ людей (А. И., т. III, № 125). Еще ранѣе, именно 1607 г., отписаны отъ Верхотурскаго уѣзда къ Перми вишерскіе вогулы въ количествѣ 35 человѣкъ и опять вслѣдствіе злоупотребленій верхотурскихъ сборщиковъ ясака (А. И., т. II, №№ 76 и 82).

дѣ) на 17 р. [1]); въ 1620 г. на 555 р. и поминочныхъ 7 р [2]), а въ 1599 г. съ тѣхъ же инородцевъ собрано ясаку и поминочныхъ только 30 сороковъ, 24 соболя, включая сюда и десятинную пошлину, собранную на Верхотурской таможнѣ [3]). Къ сожалѣнію, цѣна этой мягкой рухляди не указана, но несомнѣнно, что она стоила не дороже 500 р. и значитъ ясачныхъ людей въ 1599 г. было значительно менѣе, чѣмъ въ 1626 г. [4]).

Туринскій уѣздъ расположенъ былъ по среднему теченію рѣки Туры отъ впаденія въ оную Тагиля и почти до устьевъ Ницы и по рѣкѣ Ницѣ. Онъ также былъ слабо населенъ инородцами, какъ и Верхотурскій. Въ началѣ XVII в. въ этомъ уѣздѣ находилось 14 остякскихъ и татарскихъ юртъ: отъ Туринска вверхъ по Турѣ 6 юртъ—Кукузовъ, Ургунчинъ, Илясовъ, Байгаринъ, Калмакъ и Санкинъ, а отъ Туринска внизъ по Турѣ—Епанчинъ, Енбаевъ и по рѣкѣ Ницѣ—Нагаевъ, Аккана, Небольсинъ, Берсегеневъ, Девлетевъ и Кабачинъ. Изъ царской грамоты отъ 9 сентября 1609 г. къ туринскому воеводѣ Ѳедору Якову видно, что въ первыхъ трехъ юртахъ жило по 6 человѣкъ, въ Байгаринѣ и Калмакѣ 6 ч., въ Санкинѣ 8 ч., въ Епанчинѣ 8, въ Енбаевѣ 2 ч., въ Нагавѣ 30, а въ остальныхъ пяти юртахъ неизвѣстно [5]). По ясачной книгѣ въ 1628 г. [6]) туринскіе инородцы раздѣлялись на 17 волостей:

	Число ясачн. людей.
1. Епанчина	11
2. Енбаева.	3

---

[1]) Ibid. см. въ концѣ той-же ясачной книги.

[2]) А. И., т. III, № 87.

[3]) «Описаніе Сибир. Царства», Миллера. См. грам. царя Бориса на стр. 273.

[4]) Нѣкоторыя другія данныя также приводятъ насъ къ заключенію, что въ концѣ XVI в. и нач. XVII в. количество ясачныхъ людей въ Верхотурскомъ уѣздѣ было менѣе, чѣмъ въ 1620 и 1626 гг. Такъ, въ 1601 г. съ 32 ясачныхъ вогуловъ, приписанныхъ въ слѣдующемъ году отъ Туринска къ Верхотурью, взято ясака 224 соболя, т. е. съ каждаго человѣка по 7 соболей, а въ 1599 г. съ Верхотурья прислано въ Москву ясака, поминковъ и десятинной пошлины 1224 соболя. Допустимъ, что десятинной пошлины было 104 соболя, и если оставшееся количество ясака 1,120 соболей раздѣлимъ на 7, то частное покажетъ количество ясачныхъ людей, т. е. 160 человѣкъ. Этотъ разсчетъ, конечно, только приблизительно вѣрный.

[5]) «Опис. Сиб. Ц.», Миллера, стр. 273.

[6]) Архивъ М. Ю. Сибир. Прик., кн. № 19, л. 531.

3.	Кукузова	8
4.	Индричеева	14
5.	Илясова	9
6.	Тертюева	5
7.	Куртумова	6
8.	Байгарина	5
9.	Санкина	15
10.	Нагаева	1
11.	Тентюкова	1
12.	Ермолаева	8
13.	Калмакова	5
14.	Кичубаева	6
15.	1-я Зензярова	2
16.	Илчибаева	4
17.	2-я Зензярова	3

Итого во всемъ Туринскомъ уѣздѣ въ 1628 г. было ясачныхъ людей 106 человѣкъ, которые дали ясаку мѣхами по сибирской цѣнѣ на 334 р. 21 к., да поминковъ на 7 р. 60 к., а въ началѣ XVII в., несомнѣнно, и 100 чел. не было въ этомъ уѣдзѣ.

Тюменскій уѣздъ, до образованія Верхотурскаго и Туринскаго уѣздовъ, простирался по всему теченію Туры съ ея притоками, но въ XVII в., послѣ основанія Верхотурья и Туринска, его территорія охватывала нижнія теченія рѣкъ Туры, Пышмы и Исети, значительную часть рѣки Тобола до впаденія въ нее рѣки Иски и все теченіе этой послѣдней рѣки. Вслѣдствіе недостатка матеріала довольно трудно судить о населеніи этого уѣзда въ началѣ XVII в. Древнѣйшая тюменская ясачная книга, сохранившаяся до насъ, относится только къ 1628 г. [1]). Изъ нея видно, что къ этому времени Тюменскій уѣздъ состоялъ изъ четырехъ татарскихъ волостей:

		Число ясачн. людей.
1.	Кинырскій городокъ	60
2.	Башкурская	25

[1]) Ibid., кн. № 19, л. 521.

3. Терсятская 24
4. Искильская 3

Во всѣхъ волостяхъ—112 ясачныхъ людей, но въ началѣ XVII в. и въ концѣ XVI в. въ Тюменскомъ уѣздѣ жило гораздо больше татаръ. Такъ, въ той же самой ясачной книгѣ упоминается, что есаулъ съ товарищами «безвѣстно пропали», а болѣе ранніе документы указываютъ даже на массовое бѣгство татаръ изъ Тюменскаго уѣзда. Въ 1616 г. тюменскій воевода доносилъ, что многіе терсятскіе татары бросили свои юрты и побѣжали въ степь; посланные за ними служилые люди настигли бѣглецовъ за рѣкой Тоболомъ, многихъ побили, а 9 семей привели въ Тюмень [1]); а по другой воеводской отпискѣ возвращено 15 семей и убѣжало 30 человѣкъ [2]). Затѣмъ изъ челобитной одного татарина видно, что въ 1617 г. въ Тюменскомъ уѣздѣ существовала волость Ерзовская [3]), которой однако не значится въ ясачной книгѣ 1629 г. Миллеръ въ своей «Сибирской исторіи» указываетъ на случаи массоваго бѣгства татаръ еще въ концѣ XVI в.: въ 1595 г. убѣжало изъ г. Тюмени 50 семействъ служилыхъ татаръ и 30 семействъ ясачныхъ людей изъ уѣзда [4]).

Пелымскій уѣздъ въ концѣ XVI в. занималъ обширнѣйшее пространство послѣ того, какъ въ 1595 г. были приписаны къ нему волости Большая и Малая Конды, которыя до того времени находились въ вѣдомствѣ Тобольска. Онъ простирался по всему теченію рѣкъ Пелымки, Вогулки, Конды, среднему теченію Лозвы, нижнему теченію Сосвы и, наконецъ, по рѣкѣ Тавдѣ, за исключеніемъ нижней части этой рѣки. Въ началѣ XVII в. инородческое населеніе Пелымскаго уѣзда раздѣлялось на одинадцать волостей [5]):

---

[1]) «Рус. Ист. Библ.», т. II, № 112.
[2]) Архивъ М. И. Д. Портф. Миллера, карт. № 477, св. 1.
[3]) ibid.
[4]) «Ежемѣсяч. Сочин.» 1764 г., стр. 6.
[5]) Арх. М. И. Д. Портф. Миллера, кар. № 478, св. 68; Соб. Г. гр. и дог., ч. II, № 185; «Опис. Сиб. Цар.», стр. 196.

	Число ясачн. людей.
1. Низ-тавдинская по рѣкѣ Тавдѣ	20
2. Тахтанская по верхн. Тавдѣ и по Лозвѣ . . .	23
3. Волость надъ Пелымскимъ озеромъ, называвшаяся впослѣдствіи Верхнепелымской	34
4. Вогильская по рѣкѣ Вогулкѣ	28
5. Ворьинская по рѣкѣ Ворьѣ, около Ворьинскаго озера	18
6. Сосвинская по нижнему теченію Сосвы . . .	21
7. Подгородняя (Лиственичная тожъ) по рѣкѣ Пелымкѣ	17
8. Леушская при рѣкѣ Леушѣ	22
9. Большая Конда по среднему и нижнему теченію Конды	555
10. Малая Конда или Верх-кондинская волость, по верхнему бассейну рѣки Конды	

11. Таборинская по среднему теченію Тавды. Эта послѣдняя волость была населена татарами и вогулами, которые, вмѣсто ясака, обрабатывали государскую пашню; въ 1594 г. ихъ было 60 человѣкъ, а въ 1598 только 50 [1]).

Всего ясачныхъ людей и пашенныхъ инородцевъ въ Пелымскомъ уѣздѣ въ началѣ XVII вѣка по вышеприведеннымъ даннымъ было до 800 человѣкъ.

За Пелымскимъ уѣздомъ къ сѣверу лежалъ Березовскій уѣздъ, простиравшійся по нижнему теченію Оби и ея притокамъ: Полую, Куновату, Казыму, Б. Сосвѣ и ея притокамъ: Сыньи, Войкару, Соби и Щучьи. На сѣверѣ онъ простирался до самаго Ледовитаго моря, на востокѣ граничилъ Тазовской губой, рѣкою Пуръ, верховьемъ р. Лямина, а на югѣ—Тобольскимъ уѣздомъ, къ вѣдомству котораго отходила часть нижней Оби. Березовскій уѣздъ населенъ былъ остяками и самоѣдами.

Въ началѣ XVII вѣка у остяковъ были слѣдующія волости [2]):

---

[1]) Р. И. Б., т. II, №№ 58 и 64.

[2]) Архивъ М. Ю. Сибир. Прик., кн. № 57 и 294.

Число ясачн. людей.

1. Волость Подгородняя занимала пространство по нижнему теченію Сосвы, по рѣкѣ Вогулкѣ, а также ближайшія къ городу Березову мѣста по рѣкѣ Оби . 60

2. Сосвинская по р. Сосвѣ 325

3. Ляпинская выше Сосвинской 147

Эти три волости Березовскаго уѣзда составляли древнюю «югорскую землю»; обскіе остяки еще въ началѣ XVII в. называли оныя этимъ именемъ.

4. Обдорская при устьяхъ Оби и по рѣкѣ Полую . 164

5. Куноватская, выше Обдорской по Оби 109

6. Казымская, выше Куноватской по Оби и по рѣкѣ Казымъ 120

7. Кодская земля по Оби, выше волости Казымской . 150

8. Бѣлогорская волость находилась на Оби, выше Кодской земли, между рѣчкою Ендырь и устьемъ Иртыша 72

Мы опредѣлили количество ясачныхъ людей въ волостяхъ Березовскаго уѣзда по ясачной книгѣ 1633 г.; но мы не ошибемся, если общее число ясачныхъ людей въ этомъ уѣздѣ въ началѣ XVII вѣка опредѣлимъ приблизительно въ 900 человѣкъ [1]).

Кромѣ того, къ Березовскому уѣзду принадлежали самоѣды. Этотъ бродячій народъ болѣе или менѣе постоянно обиталъ по тундрамъ между Обскою губою и Карскимъ моремъ и по берегамъ Тазовской и Обской губамъ. Но лѣтомъ ихъ чумы появлялись на рѣкахъ Сыньи, Войкару, Соби, Надыма и другихъ; наловивъ рыбы, самоѣды снова удалялись въ тундры. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни относительно количества собираемаго съ нихъ ясака въ началѣ XVII вѣка, ни относительно

---

[1]) По ясачной книгѣ 1633 г. всѣхъ ясачныхъ людей въ Березовскомъ уѣздѣ было 990 человѣкъ, но въ началѣ XVII в. могло быть немногимъ менѣе. Это наше заключеніе основывается на слѣдующихъ данныхъ: въ Подгородней волости въ 1608 г. было 60 челов., а по ясачной книгѣ 1633 г.—52 чел.; въ Казымской вол. около 1610 г. было ясачныхъ людей 120 чел., а въ 1633 г.—121; въ Колпуковской вол. въ 1594 г. было 8 чел., а въ 1645 г.—6 челов.

количества этихъ инородцевъ Березовскаго уѣзда. Кажется, что самоѣды въ это время не были еще обложены опредѣленнымъ ясакомъ и приносили послѣдняго столько, сколько имъ заблагоразсудится. Сами сборщики березовскіе не проникали въ ихъ тундры, а собирали ясакъ съ самоѣдовъ или въ Обдорскомъ городкѣ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ. Обыкновенно березовскіе воеводы посылали казымскихъ остяковъ собирать самоѣдовъ въ извѣстное мѣсто «и какъ де-оную самоядь», жаловались царю Василію эти остяки, «соберутъ и въ ту пору присылаютъ воеводы съ Березова казаковъ по самоядскій ясакъ по годовой сборъ, а собирать-де оную самоядь ходятъ по мѣсяцу и по шести недѣль и имъ въ томъ нужа великая»... [1]). При такомъ способѣ сбора ясака съ самоѣдовъ и сами сборщики не могли узнать дѣйствительнаго количества послѣднихъ.

Тобольскій уѣздъ въ началѣ XVII в. занималъ значительную часть рѣки Иртыша, начиная отъ устьевъ послѣдняго вверхъ по теченію до впаденія въ него рѣки Ишима, часть Оби и нижнія теченія рѣкъ Тобола и Тавды, а въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича къ нему были присоединены отъ Пелымскаго уѣзда Большая и Малая Конды. Населеніе этого уѣзда состояло главнымъ образомъ изъ татаръ и отчасти изъ остяковъ, жившихъ по Оби. О количествѣ этого населенія въ началѣ XVII в. мы не имѣемъ свѣдѣній. Но по ясачной книгѣ, относящейся къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича (къ 1640 г.), ясачныхъ людей въ Тобольскомъ уѣздѣ было 732 человѣка [2]).

Въ этомъ документѣ упоминаются слѣдующія волости:

	Число ясачн. людей.
1. Ясколби	86
2. Вачіера	13
3. Аремзяна	23
4. Скабины	30

[1]) «Рус. Ист. Биб.», т. II, стр. 291.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Прик., кн. № 9.

5.	Туртазская и Культурская	55
6.	Натцкая	51
7.	Назымъ	60
8.	Городокъ Демьянъ	40
9.	Цинги	5
10.	Торка	36
11.	Демьянская-Митькина	6
12.	Демьянская-Григорьева	12
13.	Конда Большая	54
14.	Конда Малая	45
15.	Лобута	3
16.	Городокъ Кошуковъ	82
17.	Калыма	9
18.	Индеря	13
19.	Увата	24
20.	Лаймы	7
21.	Супры	6
22.	Бабасанская	22
23.	Нердинская	10
24.	Кречатникова	13
25.	Кагканцы	7
26.	Капканъ	7
27.	Ашлы	8

Тарскій уѣздъ простирался къ югу отъ Тобольскаго по рѣкѣ Иртышу и его притокамъ. Еще въ самый годъ основанія города Тары, т. е. въ 1594 году, отъ Тобольска къ нему отписаны слѣдующія татарскія волости [1]):

		Число ясачн. людей.
1.	Куардакъ	350
2.	Соргачь	80
3.	Отузъ	15
4.	Тава	10
5.	Урузъ	6
6.	Токузъ	3

[1]) «Опис. Сиб. Царства», Миллера, стр. 194. См. Наказъ Андрею В. Елецкому.

7. Супра . . . . . .
8. Аялы . . . . . , . . . 500

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, нѣкоторыя изъ этихъ волостей, какъ Урузъ, Токузъ, Супра совсѣмъ не упоминаются въ документахъ. За то встрѣчаются нѣсколько другихъ татарскихъ волостей въ Тарскомъ уѣздѣ, вновь покоренныхъ еще въ XVI столѣтіи и приписанныхъ къ тарскому вѣдомству. Такъ-что къ 1615 году этотъ уѣздъ распространился на югъ до самаго верховья Иртыша, на востокъ въ глубь Барабинской степи, а на западъ до кочевьевъ нагайцевъ; изъ отписки тарскаго воеводы въ 1620 году видно, что нѣкоторыя изъ этихъ волостей отстояли на 200 и 300 верстъ отъ города Тары. По «новому дозору», произведенному въ 1620 г. [1]), Тарскій уѣздъ состоялъ изъ четырнадцати татарскихъ волостей; изъ нихъ восемь лежали отъ города Тары внизъ по Иртышу и назывались «нижними» и шесть—вверхъ по этой рѣкѣ и ея притокамъ, а потому назывались «верхними».

Нижнія:	Число ясачн. людей.
1. Отузъ	10
2. Тавская.	7
3. Тавотузъ	33
4. Каурдацкая , ...	179
5. Тебендя	71
6. Яиртышъ	4
7. Саргацкая	4
8. Ялынская	168
Верхнія:	
9. Тунусъ	22
10. Турашъ . . . . . , .	22
11. Любаръ	16
12. Порубежная Барабинская . . .	76

[1]) Изъ этого документа видно, что и въ 1615 году въ Тарскомъ уѣздѣ было то-же самое количество волостей и въ нихъ ясачныхъ людей, какъ и въ 1620 г.

[2]) Ар. М. Ю. Сиб. Прик., кн. № 11, л. 183.

13. Чои 14
14. Тереня 16

Всего ясачныхъ людей въ Тарскомъ уѣздѣ въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича было 642 человѣка и 4 человѣка захребетныхъ татаръ [2]).

Въ этой главѣ мы старались представить краткій очеркъ разселенія инородческаго міра и сообщить нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о количествѣ инородцевъ въ семи уѣздахъ вновь покореннаго края; болѣе подробныхъ и точныхъ данныхъ относительно этого предмета мы не могли дать, единственно вслѣдствіе скудости добытаго нами матеріала. Для нашей цѣли, впрочемъ, вполнѣ достаточно сказаннаго. Мы теперь знаемъ, гдѣ могло русское населеніе встрѣтиться съ инородцами, и какъ было велико количество послѣднихъ въ предѣлахъ уѣздовъ тобольскаго разряда при началѣ русской колонизаціи оныхъ.

Несомнѣнныя историческія данныя ясно говорятъ намъ, что хотя русскіе начали основывать свои поселенія за Уральскимъ хребтомъ не въ совершенно безлюдной странѣ, уже давно обитаемой племенами разнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе количество туземнаго населенія было слишкомъ ничтожно сравнительно съ обширностію занимаемой ими территоріи—это одинаково вѣрно какъ въ отношеніи всего пространства, такъ и каждаго уѣзда въ отдѣльности. Въ началѣ XVII в. ясачныхъ людей (вмѣстѣ съ служилыми инородцами, которыхъ было около 250 человѣкъ) въ семи уѣздахъ не превышало и 3,000 человѣкъ. Правда, въ это число не входятъ женщины, дѣти, старики и увѣчные, но во всякомъ случаѣ количество послѣднихъ должно было быть пропорціонально вышеприведенной цифрѣ ясачныхъ и служилыхъ людей. Немногимъ увеличится количество инородцевъ, если присоединимъ и захребетныхъ людей; сибирскіе воеводы, какъ увидимъ впослѣдствіи въ особой главѣ объ инородческомъ поселеніи, зорко слѣдили за ясачными людьми и производили почти ежегодныя ревизіи послѣднимъ; отъ нихъ ясачному человѣку довольно трудно было укрыться за хребтомъ своего собрата съ цѣлью избавиться отъ

платежа ясака въ государеву казну. Въ большинствѣ случаевъ такіе захребетные инородцы были извѣстны русскимъ воеводамъ, и они въ своихъ отпискахъ о сборѣ ясака иногда указываютъ на количество оныхъ, и это количество совсѣмъ ничтожно; напримѣръ, въ Тарскомъ уѣздѣ, какъ мы упомянули выше, на 642 человѣка ясачныхъ людей захребетниковъ было только 4 ч., а въ другихъ уѣздахъ встрѣчается таковыхъ 5, 10 или нѣсколько болѣе человѣкъ. Теперь, если мы сравнимъ приведенную цифру ясачныхъ людей въ началѣ XVII в. съ количествомъ «черныхъ людей» въ сибирской землѣ при Едигирѣ, то увидимъ громаднѣйшую разницу: послы этого царя, прибывшіе въ Москву въ 1555 году, говорили «что у Едигера 30,700 человѣкъ черныхъ людей», т. е. такихъ, которые платили ясакъ. Эта разница свидѣтельствуетъ о томъ, что во время завоеванія русскими Сибирскаго Царства погибла масса инородцевъ.

ГЛАВА II.

Верхотурье и Верхотурскій уѣздъ (1598—1645).—Поводомъ къ основанію Верхотурья послужило открытіе новой дороги изъ Руси въ Сибирь. До того времени въ этотъ край чрезъ Уральскій хребетъ вели три дороги: самая сѣверная выходила на рѣку Собь, вторая въ югорскую землю на рѣку Сычву, впадающую въ Сосву; эти два пути вели въ Березовскій уѣздъ и служили главнымъ образомъ для купцовъ и промышленниковъ; служилые же люди хотя и пользовались иногда вторымъ путемъ, но только при своемъ возвращеніи изъ Сибири. Наконецъ, третій путь выходилъ на рѣку Лозву. Московское правительство для всякихъ сношеній съ Сибирскимъ краемъ исключительно пользовалось этою послѣднею дорогою. На рѣкѣ Лозвѣ при впаденіи въ нее рѣчки Іивли въ 1589 году построенъ былъ городъ Лозва; отъ него-то и начинался Лозвинскій путь, ведшій въ Тавду, а по этой рѣкѣ въ Тоболъ и по Тоболу въ Иртышъ къ городу Тобольску. Этотъ путь, простиравшійся на двѣ тысячи тогдашнихъ верстъ, былъ слишкомъ длиненъ, поэтому Ѳедоръ Ивановичъ приказалъ соликамскому посадскому человѣку, Артемію Софонову Бабинову, провѣдывать ближайшую дорогу въ Сибирь отъ города Соликамска. Поиски послѣдняго, вѣроятно руководимые инородцами, увѣнчались успѣхами въ 1597 году. Послѣ своихъ изысканій онъ указалъ сухой путь отъ Соликамска на рѣку Туру. Какъ видно изъ атласа Ремизова, Бабиновская дорога шла отъ Соликамска чрезъ верховья Яйвы и нѣкоторыхъ другихъ рѣчекъ на рѣку Косву,

именно къ устью ея притока Тулунока, затѣмъ по сѣверному берегу Косвы, по притоку ея Кырьѣ, черезъ павдинскій камень на рѣку Павду, впадающую въ рѣку Лялю и по лѣвому берегу этой послѣдней; не доходя до устьевъ рѣчки Разсохиной, Бабиновская дорога пересѣкала Лялю и тянулась къ рѣчкѣ Мостовой, относящейся уже къ системѣ рѣки Туры, а отъ Мостовой поворачивала къ устьямъ рѣчки Калачика. Протяженіе этой дороги, по опредѣленію самого Бабинова и составителя «чертежа Сибирской земли въ 1672 году», равнялось 250 тогдашнимъ верстамъ [1]). Правительство одобрило этотъ путь, такъ какъ онъ значительно сокращалъ разстояніе между Соликамскомъ и Тобольскомъ сравнительно съ прежнею дорогою: ямщикъ съ легкою кладью зимою и лѣтомъ проѣзжалъ его въ 22 дня, между тѣмъ какъ по Лозвинской дорогѣ для проѣзда изъ Соликамска чрезъ Лозву и Пелымъ до Тобольска требовалось не менѣе 30 дней [2]). Тому же Бабинову правительство немедленно поручило расчистить новую дорогу и построить мосты. «А мостовъ мостили», доносили пермскіе цѣловальники, «отъ Соликамской чрезъ рѣчки, буераки и грязныя мѣста до Верхотурья—поперечныхъ семь по 50 саж., а длинныхъ 30 мостовъ по 130 саж.».

Постройка новой дороги совершена довольно скоро. Но уже въ 1599 году служилые люди жаловались, «что та новая дорога чищена узко и худо, и мосты весеннею водою посносило и выбои образовались великіе, и, если весною не будетъ произведенъ ремонтъ, то по той дорогѣ сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ и сибирской государевой казны провезти невозможно, и имъ, служилымъ людямъ, ѣздить будетъ тягость великая». Послѣ этой жалобы правительство приказало Бабинову, чтобъ эту новую дорогу чистили стараго лучше и шире и мосты мостили бы хорошіе» [3]).

---

[1]) Тогдашняя верста=1000 саж. См. «Книгу Сошнаго письма 1629 г.», напеч. во «Временникѣ», въ 17 кн.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ мы почерпнули изъ разныхъ челобитныхъ ямщиковъ, относящихся къ началу цар—нія Михаила Ѳедоровича и хранящихся въ Сиб. Приказѣ.

[3]) А. И., т. II, № 26.

Открытіе новой дороги сдѣлало ненужнымъ городъ Лозву, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась необходимость основанія города на Турѣ — на конечномъ пунктѣ Бабиновской дороги. Уже въ 1597 году Ѳедоръ Ивановичъ приказалъ найти удобное мѣсто на Турѣ и заложить тамъ городъ. Осмотрщики донесли, что на Турѣ (между рѣчками Калачикомъ и Дернейкой) есть старое чюцкое городище Неромкура, на мѣстѣ котораго и слѣдуетъ построить новый городъ. Въ одной пермской отпискѣ, отъ 3 октября 1597 года, это мѣсто описано такъ: «на сѣверномъ берегу Туры находится крутой камень-гора, возвышающійся надъ поверхностью воды на 12 саженей и больше, а длина онаго по рѣкѣ простирается до 60 саженъ, такъ-что со стороны Туры нѣтъ надобности ставить стѣны, то мѣсто и безъ городовой стѣны всякаго города крѣпче, развѣ-бъ по тому мѣсту велѣть хоромы поставить врядъ, да избы подѣлать, да дворы поставить постѣнно, а по угламъ города отъ Туры поставить наугольныя башни». Соотвѣтственно этому указанію Ѳедоръ Ивановичъ въ томъ-же 1597 году велѣлъ ѣхать въ Сибирь Василію Петровичу Головину да Ивану Васильевичу Воейкову для постройки новаго города. При этомъ предписывалось имъ заѣхать въ Пермь и «взять у Сарыча Шестакова 300 рублей, а на эти деньги нанять посошныхъ людей пѣшихъ, конныхъ и плотниковъ со всякою посошною снастью по договору, почемъ наймутся и поруки по нихъ взять крѣпкія съ записями, чтобъ имъ городъ и острогъ дѣлать, и не додѣлавъ отъ городоваго и острожнаго дѣла не сбѣжать». Но строить городъ «охочими людьми по договору» оказалось слишкомъ дорого. Головинъ и Воейковъ доносили, что по смѣтѣ для постройки города нужно нанять 550 человѣкъ—посошныхъ, конныхъ и плотниковъ на три мѣсяца и постройка обойдется въ 3,120 рублей. «Пѣшіе люди», писали они, «договорились по полутора рубля на мѣсяцъ человѣку, и просятъ денегъ вдругъ на три мѣсяца, а на полтора и на два мѣсяца не возьмутъ: они говорятъ, что мѣсто дальнее и пустое, безъ запасу итти невозможно. Конные договорились на мѣсяцъ по два рубля, по 26 алтынъ, по 2 деньги (2 р. 80 к.), а плотники просятъ по два рубля на мѣсяцъ, и деньги про-

сятъ на три-жъ мѣсяца». Получивъ такое донесеніе, правительство разочло, что лучше строить новый городъ «по указу», чѣмъ «по договору», и поэтому приказало вышеупомянутымъ лицамъ немедленно «доправить» на всей пермской землѣ посошныхъ, конныхъ людей и плотниковъ, назначивъ этимъ рабочимъ самую минимальную плату. Въ то-же время указано Лозвинскому городу «не быть», а воевода этого города Иванъ Траханіотъ получилъ предписаніе отправиться весною вмѣстѣ съ лозвинскими служилыми людьми и государевою казною на Верхотурье, а городовой и острожный лѣсъ Лозвы сплавить въ Пелымь, если послѣдній нуждается въ готовомъ строительномъ матеріалѣ для разныхъ построекъ [1]). Таковы обстоятельства, сопровождавшія основаніе Верхотурья.

Первыми строителями этого города были Головинъ и Воейковъ. Хотя правительство грамотою отъ 15 декабря 1597 г. и побуждало ихъ спѣшить изъ Перми на Туру и городъ поставить «къ зимѣ», но они были задержаны въ Перми и могли прибыть въ Сибирь и приступить къ заложенію Верхотурья не ранѣе весны 1598 года. Первоначально былъ построенъ острогъ, т. е. его стѣны и башни, а въ немъ храмъ Живоначальной Троицы съ придѣломъ, воеводскій дворъ, дворъ другихъ служилыхъ людей, съѣзжая изба, дворъ попа и нѣсколько другихъ дворовъ. Эти строенія занимали самое ничтожное пространство по вышеупомянутому камню; даже послѣ расширенія острога въ 1606 г. вдвое противъ прежняго оный имѣлъ въ окружности только 630 саженъ [2]). Изъ одной воеводской отписки 1603 года видно, что «мѣста подъ дворы давали не великія—дѣтямъ боярскимъ вдоль и поперекъ по 8 саженъ, а стрѣльцамъ по 5 саженъ» [3]). Головинъ и Воейковъ были первыми начальными лицами въ новомъ городѣ: первый—воеводой, а второй—головой. Осенью 1599 года ихъ смѣнили воевода Иванъ Михайловичъ Вяземскій и голова Гаврило Самой-

---

[1]) Древнѣйшіе документы, относящіеся къ уничтоженію города Лозвы и постройки Верхотурья. См. А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478; «Р. И. Библ.», т. II, № 65; «Временникъ», кн. № 17; «Опис. Сиб. Ц.» Миллера, стр. 263 и др.

[2]) «Р. И. Библ.», т. II, № 132.

[3]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, кар. № 477, св. II, № 5.

ловичъ Салмановъ. Послѣдній по указу Царя въ 1600 году построилъ гостиный дворъ съ 4 избами и 20 амбарами, да на татарскомъ дворѣ—избу и амбаръ на пріѣздъ татарамъ, остякамъ и вогуламъ. Скоро въ Верхотурьѣ появился и кабакъ; по крайней мѣрѣ въ одномъ позднѣйшемъ документѣ говорится, что оный построенъ еще «до московскаго разоренія», стало-быть при царѣ Борисѣ [1]). Вслѣдствіе этихъ построекъ на небольшомъ пространствѣ, въ острогѣ Верхотурскомъ образовалась необыкновенная тѣснота, такъ-что въ началѣ 1603 г. воевода Неудача-Плещеевъ писалъ Царю Борису, «что въ острогѣ тѣснота великая, а между тѣмъ посадскіе люди и пашенные крестьяне, поставившіе свои дворы за острогомъ, опасаясь нападеній инородцевъ, постоянно бьютъ челомъ о томъ, «чтобы ихъ жилецкой слободѣ быть въ острогѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ воевода просилъ разрѣшенія «поотнести стрѣльцамъ двѣма дворы третій и учинить новая улица и на ней поставить дворы посадскихъ людей и крестьянъ» [2]). Но это разрѣшеніе послѣдовало только отъ Ѳедора Борисовича и его царицы-матери, а острогъ впервые былъ расширенъ, и въ немъ была устроена жилецкая слобода не ранѣе 1606 года. [3]). Въ 1607 году верхотурскій воевода жаловался Царю Василію, что въ соборной церкви Живоначальной Троицы служба бываетъ только лѣтомъ, а зимою совершается въ съѣзжей избѣ, и просилъ о разрѣшеніи построить теплый храмъ. Разрѣшеніе было дано, но теплый храмъ, какъ видно изъ другихъ документовъ, поставленъ не отдѣльно, а въ видѣ пристройки къ Соборной церкви. Затѣмъ въ самомъ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича основана еще новая церковь во имя Воскресенія Христова [4]).

Слѣдуетъ также упомянуть, что вскорѣ послѣ построенія Верхотурскаго острога, около него между рѣчками Калачикомъ и Свіягой положено основаніе мужскому монастырю. Еще въ 1602 году черный попъ Іона пошехонецъ билъ челомъ Царю

---

[1]) А. И., т. III, № 122.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. 5.

[3]) «Ежемѣч. Соч.» 1764 г., янв., стр. 15.

[4]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 184.

Борису, что онъ далъ обѣтъ устроить монастырь въ Верхотурьѣ во имя Николая Чудотворца, но воеводы не даютъ лѣсу для постройки храма и келій. Царь пожаловалъ и велѣлъ верхотурскимъ воеводамъ дать Іонѣ для монастыря строительный матеріалъ [1]). Изъ послѣдующихъ челобитныхъ того же Іоны видно, что хотя верхотурскіе воеводы и дали ему лѣсъ для постройки храма и келій, но только не даромъ, а взаймы, и требовали возврата долга. Изъ этого заемнаго лѣса Іона построилъ стѣны для храма Св. Николая и нѣсколько келій. Въ началѣ 1604 года строитель снова обращается къ Царю съ челобитною, въ которой, во-первыхъ, просилъ «не править съ него заемнаго лѣсу, а, во-вторыхъ, дать ему еще строительнаго матеріала для окончанія монастырскихъ построекъ» [2]). Въ томъ же году Іона отправился въ Москву и выпросилъ у Царя «церковное строеніе» въ новопостроенный храмъ, себѣ жалованье по 6 р. въ годъ и дьячку по 3 р., а вмѣсто хлѣбной ржи получилъ пашни и покосы [3]). Впослѣдствіи, именно въ 1621 г., первый архіепископъ сибирскій Кипріянъ сообщалъ патріарху Филарету, что Николаевскій Верхотурскій монастырь построенъ Іоною «мірскою дачей» [4]), но вышеприведенныя свѣдѣнія противорѣчатъ этому сообщенію: правительство принимало самое живое участіе, какъ въ основаніи другихъ сибирскихъ монастырей, такъ и Верхотурскаго.

Теперь скажемъ о населеніи Верхотурья и о дальнѣйшемъ развитіи этого города до 1645 года. Первыми обитателями Верхотурья, кромѣ его строителей, были жители города Лозвы: два человѣка боярскихъ дѣтей, 46 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ, два подъячихъ, вогульскій толмачъ, мельникъ, кирпичникъ, банникъ и нѣсколько сторожей. Въ этомъ же году изъ Перми Великой присланъ въ новый городъ попъ Леонтій и, вѣроятно, съ дьячкомъ для служенія въ Троицкой церкви, а изъ Тобольска туда же переведенъ атаманъ казацкій Пинай Степановъ. Весь этотъ контингентъ населенія получалъ въ разныхъ раз-

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 184.
[2]) А. И., т. II, № 48.
[3]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 184.
[4]) Ibid., № 477, св. 1.

мѣрахъ изъ казны денежное и хлѣбное жалованье; всего по 1599 г. служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ приходилось по окладу 247 р. 75 к. денегъ, 300 ч. муки, 28 1/8 толокна, да 100 пудовъ соли. Но священникъ верхотурскій въ первое время получалъ жалованье не изъ государевой казны, а отъ пермской земли—по 15 р. въ годъ, и только въ 1601 г. пожалованъ денежною и хлѣбною ругою—по 6 р., 7 ч. ржи, по чети крупъ и толокна [1]. Между обитателями Верхотурья уже во второй годъ существованія этого города встрѣчаются торговые люди и крестьяне. Такъ, въ 1599 году переселены изъ Вятки два торговыхъ человѣка—Терентьевъ и Лашкинъ; въ слѣдующемъ году—50 ямщиковъ и 80 плотниковъ, набранныхъ въ разныхъ поморскихъ городахъ. Кромѣ того, у служилыхъ, торговыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ встрѣчаются наймиты изъ вольныхъ людей, которыхъ также нужно отнести къ первоначальнымъ жителямъ города Верхотурья. Благодаря относительной близости этого сибирскаго города и положенію его на большой дорогѣ, въ немъ появляется такое множество «охочихъ, гулящихъ людей», что уже въ 1604 г. велѣно верхотурскому воеводѣ набрать изъ нихъ 50 человѣкъ на службу въ Сургутъ, а въ слѣдующемъ году такое же количество въ Томскъ [2]. И впослѣдствіи приливъ «охочихъ людей» въ городъ Верхотурье былъ довольно значительный; правительство и частныя лица пользуются этимъ элементомъ какъ для разныхъ работъ, такъ и для заселенія разныхъ мѣстъ Сибири. По дозору Михаила Тюхина въ 1624 г. Верхотурье представляется уже довольно застроеннымъ и заселеннымъ городомъ [3]. Въ немъ находились: два храма съ придѣлами, государевъ гостиный дворъ съ четырьмя горницами для пріѣзда торговыхъ людей и 60 амбаровъ для склада ихъ товаровъ, двѣ государевыхъ житницы, съѣзжая изба, 13 лавокъ, принадлежащихъ разнымъ частнымъ лицамъ, и 112 дворовъ, изъ нихъ два воеводскихъ, 7

---

[1]) А. И., т. II, №№ 3 и 37; «Опис. Сиб. Ц.», стр. 267; см. гр. Ц. Бориса отъ 20 февр. 1599 г.

[2]) А. И., т. II, №№ 40, 46, 51 и 52.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, ст. 181, «Списокъ съ верхот. дозорныхъ книгъ посаду и уѣзду...» 1624 г.

священно-и церковно-служителей, 1 сына боярскаго, 3 подъячихъ, 1 сотника стрѣлецкаго, 39 стрѣлецкихъ дворовъ, 26 дворовъ посадскихъ людей, 25 дворовъ пашенныхъ крестьянъ и нѣсколько дворовъ, принадлежащихъ просфорницѣ, палачу, сторожу и т. п. Относительно количества обывателей въ вышеупомянутыхъ дворахъ, можно только сказать, что ихъ было не менѣе 110 семействъ, не считая при этомъ холостыхъ служилыхъ людей и разныхъ наймитовъ, жившихъ по чужимъ домамъ. А по «списку съ окладной книги 1626 г.» въ городѣ Верхотурьѣ было людей, получающихъ денежное и хлѣбное жалованье—162 человѣка, изъ нихъ служилыхъ людей—стрѣльцовъ, казаковъ и пушкарей 66, дѣтей боярскихъ 7, подъячихъ 7 и пр. [1]).

Около города, кромѣ Ямской слободы, о которой скажемъ ниже, находились два монастыря—мужской Николаевскій и дѣвичій Покровскій, основанный въ 1621 г. сибир. арх. Кипріяномъ. Въ первомъ въ 1624 г. было 4 келіи игумена, строителя, чернаго попа и старца, да дворъ для монастырскихъ рабочихъ людей; въ дѣвичьемъ монастырѣ было въ то-же время только три келіи, —одна игуменьи и двѣ келіи, въ которыхъ жило десять старицъ [2]).

Далѣе, просматривая матеріалъ, касающійся Верхотурья, мы не замѣтили никакихъ выдающихся явленій въ жизни этого города до самаго конца намѣченнаго періода,—такихъ явленій, на которыя слѣдовало-бы указать. Можемъ только упомянуть, что количество верхотурцевъ, получающихъ хлѣбное жалованье, постепенно уменьшается: въ 1626 г. таковыхъ было 162 человѣка, въ 1633 г.—100, а въ слѣдующемъ году 94 человѣка [3]). Такое уменьшеніе указываетъ на развитіе хлѣбопашества въ Верхотурскомъ уѣздѣ: многіе служилые люди отказываются отъ хлѣбнаго жалованья, а взамѣнъ получаютъ земельный надѣлъ и занимаются земледѣліемъ. Боярскія дѣти—7 человѣкъ въ 1636 г. всѣ стали служить «съ пашни».

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. №№ 10 и 160, «Списокъ съ окладныхъ книгъ...» 1626 г.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, л. 190.
[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. №№ 35 и 41.

Чтобы имѣть представленіе о числѣ и родѣ населенія города Верхотурья въ годъ смерти Михаила Ѳедоровича, сообщимъ здѣсь свѣдѣнія изъ рукописи, озаглавленной «Книга, кто именемъ верхотурскіе и пріѣзжіе люди приведены къ присягѣ (Царю Алексѣю) съ 15 октября 1645 г. по 3 іюня 1646 г.»; при этомъ мы исключаемъ пріѣзжихъ людей [1]).

Дѣтей боярскихъ.	9	чел.
Архіепископскій боярскій сынъ. . .	1	»
Подъячихъ съѣзжей избы	8	»
Таможенныхъ и заставныхъ головъ .	5	»
Цѣловальниковъ	3	»
Житничныхъ дьячковъ	2	»
Церковныхъ и площадныхъ дьяковъ и дьячковъ	11	»
Таможенныхъ подъячихъ	3	»
Гостинаго двора дворникъ	1	»
Мельниковъ	7	»
Сторожей	17	»
Палачъ, кузнецъ, воротникъ и котельникъ	4	»
Вогульскихъ толмачей	2	»
Ссыльный князь Матвѣй Великопермскій	1	»
Служилыхъ людей	100	»
Жильцовъ	3	»
Купцовъ	2	»
Посадскихъ людей	43	»
Крестьянъ	10	»
Гулящихъ людей	617	»

По этому документу количество населенія въ городѣ Верхотурьѣ въ указанное время простиралось до 849 человѣкъ, кромѣ женщинъ, дѣтей, братіи и другихъ свойственниковъ, жившихъ несамостоятельно, и кромѣ священниковъ и ихъ семействъ. Мы однако не ручаемся, чтобы всѣ гулящіе люди—617 человѣкъ проживали въ самомъ городѣ: упомянутая присяжная книга не даетъ намъ на этотъ счетъ точныхъ указаній, хотя

[1]) Ibid., кн. № 194.

и несомнѣнно, что это количество бездомнаго люда, проживавшаго въ Верхотурьѣ, какъ мы уже упоминали, всегда было довольно значительно. Этотъ людъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, составляетъ главный контингентъ для набора войскъ, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ.

Одновременно съ основаніемъ города Верхотурья началъ заселяться русскимъ элементомъ и Верхотурскій уѣздъ. Въ этомъ заселеніи участвовали разные факторы: правительство, верхотурскіе монастыри, священно-и церковно-служители, служилые люди, посадскіе, крестьяне и ямскіе охотники. Помимо дальнѣйшей цѣли обрусенія края, правительство старалось заселять Сибирь, будучи побуждаемо къ тому прежде всего экономическими разсчетами: подвозъ хлѣба изъ Европейской Руси въ сибирскіе города дорого обходился правительству, былъ слишкомъ тяжелою повинностію, хотя и оплачиваемою для областей, на которыхъ возложена обязанность доставлять ежегодно въ Сибирь извѣстное количество разнаго хлѣба, и, наконецъ, этотъ способъ прокормленія сибирскихъ городовъ не всегда былъ вѣренъ. Та-же экономическая нужда заставляла и монастыри и частныхъ лицъ, поселившихся въ сибирскихъ городахъ, заводить пашни, устраивать ни нихъ хутора, изъ которыхъ впослѣдствіи развивались деревни и села. Служилые люди, ружники и оброчники сибирскихъ городовъ, хотя и получали отъ казны хлѣбное жалованье, но послѣднее давалось въ такомъ количествѣ, что однимъ жалованьемъ невозможно было прокормиться человѣку, даже получающему высшій хлѣбный окладъ, а тѣмъ болѣе стрѣльцамъ, казакамъ и пушкарямъ [1]). Верхотурскіе боярскіе дѣти, стрѣлецкіе десятники, служилые люди, ружники и оброчники били челомъ Государю, что хлѣбнаго жалованья въ 1602 г. «не стало до сроку» и они принуждены были занимать хлѣбъ изъ государевыхъ житницъ [2]). Но не всегда и царскія житницы аккуратно пополнялись хлѣбомъ; напримѣръ, въ 1608 году не было довезено въ Верхо-

---

[1]) Боярскія дѣти получали хлѣбнаго жалованья въ годъ по 10 ч. ржи, или около 50 пудовъ, стрѣльцы, казаки и пушкари по 5 ч., или около 25 пудовъ.

[2]) А. И., т. II, № 41.

турье разнаго хлѣба 629 четвертей; пока объ этомъ предметѣ шла переписка, а верхотурцамъ приходилось жить впроголодь. Случалось еще хуже и не одинъ разъ. Въ 1609 году тобольскій воевода писалъ въ Пермь, что «служилые всякіе люди бьютъ челомъ о денежномъ и хлѣбномъ жалованьи безпрестанно, а дать имъ нечего; денегъ и хлѣба на 1609 г. съ Руси не прислано, а въ казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ... Отъ служилыхъ людей всѣхъ городовъ докука великая, а говорятъ, приходя къ намъ: только-де имъ хлѣбнаго жалованья не будетъ и имъ всѣмъ отъ голоду съ женами и дѣтьми брести на Русь, а сибирскіе города и остроги покинуть, чтобы имъ съ голоду не помереть...»

Нечего уже и говорить, сколь сибирскіе города страдали отъ недостатка хлѣба во время междуцарствія! Изъ грамоты князя Пожарскаго, писанной изъ Ярославля къ верхотурскимъ воеводамъ, видно, что въ 1610 и 1611 годахъ въ сибирскіе города съ Вятки, съ Выми, съ Устюга Великаго и Сольвычегодской денегъ и хлѣба ничего не прислано. Вслѣдствіе этого, по указу всей земли, верхотурскому воеводѣ велѣно, если на 1612 годъ не будетъ прислано хлѣба, то всякихъ тѣхъ городовъ торговыхъ людей, которые пріѣдутъ въ Верхотурье, схватывать «и доправить» на нихъ хлѣбные запасы и деньги [1]). Если ружники часто голодали, то тѣмъ болѣе должны были чувствовать недостатокъ хлѣба тѣ, которые не получали изъ казны хлѣбнаго жалованья. Нужно замѣтить, что до 1609 года торговые люди подъ опасеніемъ конфискаціи товара не смѣли торговать хлѣбомъ въ Сибири и, значитъ, тамошнимъ жителямъ приходилось или отправляться за покупкою хлѣба за Уральскій хребетъ, или обращаться къ царскимъ житницамъ; но тотъ и другой способъ пріобрѣтенія хлѣба былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Только Царь Василій Ивановичъ, по жалобѣ служилыхъ людей въ упомянутомъ году, разрѣшилъ въ сибирскихъ городахъ свободную торговлю хлѣбомъ [2]). Всѣ эти вышеуказанныя обстоятельства заставили и правительство

---

[1]) А. И., т. II, №№ 94 и 337; А. А. Э., т. II, № 101.

[2]) А. А. Э., т. II, № 141.

и частныхъ лицъ заниматься хлѣбопашествомъ, заселять удобныя мѣста земледѣльческимъ людомъ и мы видимъ, что уже въ первой четверти XVII вѣка по всему Верхотурскому уѣзду возникаютъ русскія поселенія.

Одновременно съ основаніемъ Верхотурья правительство поселило около Верхотурскаго острога нѣсколько крестьянскихъ и посадскихъ дворовъ, которые составляли, такъ называемую, «Жилецкую слободу». Разныя обязанности несли жители этой слободы: крестьяне должны были обработывать государству пашню, находившуюся подъ городомъ, и дѣлать, по тогдашнему выраженію, «разныя издѣлія» —приготовлять солодъ, муку крупу, толокно, возить дрова, дѣлать вѣники для бань, драть лыка, собирать сѣно, отправлять обязанности житничныхъ цѣловальниковъ, рубить амбары, суда и т. п. Хотя нѣкоторыя изъ «издѣлій» и были оплачиваемы царскою казною, но тѣмъ не менѣе они входили въ кругъ натуральныхъ повинностей, отъ которыхъ крестьяне не могли отказаться. Посадскіе люди закупали хлѣбъ въ царскія житницы, оцѣнивали ясачную казну вмѣстѣ съ торговыми людьми, служили въ таможенныхъ и заставныхъ головахъ и т. д. Наконецъ, съ 1624 года они обложены еще были оброкомъ въ разныхъ размѣрахъ—по рублю, по 50 к., «смотря по животомъ и семьянитости» [1]). Но какъ посадскіе, такъ и крестьяне верхотурскіе занимались торговлею и обработывали «собинную» пашню, которою они надѣлялись за отправленіе вышеозначенныхъ повинностей. Мы выше упомянули, что въ 1605 году Жилецкая слобода внесена въ острогъ и такимъ образомъ пашенные крестьяне сдѣлались городскими жителями и были «присудны», какъ и посадскіе, къ городу. Но въ то-же время они составляли особую Подгороднюю волость и въ актахъ называются «подгородними пашенными крестьянами». Это названіе ввело въ заблужденіе Словцова и дало поводъ думать, что не позже 1623 года подъ Верхотурьемъ основана особая Подгородняя слобода. Упомянувъ объ основаніи этой слободы, почтенный историкъ Сибири замѣчаетъ: «руководитель Миллеръ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, л. 185.

относитъ основаніе этой слободы къ половинѣ XVII в.; но, какъ Сулешовъ упоминаетъ о ней въ своемъ распорядкѣ, надлежало ей существовать прежде» [1]). Дѣйствительно, Миллеръ въ своей «Сибирской исторіи» говоритъ, «что при Верхотурьѣ около сего времени (1648 г.) построено предмѣстье, кое составляютъ дворы, стоящіе на южной сторонѣ рѣки Туры, противъ города, и называется Зарѣчною слободою. Къ заведенію сего предмѣстья», продолжаетъ онъ, «подала поводъ церковь, которую городскіе жители на противолежащемъ берегу рѣки во имя Одегитрія Пресв. Богор. построили» [2]). Изъ этой выписки видно, что Миллеръ говоритъ объ основаніи какого-то предмѣстья въ половинѣ XVII в., которое въ его время называлось Зарѣчною слободою, но не о Подгородней слободѣ. Подобной слободы не было, какъ и не основывалось въ половинѣ XVII в. никакого предмѣстья подъ Верхотурьемъ. Но, какъ далѣе мы увидимъ, на южномъ берегу Туры противъ Верхотурья еще въ началѣ XVII вѣка и служилые люди, и посадскіе, и пашенные верхотурскіе крестьяне вслѣдствіе тѣсноты въ городѣ и ради пашни ставили дворы, количество которыхъ въ половинѣ XVII вѣка столь увеличилось, что городскіе жители просили о постройкѣ тамъ церкви; т. е., существованіе тамъ дворовъ, принадлежащихъ разнымъ жителямъ Верхотурья подавало поводъ къ основанію церкви, а не наоборотъ, какъ предполагаетъ Миллеръ.

Итакъ, мы будемъ говорить о развитіи Подгородней волости, а не Подгородней слободы. Зерномъ, изъ котораго развилась Верхотурская Подгородняя волость, были тѣ самые крестьяне, которые поселились въ Верхотурьѣ. Обработывая государеву пашню, они въ то-же время заводили и свои собственныя. Но какъ ближайшія къ городу земли частію отошли подъ государеву пашню, частію были заняты ямщиками, посадскими и служилыми людьми, то большинству крестьянъ приходилось искать удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества вдали отъ города, заводить тамъ, такъ называемыя, «отъѣзшія пашни». При этомъ они мало стѣснялись разстояніямъ и захватывали земли подъ пашню за

---

[1]) «Истор. Обозр. Сибири», изд. 2-е, стр. 22.

[2]) «Ежемѣс. Соч.» 1764 г., стр. 506.

50, за 100 и болѣе верстъ отъ Верхотурья. Тоже, впрочемъ, и вслѣдствіе того же обстоятельства принуждены были дѣлать и другого рода верхотурскіе жители—-посадскіе и служилые люди: не всѣхъ же могла удовлетворить подгородняя земля! Тѣмъ болѣе, что количество удобной для хлѣбопашества земли подъ самымъ Верхотурьемъ было довольно ограничено: къ сѣверу отъ города почва была каменистая, а къ югу покрыта дремучими лѣсами, и только къ западу и востоку возможно было съ успѣхомъ заниматься хлѣбопашествомъ. Поэтому уже въ 1612 г. верхотурскіе ямщики, пашенные и торговые люди били челомъ русскимъ воеводамъ- -Трубецкому и Пожарскому, чтобъ ихъ пожаловали урочищемъ пашенными землями по рѣкамъ Тагилю и Мулгаю, потому что «подъ городомъ-де имъ пахать негдѣ». «И мы», писали упомянутые воеводы къ воеводѣ верхотурскому, «по совѣту всей земли велѣли имъ тѣ земли дать на пашню и въ половники припущать». Это урочище, какъ объявили сами челобитчики, находилось отъ Верхотурья верстъ за 50, но въ 1599 году торговые жилецкіе люди просили о пожалованіи имъ земли по сю сторону Уральскаго хребта, именно, по рѣкѣ Косвѣ и впадающимъ въ нее притокамъ, чтобы тамъ ставить дворы, амбары и пользоваться разными угодьями. Правительство охотно удовлетворяло подобныя челобитныя и верхотурскіе жители въ короткое время заняли громадное пространство земли въ своемъ уѣздѣ. Одно условіе требовалось при этихъ пожалованіяхъ, чтобы земли просимыя до того времени никому не принадлежали, были землями вольными [1]).

На занятыхъ пашняхъ верхотурцы ставили дворы, въ которыхъ поселяли своихъ свойственниковъ, или гулящихъ людей въ качествѣ половниковъ, и только немногіе жили тамъ сами; напримѣръ, по первой дозорной книгѣ изъ верхотурскихъ жителей только десять человѣкъ посадскихъ людей жили по своимъ деревнямъ, а остальные имѣли дворы въ самомъ городѣ. Названіе «деревня» не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно количества населенія въ нихъ: это скорѣе хутора, состоящіе изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ и

---

[1]) А. И., т. II, №№ 28 и 341.

принадлежащихъ бо́льшею частію одному семейству. Но эти хутора были зерномъ, изъ котораго развились цѣлыя села. Семейство вслѣдствіе естественнаго размноженія увеличивалось; нѣкоторые члены выдѣлялись, строили отдѣльные дворы, и хутора такимъ образомъ разростались. На такое происхожденіе сибирскихъ селъ указываетъ и то, что жители этихъ селъ иногда носятъ одну фамилію. Кромѣ того, правительство постоянно наказывало верхотурскимъ воеводамъ прибирать крестьянъ на государеву пашню «изъ охочихъ людей», давая имъ льготу и подмогу. Новоприбранные или селились въ деревняхъ прежнихъ верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ, или основывали свои деревни. Но какъ старые, такъ и новые крестьяне обязаны были обработывать за право пользованія землею государеву пашню; при этомъ тѣ крестьяне, которые обработывали пашню, находящуюся подъ городомъ, и составляли Подгороднюю волость, а сами крестьяне назывались «подгородними», хотя бы они жили за сто верстъ отъ города.

Къ концу первой четверти XVII вѣка эта волость состояла изъ слѣдующихъ крестьянскихъ деревень:

Деревни при р. Турѣ:	Число дворовъ.
Ивашки Савельева Бутакова . . .	1
Демки Евсюгина	1
Семейки Мартемьянова	1
Оксенки Бабинова	1
Бориски Пѣтухова	3
Ивашки Бутакова	
Пиминки Ѳедотова	1
Микитки Вагина	1
Захарки Смольянина	
Худяка Пурегова	1
Терешки Жолобова	1
Шестака Удинцова	2
Семейки Удинцова	2
Ѳони Пѣтухова	1
Ерзовка (при рѣкѣ Ерзовкѣ) . . .	6
Д. Кунашева	1

Матвѣя Смольянина 5
Рычки Иванова 1
Ѳедьки Щапова 2
Митки Худорошкова 2
Митки Трубина 3
Оксенки Загоинова 2
Сереги Загоинова 2
Бр. Литовскихъ (озеро Литовское) . 3
Бр. Литовскихъ (ibid.) 3
Ѳѳоньки Таскина 2
Мартемьянова 1
Еремки Загоинова 1
Меркуши Ѳедотова 3
Васьки Лаптева 2
Овери Шилова 1
Ивашки Черемнаго 1

При р. Піѣ:

Ивашки Чеснокова 2
Васьки Зыряна 1
Тренки Таскина 3
Левки Борзунова 1

При р. Салдѣ:

Сергушки Нифонтова 2
Лентовскаго Савки 1
Путинцевыхъ (5 братьевъ) 2
Семейки Кутакова 1
Васьки Жернокова 2
Балакиныхъ 1
Васьки Боровскаго 1
Ромахи Петрова 3

Всѣхъ деревень въ 1624 году въ Подгородней волости было 44, 2 починка и 6 пустошей, а въ деревняхъ 80 дворовъ, въ которыхъ жило 102 человѣка, кромѣ женщинъ и дѣтей. Кромѣ того, на лѣвомъ берегу Салды, ниже деревни

братьевъ Балакиныхъ, находился погостъ, а при погостѣ храмъ во имя Прокопія Устюшскаго и три двора, принадлежащихъ церковному причту.

Крестьяне вышеупомянутыхъ деревень пахали на себя «доброй земли» 750 ч. въ полѣ..., что̀ составляло 30 вытей, такъ какъ въ это время въ Верхотурскомъ уѣздѣ въ выть полагалось 25 ч. въ полѣ...; за тѣми же крестьянами было—пашни въ починкахъ 145 ч., перелогу 1079 ч. и сѣнныхъ покосовъ на 13,425, копенъ. За пользованіе этой землей и угодьями подгородніе крестьяне должны были обработать государевой пашни, находящейся подъ городомъ, по двѣ десятины за каждую выть, итого 60 десятинъ: но ни пашни въ починкахъ, ни перелогъ, ни покосы не «верстались» въ выти.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что каждый крестьянинъ пользовался землей, какъ собственностію и соотвѣтственно величинѣ своего участка обработывалъ извѣстное количество государевой пашни: если его участокъ равнялся выти, то онъ долженъ обработать на Государя 2 десятины, если— четверть выти, то половину десятины и т. д. Но въ то-же время нѣкоторые крестьяне имѣли общую пашню, которая называлась «артельной пашней», потому что она обработывалась сообща и сообща за нее крестьяне пахали на Государя, а равнымъ образомъ имѣли и общія деревни. Такъ, что наряду съ личнымъ землевладѣніемъ встрѣчается и общинное; только въ Подгородней волости послѣдняго рода земель было очень мало [1]).

Не всѣ вышеупомянутыя деревни имѣли будущность: многія изъ нихъ скоро послѣ основанія уничтожились вслѣдствіе того, что владѣльцы бросили тамъ пашни, находя невыгоднымъ обработывать оныя, и заводили пашни въ другихъ, болѣе плодородныхъ мѣстахъ. Но нѣкоторыя деревни развивались и встрѣчаются въ концѣ XVII вѣка на атласѣ Ремизова, въ половинѣ XVIII вѣка въ спискахъ деревень, составленныхъ Миллеромъ, и въ настоящее время.

Далѣе мы не можемъ слѣдить за возникновеніемъ деревень въ Подгородней волости,—для этого у насъ нѣтъ матеріала. Но относительно увеличенія количества людей въ этой волости мы

---

1) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. №№ 4 и 5.

можемъ сообщить вполнѣ точныя свѣдѣнія. Такъ въ 1632 г. въ Подгородней волости старыхъ пашенныхъ крестьянъ было 131 человѣкъ, у нихъ дѣтей, братій и племянниковъ 52 человѣка, пашни на Государя они пахали 85 десятинъ [1]); въ 1633 году въ той же волости было 99 человѣкъ, дѣтей, братій и племянниковъ 52 человѣка, да новоприборныхъ 2 человѣка [2]); въ 1640 и 41 годахъ въ спискахъ пашенныхъ крестьянъ Подгородней волости показано одинаковое количество людей—98, дѣтей, братій и племянниковъ 42 человѣка, новоприборныхъ 3 человѣка [3]); наконецъ, въ 1645 г. подгородних крестьянъ было 109 человѣкъ, дѣтей, братій и племянниковъ 41 чел., пашни на Государя пахали 73 десятины, да вновь прибрано 4 чел. [4]). Изъ этой росписи, какъ и изъ другихъ данныхъ, просмотрѣнныхъ нами въ архивѣ, видно, что количество пашенныхъ крестьянъ въ Подгородней волости въ это время увеличивалось главнымъ образомъ «новоприборными изъ охочихъ людей». Воеводы ежегодно прибирали и сажали на государеву пашню новыхъ крестьянъ по одному человѣку, по 2, а иногда и по 10 человѣкъ; эти новоприборные крестьяне ставили свои дворы или въ деревняхъ старыхъ крестьянъ или же основывали собственныя деревни. Если же иногда замѣчаемъ уменьшеніе пашенныхъ крестьянъ въ этой волости, то это было или вслѣдствіе бѣгства крестьянъ, или перехода изъ пашенныхъ въ оброчные, или наконецъ количество пашенныхъ крестьянъ уменьшалось отъ того, что само правительство выселяло часть ихъ въ другія мѣста. Напримѣръ, въ 1632 году пашенныхъ крестьянъ было 131 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году 99 человѣкъ. Воевода въ «росписи государевой подгородней пашни» объясняетъ эту убыль тѣмъ, что одинъ крестьянинъ сбѣжалъ, 10 вышло на оброкъ, а 21 человѣкъ съ женами и дѣтьми посланы въ Томскъ [5]). Въ 1645 году количество оброчныхъ крестьянъ въ Подгородней

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 35.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 41.
[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6132/88, л. № 519, кн. № 43.
[4]) Ibid., кн. № 203.
[5]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 41.

волости было уже 14, а всѣхъ крестьянъ, исключая дѣтей, свойственниковъ и женщинъ 127 человѣкъ. Такимъ образомъ, Подгородняя волость состояла главнымъ образомъ изъ деревень по рѣкѣ Турѣ, но нѣкоторые крестьяне той же волости имѣли деревни по Салдѣ и Піѣ. Другіе пашенные крестьяне, старые верхотурскіе и новоприборные заняли земли по Тагилю и Невьѣ съ ихъ притоками и основали тамъ свои деревни. И такъ, какъ они обработывали государевы пашни, находящіяся при рр. Тагилѣ и Невьѣ, то назывались тагильскими и невьянскими.

По Тагилю и его притоку Мулгаю начали возникать поселенія съ 1612 года и такимъ же образомъ, какъ и въ Подгородней волости. Прежде всего, конечно, основали тамъ свои деревни пашенные крестьяне, которые жили въ Верхотурьѣ, а потомъ уже новоприборные крестьяне изъ охочихъ людей; при этомъ нѣкоторые изъ послѣднихъ основали деревни при Турѣ, Салдѣ и Піѣ и все-таки причислялись къ тагильскимъ крестьянамъ.

По дозорной книгѣ 1624 года [1]), Тагильскую волость составляли слѣдующія деревни пашенныхъ крестьянъ:

Деревни при р. Тагилѣ:	Колич. дворовъ.
Ѳомина	1
Кандрошки Калинина	1
Меньшичка Молодого	1
Лошкино	3
Балакина Ивашки	2
Бр. Пуреговыхъ	2
Болотова Ляри	2
Дементьева	1
Дедюхина	2
Борисова Панка	1
Черепанова	1
Онисимова	2
Чапурина	1
Гаврилкова	1

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, л. 238.

Матвѣя Берсенева 2
Якуньки Берсенева 1
Леонтьева 1
Ортемьева 1
Гаева 4
При р. Піѣ: Заплатина 2
Цыпелева 1
Ѳедькина 1
При р. Салдѣ: Жернокова Васьки . . 3
— Нырьѣ: бр. Горсткиныхъ . . 5
При р. Мулгаѣ: Роисина 1
Богдашки Топаркова 2
Ѳедьки Губа (рѣчка Губина) . . . 2
Константинова 1
Бѣлоусова (рѣчка Бѣлоусовка) . . . 2
Гаврилки Берсенева 2
Похалуева 1
Ѳомкина 2
Новгородцкова 1
Самойлика Рычкова 4
При р. Турьѣ: Овчинникова 3
— Корчемкина 2

Всего деревень тагильскихъ пашенныхъ крестьянъ было 36, дворовъ въ нихъ 65, за ними пашни доброй земли 625 ч. въ полѣ..., или 25 вытей, перелогу 800 ч., сѣна на 8,780 копенъ, а государевой пашни они обработывали 50 десятинъ, по 2 десятины на выть.

Въ центрѣ Тагильской волости, на правомъ берегу Тагила, при рѣчкѣ Булихѣ находился монастырь съ храмомъ во имя Преображенія Господня и придѣломъ въ честь святого Михаила. Трудно сказать, когда здѣсь возникъ монастырь, а еще труднѣе опредѣлить время его закрытія. Можно только полагать, что этотъ монастырь основанъ не ранѣе 1612 года, такъ какъ русскія поселенія при Тагилѣ начали появляться, какъ мы упомянули выше, именно съ этого времени. Архіепископъ Кипріанъ въ 1621 г. послалъ въ этотъ монастырь игумена Авраамія и съ нимъ старца строителя Варлаама. По до-

зору Тюхина въ Тагильскомъ монастырѣ было 6 келій: одна для игумена, другая для строителя и четыре келіи для нищихъ, но о простыхъ монахахъ въ дозорной книгѣ 1624 года не упоминается. А вмѣсто того въ томъ же документѣ находимъ извѣстіе, что на монастырскомъ дворѣ были два двора, принадлежащихъ бѣлому духовенству—священнику и дьячку, дворъ просфорницы и дворъ крестьянина. Существованіе бѣлаго духовенства указываетъ уже на то, что здѣсь, кромѣ монастыря, находился и погостъ. Но послѣ 1624 года мы ни въ одномъ документѣ не встрѣчаемъ упоминанія о Тагильскомъ монастырѣ и кажется онъ покончилъ свое существованіе вслѣдствіе набѣга на Тагильскую волость калмыковъ въ 1625 году. Слѣдствіемъ этого набѣга, между прочимъ, было то, что на Тагильскомъ погостѣ, по просьбѣ крестьянъ Тагильской волости, построенъ въ томъ же году острожекъ, а съ основаніемъ острожка здѣсь начали селиться крестьяне и образовали Тагильское село [1]). Нѣсколько ниже отъ Тагильскаго монастыря, по рѣкѣ Тагилѣ, находилась еще деревня Архангельскаго Устюжскаго монастыря, въ которой жили старецъ Захей и слуга его. Относительно дальнѣйшаго развитія вышеупомянутыхъ деревень мы не можемъ судить за отсутствіемъ соотвѣтственнаго матеріала; но о количествѣ населенія во всей Тагильской волости въ 1624 г. и о постепенномъ его увеличеніи до 1645 года можемъ здѣсь сообщить точныя статистическія данныя за нѣсколько лѣтъ.

Въ Тагильской волости было:	Колич. двор.	Людей.	Государевой пашни.
Въ 1624 году	65	103	50 дес.
» 1626 » [2])	89	134	55 »
» 1633 » [3])	124	175	88 »
» 1639 » [4])	108	175	78 »

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477; А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6306/262, л. 232.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 10.
[3]) Ibid., кн. № 35.
[4]) Ibid., Столб. № 6306/262, л. 232.

« 1641 » [1])	115	166	73½ »
« 1645 » [2])	113	152	75 »

Въ 1639 году пашенныхъ крестьянъ въ Тагильской волости показано менѣе, чѣмъ въ 1633 г. Это потому, что въ 1634 году правительство переселило изъ этой волости въ Томскій и Красноярскій остроги 24 семейства, а 9 семействъ вышли на оброкъ [3]). Въ 1645 году такихъ оброчныхъ дворовъ въ Тагильской волости уже 11; они уплатили въ этомъ году оброчнаго хлѣба 151 четверт. ржи и 136 четвертей овса. Стало быть, всѣхъ крестьянскихъ дворовъ въ этой волости въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича было 124.

Нѣсколько позже начали колонизоваться рѣки Невья или Нейва и Рѣжъ съ ихъ притоками, и поселенія здѣсь возникали въ первое время исключительно по распоряженію правительства. Совершенно несправедливо говоритъ Миллеръ, что начало Невьянской слободы въ 1619 г. положилъ извѣстный Артемій Бабиновъ, тотъ самый, который проложилъ верхотурскую дорогу [4]). Дѣйствительно, онъ въ 1619 г. билъ челомъ Государю, «чтобъ Государь пожаловалъ ему землю по Кривѣ рѣкѣ, вверхъ р. Ницы, ниже устья рѣки Рѣжъ десять верстъ и чрезъ гору по Кривѣ рѣкѣ до камени десять верстъ на льготу на пять лѣтъ, пашенными мѣстами и рыбными ловлями, и сѣнными покосами владѣть и пашенныхъ крестьянъ на то мѣсто призывать». Но, во-первыхъ, здѣсь идетъ рѣчь о пожалованіи земли ниже устья рѣки Рѣжъ и по рѣкѣ Ницѣ, между тѣмъ какъ Невьянская слобода возникла нѣсколько выше, именно при р. Невьѣ за устьемъ рѣки Рѣжъ. Во-вторыхъ, едва только Бабиновъ съ товарищами поселился на пожалованной землѣ, какъ инородцы Туринскаго острога подали Царю жалобу, что Бабиновъ съ товарищами завладѣлъ ихъ вотчиною: «звѣри, лоси, соболи и лисицы бьютъ, а въ рѣкахъ бобровъ выбиваютъ, рыбу ловятъ, хмѣль дерутъ и имъ государева ясака нынѣ и впредь добы-

---

[1]) Ibid., Столб. № 6132/88, л. 519.
[2]) Ibid., кн. № 195, л. 64.
[3]) Ibid., кн. № 41.
[4]) «Ежем. Соч.» 1764 г., стр. 484.

вать стало негдѣ и они въ конецъ погибли...» По этой жалобѣ въ 1620 году Царь велѣлъ верхотурскому воеводѣ Милославскому сыскать, что если инородцы давно владѣютъ тою землею, которую захватилъ Бабиновъ, то отдать ее прежнимъ владѣльцамъ [1]). Чтó инородцы были удовлетворены, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и деревень Бабинова по дозорной книгѣ 1624 г. мы здѣсь не встрѣчаемъ. Невьянская слобода возникла совсѣмъ инымъ путемъ и не въ 1619 г., а въ 1621 г. Но, кажется, несомнѣнно то, что дѣло Бабинова имѣло отношеніе къ основанію этой слободы. По поводу его правительство узнало, что на устьѣ Рѣжъ есть прекрасная земля, на которой можно завести государеву пашню, и прислало туда въ 1621 году для поселенія пашенныхъ крестьянъ 41 семейство, набранныхъ въ казанскихъ дворцовыхъ селахъ. Изъ этихъ «переведенцевъ» 10 семействъ поселились на южномъ берегу Нейвы и основали Невьянскую слободу, а другіе «переведенцы» поселились вверхъ по Невьѣ и Рѣжѣ и основали нѣсколько деревень:

	Колич. дворовъ.
Деревня при Ключѣ . . :	10
» » Рѣжѣ	5
» Ѳильки Вылежанина . . .	3
» Куземкино	5
При р. Невьѣ: Елань	6

Всего при Невьѣ и Рѣжѣ казанскихъ переведенцевъ была слобода и 5 деревень, людей въ нихъ было 41 человѣкъ, а дѣтей, братій и племянниковъ 85 человѣкъ. Пахотной доброй земли они имѣли въ 1624 году 20 вытей, или 512 четвертей въ полѣ, сѣна косили 5,900 копенъ. Да въ томъ же 1621 г. Ѳедоръ Таракановъ прибралъ изъ охочихъ людей на льготу 47 семействъ, изъ которыхъ 4 семейства поставили дворы въ Невьянской слободѣ, а 21 семейство основали слѣдующія деревни.

---

1) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. № 1.

		Колич. дворовъ.
По рѣкѣ Невьѣ и ея притокамъ:	Патрикѣева	1
» » » » »	Кабакова	2
» » » » »	Сизикова	2
» » » » »	Сизикова	1
» » » » »	Смольникова	1
» » » » »	Трифонова	2
При рѣкѣ Тагилѣ » »	Переванова	2
» » » » »	Гуляинова	1
» » » » »	Маркова	2
» » » » »	Гуляинова	1
» » » » »	Ортюшки Маркова	1
» » » » »	Васькина	1
» » » » »	Ѳедькина	1
При рѣкѣ Рѣжѣ » »	Ячменова	2
» » » » »	Елизаровыхъ	1

Въ этихъ 15 деревняхъ въ 1624 г. дворовъ было 21, а людей въ нихъ—26 человѣкъ; пашни они на себя пахали 7½ вытей, а на Государя—15 десят. въ полѣ... Остальные крестьяне изъ прибранныхъ Таракановымъ частію поселились въ Тагильской волости, а частію разбѣжались.

Невьянская слобода съ вышеупомянутыми деревнями составляли новую волость въ Верхотурскомъ уѣздѣ—Невьянскую; всего народонаселенія въ ней, кромѣ женщинъ и дѣтей, въ 1624 году было 165 человѣкъ [1]). Но хлѣбородныя земли и разныя угодья привлекли новыхъ поселенцевъ на Невью и Рѣжъ и Невьянская волость довольно скоро увеличила свое населеніе на-столько, что стала многолюднѣе Подгородней и Тагильской волостей. Уже въ 1625 году въ Невьянской волости основалась новая слобода «на безводныхъ поляхъ на рѣкѣ Невьѣ, выше старой слободы»... Первыми поселенцами въ этой слободѣ было 58 человѣкъ изъ «охочихъ людей», прибранныхъ верхотурскимъ боярскимъ сыномъ Ѳедоромъ Бужениновымъ, а въ слѣдующемъ году еще прибрано 29 человѣкъ. Эти пашенные крестьяне получили на 4 года льготы 139½ рублей въ

---

1) А. М. Ю. Сиб. Пр., книги №№ 4 и 5.

подмогу и 364 рубля ссуды. Этой суммы тогда было вполнѣ достаточно для перваго хозяйственнаго обзаведенія. Въ 1626 г. крестьяне Невьянской волости били челомъ Государю, чтобъ имъ было разрѣшено поставить въ слободѣ острогъ «для приходу отъ калмыцкихъ людей» [1]). Разрѣшеніе дано, но неизвѣстно въ какомъ году построенъ былъ острогъ; несомнѣнно только то, что острогъ поставленъ въ новой Невьянской слободѣ, что̀ «на безводныхъ поляхъ». Слободскіе остроги представляли собою небольшія деревянныя крѣпостцы—вокругъ саженъ 40 или 50, а защитниками ихъ были въ первое время служилые люди, временно присылаемые изъ городовъ. Но подобныя посылки скоро были отмѣнены и временные защитники замѣнены постояннымъ войскомъ, состоящимъ изъ бѣломѣстныхъ казаковъ. Эти служилые люди набирались бо́льшею частію также изъ «охочихъ людей», но они служили въ острожкахъ не за жалованье, а «съ пашни», т. е. за свою службу получали земельный надѣлъ и за пользованіе послѣднимъ не платили никакихъ податей. Около 1635 года въ Невьянскомъ острожкѣ было 17 бѣломѣстныхъ казаковъ, а вооруженіе заключалось въ 4 пищаляхъ затинныхъ, полковой мѣдной пищали и 27 пищаляхъ солдатскихъ со всѣми необходимыми принадлежностями [2]). Какъ ни ничтоженъ былъ этотъ острожекъ, но онъ все-таки пугалъ калмыковъ и нагайцевъ; населеніе Невьянской волости стало болѣе увѣреннымъ въ своей безопасности, и крестьянскія деревни при Невьѣ и Рѣжѣ все болѣе и болѣе заселялись охочими людьми. Въ 1632 году въ Невьянской волости уже было 186 дворовъ, людей въ нихъ 350 человѣкъ; пашни государевой они обработывали 183 десятины въ полѣ... [3]). Но въ слѣдующемъ году изъ невьянскихъ крестьянъ 32 человѣка съ женами и дѣтьми были отправлены въ Томскій, Енисейскій и Красноярскій остроги [4]). И послѣ мы встрѣчаемъ переводы изъ Невьянской волости въ разныя отдаленныя мѣста Сибири, но тѣмъ не менѣе количество пашен-

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6440/40.

[3]) Ibid., книга № 35.

[4]) Ibid., книга № 41.

ныхъ крестьянъ въ ней годъ отъ году увеличивалось: въ 1639 г. невьянскихъ крестьянъ было 231 дворъ; людей въ нихъ 359, да вновь прибрано 54 человѣка; въ 1641 г.—277 дворовъ [1]). Наконецъ, въ 1645 году всего взрослаго населенія мужского пола въ Невьянской волости было 423 человѣка; государевой пашни они обработывали 200 десятинъ въ полѣ [2]). Кромѣ того, при р. Невьѣ, выше Невьянской слободы, съ 1622 года началъ строиться монастырь старцемъ Серапіономъ. Но постройка подвигалась очень медленно: къ 1624 году по дозору Тюхина строитель срубилъ только 12 вѣнцовъ храма Преображенія Господня, да поставилъ келью и клѣть. Однако земли захвачено было Серапіономъ очень много: доброй пахотной земли у него было 9 ч., сѣнныхъ покосовъ на 300 копенъ, перелогу на 500 ч., да отъ рѣчки Тетери по рѣчку Моленку онъ занялъ «чистыхъ мѣстъ» на 10 верстъ. Этотъ монастырь впослѣдствіи назывался Богоявленскимъ, потому что построенный Серапіономъ храмъ освященъ не во имя Преображенія Господня, какъ предполагалось, а во имя Богоявленія.

Доселѣ мы говорили о слободахъ и деревняхъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, основанныхъ или переведенцами изъ Европейской Руси, или новоприбранными изъ охочихъ людей, или же верхотурскими крестьянами. Послѣднимъ въ 1624 г. принадлежало 20 деревень, такъ-что почти каждое семейство имѣло свою деревню; но и другіе обитатели Верхотурья, а равнымъ образомъ ямщики и монахи, поселившіеся около Верхотурскаго острога, были виновниками возникновенія многихъ деревень въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Ихъ колонизаціонная дѣятельность имѣла тотъ же характеръ, шла тѣмъ же путемъ и начиналась въ то-же время, какъ и верхотурскихъ крестьянъ, и они сначала основывали деревни по Турѣ, Салдѣ, а съ 1612 года по Тагилю и Мулгаю или Мугаю.

По дозору Тюхина у верхотурскихъ всякихъ служилыхъ людей и подъячихъ были слѣдующія деревни по Турѣ и ея притокамъ.

---

[1]) Ibid., книга № 128, Столб. 6132/88, л. 524.
[2]) Ibid., книга № 203, л. 80—91.

		Дворовъ.
Деревня	Завыянки Матвѣева . . .	1
»	Ивашки Долгаго	1
»	Ѳедьки Дегтерева	1
»	Степанки Пахалуя	1
»	Степанки Михайлова . . .	1
»	братьевъ Глазуновыхъ. . .	1
»	Ѳедьки Вискунова	1
»	Васьки Каргополова . . .	1
»	вдовы Елтышевой	1
»	Лари Путинцева	1
»	Окулы Михайлова	1
»	Посника Тимофеева (при Салдѣ)	1
»	Васьки Кокшарова (при Тагилѣ)	1
»	Ивана Спицына (тамъ же) .	1
»	Подъячего Карпова (тамъ же).	1
»	Васьки Лаптева (при Шайтанкѣ)	1
»	Трифона Дьяконова (при Юрѣ)	1

Кромѣ того, два стрѣльца имѣли дворы съ пашнями въ деревняхъ пашенныхъ крестьянъ, пять человѣкъ имѣли пустоши и одинъ—починокъ; всего служилые люди пахали доброй земли 218 ч. въ полѣ...., сѣна косили 4,300 копенъ, да перелогу имѣли 253 ч.

Деревни посадскихъ людей.

		Дворовъ.
Деревни при	Турѣ: Гаврилки Смокотина . .	1
» » »	вдовы Русаковой	1
» » »	Ѳедьки Чаплина	1
» » »	Овчинникова	2
» » »	Герасимкова	2
» » »	Серебряникова.	1
» » »	Прокофьева.	1
» » »	Шубина	2
» »	Отраднѣ: Ѳедьки Отраднаго . . .	2
» » »	Меркушева.	1
» »	Тагилѣ: Цыпелева	2
» » »	Толмачева	2

Деревни при Салдѣ:	Кошкова	1
» » »	Сизикова	1
» » »	Глазунова	3

Во всѣхъ этихъ деревняхъ по дозору Тюхина было 23 двора, а людей 30 человѣкъ. Пашни за ними въ деревняхъ и починкахъ было 339 ч., перелогу—387, сѣнныхъ покосовъ—на 5,670 копенъ. За пользованіе пашнями и угодьями посадскіе люди съ 1623 г. начали платить «пятинный снопъ».

Верхотурскіе священники также имѣли свои деревни:

1) Деревня Троицкаго священника (при рѣкѣ Турѣ).
2) » Воскресенскаго священника Ларіона (при Тагилѣ).
3) » Воскресенскаго священника Авдѣя (тамъ же).

Верхотурскому Никольскому монастырю принадлежало двѣ деревни: одна при рѣкѣ Турѣ, другая при рѣчкѣ Юрѣ, да подъ монастыремъ—пашня и дворъ, въ которомъ жилъ Ѳедька Прянишникъ. Всей пашни за монастыремъ въ 1624 году было 41 ч. въ полѣ..., перелогу—70 ч., сѣнныхъ покосовъ—на 660 копенъ. Въ деревняхъ жили монастырскіе половники: въ первой 3 человѣка, а во второй 2. За пользованіе землей монастырь платилъ «пятинный снопъ».

Теперь скажемъ о Ямской слободѣ и о деревняхъ, основанныхъ верхотурскими ямщиками. Ямская слобода начала строиться не ранѣе 1600 года. Съ проложеніемъ Бабиновской дороги ямскую службу отъ Верхотурья до Соликамска вначалѣ отправляли лялинскіе вогуличи. Послѣдніе еще въ 1599 году жаловались Царю, что всякіе служилые люди берутъ у нихъ лишнія подводы и просили избавить ихъ отъ этой тягости. Борисъ Ѳедоровичъ въ томъ же году указалъ впредь съ инородцевъ подводъ не брать и велѣлъ устроить по верхотурской дорогѣ ямы [1]). Но изъ одной челобитной самихъ верхотурскихъ ямщиковъ видно, что они начали отправлять ямскую службу только съ 1601 года [2]). Въ 1600 году ямщики, въ количествѣ 50 семействъ, были уже въ Верхотурьѣ и оттуда били Царю

---

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр., кн. 2, л. 183.
[2]) А. И., т. III, № 78.

челомъ, чтобы дать имъ льготы отъ ихъ должниковъ на три года, а они въ тѣ льготные годы построятъ себѣ дворы и пашни заведутъ. Царь пожаловалъ и велѣлъ верхотурскому воеводѣ «не давать въ эти льготные годы на нихъ суда и управы ни въ какихъ долгахъ» [1]). За ямскую службу ямщики сначала получали на пай по 20 руб. денегъ и по 12 четвертей ржи и овса, но едва только они завели свою пашню, какъ хлѣбное жалованье было совсѣмъ отнято, а денежное уменьшено до 7 рублей. Между тѣмъ тягость ихъ службы по мѣрѣ увеличенія дорогъ отъ Верхотурья все болѣе и болѣе возростала. Въ 1619 г. они жаловались: «гоняютъ они всякія службы зимнія и лѣтнія ежедневно на 6 дорогъ на Соликамскъ, на Чусовую, на Епанчинъ, на Пелымь, на Лялю, на Тагиль верстъ по 400 и 500 и отъ тѣхъ многихъ дальнихъ службъ лошадьми опали и одолжали великими долгами, женъ и дѣтей позакладывали и многіе ихъ товарищи разбрелись» [2]). И дѣйствительно, въ слѣдующемъ году верхотурскихъ ямскихъ охотниковъ осталось только 39 человѣкъ, а одиннадцать сбѣжали неизвѣстно куда. Царь велѣлъ прибавить жалованье ямщикамъ и на мѣсто выбывшихъ прибрать новыхъ, но охотниковъ не нашлось, а изъ старыхъ ямщиковъ еще бѣжало 5, такъ-что къ 1624 г. осталось на ямской службѣ изъ 50 только 34 человѣка. Верхотурскіе ямщики за ямскую службу, кромѣ денежнаго жалованья, получали земельный надѣлъ подъ самою слободой по чети въ полѣ на человѣка, да за рѣкою Калачикомъ по 2 ч. въ полѣ... Но эти земли не отличались плодородіемъ и ямщики, бросивъ ихъ, заняли въ 1612 году пашни по Тагилю, Мулгаю и въ другихъ мѣстахъ, и основали тамъ свои деревни. По дозору Тюхина верхотурскіе ямщики въ 1624 г. имѣли слѣдующія деревни:

	Дворовъ.
При Турѣ: Максима Вычегжанина . .	1
» Ахтаѣ: Елтынцева	1
» » Пятибратова	1

[1]) Ibid., № 35.
[2]) Ibid., № 78.

При Салдѣ:	Ѳефилова	1
» Тагилѣ:	Яковлева	1
» »	Кишкина	1
» »	Ерзовка	4
» »	Махнева.	9
» »	бр. Переваловыхъ. . . .	3
» »	Ощенковыхъ	2
» »	Чапуриныхъ	1
» »	Анисимкова.	4
» Мулгаѣ:	Гаврилова	1
» »	Ѳефиловыхъ	1
» »	Комарова	1
» Рѣжѣ:	Поткина	2

Въ этихъ 16 деревняхъ было въ 1624 году 34 двора, людей съ дѣтьми и братій 65 человѣкъ; пашни за ними было: пахатной 478 ч. въ полѣ, перелогу 410 ч., сѣнныхъ покосовъ на 6,300 копенъ. Между тѣмъ нѣсколько ранѣе изданъ указъ, по которому каждый ямщикъ надѣлялся 7 ч. въ полѣ и только съ этой пашни не платилъ «пятиннаго снопа». Но по дозору Тюхина за ямщиками оказалось пашни болѣе противъ положеннаго на 61 ч., поэтому съ этой послѣдней они обязаны были платить выдѣльной снопъ.

Всего въ Верхотурскомъ уѣздѣ въ 1624 году было двѣ слободы и 149 деревень, а взрослаго мужского населенія въ городѣ и уѣздѣ было 1,273 чел. Къ этому числу нужно прибавить захребетниковъ, половниковъ и бобылей, которыхъ въ это время было 49 челов. Всякого чина люди обработывали своей пашни 2,220 ч. въ полѣ..., а на Государя пашенные крестьяне пахали 166 десятинъ въ двухъ поляхъ; сѣна косили верхотурцы на себя 49,315 копенъ, да на Государя пашенные крестьяне косили по 2 копны съ десятины [1]).

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ о заселеніи Верхотурскаго уѣзда слѣдуетъ, что это заселеніе происходило главнымъ образомъ посредствомъ основанія хуторовъ; въ первой дозорной

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. №№ 4 и 5.

книгѣ упоминаются только двѣ слободы—Ямская и Невьянская. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ матеріала, чтобы прослѣдить какъ дальнѣйшее развитіе уже существующихъ хуторовъ, такъ и возникновеніе новыхъ въ этомъ уѣздѣ. Имѣющійся у насъ подъ руками матеріалъ исключительно относится до основанія правительствомъ слободъ въ разныхъ мѣстахъ. Къ обозрѣнію этого рода заселенія Верхотурскаго уѣзда мы теперь и перейдемъ. Мы уже упомянули, что въ 1625 году выше старой Невьянской слободы построена новая Невьянская слобода, и въ томъ же году возникъ Тагильскій острогъ. Но нѣсколько ранѣе, именно съ 1624 года, начала заселяться рѣка Ница. Здѣсь уже существовало земледѣліе, которымъ занимались туринскіе татары, а потому при заселеніи этой рѣки возникали постоянныя распри между русскими и инородцами. Еще въ 1619 году, какъ мы упоминали, основалъ на Ницѣ около устья Рѣжи нѣсколько дворовъ Артемій Бабиновъ съ товарищами, но эти русскіе поселенцы по жалобѣ татаръ были согнаны верхотурскимъ воеводой. Тѣмъ не менѣе въ 1623 г. правительство велѣло тобольскому воеводѣ основать здѣсь государеву пашню и на ее перевести изъ Тобольска и Тюмени ссыльныхъ людей, а равнымъ образомъ велѣло призывать «охочихъ» на льготу, на два года и давать подмоги на человѣка по 10 рублей денегъ, по 5 четвертей ржи, по чети ячменя, по 4 ч. овса и по три пуда соли [1]). Новая слобода заложена при рѣкѣ Ницѣ, именно между впадающими въ нее рѣчками Кожею и Ключевкою. Такъ какъ строителемъ былъ верхотурскій слободчикъ Ощепковъ, то и слобода называлась Ощепковою-Ницинскою, а первыми ея обитателями были 12 человѣкъ ссыльныхъ, переведенныхъ изъ Тобольска и Тюмени. Въ 1626 году эти поселенцы били челомъ: «какъ-де они посланы изъ Тобольска и Тюмени на Ницу въ крестьяне и въ ту пору дано имъ государева жалованья подмоги денегъ по 11 рублей съ полтиной и они на тѣ деньги купили лошадей дорогою цѣною—по 6 и 7 рублей и больше за лошадь и съ тѣхъ купленныхъ лошадей и съ иного, кто что купитъ или про-

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477.

дастъ берутъ на нихъ въ Тюмени и въ Туринскѣ пошлину и Государь бы ихъ ницинскихъ крестьянъ пожаловалъ для ихъ скудости, для новой селидьбы и для роспашки государевой пашни, не велѣлъ у нихъ съ тѣхъ купленныхъ лошадей и съ иныхъ товаровъ брать пошлинъ...» Государь пожаловалъ, не велѣлъ съ нихъ брать въ теченіи двухъ лѣтъ пошлины съ купли и продажи, если доведется имъ купить или продать «не великое», стоимостью не свыше пяти рублей [1]). Но не смотря на хорошую подмогу и льготы, упомянутые крестьяне недолго жили въ новой слободѣ. Въ 1626 году кончились льготные годы и ницинскіе крестьяне должны были обработывать государеву пашню; въ началѣ того же года въ Ницынскую слободу присланъ прикащикъ, боярскій сынъ Степанъ Молчановъ, для суда и расправы надъ крестьянами и для надзора за пашней. Вѣроятно онъ слишкомъ усердно началъ радѣть о государевой прибыли, положилъ большія пашни на крестьянъ, что послѣдніе подняли бунтъ, убили Молчанова и бросили его въ воду. Въ убійствѣ прикащика участвовало одиннадцать человѣкъ и всѣ они по государеву указу были сосланы въ Кузнецкій и Томскій остроги, а 12-й еще ранѣе самъ сбѣжалъ неизвѣстно куда. Верхотурскій воевода, донося въ Москву о Ницынскомъ бунтѣ и другихъ крестьянскихъ бунтахъ, просилъ разрѣшенія строго наказывать бунтовщиковъ, а если, замѣчалъ онъ, «по твоему государеву указу не будутъ они наказаны, то и впредь отъ нихъ чаять еще больше того дурна, потому что въ Сибири мужики схожіе изъ разныхъ городовъ отъ всякаго воровства бѣгаючи» [2]). Такимъ образомъ, Ницынская слобода осталась безъ крестьянъ. Снова велѣно бирючамъ «кричать не одинъ день», призывать пашенныхъ крестьянъ на государеву пашню въ эту слободу и въ томъ же 1626 году явилось 12 человѣкъ новыхъ поселенцевъ. Затѣмъ годъ отъ году поселеніе Ницынской слободы увеличилось и въ 1630 году въ ней было 76 семействъ пашенныхъ крестьянъ [3]). Развитію этой

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 1, св. 31.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., ст. № 6078/34; А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. 1.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., № 6202/158; А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 2.

слободы способствовало, между прочимъ, и то, что въ это время была проложена новая сухопутная дорога, кратчайшая изъ Туринска къ Верхотурью, которая шла чрезъ разныя слободы и въ томъ числѣ чрезъ Ницынскую на Тагиль; по новой дорогѣ начали ѣздить служилые, торговые и промышленные люди, отъ которыхъ жители имѣли не малый доходъ. Для сбора государевой пошлины, «съ тутошнихъ и проѣзжихъ людей» въ Ницынской слободѣ основана таможня, а опасность отъ непріятельскихъ нападеній «Кучумовыхъ внучатъ» заставило правительство построить тамъ острожекъ. Съ построеніемъ таможни и острожка въ Ницынской слободѣ появились цѣловальники и служилые люди бѣломѣстные казаки, которыхъ около 1635 года было уже 30 человѣкъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и количество крестьянскаго населенія значительно увеличилось: въ 1637 году пашенныхъ крестьянъ въ этой слободѣ было 144 человѣка, государевой пашни обработывали 87 десятинъ [2]) Кромѣ массы хлѣба, Ницынская слобода доставляла правительству много и другихъ доходовъ, такъ что ницынскому прикащику велѣно завести «смѣтныя книги», въ которыя писать всякіе доходы по статьямъ» [3]).

Для примѣра приведемъ изъ смѣтной книги 1637 г. данныя относительно государевыхъ денежныхъ доходовъ и расходовъ въ этой слободѣ. Прежде всего читаемъ въ этой книгѣ, что отъ прошлаго года на нынѣшній 1637 годъ осталось за всякими расходами 56 р. 28 к. На 1637 годъ помѣчено взять (соотвѣтственно сбору прошлаго года) всякихъ пошлинъ 79 руб. 9 к., а взято 140 руб. 57 к.

Съ судныхъ дѣлъ взято . .	3 р.	9 к.
Съ ницынскихъ мельницъ. .	36 »	69 »
Явчаго съ пива и браги . .	3 »	60 »
Съ зелейнаго откупа . . .	3 »	-- »

Всего доходу въ 1637 году собрано 186 р. 95 к., а израсходовано за тотъ же годъ: разнымъ людямъ за службу 72 р.,

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6440/40.

[2]) Ibid., кн. № 93.

[3]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 76.

да мелкихъ расходовъ, какъ напримѣръ на чернило, бумагу и т. п. 3 рубля. Такимъ образомъ, доходъ болѣе чѣмъ вдвое превосходилъ расходъ и къ слѣдующему году съ остатками отъ прошлаго года въ государевой казнѣ было 162 р. 79 к. [1]). Послѣ 1637 года населеніе Ницынской слободы не только не увеличилось, но даже значительно уменьшилось, такъ-что въ 1640 году старыхъ пашенныхъ крестьянъ осталось только 68 человѣкъ [2]). Это уменьшеніе объясняется во-первыхъ тѣмъ, что правительство переселяло ницынскихъ крестьянъ въ другіе уѣзды, во-вторыхъ, слободчики прибирали въ этой слободѣ крестьянъ въ другія слободы и, наконецъ, въ-третьихъ, нѣкоторые крестьяне сами выходили изъ Ницынской слободы и основывали на своихъ пашняхъ собственныя деревни. Такъ, въ 1639 году изъ этой слободы выселился Мишка Зырянинъ съ четырьмя товарищами и основалъ деревню на Ключѣ—Ключевку, которая впослѣдствіи стала называться по имени основателя «Зырянскою». Въ слѣдующемъ году въ этой деревнѣ уже было 17 крестьянскихъ дворовъ, изъ нихъ пять дворовъ переселились туда изъ слободы Рудной [3]). Тѣмъ не менѣе плодородныя земли и разныя угодья при рѣкѣ Ницѣ привлекли новыхъ поселенцевъ въ Ницынскую слободу и крестьянское населеніе послѣдней въ 1645 году состояло уже изъ 120 дворовъ, а людей въ нихъ было 144 человѣка взрослаго мужского пола. Но количество государевой пашни, обработываемой ницынскими крестьянами, значительно уменьшилось: въ 1645 году эти крестьяне пахали на государя только 48 десятинъ въ полѣ..., тогда какъ восемь лѣтъ назадъ они обработывали государевой пашни 87 десятинъ въ полѣ... Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что бо́льшая часть ницынскихъ крестьянъ недавно поселилась въ этой слободѣ и пользовалась еще льготными годами [4]). Къ западу отъ Ницынской-Ощенковой слободы при рѣкѣ Ницѣ въ 1630 году основана была слобода Рудная

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 87.

[2]) Ibid, кн. № 43.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., № 6132/88.

[4]) А. М. Ю. Сиб. Прик., кн. № 203, л. 101.

Поводомъ къ ея основанію послужило открытіе въ 1628 году желѣзной руды въ одномъ болотѣ, находящемся на южномъ берегу рѣки Ницы. Правительство, узнавъ объ этомъ, велѣло построить тамъ желѣзный заводъ, а для работъ на немъ поселить при рѣкѣ Ницѣ нѣсколько крестьянскихъ семействъ; прибранные крестьяне, въ количествѣ 16 семействъ, и положили начало Рудной слободы. Жители этой слободы обязаны были работать на заводѣ съ 1 сентября по 9 мая и за это время выдѣлать 400 п. желѣза; зато они освобождались отъ всякихъ податей и повинностей, пользовались землей, не платя за нее обычнаго «пятиннаго снопа», да еще получали денежнаго жалованья въ годъ по 5 руб. [1]). Однако трудъ на заводѣ былъ столь тяжелый, что крестьяне при первомъ удобномъ случаѣ бросали слободу и разбѣгались въ разныя стороны [2]). Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относительно количества населенія въ Рудной слободѣ послѣ 1630 г., потому что жители оной, благодаря своему особенному положенію, не писались ни въ «спискахъ пашенныхъ крестьянъ», ни въ «ужимныхъ», ни въ «смѣтныхъ книгахъ хлѣбныхъ запасовъ»,—а эти книги суть единственные, сохранившіеся до насъ отъ того времени документы, по которымъ мы можемъ судить о населеніи той или другой слободы.

Вскорѣ послѣ Рудной возникла слобода Ирбитская. Въ 1632 году по указу царя верхотурскій слободчикъ Иванъ Спицынъ прибралъ отчасти изъ «охочихъ людей», а отчасти въ другихъ слободахъ отъ отцевъ дѣтей, отъ братіи братьевъ, отъ дядей племянниковъ, 20 человѣкъ крестьянъ и поселилъ ихъ при устьяхъ рѣки Ирбеи или Ирбита, съ тѣмъ, чтобы они обработывали основанную здѣсь государеву пашню. Прибранные крестьяне получали «подмогу» по 10 р. за десятину и льготу на два года. Но этимъ крестьянамъ не пришлось обработывать государевыхъ десятинъ: едва только минули льготные годы, какъ они били челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ брать съ нихъ оброчный хлѣбъ, вмѣсто обработки пашни. Государь пожаловалъ, и ирбитскіе крестьяне должны были за пользованіе

---

[1]) Ibid., Столб. № 6076/32, л. 175.

[2]) Ibid., Столб. № 6132/88, л. 798.

землей съ каждой 1/2 выти доставлять ежегодно въ царскія житницы по 20 четвертей ржи и 20 ч. овса, да за сѣнные покосы и за всякія «годовыя издѣлія» по 5 ч. ржи [1]). Не смотря на значительный оброкъ, которымъ были обложены ирбитскіе крестьяне, Ирбитская слобода развивалась довольно быстро: чрезъ восемь лѣтъ послѣ ея основанія въ ней старыхъ и новоприбранныхъ крестьянъ было уже 85 человѣкъ [2]), а въ 1645 году однихъ вышедшихъ изъ льготы крестьянъ было 82 человѣка, платившихъ оброку 570 четвертей ржи и 712 четвертей овса, т. е. съ каждаго человѣка (двора) собиралось въ государевы житницы разнаго хлѣба почти по 63 мѣры, да новоприбранныхъ крестьянъ въ этомъ году въ Ирбитской слободѣ было 15 человѣкъ [3]). Около 1640 года въ этой слободѣ построенъ острожекъ, а для защиты его прибраны бѣломѣстные казаки, которыхъ въ 1645 году было 25 человѣкъ.

Отъ Ирбитской слободы, лежавшей около устья рѣки Ирбита, нужно различать слободу Усть-Ирбитскую, заложенную на рѣкѣ Бобровкѣ, при впаденіи послѣдней въ Ирбитъ. Въ «Спискѣ съ чертежа Сибир. земли 1672 г.» она зовется «Усть-Ирбитскою, что̀ на р. Бобровкѣ» и разстояніе ея отъ Ощенковой-Ницынской слободы показано тамъ 20 верстъ [4]). Но впослѣдствіи слободы съ подобнымъ названіемъ мы не встрѣчаемъ ни на атласѣ Ремезова, ни въ спискахъ Миллера; по всей вѣроятности она стала называться «Бобровою» по имени рѣчки, при которой была основана. Объ основаніи Усть-Ирбитской слободы мы можемъ привести «изъ книги верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ» слѣдующія свѣдѣнія: «въ 1642 г. въ верхотурскомъ уѣздѣ на Усть-Ирбитѣ заведена новая слобода, въ которую съ 1642 года по 1646 годъ призвано на оброкъ 18 человѣкъ со льготою на 6 лѣтъ, а какъ льготные годы кончатся, имъ платить государевъ оброчный хлѣбъ каждому съ десятины (т. е. съ 1/2 выти) по 20 четвертей ржи и по 25 четвертей овса».

---

[1]) Ар. М. Ю. Сиб. Прик., кн. № 43.
[2]) Ibid., кн. № 203, л. 107.
[3]) Ibid., кн. № 195.
[4]) «Временникъ» 1849 г., кн. 3.

Чрезъ два года послѣ основанія Усть-Ирбитской слободы въ 20 верстахъ отъ послѣдней, на правомъ берегу рѣки Ирбита, возникла слобода Бѣлослудская. Строителемъ ея былъ прикащикъ Ирбитской слободы Василій Муравьевъ, а первыми обитателями были 8 крестьянъ, прибранныхъ этимъ прикащикомъ изъ охочихъ людей на оброкъ со льготою на шесть лѣтъ, затѣмъ въ слѣдующіе два года прибрано на тѣхъ же условіяхъ еще 62 крестьянина. По прошествіи льготныхъ лѣтъ, упомянутые крестьяне должны были платить оброчнаго хлѣба въ государевы житницы 310 ч. ржи и 387 ч. овса [1]).

Въ концѣ же царствованія Михаила Ѳедоровича въ верхотурскомъ уѣздѣ возникли слободы Арамашевская на Рѣжѣ, Мурзинская и Краснопольская на Невьѣ. Впрочемъ, Миллеръ относитъ основаніе первой слободы къ болѣе раннему времени—къ 1631 г. или 32 году [2]). Правда, въ одной отпискѣ тобольскаго воеводы отъ 1639 года Арамашевская слобода упоминается уже существующею въ это время [3]), но зато ни въ «росписяхъ» сбора государева хлѣба, ни въ «спискахъ» крестьянъ Верхотурскаго уѣзда мы не встрѣчаемъ до 1641 года этой слободы. Можно думать, что она основана именно въ 1639 году и что часть крестьянъ изъ 38 семей, прибранныхъ въ этомъ году въ Невьянскую, Ницынскую и Арамашевскую слободы, и были первыми поселенцами въ послѣдней. Въ 1645 году въ ней было уже 32 человѣка, пахавшихъ государевой пашни 14 десятинъ въ полѣ... [4]). Вскорѣ послѣ основанія Арамашевской слободы, въ ней построенъ острогъ, въ которомъ было казаковъ въ 1645 году 16 человѣкъ.

Одновременно съ Арамашевской слободой возникла и Мурзинская при рѣкѣ Невьѣ. Основателемъ ея былъ верхотурскій боярскій сынъ Андрей Бужаниновъ; въ 1639 году онъ прибралъ туда на оброкъ 40 человѣкъ крестьянъ и построилъ церковь [5]),

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 195.
[2]) «Ежемѣс. Соч.» 1764 г., стр. 495.
[3]) А. И., т. III, № 211.
[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 203, л. 94.
[5]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II.

а въ 1645 году въ этой слободѣ вышедшихъ изъ льготы крестьянъ было 45 человѣкъ, да новоприбранныхъ 8 человѣкъ [1]).

Въ самомъ концѣ обозрѣваемаго нами періода, именно въ 1645 году, начала строиться въ верхотурскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Вилюѣ, впадающей въ Невью, Краснопольская слобода; тотъ же Бужаниновъ прибралъ и первыхъ ея обитателей—10 человѣкъ крестьянъ [2]).

Кромѣ того нужно замѣтить, что съ проложеніемъ Бабиновской дороги по ней въ разныхъ мѣстахъ устроены были караулы съ таможнями, около которыхъ къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича образовались небольшіе поселки крестьянъ, изъ которыхъ впослѣдствіи разрослись значительныя села. Такихъ карауловъ на новой дорогѣ было три: первый построенъ былъ на рѣкѣ Лялѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ новая дорога пересѣкала эту рѣку; второй при пересѣченіи тою же дорогою р. Павды, впадающей въ Лялю; третій подъ названіемъ «Ростесъ» поставленъ по бабиновской дорогѣ, на горахъ, которыя отдѣляютъ Сибирь отъ Россіи. Эти караулы построены не позже 1600 года и поводомъ къ основанію ихъ послужило слѣдующее обстоятельство. Новою дорогою воспользовались торговые и промышленные люди, но чтобы не платить десятины съ своихъ товаровъ, они еще 1598 года, дойдя до того мѣста на Лялѣ, гдѣ нужно переѣзжать эту рѣку, остановились и начали торговать съ здѣшними инородцами. Узнавъ объ этомъ, верхотурскій голова послалъ за ними стрѣльцовъ, чтобы они шли для торговли въ Верхотурье, но русскіе купцы отказались ѣхать въ городъ и, не заплативъ никакой пошлины, возвратились за камень [3]). Тогда-то вѣроятно и рѣшено было построить упомянутые караулы съ таможенными постами, на которыхъ собирались пошлины со всякихъ проѣзжихъ людей и куда собирались инородцы для торговли съ русскими купцами. Изъ «приходной верхотурской книги» 1627 года видно, что подобная торговля происходила на Лялинскомъ и Росте-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 182, л. 284.

[2]) Архивъ М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II.

[3]) Архивъ М. Ю. Сиб. Прик., кн. № 2, л. 160.

скомъ караулахъ: въ 1627 году на Лялинскомъ караулѣ взято пошлины 8 р. 10 к., а на Ростескомъ 13 р. 7 к. При этихъ караулахъ образовались впослѣдствіи села: Караульное, Павдинское и Ростесъ. При послѣднемъ караулѣ еще въ 1627 г. жило нѣсколько крестьянъ, но въ слѣдующемъ году они, какъ доносилъ верхотурскій голова, разбѣжались отъ разбойниковъ [1]). Подобное происхожденіе имѣетъ Чусовская слобода, возникшая на Чусовой дорогѣ, гдѣ былъ построенъ караулъ и таможня и гдѣ уже въ 1624 году была деревня одного верхотурскаго пашеннаго крестьянина, и Кошайское село, образовавшееся изъ Кошайскаго караула. Постройка послѣдняго вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. При рѣкѣ Неглѣ, впадающей въ Сосву, по указанію одного вогула, найденъ соляной ключъ и построена тамъ варница. По первому опыту казалось, что «варничное дѣло» будетъ имѣть успѣхъ: уже въ 1602 году солеваръ Ворошиловъ выварилъ 313 пудовъ соли [2]). Но этой варницѣ постоянно угрожали непріятельскія нападенія сосѣднихъ инородцевъ, а потому тамъ велѣно устроить караулъ. Въ 1605 году варница дѣйствіе свое прекратила, потому что расходъ по эксплоатаціи здѣшняго соляного ключа не окупался результатами самаго дѣла, но караулъ остался, такъ какъ въ это время мимо Сосвы съ Верхотурья на Пелымъ проложена была дорога и по ней начали ѣздить торговые и промышленные люди. Для сбора пошлинъ съ торговли, возникшей между русскими людьми и сосвинскими вогулами, при Кошайскомъ караулѣ построена таможня, которая въ 1627 году доставила въ казну 16 р. 20 коп. пошлиннаго сбора; ту же сумму въ этомъ году дала и Чусовская таможня [3]).

Заселяя верхотурскій уѣздъ русскимъ элементомъ, Московское правительство при этомъ прежде всего преслѣдовало экономическія цѣли, стремилось развить земледѣліе по ту сторону Уральскаго хребта, чтобы Сибирь могла имѣть свой мѣстный хлѣбъ. Теперь интересно знать, на-сколько эта цѣль была

---

[1]) Ibid., Столб. 6063/19.

[2]) А. И., т. II, № 39.

[3]) Архивъ М. Ю. Сиб. Прик., Столб. № 6063/19, л. 192.

достигнута въ обозрѣваемый нами періодъ? Громадные расходы, затрачиваемые казною на пашенныхъ крестьянъ, окупались ли ихъ земледѣльческою дѣятельностью на государевыхъ пашняхъ? Приведемъ нѣкоторыя данныя изъ современныхъ документовъ, касающихся верхотурскаго уѣзда, изъ разныхъ «смѣтныхъ книгъ хлѣбныхъ запасовъ» и «книгъ ужимныхъ», чтобы судить объ успѣхахъ земледѣлія въ этомъ уѣздѣ. Но предварительно считаю нужнымъ замѣтить, что вышеупомянутыя книги были заведены въ Сибири только въ концѣ первой четверти XVII вѣка, а потому и свѣдѣнія наши относительно состоянія хлѣбопашества въ этомъ краѣ будутъ относиться только къ позднѣйшему періоду, именно, ко второй половинѣ царствованія Михаила Ѳедоровича; болѣе раннихъ документовъ, касающихся этого предмета, мы не встрѣчали. Правда, еще въ 1619 году государь указалъ, чтобы сибирскіе воеводы составили описи городовъ, остроговъ, селъ и деревень съ подробнымъ означеніемъ жителей оныхъ, ихъ промысловъ, ихъ занятій, а равнымъ образомъ, чтобы и на будущее время составляли ежегодныя смѣты хлѣбныхъ и денежныхъ доходовъ и расходовъ и «именные списки» пашенныхъ крестьянъ, но воеводы не спѣшили съ этимъ дѣломъ, даже не смотря на повторительные указы. Только съ прибытіемъ въ Тобольскъ въ качествѣ воеводы боярина Юрія Сулешова въ 1623 году и по его распоряженію сибирскіе воеводы въ 1624 году составили «дозорныя книги», а съ 1625 года начали ежегодно составлять «смѣтныя книги хлѣбныхъ и денежныхъ доходовъ и расходовъ» и «именные списки пашенныхъ крестьянъ». Тотъ же Сулешовъ издалъ подробное «уложеніе», которымъ точнѣе опредѣлено: a) количество государевой пашни, которую долженъ обработать пашенный крестьянинъ за пользованіе землей и разными угодьями, b) сборъ «пятиннаго хлѣба» съ непашенныхъ людей и c) количество разныхъ пошлинъ со всякихъ торговъ и промысловъ. Послѣ этого «уложенія» размѣръ государевой пашни въ Сибири и количество выдѣльнаго хлѣба съ «непашенныхъ людей», какъ равнымъ образомъ и сборы разныхъ пошлинъ, значительно увеличились. Уложеніе Сулешова имѣло большое вліяніе на развитіе земледѣлія въ Сибири; си-

бирскіе воеводы «пашенныхъ городовъ» съ этого времени начинаютъ доносить въ Москву, что «въ Сибири теперь заведена государева пашня большая, а прежде была малая», и что «сибирскіе всякихъ чиновъ люди пашутъ на себя пашни предъ прежнемъ большія». Крестьяне съ этого времени преимущественно стали заниматься хлѣбопашествомъ, тогда какъ прежде они болѣе обращали вниманіе на разные промыслы.

Для примѣра возьмемъ 1628 годъ и посмотримъ сколько собрано за этотъ годъ въ верхотурскомъ уѣздѣ разнаго хлѣба въ государевы житницы, а по этому сбору можно судить и вообще о состояніи хлѣбопашества въ этомъ уѣздѣ. Всего съ государевой пашни въ трехъ волостяхъ: Подгородней, Тагильской и Невьянской въ 1628 году собрано 4,489 четвертей ржи и 6,959 четвертей овса. По моему разсчету урожай былъ—ржи самъ 10, овса—самъ 8, да выдѣльнаго хлѣба со всякихъ людей взято 930 четв. ржи, 112 четв. ярицы и пшеницы, 392 четв. овса. Между тѣмъ вышло въ расходъ съ 1 сентября 1628 года и по 1 сент. 1629 году на жалованье ружникамъ, оброчникамъ и служилымъ людямъ ржи 462 четверти, овса 248 четвертей, сѣмянъ на государевы пашни—ржи 494 чет. и овса 1,125 чет. [1]). Такимъ образомъ, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, въ государевыхъ житницахъ оставалось еще значительное количество хлѣба; большую половину остатка верхотурскій воевода отослалъ въ другіе сибирскіе города [2]). Затѣмъ, съ увеличеніемъ государевой пашни въ верхотурскомъ уѣздѣ увеличился и сборъ хлѣба, такъ-что, напримѣръ, въ 1640 году изъ Верхотурья отправлено въ Тобольскъ мѣстнаго хлѣба 15 тысячъ четвертей [3]). Въ одной Невьянской волости въ этомъ году со 192 десятинъ собрано ржи и овса 6,092 четверти, т. е. съ десятины почти по 32 четверти, и при этомъ верхотурскій воевода замѣчаетъ, что «хлѣба получилось менѣе противъ опыта, потому что во время молотьбы хлѣбъ былъ еще зеленъ [4]).

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6063/12, л. 31.
[2]) Ibid., книга № 18.
[3]) Ibid., Столб. № 6138/94, л. 612.
[4]) Ibid., Столб. № 6132/88, л. 733.

Тѣмъ не менѣе верхотурскіе воеводы постоянно жаловались на недородъ хлѣба на государевыхъ пашняхъ и этотъ недородъ объясняли тѣмъ, что «крестьяне пашутъ государевы десятины подъ озимое и яровое смѣсно, а не въ три поля, какъ въ дворцовыхъ селахъ московскихъ городовъ...., а только-де пахать сряду и на ту пашню скотъ пускать и навозъ возить невозможно и хлѣба будетъ недородъ». Правительство обратило вниманіе на это обстоятельство и въ 1635 году велѣло разверстать государевы пашни въ три поля, но это распоряженіе исполнено было только въ 1640 году [1]). И какъ велика была разница въ сборѣ хлѣба при двухпольной и трехпольной системахъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ Подгородней волости напр. съ 72 десятинъ въ первомъ случаѣ собрано овса 1,430 четвертей, а во второмъ съ этой же пашни умолочено 1,879 четвертей овса [2]). Вообще верхотурскій уѣздъ тогда былъ житницей для Сибири. Конечно, урожаи не во всѣхъ его частяхъ были одинаковы, однако средній урожай въ этомъ уѣздѣ былъ—ржи самъ 10 и овса самъ 12. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ урожаи бывали необыкновенные, напр. въ Ирбитской слободѣ въ 1640 году собрано оброчнаго хлѣба 505 четв. ржи, да куплено въ ней въ томъ же году ржи 927 ч. [3]).

Если теперь обратимъ вниманіе на государевы денежные доходы въ городѣ Верхотурьѣ и его уѣздѣ, то увидимъ, что здѣшнія мѣстныя средства не только покрывали расходъ, но и доставляли значительный излишекъ. Считаемъ не лишнимъ здѣсь указать на самыя доходныя статьи города Верхотурья за 1627 годъ и отмѣтить выдающуюся разницу въ нѣкоторыхъ статьяхъ доходовъ за 1628 годъ [4]).

Съ 1 сентября 1627 г. по 1 сентября 1628 г. собрано:

1) Таможенной пошлины 487 р. 87 к.

2) Отъѣзжей пошлины 513 р. 54 к. (1628 года—1,865 р. 54 к.).

---

[1]) Ibid., лл. 516 и 519.

[2]) А. М. И. Д. Порт. Миллера, № 184.

[3]) А. М. Ю. Спб. Пр., Ст. 6127/83, л. 180.

[4]) Ibid., Ст. № 6063/19, см. «Списокъ съ сѣтныхъ книгъ денежныхъ доходовъ и расходовъ г. Верхотурья 1628 года».

3) Съ государева кабака 455 р. 14 к. (1628 г.—1,071 р.).

4) Явочной пошлины 5 р. 87 к.

5) Съ откупного кабака 13 р.

6) Штрафныхъ съ ярыжныхъ людей за игру въ зернь въ кабакѣ—2 р. 63 к.

7) Банныхъ денегъ 63 р. 78 к.

8) Съ судныхъ дѣлъ и заемныхъ кабалъ 46 р. 33 к.

9) Сѣнныхъ денегъ (продано государева сѣна) 157 р. 81 к. (1628 г.—211 р. 54 к.).

10) Съ холопьихъ кабалъ 14 р.

11) Печатной пошлины 74 р. 81 к.

12. Ярыжныхъ оброчныхъ денегъ 282 р. 34 к. (1628 года—430 руб.).

13) Оброчныхъ денегъ съ бобылей и захребетниковъ 10 р. 84 к.

14) Мельничныхъ и оброчныхъ денегъ 62 р. 66 к.

15) За государево ухоботье и за яровую солому 27 р. 30 к.

16) Амбарной и лавочной пошлинъ 4 р. 37 к.

17) Съ рыбныхъ ловель 6 р. 15 к.

18) Пролубнаго 9 р. 13 к.

19) Оброчныхъ денегъ съ посадскихъ людей 29 р. 48 к.

20) Откупныхъ денегъ съ квасу и харчи 52 к.

21) Поголовныхъ и заповѣдныхъ денегъ и за государеву мякину 25 р. 87 к.

Перечисленныя доходныя статьи показываютъ, что самый крупный доходъ составляли сборы десятой пошлины съ товаровъ и отъѣзжей пошлины съ торговыхъ и промышленныхъ людей. Послѣдняго рода пошлина свидѣтельствуетъ о большомъ торговомъ движеніи чрезъ городъ Верхотурье, стоявшій на бойкомъ мѣстѣ, на большой дорогѣ, ведущей изъ Европейской Руси въ Сибирь и обратно: отъѣзжей или проѣзжей пошлины съ 1 сентября 1628 года по 1 сентября 1629 года взято четырехпроцентнаго сбора (4 к. съ рубля) 1,865 р. 54 коп., это значитъ, что чрезъ верхотурскую таможенную заставу провезено товаровъ болѣ чѣмъ на 46½ тысячъ рублей. Но правительство московское не пренебрегало никакими статьями доходовъ, какъ бы онѣ не были ничтожны: продавало мякину, ухоботье, солому, отдавало на откупъ пролуби, торговлю квасомъ и хар-

чами. Кабакъ какъ вездѣ и всегда, такъ и въ Верхотурьѣ составлялъ очень важную статью казенныхъ доходовъ и въ то-же время былъ величайшимъ зломъ для верхотурскаго населенія и для проѣзжихъ людей. Какъ видно изъ вышеприведенной росписи, верхотурскій кабакъ въ 1628 году доставилъ казнѣ 1,071 рубль—сумму по тому времени довольно большую, свидѣтельствующую о значительномъ развитіи пьянства въ этомъ городѣ. Правительство не только не боролось съ этимъ зломъ, но даже стремилось къ распространенію онаго, какъ показываетъ дѣло о верхотурскомъ кабакѣ. Верхотурскій воевода Никита Петровичъ Борятинскій и его товарищи, видя какъ гибельно дѣйствуетъ царевъ кабакъ на верхотурское населеніе, рѣшили сдѣлать представленіе правительству объ уничтоженіи онаго по примѣру города Тобольска. Въ началѣ 1623 года они писали въ Москву: «Верхотурскіе служилые люди, стрѣльцы, казаки, ямскіе охотники и пашенные крестьяне въ верхотурскомъ кабакѣ многіе пропились и верхотурскіе служилые люди отъ государевой службы многіе отбыли, многіе ямскіе охотники разбрелись, а пашенные крестьяне отъ того же кабака одолжали и обнищали...» На это представленіе верхотурскій воевода съ товарищами получилъ грозную грамоту отъ царя и великаго князя всея Руси Михаила Ѳедоровича. «И все то пишите къ намъ, читаемъ въ этой грамотѣ, не радѣя о нашемъ дѣлѣ, что кабакъ хотите оставити, а кабакъ заведенъ давно на Верхотурьѣ до московскаго разоренія задолго и прежъ васъ многіе наши воеводы на Верхотурьѣ бывали, а о томъ кабакъ къ намъ не писывали; а вамъ, гдѣ было искать предъ прежнимъ во всемъ прибыли, а и старое хотите растерять... и вы, дѣлая лѣностію своею и не хотя намъ служити, пишите къ намъ не дѣломъ, или на то смотрите, что въ Тобольскѣ велѣно кабакъ свесть, и то вамъ не образецъ...».

Радѣя о кабацкихъ доходахъ, правительство, въ то-же время понимало, что оно можетъ потерпѣть большой убытокъ отъ неисправности служилыхъ людей, ямскихъ охотниковъ и пашенныхъ крестьянъ, и поэтому предписало: «унимать отъ пьянства тутошнихъ людей» и заботиться объ увеличеніи продажи вина людямъ проѣзжимъ, «чтобы на верхотурскомъ ка-

бакѣ кабацкихъ денежныхъ доходовъ передъ прежними годами собрати съ прибылью» [1]). Нужно замѣтить, что сумма доходовъ съ верхотурскаго кабака и явочная пошлина далеко не даетъ намъ полнаго понятія объ употребленіи количества вина въ Верхотурьѣ. Дѣло въ томъ, что до 1627 года въ этомъ городѣ не было еще казенной «винной и пивной поварни», а вино и пиво въ верхотурскій кабакъ доставляли по уговору верхотурскіе служилые, посадскіе ямскіе и пашенные люди. «Они курили вино и варили пиво, читаемъ въ одной отпискѣ, у себя по домамъ, въ деревняхъ и по селамъ своими котлами». Само собой понятно, что эти «уговорщики» не все количество выкуриваемыхъ спиртныхъ напитковъ доставляли въ царевъ кабакъ, а значительное количество оставляли для собственнаго употребленія и для тайной продажи; напримѣръ, воевода Гагаринъ доносилъ, что тѣ служилые, посадскіе и пашенные люди и ямскіе охотники, сваря вино, выпивали сами. Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій «уговорщиковъ» тотъ же воевода въ 1627 году отобралъ у всякихъ людей винные котлы и трубы въ царскую казну и устроилъ «винную и пивную пиварню» въ верхотурскомъ острогѣ и запретилъ частнымъ лицамъ курить вино и варить пиво на верхотурскій кабакъ. Правительство вполнѣ одобрило эту мѣру, какъ клонящуюся къ увеличенію дохода съ верхотурскаго кабака и только приказало воеводѣ выдать деньги изъ царской казны за отобранные винные «суды». И впредь царь наказывалъ зорко смотрѣть, «чтобы на Верхотурьѣ и въ верхотурскомъ уѣздѣ винныхъ судовъ ни у кого не было, чтобы чрезъ то нашему верхотурскому кабаку никакой порухи и нашей казнѣ недобору не было» [2]). Приложеніе вышеуказанной мѣры, повидимому, въ первый же годъ дало блестящій результатъ: по смѣтѣ предполагалось доходовъ съ верхотурскаго кабака въ 1628 году 455 р. 14 к., а собрано болѣе чѣмъ вдвое—1,071 р. Воевода по этому поводу замѣчаетъ, что «питуховъ было болѣе» [3]). Но

---

[1]) А. И., т. III, № 122.
[2]) А. И., т. III, № 122.
[3]) А. М. Ю. Спб. Пр., № 6063/19, л. 192.

кажется «питуховъ было болѣе» въ верхотурскомъ кабакѣ въ 1628 г. не вслѣдствіе уничтоженія частнаго винокуренія, а зависѣло отъ бо́льшого количества проѣзжихъ людей чрезъ Верхотурье въ этомъ году; на это ясно указываетъ сумма отъѣзжей пошлины. Но тайное винокуреніе и тайная продажа вина продолжала существовать и борьба съ этимъ зломъ была не по силамъ представителямъ царскихъ интересовъ, а равнымъ образомъ и жалобы верхотурскихъ воеводъ на пьянство всякихъ верхотурскихъ людей встрѣчаются и впослѣдствіи.

Выше мы сообщили роспись казенныхъ доходовъ, исключительно собиравшихся въ городѣ Верхотурьѣ, но и уѣздъ доставлялъ значительную сумму: и тамъ собирались разнаго рода пошлины на караулахъ и на слободскихъ таможняхъ, и тамъ продавалась государева мякина; всѣхъ доходовъ съ верхотурскаго уѣзда въ 1628 г. собрано было 468 р. Если эту цифру сложимъ съ цифрою доходовъ города Верхотурья, то получимъ довольно крупную сумму всѣхъ доходовъ за 1628 г., именно—4,484 рубля, не считая ясака. Между тѣмъ какъ окладныхъ и неокладныхъ расходовъ за тотъ же годъ сдѣлано только на сумму 2,240 рублей: изъ нея уплочено жалованье верхотурскимъ служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ 117 человѣкамъ—569 рублей, да ямскимъ охотникамъ 50 человѣкамъ—750 рублей, а неокладные расходы главнымъ образомъ производились на подмогу крестьянамъ. Вообще въ Верхотурьѣ доходъ значительно превышалъ расходъ: въ 1625 г. въ «смѣтной книгѣ денежныхъ доходовъ и расходовъ» показанъ остатокъ 1,758 р., въ 1627 году 1,065 рублей, въ слѣдующемъ году 2,344 р., а въ 1629 году уже 3,089 рублей [1]). Къ этимъ доходамъ нужно прибавить еще ясачный и поминочный сборы мягкой рухляди съ инородцевъ верхотурскаго уѣзда. Такъ, въ 1628 г. собрано ясака и поминковъ по московской цѣнѣ на 1,227 р. 8 к. [2]); въ слѣдующемъ году—на 977 р. 66 к. [3]); въ 1635 г.—на 671 р. [4]); въ 1644 г.—на 814 р. [5]).

---

[1]) Ibid., л. 195; книга № 8, л. 99.
[2]) Ibid., кн. № 17 л. 34.
[3]) Ibid., кн. № 19 л. 423.
[4]) Ibid., кн. № 61.
[5]) Ibid., кн. № 163.

ГЛАВА III.

Туринскъ и его уѣздъ. (1600—1645 гг.). Основателемъ этого города былъ тюменскій голова Ѳедоръ Яновъ. Въ началѣ 1600 года отъ царя Бориса къ нему послана грамота, которою предписывалось отправиться на рѣку Туру, въ Епанчинъ юртъ съ тобольскими и тюменскими служилыми людьми и основать тамъ ямъ и государеву пашню, а для защиты ямщиковъ и пашенныхъ крестьянъ построить острогъ. Въ этой грамотѣ ясно высказываются мотивы, побудившіе московское правительство къ основанію новаго города при рѣкѣ Турѣ, именно, необходимость устроить ямъ на половинѣ дороги между Верхотурьемъ и Тюменемъ и развитіе здѣсь хлѣбопашества. До того времени ямскую службу на дорогѣ между этими городами несли инородцы Епанчинскаго юрта, но они постоянно жаловались на эту тягость и были неисправны въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно было имъ «не за обычай». Съ другой стороны, попытки правительства завести хлѣбопашество въ пелымскомъ и тарскомъ уѣздахъ дали пока плохіе результаты; не особенно процвѣтало земледѣліе и въ тобольскомъ уѣздѣ. Между тѣмъ, по сообщенію служилыхъ людей, на Турѣ около Епанчинскаго юрта «мѣста угожія, крѣпкія и государеву пашню завести мочно». Но помимо всего этого правительство, кажется, при основаніи туринскаго острога руководилось и стратегическими соображеніями: средина рѣки Туры была совершенно не прикрыта, а между тѣмъ въ Москву уже доходили слухи о враждебныхъ движеніяхъ нагайцевъ, которые съ юга безъ всякаго

препятствія могли дѣлать нападенія на юртъ Епанчина и другія окольныя инородческіе юрты. Верхотурье и Тюмень были слишкомъ отдалены, чтобы могли защищать этихъ ясачныхъ людей. И вышеупомянутая царская грамота къ Янову предупреждаетъ, «чтобы онъ жилъ съ великимъ береженіемъ... и про нагайскихъ людей и про сырянцовъ провѣдывалъ, чтобы нагайскіе люди и сырянцы пришедъ безвѣстно дурна не учинили». Скоро мы увидимъ, что подобныя опасенія Московскаго правительства были не напрасны.

Постройка туринскаго острога совершена была въ томъ же 1600 году, около того мѣста, гдѣ находился юртъ остяцкаго князя Епанчи, именно, при впаденіи рѣки Ялынки въ Туру. Острогъ отличался очень незначительными размѣрами: вокругъ его, даже послѣ расширенія въ 1603 году, было не болѣе 360 сажен. Между тѣмъ въ немъ, помимо разныхъ казенныхъ зданій, должны были поставить свои дворы служилые люди и ямщики. Кромѣ того, въ томъ же году построенъ въ острогѣ храмъ во имя Святыхъ Бориса и Глѣба, а съ Верхотурья присланы священникъ и пономарь, которые также въ острогѣ поставили свои дворы. Вслѣдствіе этого образовалась такая тѣснота, что ямщики били челомъ Государю, чтобы перенести ихъ дворы за острогъ на то мѣсто, гдѣ жилъ Епанча «съ товарищи». Разрѣшеніе было дано и инородцы должны были снести свои юрты и переселиться въ Енбаевъ юртъ, который находился при Турѣ же, за рѣчкой Сибаевкой, отъ туринскаго острога въ пяти тогдашнихъ верстахъ [1]). Такимъ образомъ, около Туринска, на восточной его сторонѣ, на мѣстѣ инородческихъ юртъ въ 1601 году возникла русская Ямская слобода. Вслѣдствіе той же причины и нѣкоторые служилые люди, крестьяне и посадскіе также поставили свои дворы внѣ острога, именно, на западной его сторонѣ и образовали посадъ. Скоро, именно въ 1064 году, и на посадѣ построена была церковь во имя «Покрова Пресвятой Богородицы», при которой въ томъ же году возникъ мужской Покровскій монастырь.

---

[1]) «Описаніе Сиб. Цар.» Миллера, стр. 236 и др. См. гр. Царя Бориса къ Янову отъ 30 января и 12 октября 1600 г., атласъ Ремезова, л. 7.

Что же касается населенія Туринска, то оно въ первый же годъ его существованія было довольно значительно. Съ строителемъ города Ѳедоромъ Яновымъ прибыло 10 тюменскихъ казаковъ и пушкарей, изъ Пелыма, по царскому указу, присланы 10 человѣкъ черкасовъ; верхотурскому воеводѣ велѣно было туда же отправить «лаишевскихъ и тетюшскихъ полоненниковъ и новокрещенцевъ 55 семей, да ямскихъ охотниковъ 6 человѣкъ, да охочихъ пашенныхъ людей сколько приберется и десять человѣкъ стрѣльцовъ» [1]). Въ грамотѣ къ пелымскому воеводѣ отъ 17 апрѣля 1600 г. говорится также, чтобы онъ прислалъ къ Ѳедору Янову пашенныхъ людей, которые переведены изъ Казани. Тою же грамотою предписывается, чтобы пелымскіе пашенные люди «пришедъ въ Епанчинъ... поставили дворы до полые воды и почали пахать государеву пашню сеѣ весны» [2]). Въ 1603 г. въ Туринскъ прислано изъ г. Тары 25 семействъ пашенныхъ крестьянъ изъ казанскихъ, лаишевскихъ и тетюшскихъ «переведенцевъ». Поводомъ къ этому переводу послужило то, что упомянутые крестьяне, какъ доносилъ въ Москву тарскій воевода, «хлѣба себѣ не напахиваютъ, а кормятся изъ царскихъ житницъ». Царь велѣлъ ихъ перевести въ туринскій острогъ «и дать имъ подмоги на дворовое строеніе» по рублю на человѣка [3]). Кромѣ того, воеводѣ Ѳедору Янову и его преемникамъ постоянно наказывалось, «чтобы они прибирали на государеву туринскую пашню охочихъ людей на льготу и давали имъ подмогу сколько пригоже». Неизвѣстно много ли удалось туринскимъ воеводамъ льготою и подмогою привлечь вольныхъ людей на государевы десятины, но уже въ 1605 г. всѣхъ пашенныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ «новоприборными» въ туринскомъ острогѣ было 91 человѣкъ, кромѣ женщинъ, дѣтей и разныхъ свойственниковъ. Такимъ образомъ, не прошло и пяти лѣтъ послѣ основанія этого города, а число «пашенныхъ людей» въ немъ собрано разными

---

[1]) Ibid., см. грамоты.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 1 и 18. См. двѣ гр. Бориса къ пелым. воеводѣ отъ 30 апрѣля и 8 марта 1600 года.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 11, л. 79.

мѣрами довольно значительное. Изъ этого можно видѣть, что правительство особенное вниманіе обращало на развитіе хлѣбопашества въ туринскомъ уѣздѣ и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, его заботы объ этомъ предметѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: почва здѣсь была довольно плодородная и хлѣба съ государевыхъ пашенъ собиралось ежегодно большое количество. Слѣдуетъ однако при этомъ упомянуть, что мѣстность около самаго города оказалась слишкомъ сырою и неблагопріятною для развитія здѣсь скота, по крайней мѣрѣ конскій падежъ бывалъ почти ежегодно и въ теченіе долгаго времени. Уже въ концѣ 1605 года туринскіе крестьяне 91 человѣкъ били челомъ царю Димитрію Ивановичу (самозванцу), что у нихъ на всѣхъ осталось только семь лошадей и имъ «на весну пашню пахать не на чемъ». Царь приказалъ верхотурскому воеводѣ и головѣ: «какъ на Верхотурье посошные люди изъ городовъ съ хлѣбными запасами придутъ и учнутъ лошадей продавать и вы бъ купили у нихъ для нашей пашни лошадей сколько будетъ пригоже по таможенной цѣнѣ... и послали тѣхъ лошадей въ туринскій острогъ, чтобъ наша пашня за лошадьми не стала...» [1]). О служилыхъ людяхъ и ямщикахъ туринскихъ мы уже упоминали; послѣднихъ сразу прибрано значительное количество: въ 1601 году ихъ было 50 семействъ. Относительно туринскихъ посадскихъ и торговыхъ людей намъ не приходилось встрѣчать раннихъ указаній; можно только сказать, что ихъ въ первые два года существованія Туринска не было ни одного, потому что въ общихъ челобитныхъ отъ туринскихъ жителей они не упоминаются. Поэтому, когда торговые посадскіе люди начали появляться въ этомъ городѣ, то бо́льшей части изъ нихъ приходилось селиться за острогомъ, такъ какъ острогъ былъ уже застроенъ.

Ко времени первой переписи Туринскъ уже значительно былъ заселенъ. По дозору письменнаго головы В. Бѣглецова, въ 1624 году, этотъ городъ состоялъ изъ двухъ частей—острога и посада. Замѣчательно, что въ этомъ документѣ мы не находимъ извѣстій ни о стѣнахъ, ни о башняхъ, ни вообще о какихъ-нибудь укрѣ-

[1]) А. М. Ю., «Дѣла верхотур. уѣзд. суда», см. грам. царя отъ 2 янв. 1606 г.

пленіяхъ,—извѣстій о такихъ предметахъ, о которыхъ даютъ столь подробныя указанія дозорщики другихъ сибирскихъ городовъ. Правда, не о всѣхъ городахъ мы сообщаемъ подобныя свѣдѣнія, но это потому, что немногія дозорныя книги дошли до насъ въ полномъ, неиспорченномъ видѣ, чего нельзя сказать о дозорной книгѣ Туринска, составленной Бѣглецовымъ. Но о разныхъ казенныхъ зданіяхъ, дворахъ частныхъ лицъ и о населеніи Туринска въ 1624 г. мы находимъ въ упомянутомъ документѣ самыя точныя указанія. Въ острогѣ въ это время помѣщались: церковь во имя Бориса Глѣба, нѣсколько казенныхъ зданій, какъ съѣзжая изба, тюрьма и др., дворъ воеводскій, два двора причта, два двора подъячихъ, земскій дворъ, дворъ прикащика пашенныхъ крестьянъ, дворы пушкаря, просфорницы, палача и сторожа; дворовъ стрѣлецкихъ 23, торговыхъ и посадскихъ людей 7, пашенныхъ крестьянъ 38 и 9 дворовъ бобылей. На посадѣ: Покровскій монастырь съ 7 келіями, дворъ попа Покровской церкви, дворъ сына боярскаго, дворъ подьячего, дворъ пушкаря, стрѣлецкихъ дворовъ 4, торговыхъ и посадскихъ людей 22, пашенныхъ крестьянъ 74 и два двора бобылей. Всего населенія въ острогѣ и на посадѣ 202 человѣка, исключая женщинъ, дѣтей и разныхъ свойственниковъ; впрочемъ, изъ посадскихъ людей семь человѣкъ жили въ уѣздѣ на своихъ пашняхъ или по подворьямъ. Къ общему числу жителей Туринска нужно еще присоединить гулящихъ людей и ярыжныхъ, которыхъ въ это время было около 40 человѣкъ. Ямская слобода, по дозору Бѣглецова, состояла изъ 43 дворовъ, да восемь ямщиковъ имѣли дворы на своихъ пашняхъ, а всѣхъ ямщиковъ въ 1624 году было 57 человѣкъ [1]).

Относительно дальнѣйшаго развитія населенія города Туринска до 1645 г. мы въ разныхъ документахъ находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Число служилыхъ людей какъ въ первый годъ существованія Туринска, такъ и впослѣдствіи до 1633 г. было одинаковое, именно 30 человѣкъ. Но въ этомъ году переведено изъ Пелыма въ Туринскъ еще 30 человѣкъ стрѣль-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, л. 514—647.

цовъ [1]), а въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича разныхъ служилыхъ людей въ Туринскѣ вмѣстѣ съ ружниками и оброчниками было 81 человѣкъ, кромѣ, конечно, женщинъ, дѣтей, братіи и племянниковъ [2]). Число торговыхъ и посадскихъ людей послѣ 1624 г. не только не увеличивалось, но и постепенно уменьшалось: въ 1645 г. ихъ осталось только 32 человѣка. Это уменьшеніе зависѣло отъ того, что правительство все болѣе и болѣе прибавляло на нихъ оброка и повинностей. Долгое время они съ своихъ дворовъ, сѣнныхъ покосовъ и пашенъ не платили ни оброчныхъ денегъ, ни выдѣльного снопа, а только несли разныя службы. Но съ 1621 г. торговые и посадскіе люди обложены годовымъ оброкомъ: «прожиточные» платили по 3 руб., «средней статьи» по $1^1/_2$ руб., «молотчіе» по 30 и по 10 алтынъ [3]). Затѣмъ около 1628 года съ нихъ же велѣно брать выдѣльной снопъ. Эти тягости заставляли ихъ или бѣжать или записываться въ пашенные крестьяне; послѣднее, впрочемъ, не всегда удавалось, такъ какъ ихъ товарищи въ такомъ случаѣ жаловались царю и просили снова обратить такихъ «выбылыхъ» въ классъ посадскихъ людей. Также и ямщиковъ туринскихъ послѣ первой переписи не только не увеличилось, но къ 1630 г. значительно убыло: въ этомъ году ихъ было только 25 человѣкъ, а остальные разбѣжались. Ямщики туринскіе устроены на тѣхъ же условіяхъ, какъ и верхотурскіе, т. е. надѣлены землей, за пользованіе которой они не платили никакихъ податей и не давали «выдѣльного снопа», да кромѣ того на каждый пай отпускалось изъ казны жалованья по 15 руб. въ годъ, всего на 50 паевъ 750 руб. Сначала они должны были давать подводы только до Верхотурья и до Тюмени: по свидѣтельству самихъ ямщиковъ, они гоняли водою до Верхотурья 700 верстъ, а сухимъ путемъ 400 верстъ, внизъ по Турѣ до Тюмени 400 верстъ, а сухимъ путемъ 300. Такимъ образомъ у туринскихъ ямщиковъ «гоньбы» было гораздо менѣе, чѣмъ у верхотурскихъ; но со

---

1) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6138/94, л. 537.

2) Ibid., книги № 35 и 88.

3) Ibid., Столб. № 6151/107.

времени основаніи слободъ въ туринскомъ уѣздѣ и имъ значительно прибавилось службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и начинаются жалобы туринскихъ ямщиковъ то «на жестокую ямскую гоньбу», то на падежъ лошадей, или на недостаточность жалованья и земельнаго надѣла. Въ Москвѣ не всегда во́-время обращали вниманіе на подобныя жалобы ямщиковъ, а слѣдствіемъ это было столь знакомое намъ «бѣгство врозь». Въ 1631 г. туринскій воевода писалъ царю Михаилу Ѳедоровичу, что «изъ туринскаго острога ямскіе охотники отъ жестокой ямской гоньбы и великой нужи разбрелись 25 вытей (или паевъ), потому что имъ государева денежнаго жалованья и пашенъ за ними мало..». Вмѣстѣ съ тѣмъ воевода просилъ «учинить указъ, кѣмъ тотъ ямъ строить?» Вслѣдствіе этого донесенія велѣно тобольскому воеводѣ послать въ Туринскъ письменнаго голову, который бы сыскалъ старыхъ ямщиковъ и снова посадилъ бы ихъ на старые паи, а вмѣсто тѣхъ, которыхъ не сыщетъ, прибралъ бы въ ямщики изъ гулящихъ, захребетниковъ, половниковъ и посадскихъ людей. Но въ Сибири трудно было угоняться за бѣглецами: бо́льшая часть туринскихъ ямщиковъ были люди безсемейные и имъ какъ легко было бѣжать, такъ и скрываться. Поэтому письменному тобольскому головѣ удалось сыскать и посадить на ямъ только 5 человѣкъ, а на мѣсто остальныхъ выбылыхъ прибрать гулящихъ людей. Въ 1645 году Ямскую слободу населяли 49 ямщиковъ [1]). Число крестьянъ въ Туринскѣ несомнѣнно постепенно увеличивалось и вслѣдствіе естественнаго размноженія и вслѣдствіе воеводскаго «прибора», но точно опредѣлить въ разное время количество оныхъ въ самомъ городѣ мы не можемъ, такъ какъ документы, дошедшіе до насъ, упоминаютъ о нихъ вмѣстѣ съ уѣздными крестьянами, а выдѣлить изъ общаго числа тѣхъ, которые жили въ Туринскѣ, нѣтъ возможности. Поэтому о приростѣ крестьянскаго населенія вообще скажемъ послѣ.

Теперь обратимся къ туринскому уѣзду. Колонизаціонная дѣятельность туринскихъ обитателей была въ высшей степени

---

[1]) А. М. Ю. Свб. Пр., Столб. №№ 6151/107 и 6138 94.

слаба сравнительно съ таковою же дѣятельностію верхотурцевъ. Изъ туринцевъ только пашенные крестьяне на своихъ пашняхъ строили хутора или деревни, а остальные классы, хотя и занимались хлѣбопашествомъ, но имѣли пашню бо́льшею частію около города и деревень не основывали. Пашни распахивали и сѣна косили они довольно значительное количество. По дозору Бѣглецова, посадскіе и торговые люди въ 1624 году пахали на себя «доброй земли» 225 ч. въ полѣ..., а сѣна косили 2,860 копенъ, служилые люди—52 ч. въ полѣ..., сѣна косили 500 к., туринскіе ямщики—163 ч. въ полѣ..., сѣна косили 3,730 к., ружники, т. е. церковные причты, подъячіе, пушкари и т. п. пахали 60 ч. въ полѣ..., а сѣна косили 1,150 к. Но туринскіе крестьяне основали нѣсколько деревень. Эти деревни возникали тѣмъ же путемъ и имѣли такое же значеніе, какъ и въ верхотурскомъ уѣздѣ. Однако относительно деревень туринскихъ крестьянъ нужно замѣтить слѣдующее: они—общинныя, принадлежатъ товариществамъ. Правда, и въ верхотурскомъ уѣздѣ встрѣчалось то-же самое, но какъ единичные случаи. Товарищества эти иногда состоятъ изъ свойственниковъ, а бо́льшею частію изъ лицъ, не имѣющихъ между собою никакого родства; они совмѣстно владѣютъ землею и совмѣстно обработываютъ государевы десятины. По первой переписи у туринскихъ крестьянъ было десять деревень.

	Дворовъ.
При рѣкѣ Турѣ:	
Деревня Ивашки Лыжина съ тов.	3
» Якунки Половинки съ тов.	3
» Стеньки Митрофанова съ тов. . . .	5
» Аѳоньки Пупышова съ тов.	4
» Кондрашки Пузырева съ тов. . . .	3
» Васьки Кайгородцева съ брат. . .	2
» Пант. Пермякова съ брат.	3
При рѣчкѣ Ялынкѣ:	
Деревня Ивашки Назарова съ тов.	3
Аѳоньки Хомякова съ тов.	2
При колодцахъ:	
Деревня Усенковская	9

Всего въ десяти деревняхъ 37 дворовъ, а людей въ нихъ съ дѣтьми и свойственниками 95; пашни за ними 34 выти, а на государя они обработывали 77 дес. въ полѣ..., за каждую выть по $2^1/_4$ дес. въ полѣ. Другіе туринскіе крестьяне имѣли займища съ дворами или отъѣзжія пашни въ разныхъ мѣстахъ и также обработывали государеву пашню. Всего въ Туринскѣ и въ уѣздѣ въ 1624 г. дворовъ пашенныхъ крестьянъ было 154, людей въ нихъ 142, а братіи, дѣтей и племянниковъ 162. Пашенъ за ними 67 вытей, сѣнныхъ покосовъ на 17,700 копенъ, а на государя они обработывали 151 дес. въ полѣ [1]). Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ деревень, какъ напр. Усенковская, Пермякова и Лыжина основаны вѣроятно еще въ нач. XVII в.; на это указываетъ значительное количество переложной земли, находящейся подъ этими деревнями.

Вообще тогдашній туринскій уѣздъ до 1624 года довольно мало былъ заселенъ русскимъ элементомъ. Это объясняется тѣмъ, что охочіе гулящіе люди, служившіе главнымъ контингентомъ для заселенія Сибири, по переходѣ за Уральскій хребетъ прежде всего осѣдали въ верхотурскомъ уѣздѣ и немногіе изъ нихъ доходили до Туринска. Вотъ почему ни служилые люди, ни посадскіе, ни ямщики этого города не основывали деревень, ибо трудно было найти половниковъ и ярыжныхъ людей, чтобы поселить ихъ въ деревняхъ и при помощи ихъ обработывать свои пашни. Между тѣмъ по рѣкѣ Ницѣ находились прекрасныя земли, на которыхъ можно было съ успѣхомъ заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. На это обстоятельство одновременно обратили вниманіе и тобольскіе и верхотурскіе воеводы и рѣшили по рѣкѣ Ницѣ основать русскія слободы, чтобы увеличить хозяйство своихъ уѣздовъ. Мы уже упоминали о двухъ слободахъ, возникшихъ при этой рѣкѣ—Рудной и Ницынской-Ощенковой; онѣ были основаны верхотурскими воеводами. Другія же, какъ Киргинская, Чубарово, Верхне-Ницынская, Нижне-Ницынская или Красная обязаны своимъ возникновеніемъ заботамъ тобольскихъ воеводъ; поэтому онѣ были приписаны къ Тобольску и считались сло-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5.

бодами «тобольскаго присуду туринскаго уѣзда». Но такъ какъ эти слободы построены были на земляхъ, принадлежащихъ туринскимъ ясачнымъ людямъ и нѣкоторое время зависѣли отъ Туринска, то мы считаемъ удобнымъ сказать о нихъ въ этой главѣ, при изслѣдованіи заселенія туринскаго уѣзда. Изъ вышеупомянутыхъ слободъ ранѣе всѣхъ возникла слобода Чубарова или Чубарово городище; она такъ называлась потому, что около нея находился татарскій городъ Кичюбаевой волости «Зубаръ» — резиденція главы этой волости мурзы Гильдѣйки Кельдебанова. Начало этой слободы положено въ 1623 году. Въ этомъ году тобольскій воевода Ю. Я. Сулешовъ писалъ туринскому воеводѣ: «по государеву указу велѣно въ сибирскихъ городахъ прибрать на Чубарово городище изъ охочихъ людей пашенныхъ дѣловыхъ крестьянъ и тебѣ бы воеводѣ послужить и прибрать 50 человѣкъ, а сказывать охочимъ людямъ государева жалованья на платье и на всякій обиходъ денегъ по 5 рублей человѣку, по двѣ лошади, по коровѣ, по двѣ овцы, по свиньѣ и по 10 куръ, да мѣсячины имъ по полу-осминѣ (2 мѣры) ржи и овса, да имъ же присѣвать на себѣ по чети ржи и по двѣ чети овса государевыми сѣменами, а на государя имъ пахать по 2 десятины ржи человѣку». Кромѣ этого жалованья, какъ единовременнаго дарового пособія, всѣмъ охочимъ людямъ, изъявившимъ желаніе поселиться въ Чубаровомъ городищѣ, обѣщана ссуда по 12 руб. на человѣка, съ тѣмъ, чтобы они немедленно построили избы, клѣти и дворы [1]). Такая широкая помощь оказывалась правительствомъ потому, что охочихъ людей въ Туринскѣ было мало и ихъ нужно было привлечь изъ другихъ уѣздовъ, а привлечь и возможно было только такими пособіями. Какъ видно изъ отписки туринскаго воеводы и челобитной татаръ Кичюбаевой волости, на Чубаровомъ городищѣ въ томъ же 1623 году уже поселилось нѣсколько семействъ крестьянъ. Воевода туринскій въ началѣ 1624 года писалъ Сулешову, что присланныя деньги 100 рублей уже всѣ раздалъ на подмогу крестьянамъ и что приходятъ новые охочіе люди и просятъ госуда-

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II, л. 14.

рева жалованья. По этой отпискѣ тобольскій воевода послалъ еще 250 рублей для той же цѣли [1]). Благодаря этимъ пособіямъ, Чубарова слобода заселялась довольно быстро: въ 1624 году въ ней было 50 человѣкъ крестьянъ, прибранныхъ изъ захребетниковъ и гулящихъ людей; въ слѣдующіе два года туда же прислано изъ Тобольска ссыльныхъ людей 11 человѣкъ и велѣно ихъ устроить въ пашенные крестьяне [2]).

Затѣмъ почти ежегодно по одному и по два человѣка изъ гулящихъ и изъ ссыльныхъ людей туринскіе воеводы селили въ Чубаровой слободѣ. Но въ 1634 году на эту слободу, какъ и на другія слободы по рѣкѣ Ницѣ, напали кучумовы внучата, разорили и пожгли много дворовъ, увели значительное количество скота и нѣсколько человѣкъ убили. Правительство снова пришло на помощь и всѣмъ пострадавшимъ для постройки дворовъ и для покупки скота прислало 200 руб. денегъ. Въ 1640 году въ Чубаровой слободѣ было 70 человѣкъ пашенныхъ крестьянъ, обработывавшихъ государевой пашни 46 десятинъ въ полѣ... [3]). Наконецъ, въ 1645 году въ ней было уже 85 человѣкъ, пахавшихъ на государя 50 десятинъ въ полѣ [4]). Крестьяне Чубаровой слободы ежегодно доставляли въ Тобольскъ значительное количество разнаго хлѣба съ государевой пашни, а равнымъ образомъ и для себя столько обработывали земли, что могли ежегодно продавать правительству по 400 и 500 четвертей ржи [5]). Около 1628 года въ этой слободѣ поставлена таможенная застава, а послѣ вышеупомянутаго погрома кучумовыми внучатами въ ней построили острожекъ, въ который ежегодно на все лѣтнее время, когда можно было ожидать нападенія непріятелей, присылались изъ Тюмени или изъ Туринска служилые люди. Но постоянно въ этой слободѣ находились—4 затинныхъ желѣзныхъ пищали, 47 пищалей ручныхъ и нѣсколько пудовъ пороху, свинцу и пушечныхъ ядеръ [6]).

---

[1]) Ibid., л. 15; А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6132/87, л. 811.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., № 6202/158, лл. 66—67.

[3]) Ibid., кн. № 131, л. 203.

[4]) Ibid., кн. № 182, л. 265.

[5]) Ibid., Столб. № 6127/83, л. 185.

[6]) А. М. Ю. Разб. столб., № 400.

Чубарова слобода доставляла и денежные доходы казнѣ и въ ней велись разныя смѣтныя книги. Доходы эти были незначительны, но зато и расходы были совсѣмъ ничтожны. Напримѣръ, въ 1638 году собрано всякихъ денежныхъ доходовъ 28 р. 62 к., въ 1637 г.—33 р. 20 к., въ слѣдующемъ году—33 р. 81 к.; между тѣмъ, какъ ежегодные расходы не превосходили и полутора рубля. Эти расходы производились на слѣдующіе предметы—на бумагу, чернило и холстъ 1 р. 20 к. и на «государевы заздравные молебны» по 22 к. ежегодно [1]). Къ чести жителей Чубаровой слободы относится то, что они не любили судиться: за три года правительство ни копѣйки не получило съ судныхъ дѣлъ, «потому что», замѣчаетъ составитель смѣтной книги, «таковыхъ дѣлъ не было никакихъ».

Чрезъ годъ послѣ основанія Чубаровой слободы возникла при р. Ницѣ слобода Красная. Строителемъ оной былъ боярскій сынъ Степанъ Молчановъ, тотъ самый, котораго впослѣдствіи убили крестьяне Ницынской-Ощенковой слободы. По приказанію тобольскаго воеводы Сулешова этотъ Молчановъ взялъ изъ Тобольска 26 человѣкъ крестьянъ, да въ Тюмени 30 половниковъ и четырехъ пашенныхъ крестьянъ и въ 1624 г. поселилъ ихъ при рѣкѣ Ницѣ «на урочищѣ между двухъ рѣчекъ, впадающихъ въ Ницу—Кандыбою и Блукомъ» [2]). Мѣсто, гдѣ поселились эти крестьяне, называлось «Красная Елань», а отъ этого и слобода получила свое прозваніе «Красной» или «Еланской». Но съ основаніемъ новой слободы при рѣкѣ Ницѣ «Верхне-Ницынской», Красная стала называться Нижне-Ницынской, потому что находилась недалеко отъ устьевъ рѣки Ницы.

Крестьяне Красной слободы поселились на тѣхъ же условіяхъ и съ тѣми же пособіями отъ правительства, какъ и чубаровскіе крестьяне. Въ 1628 г. и въ этой слободѣ построенъ острожекъ, въ который ежегодно на лѣтнее время, «для побѣгу пашенныхъ крестьянъ и для приходу воинскихъ людей», присылались изъ Тюмени по 5 человѣкъ служилыхъ людей», но эти

---

[1]) Ibid., кн. № 87.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II, л. 17.

временные защитники оказались ненадежными, часто «бѣгивали, не доживъ до сроку», т. е. до осеннихъ грязей. Поэтому въ 1634 году велѣно прикащику Нижне-Ницынской слободы П. Перхурову прибрать изъ гулящихъ людей въ конные казаки 10 человѣкъ, обѣщая имъ государева жалованья по 4½ р. денегъ, пашни по 4 десятины въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по 80 копенъ на человѣка. Эти условія такъ показались привлекательными гулящимъ людямъ, что Перхурову въ томъ же году удалось прибрать изъ нихъ требуемое число конныхъ казаковъ [1]), а около 1640 года количество служилыхъ людей въ Нижне-Ницынскомъ острожкѣ увеличилось 10 бѣломѣстными казаками, также прибранными изъ вольныхъ людей [2]). Что же касается пашенныхъ крестьянъ, то количество ихъ быстро увеличилось и Нижне-Ницынская слобода вскорѣ стала самою населенною изъ всѣхъ сибирскихъ слободъ. Мы видѣли, что начало слободѣ положили 60 человѣкъ крестьянъ. Но въ 1637 году ихъ было уже 144 человѣка, пахавшихъ на государя 87 десятинъ въ полѣ... [3]), въ 1640 году около 200 человѣкъ [4]), а въ 1645 году въ Нижне-Ницынской слободѣ было уже 300 человѣкъ, которые въ этомъ году пахали на государя болѣе 100 десятинъ въ полѣ, а «въ дву потомужъ» [5]). Такой приливъ населенія въ эту слободу объясняется здѣшнею плодородною почвою и богатыми угодьями: жители ея ежегодно продавали правительству сотнями четвертей разнаго хлѣба [6]).

Вышеупомянутая Верхне-Ницынская слобода построена въ 1628 году при рѣкѣ Ницѣ, верстъ на 15 ниже Чубаровой. Первыми ея насельниками были 45 человѣкъ крестьянъ, прибранныхъ изъ вольныхъ людей боярскимъ сыномъ А. Бужаниновымъ [7]). Почва здѣсь оказалась столь плодородною, что го-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6081/37, л. 87.
[2]) Ibid.. Столб. № 6111/87, л. 462.
[3]) Ibid., кн. № 93.
[4]) Ibid., кн. № 131.
[5]) Ibid., кн. №№ 182, л. 252.
[6]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6127/43, л. 118.
[7]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II, л. 27.

сударь въ 1632 году указалъ туринскому воеводѣ позаботиться объ увеличеніи населенія новой слободы и, между прочимъ, велѣлъ немедленно отдѣлить у туринскихъ пашенныхъ крестьянъ отъ отцовъ дѣтей, отъ братіи братьевъ 5 человѣкъ и послать ихъ на пашни въ Верхне-Ницынскую слободу, «чтобы государева пашня предъ прежнимъ умножилась» [1]). Благодаря этимъ заботамъ, въ Верхне-Ницынской слободѣ въ 1640 году было уже 77 человѣкъ пашенныхъ крестьянъ, а въ 1645 году 85 человѣкъ, которые въ этомъ году пахали государевой пашни 42 десятины въ полѣ... [2]).

Выше Чубаровой слободы, при рѣкѣ Ницѣ, въ 1635 году заложена слобода Киргинская; она получила свое названіе отъ рѣки Кирги, которая недалеко отъ слободы впадала въ рѣку Ницу [3]). Намъ не пришлось найти какихъ либо свѣдѣній о первыхъ поселенцахъ въ этой слободѣ, но по всей вѣроятности ихъ сначала прибрано ничтожное количество, потому что въ 1639 году Киргинская слобода доставила хлѣба только 57 четвертей, между тѣмъ, какъ къ этому году прибранные крестьяне въ 1635 году должны были уже «выйти со льготы» [4]). Затѣмъ съ 1637 года начинается быстрое увеличеніе народонаселенія этой слободы, и въ 1640 году старыхъ крестьянъ было 39 человѣкъ, пахавшихъ на государя 13 десятинъ въ полѣ..., и новоприбранныхъ 96 человѣкъ, а въ 1645 году старыхъ и новоприбранныхъ крестьянъ въ Киргинской слободѣ было 256 человѣкъ [5]). Въ 1637 году въ Киргинской слободѣ построенъ острожекъ, въ которомъ въ 1645 году было 10 человѣкъ конныхъ и 10 человѣкъ бѣломѣстныхъ казаковъ.

Другихъ слободъ по рѣкѣ Ницѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ, въ обозрѣваемый нами періодъ уже болѣе не строилось. Чтобы закончить обозрѣніе заселенія тогдашняго туринскаго уѣзда въ этотъ періодъ, намъ еще остается сказать о слободѣ Сусаткѣ или Благовѣщенской, основанной въ 1639 году «на вы-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6078/34, л. 10.
[2]) Ibid., книги №№ 131 и 182.
[3]) Ibid., Столб. № 6132/88, л. 811.
[4]) Ibid., Ст. 6127 83, л. 180.
[5]) Ibid., кн. №№ 131 и 182.

сокомъ полѣ при впаденіи рѣки Чукреевки въ Сусатку». Объ ея возникновеніи и первоначальныхъ обитателяхъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1639 году туринскій воевода Кофтыревъ писалъ Михаилу Ѳедоровичу: «Вверхъ по Турѣ рѣкѣ есть рѣчка Сусатка отъ туринскаго острога верстъ за 50 и болѣе, а по той рѣчкѣ есть дикое поле и въ нынѣшнемъ—1639 году я ѣздилъ на то поле и досматривалъ, а на томъ дикомъ полѣ государеву пашню завести можно, и тою рѣчкою Сусаткою весною, въ большую воду, хлѣбъ судами сплавлять въ Туру можно... и лѣсъ къ той рѣчкѣ для судового дѣла, для постройки государевыхъ житницъ и крестьянскихъ дворовъ есть верстахъ въ четырехъ или пяти и пашеннаго мѣста много... И я, холопъ твой, въ нынѣшнемъ же году въ туринскомъ острогѣ прибралъ на то высокое поле на рѣку Сусатку 14 человѣкъ пашенныхъ крестьянъ и далъ имъ льготы на шесть лѣтъ, да денегъ въ ссуду по 3 и 4 рубля человѣку для пріуки, чтобы охочіе, гулящіе люди и впредь шли на льготные года, а дозирать за тѣми крестьянами я велѣлъ туринскому стрѣльцу Еремкѣ Кондратьеву, чтобы они на себѣ пашню пахали и хороминный лѣсъ ронили неоплошно и впредь ему Еремкѣ быть въ прикащикахъ можно, потому что ему пашенное дѣло и новая селитьба за обычай» [1]). Въ этомъ же году прибранные крестьяне били челомъ государю, что имъ безъ храма быть невозможно и чтобы государь велѣлъ устроить храмъ и пожаловалъ книги, образа и колокола, а попу денежное и хлѣбное жалованье [2]). Храмъ въ «слободѣ на высокомъ полѣ» построенъ только въ 1642 году во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а съ того времени и слобода стала называться Благовѣщенскою. Льготные годы, денежная ссуда, хлѣбъ «на сѣмяна и на ѣмена» дѣйствительно привлекли въ новую слободу массу поселенцевъ и уже въ 1645 году въ ней было жителей 80 человѣкъ [3]).

Такимъ образомъ, въ короткое время въ Туринскомъ уѣздѣ

---

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6138/94, л. 288.

[2]) Ibid., Столб. 6132/88, л. 698.

[1]) Ibid., кн. № 75.

основано пять слободъ и всѣ онѣ къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича были довольно населены. Затѣмъ обратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ на развитіе крестьянскаго населенія въ самомъ Туринскѣ и въ деревняхъ туринскаго уѣзда, основанныхъ до 1624 года. Документы свидѣтельствуютъ, что количество этихъ крестьянъ постепенно возростало и вслѣдствіе естественнаго размноженія и вслѣдствіе воеводскаго прибора изъ вольныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось и земледѣліе въ туринскомъ уѣздѣ. Это очевидно будетъ изъ нижеслѣдующей росписи количества крестьянъ и обработываемой ими государевой и своей пашенъ за пять лѣтъ:

	Колич. крестьян.	У нихъ дѣтей свойствен.	Государ. пашни.	своей.
Въ 1624 г.	142	162	151 десят. въ полѣ...	67 выт. [1]).
» 1632 »	215	214	207 » » »	ок. 92 » [2]).
» 1634 »	158	196	173 » » »	» 77 » [3]).
» 1640 »	211	275	189 » » »	» 84 » [4]).
» 1645 »	238	334	193 » » »	» 86 » [5]).

Относительно «своей» пашни, количество которой мы представили въ вытяхъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Въ это время въ туринскомъ уѣздѣ въ выть полагалось 20 ч. въ полѣ..., государева пашня «разверстывалась повытно», и за каждую выть земли крестьянамъ приходилось, по уложенію Сулешова, обработать на государя $2^1/_4$ десятины въ полѣ.... Руководясь этимъ, мы, точно зная количество обработываемой крестьянами государевой пашни, указали на приблизительное количество вытей земли, обработываемой ими на себя. Говоримъ приблизительно, потому что не всегда упомянутое уложеніе соблюдалось воеводами, а ради государевой прибыли и своей службы послѣдніе «накидывали», какъ жаловались крестьяне, по $^1/_2$, по $^1/_4$ и $^1/_8$ дес. въ полѣ... на дворъ, меж-

---

[1]) А. М. Ю., Сиб. Пр., кн. № 5, л. 657.
[2]) Ibid., кн. № 35.
[3]) Ibid., кн. № 42.
[4]) Ibid., кн. № 43.
[5]) Ibid., кн. № 203.

ду тѣмъ какъ своей пашни у нихъ распахивалось прежнее количество. Въ 1645 году на каждый дворъ въ среднемъ количествѣ приходилось «своей» пашни по $7^1/_2$ ч. въ полѣ..., но нѣкоторые туринскіе крестьяне въ то-же время обработывали на себя по 30 и болѣе четей въ полѣ..., потому что были «семьянисты и прожиточны».

Мы выше упомянули, что количество крестьянъ въ Туринскѣ и въ деревняхъ годъ отъ году увеличивалось, но, повидимому, роспись 1634 года противорѣчитъ этому заключенію. Поэтому мы считаемъ нужнымъ относительно уменьшенія числа крестьянъ за этотъ годъ сравнительно съ предъидущимъ замѣтить, что въ 1633 году нѣсколько семействъ переведено въ Енисейскъ, а 38 человѣкъ сбѣжало [1]).

Всего русскаго взрослаго населенія мужского пола въ Туринскѣ и его уѣздѣ въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, исключая монаховъ, половниковъ, захребетниковъ и гулящихъ людей простиралось до 1,600 человѣкъ, а ясачныхъ людей въ то-же время было не болѣе 120 человѣкъ.

Земледѣліе въ Туринскомъ уѣздѣ можно сказать процвѣтало: одной государевой пашни въ 1645 году обработано 442 десятины въ полѣ... Средніе урожаи въ этомъ уѣздѣ были не одинаковы во всѣхъ его частяхъ: въ Ницынскихъ слободахъ самъ 8, а въ другихъ мѣстахъ самъ 6. Къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, съ государевыхъ туринскихъ десятинъ отправлялось въ Тобольскъ и Пелымь ежегодно по 10 и 15 тысячъ четвертей разнаго хлѣба, да еще въ царскихъ житницахъ оставался значительный запасъ.

Что же касается денежныхъ доходовъ, то въ этомъ отношеніи Туринскъ значительно уступалъ Верхотурью: здѣсь мѣстныя средства были недостаточны для покрытія расходовъ; въ «смѣтныхъ туринскихъ книгахъ» замѣчается постоянный дефицитъ. Мы не будемъ перечислять доходныхъ статей города Туринска: онѣ тѣ-же, что и въ Верхотурьѣ, только статья кабацкихъ доходовъ отсутствуетъ въ туринскихъ смѣтныхъ книгахъ, по-

---

[1]) А. М. Ю. Свб. Пр., Ст. № 6138/94.

тому что въ Туринскѣ не было государева кабака. Но и здѣсь мы встрѣчаемъ сборы «банные», «явочные», «зерновые», видимъ статью доходовъ съ «государевой мякины», съ «государевой соломы» и т. д., а главный доходъ, какъ въ Верхотурьѣ, такъ и въ Туринскѣ доставляла царской казнѣ таможня. Въ 1628 году всякихъ денежныхъ доходовъ собрано 640 р. 67 к., изъ нихъ таможенныхъ 320 р., а расходъ въ этомъ году простирался до 845 р. [1]), въ слѣдующемъ году собрано денегъ 871 р. 81 к., а израсходовано 1,043 р. [2]). Тѣмъ не менѣе до 1630 года Туринскъ доставлялъ еще царской казнѣ прибыль, если въ сумму денежныхъ доходовъ включить ясакъ, котораго ежегодно собиралось съ туринскихъ ясачныхъ людей отъ 300 и до 500 р. Но послѣ 1630 года, вслѣдствіе увеличенія въ Туринскѣ служилыхъ людей, вообще мѣстные доходы, включая и ясакъ, не покрывали расходовъ; напримѣръ, въ 1637 году собрано денегъ около 1,000 р., а израсходовано 1,912 р. [3]). Поэтому для покрытія расходовъ въ Туринскъ ежегодно присылались деньги то изъ Тобольска, то изъ Верхотурья, по крайней мѣрѣ такъ было до 1645 года.

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6063/19, л. 148.
[2]) Ibid., кн. № 18, л. 216.
[3]) Ibid., кн. № 87.

ГЛАВА IV.

Тюмень и его уѣздъ. (1586 г.—1645 г.). Если не считать построеннаго около 1585 г. Мансуровымъ при устьяхъ р. Иртыша Обскаго городка, не имѣвшаго будущности, то Тюмень является древнѣйшимъ изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, основанныхъ русскими людьми. Это первая опора русскаго владычества въ Сибири,—базисъ, опираясь на который, русскіе начали вторично, послѣ смерти Ермака, завоевывать Сибирское царство. Вѣсть о смерти побѣдителя Кучума быстро разнеслась по инородческимъ юртамъ и возбудила у инородцевъ радостныя надежды. Имъ уже казалось, что иго власти Бѣлаго Царя окончилось вмѣстѣ съ гибелью того, кто наложилъ оное: инородцы видѣли, какъ храбрые сподвижники Ермака, сидѣвшіе въ Искерѣ, узнавъ о смерти своего вождя, бросили столицу Кучума и, во главѣ воеводы Глухова, поспѣшно убирались изъ Сибири; видѣли также, что и воевода Мансуровъ съ отрядомъ казаковъ, шедшій на помощь Ермаку, вслѣдствіе той же громовой вѣсти направился не къ Искеру, а къ рѣкѣ Оби, т. е. послѣдовалъ по стопамъ Глухова. Это былъ критическій моментъ въ исторіи русскаго завоеванія Сибири! Теперь судьба Кучумова царства зависѣла отъ единодушія сибирскихъ инородцевъ и отъ такого и иного поведенія московскаго правительства. Не покажи послѣднее энергіи и настойчивости для поддержки дѣла Ермака, дай оно одуматься, собраться съ силами ошеломленнымъ подвигомъ перваго завоевателя инородцамъ—и Кучумъ, а можетъ быть и его потом-

ство еще долго господствовали бы въ передней Сибири. Трудно опредѣлить съ точностію время, когда въ Москвѣ узнали о катастрофѣ, постигшей сибирскихъ завоевателей, а это обстоятельство важно было бы знать, чтобы судить о поведеніи московскаго правительства. Несомнѣнно, что Мансуровъ отправился въ Сибирь въ 1585 г. и ему, вѣроятно, удалось совершить большой переходъ прежде, чѣмъ Глуховъ прибылъ въ Москву съ печальною вѣстью, а въ противномъ случаѣ онъ былъ бы остановленъ на своемъ пути и для продолженія похода подкрѣпленъ былъ бы новыми силами; не могли же въ Москвѣ разсчитывать, что Мансуровъ съ сотнею казаковъ будетъ имѣть успѣхъ въ Сибири, когда тамъ уже не оставалось никакого другаго русскаго войска. Отсюда съ вѣроятностью можно заключить, что воевода Глуховъ явился въ Москву не ранѣе весны 1585 г. и значитъ московское правительство узнало о смерти Ермака мѣсяцевъ черезъ десять послѣ этого событія. А новая экспедиція для завоеванія Сибири отправлена только чрезъ годъ послѣ возвращенія Глухова. Изъ этого можно видѣть, что правительство Ѳедора Ивановича слишкомъ долго думало надъ сибирскимъ вопросомъ, прежде чѣмъ принять то, или иное рѣшеніе. Очевидно, оно было поражено катастрофою, случившеюся съ Ермакомъ и его храбрыми сподвижниками, и не знало на что рѣшиться. Дѣло покоренія Сибири, такъ блистательно начатое волжскими «ворами», теперь, когда ихъ вождь «велеумный и храбрый риторъ Ермакъ убіенъ бысть», приняло дурной оборотъ и грозило кончиться позорнымъ образомъ. Царскій воевода Глуховъ, имѣвшій до 150 человѣкъ войска, не рѣшился защищать завоеванія «воровъ», оставилъ Сибирь, а прибѣжавши въ Москву, вѣроятно, чтобы оправдать свое бѣгство, не преминулъ преувеличить силы враговъ русскаго владычества за Уральскимъ хребтомъ. Эти соображенія невольно намъ приходятъ въ голову, когда мы думаемъ относительно намѣреній московскаго правительства послѣ того, какъ оно узнало отъ Глухова о положеніи дѣлъ въ Сибири: почти въ теченіе цѣлаго года оно не предпринимало ничего, чтобы подать помощь Мансурову и вообще поддержать престижъ своей власти въ новопокоренной странѣ. Толь-

ко въ 1586 г. и не ранѣе весны этого года и вѣроятно уже въ то время, когда Мансуровъ, бросивъ свой временный пріютъ при устьяхъ Иртыша, былъ уже на пути въ Москву, отправлена въ Сибирь экспедиція изъ 300 человѣкъ подъ начальствомъ двухъ воеводъ: Василія Борисовича Сукина и Ивана Мясного и письменнаго головы Даніила Чулкова. Итакъ, правительство Ѳедора Ивановича рѣшилось продолжать дѣло Ермака, но рѣшилось не безъ борьбы. И мнѣ кажется, что на это рѣшеніе, хотя можетъ быть отчасти, имѣло вліяніе слѣдующее обстоятельство: зимою 1585—6 г. явился въ Москву «съ великой рѣки Оби Куновата городка, да Ильчымы городка, да Ляпина городка, да Юила городка, да Березова городка князь Лугуй», съ просьбою, чтобы русскіе ратные люди, засѣвшіе въ городѣ на великой рѣкѣ Оби, при устьѣ Иртыша, не воевали тѣхъ его городковъ, и разрѣшить ему самому привозить дань въ Вымскую землю царскимъ приказнымъ людямъ. Само собою очевидно, какихъ ратныхъ людей и какой русскій городокъ при устьѣ Иртыша имѣетъ въ виду остяцкій князь—это Мансурова съ казаками и его временный пріютъ Обскій городокъ. Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ и далъ Лугую свою царскую грамоту. Хотя эта грамота дана уже въ августѣ 1586 г., но какъ еще Миллеръ [1]) справедливо догадывался, что Лугуй былъ въ Москвѣ зимою 1585—6 г., еще тогда, когда Мансуровъ находился въ Обскомъ городкѣ *). Покорность остяцкаго князя дала право московскому правительству думать, что дѣло покоренія Сибири далеко не такъ дурно, какъ это казалось послѣ разсказовъ Глухова, и только послѣ этого обстоятельства снаряжена и отправлена въ Сибирь новая экспедиція. Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы положительно утверждать, что дѣло было именно такъ; можетъ быть совпаденіе вышеупомянутыхъ обстоятельствъ—покорность

---

[1]) «Ист. Сиб. ц.» Миллера, стр. 160. Грамота напеч. въ Сиб. Г. Гр. и Д., ч. 11, № 54.

*) *Прим.* Мансуровъ могъ оставить свой пріютъ только весною 1586 г., со вскрытіемъ рѣки Оби, чтобы на судахъ продолжать свой путь на Русь, а Лугуй, очевидно, ранѣе этого времени отправился въ Москву, т. е. прежде удаленія изъ Сибири Мансурова.

Лугуя и отправленіе Сукина и Мясного—было случайное, не имѣвшее между собой никакой связи, но тѣмъ не менѣе я рѣшился высказать свое предположеніе для объясненія поведенія московскаго правительства, которое цѣлый годъ чего-то ожидало и только въ 1586 г., наконецъ, рѣшилось на вторичное завоеваніе Сибири.

Какъ бы то ни было, трехсотенное войско подъ начальствомъ Сукина и Мясного, переваливши Уральскій хребетъ, продолжало путь по Лозвѣ и Тавдѣ и, вѣроятно, въ половинѣ іюля достигло рѣки Туры. Отсюда, вмѣсто того, чтобы идти къ столицѣ Кучума, воеводы повернули вверхъ по рѣкѣ Турѣ и, какъ свидѣтельствуетъ тобольскій лѣтописецъ, 29 іюля достигли татарскаго городка Цымги или Чимги, отстоящаго отъ устья Тавды на 85 тогдашнихъ верстъ. Трудно опредѣлить, что заставило русскихъ воеводъ избрать этотъ путь и такъ далеко удалиться отъ конечной цѣли похода —завоеванія столицы Сибирскаго царства? На этотъ счетъ можно только высказать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Можетъ быть достигнувши устьевъ Тавды, воеводы узнали, что Мансуровъ уже бѣжалъ на Русь, а въ столицѣ Кучума утвердился новый претендентъ на Сибирское царство—потомокъ Едигера, князь Сейдякъ. Считая свое войско недостаточнымъ для изгнанія изъ Искера Сейдяка, воеводы рѣшились предварительно покорить туринскихъ татаръ, засѣсть въ крѣпкомъ мѣстѣ на р. Турѣ и ожидать подкрѣпленія войскомъ отъ своего правительства. Кромѣ того, русское войско уже въ это время должно было чувствовать, что взятыхъ на Руси съѣстныхъ припасовъ, именно, хлѣба, надолго не хватитъ и объ этомъ предметѣ они должны были прежде всего позаботиться. Между тѣмъ, по рѣкѣ Турѣ существовало хлѣбопашество, которымъ занимались здѣшніе татары, и русскіе воеводы, покоривъ послѣднихъ, могли воспользоваться ихъ нивами.

Мы упомянули, что къ концу іюля русское войско, двигаясь вверхъ по р. Турѣ, достигло стариннаго татарскаго городка Чимги, гдѣ когда-то зимовалъ *) покойный Ермакъ съ своими

*) *Примѣч.* Относительно походовъ Ермака я болѣе довѣряю тобольскому лѣтописцу, чѣмъ лѣтописи Строгановой.

сподвижниками. Это мѣсто находилось на южномъ берегу Туры при впаденіи въ нее съ юга рѣчки Тюменки и отличалось природною крѣпостію; здѣсь воеводы рѣшились остановиться и построить крѣпость, изъ которой затѣмъ можно было бы продолжать завоеваніе Сибири. Эта крѣпость была заложена въ самыхъ устьяхъ рѣчки Тюменки на восточномъ ея берегу, такъ что одною стороною она прилегала къ возвышенному берегу р. Туры, а другими двумя—къ рѣчкѣ Тюменкѣ. Значитъ, только одна сторона была доступна и не имѣла естественнаго укрѣпленія, а потому воеводы русскіе окопали оную рвомъ.

Таково было начало города Тюмени и таковы обстоятельства, сопровождавшія его основаніе; а относительно дальнѣйшаго развитія этого города мы можемъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія. По свидѣтельству тобольскаго лѣтописца, вмѣстѣ съ крѣпостію построена и церковь во имя Всемилостивѣйшаго Спаса. Но это свидѣтельство, которому довѣряетъ Миллеръ, на самомъ дѣлѣ невѣрно. Въ документахъ того времени «начальною» церковью въ Тюмени называется храмъ во имя Рождества Пр. Богородицы, оный же и былъ «соборною» церковію. Что касается церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, то она построена позже и не въ крѣпости, которая въ документахъ называется городомъ, а въ острогѣ. До 1600 г. въ тюменскомъ городѣ было уже два храма—Рождественскій и Никольскій и придѣлъ къ послѣднему во имя Ѳеодора Стратилата, между тѣмъ какъ въ острогѣ не было еще ни одной церкви [1]). Поэтому жители острога—литва, казаки, стрѣльцы, всякіе служилые и пашенные люди били челомъ царю Борису, что они по своему обѣщанію хотятъ въ острогѣ построить храмъ во имя свв. Бориса и Глѣба съ придѣломъ св. пророка Иліи, а воевода велитъ строить оный въ городѣ. Интересенъ мотивъ этой челобитной: обитатели острога, между прочимъ, пишутъ, что хотя въ городѣ есть три храма, но имъ приходить туда молиться «зазорно», потому что тамъ молятся воеводы [2]). Царь

---

[1]) А. М. Ю. Д. Порт. Миллера № 184, см. «Челобитную тюменскаго попа къ царю Борису въ 1600 г.

[2]) Ibid., см. гр. царя Бориса въ Тюмень отъ 1601 г.

пожаловалъ, но или челобитчики не воспользовались царскимъ разрѣшеніемъ—что трудно предположить—или, можетъ быть, вмѣсто церкви Бориса и Глѣба, построили церковь во имя пророка Иліи, по крайней мѣрѣ, въ дозорной книгѣ 1624 г. церкви Борисо-Глѣбской совсѣмъ не упоминается.

Въ 1601 г. въ Тюмени устроенъ былъ ямъ изъ пятидесяти паевъ. Ямщики, присланные изъ Руси, сначала поселились въ самомъ острогѣ, но такъ какъ имъ пашни были отведены между рѣчками Тюменкой и Барымской, то они въ 1604 г. просили у царя позволенія выселиться изъ острога за Тюменку, чтобы жить около своихъ пашенъ. Разрѣшеніе дано и въ 1605 г. за Тюменкой была основана Ямская слобода [1]).

Относительно времени основанія тюменскихъ монастырей мы положительно можемъ только сказать, что въ 1616 году въ концѣ Ямской слободы монахомъ Нифонтомъ заложенъ былъ мужской Преображенскій монастырь, тотъ самый, который впослѣдствіи, съ построеніемъ въ немъ церкви во имя Св. Троицы, назывался «Троицкимъ» [2]). Что же касается женскаго монастыря, то трудно опредѣлить, съ какого времени онъ началъ свое существованіе. Изъ одной грамоты Михаила Ѳедоровича видно, что этотъ монастырь находился при церкви св. пр. Иліи. Въ этой грамотѣ приводится челобитная отъ 1623 г. двухъ монахинь города Тюмени, въ которой онѣ просятъ царя о пожалованіи ихъ хлѣбною и денежною ругою наравнѣ съ старицами Ильинскаго монастыря и быть имъ въ этомъ монастырѣ съ ружными старицами вмѣстѣ [3]). Значитъ, женскій тюменскій монастырь существовалъ еще до 1623 г. Теперь спрашивается, когда же онъ возникъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы выскажемъ слѣдующія соображенія: челобитная тюменскихъ жителей о постройкѣ церкви св. Бориса и Глѣба относится еще къ 1600 г. Очень можетъ быть, какъ мы уже упомянули, что эти жители вмѣсто церкви Борисо-Глѣбской построили церковь во имя св. пр. Иліи. Затѣмъ,

---

1) «Ежемѣч. Соч.» 1764 г., стр. 10.

2) Ibid., стр. 11 и 12.

3) «Р. И. Б.», т. II, № 140.

въ 1601 году въ Тюмень присланъ былъ черный попъ Никонъ; онъ-то, вѣроятно, и положилъ начало Ильинскому монастырю при вышеупомянутой церкви. Мы думаемъ, что этотъ монастырь былъ гораздо древнѣе Преображенскаго или Троицкаго. Ибо невозможно предположить, имѣя въ виду русскіе обычаи, чтобы въ Тюмени до основанія этого послѣдняго или до 1616 года не было никакого монастыря: вѣроятнѣе всего, что Ильинскій монастырь началъ свое существованіе съ построеніемъ церкви во имя пр. Иліи и съ прибытіемъ въ Тюмень монаха Никона. Но первоначально въ этомъ монастырѣ жили вмѣстѣ монахи и монахини, а съ основаніемъ въ 1616 году Преображенскаго монастыря монахи переселились въ этотъ послѣдній, монахини же остались жить въ Ильинскомъ.

Въ «Сибирской исторіи» Миллера упоминается царская грамота отъ 1595 года къ тюменскимъ воеводамъ, которою послѣднимъ предписывается выдать жалованье тюменскимъ жителямъ «за городовое строеніе». Миллеръ думаетъ, что «это городовое строеніе» состояло въ возобновленіи первой тюменской крѣпости, построенной Сукинымъ, и къ этому времени пришедшей въ ветхость, но мнѣ кажется, что тутъ слѣдуетъ разумѣть постройку стѣнъ острога; ибо невозможно предположить, чтобы постройки, совершенныя въ 1586 году, могли уже значительно обветшать къ 1595 году [1]). Къ тому же мы знаемъ, что городъ Тюмень вновь построенъ въ 1622 году. На это положительно указываетъ документъ, найденный нами въ одномъ изъ портфелей упомянутаго историка, и содержащій въ себѣ современное описаніе вновь построеннаго города. По этому документу новый городъ имѣлъ въ окружности 260 саж.; по стѣнамъ его возвышались двѣ башни съ проѣзжими воротами и шесть башенъ, называвшихся «глухими»; крѣпостныя стѣны были вышиною отъ земли «до обламокъ» $1^1/_2$ саж. и отъ обламокъ до кровли 1 саж., а ширина стѣнъ—$1^1/_2$ сажени. Острогъ былъ обнесенъ двумя стѣнами въ 1,048 саж.; одна отъ города простиралась подлѣ рѣчки Тюменки, а другая—отъ этой послѣдней до рѣки Туры. По стѣнамъ острога также было по-

---

[1]) «Ежемѣч. Соч.» 1764 г., стр. 5.

строено нѣсколько башенъ,—изъ которыхъ двѣ проѣзжихъ, 6 глухихъ, одна четвероугольная на столбахъ съ воротами къ рѣкѣ Турѣ и, наконецъ, одна башня о шести углахъ. «А крѣпость у города и острога», читаемъ въ томъ же документѣ, «съ одной стороны рѣка Тура, съ двухъ сторонъ рѣчка Тюменка, а съ нижней стороны съ пріѣзду сибирскіе дороги отъ Туры до Тюменки отъ поля устроены надолбы тройные» [1]).

По дозорной книгѣ 1624 года, Тюмень въ отношеніи построекъ и населенія представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ самомъ городѣ находилось: двѣ церкви—Рождественская и Николаевская, съѣзжая изба, двѣ избы караульныхъ у воротъ, десять государевыхъ житницъ, два амбара, девять дворовъ, въ которыхъ жили воевода и другія начальныя лица, архіепископскій десятникъ и церковный причтъ, людей въ нихъ—столько же. Въ острогѣ: три церкви—Спасская, Михайловская и Ильинская, гостиный дворъ съ тремя избами (двѣ гостиныхъ и одна таможенная), 24 государевыхъ лавки, 13 лавокъ и 9 мясныхъ полокъ, принадлежащихъ служилымъ, посадскимъ и пашеннымъ людямъ, дворовъ разныхъ служилыхъ людей—177, людей въ нихъ—222 человѣка, дворовъ посадскихъ—66, людей въ нихъ—80, да 77 посадскихъ людей, которые дворовъ своихъ ни въ городѣ, ни въ острогѣ не имѣли, а жили по подворьямъ, въ Ямской слободѣ и по своимъ деревнямъ, вдовьихъ дворовъ—14, людей—тоже, бобыльскихъ дворовъ—6, людей—тоже, дворовъ пашенныхъ крестьянъ—46, людей въ нихъ 71 человѣкъ, одинъ дворъ оброчнаго крестьянина, пять дворовъ ницынскихъ крестьянъ и наконецъ государева баня, тюрьма и нѣсколько кузницъ [2]).

Итого въ городѣ Тюмени въ 1624 году было 318 дворовъ, а взрослаго мужского населенія—465 человѣкъ, включая въ это число и тѣхъ посадскихъ людей, которые своихъ дворовъ не имѣли.

За острогомъ города Тюмени, за рѣчкою Тюменкою, какъ

---

[1]) А. М. И. Д., Портф. Миллера, № 45, тетр. 5, «Описаніе города Тюмени».

[2]) А. М. Ю., Спб. Пр., кн. № 5, см. «Дозорную книгу Тюменскаго города письменнаго головы Никиты Наумова».

мы упомянули выше, въ 1601 году была основана слобода Ямская. Эта слобода находилась въ столь тѣсной связи съ городомъ, что ее можно отнести къ послѣднему: многіе ямщики жили въ самомъ городѣ по подворьямъ, а около 25 дворовъ тюменскихъ посадскихъ людей находилось въ Ямской слободѣ. Относительно ея обитателей нужно замѣтить слѣдующее. Старые ямскіе охотники къ 1622 году такъ обнищали отъ конскаго падежа, какъ они жаловались Михаилу Ѳедоровичу, что не въ состояніи уже были болѣе отправлять ямскую службу и «по государеву указу велѣно имъ быть въ пашенныхъ крестьянахъ и платить въ казну выдѣльной пятый снопъ съ своихъ пашенъ». Ямская гоньба послѣ этого возложена была на инородцевъ тюменскаго уѣзда. Но постоянныя жалобы послѣднихъ на тягость ямской службы и неисправность ихъ въ этомъ отношеніи скоро заставили правительство снова устроить русскій ямъ [1]). Въ 1629 г. Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ «прибрать на Тюмени въ новые ямскіе охотники изъ посадскихъ, изъ отставленныхъ ямщиковъ, изъ захребетныхъ и прихожихъ гулящихъ людей и устроить ямъ изъ 50 паевъ, какъ было до татарской гоньбы, и дать годоваго жалованія на каждый пай по 10 р. денегъ, по 30 ч. въ трехъ поляхъ пашни и по 100 копенъ сѣна». Но ямская служба была столь тяжела въ Сибири, что немногіе русскіе люди соблазнились этимъ жалованьемъ и немногіе откликнулись на призывъ воеводы и если ямщиковъ набрано столько, сколько требовалось указомъ, то это потому «что воевода велѣлъ насильно писать въ ямскіе охотники», какъ впослѣдствіи жаловались послѣдніе. Новоприбранныхъ ямщиковъ велѣно поселить тамъ-же, гдѣ и прежде была Ямская слобода, купивъ для нихъ дворы тамошнихъ жильцовъ. А такъ какъ въ этой слободѣ въ 1629 году оказалось только 28 дворовъ, то остальнымъ ямщикамъ позволено жить въ острогѣ, на посадѣ и по деревнямъ на своихъ пашняхъ. Но уже въ 1630 году новые ямщики 50 человѣкъ били челомъ государю, что имъ не справиться съ ямскою гоньбою, потому что они люди бѣдные и безсемейные, а государь пожаловалъ бы, велѣлъ бы къ нимъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6111/67 л. 83.

въ помощь прибрать еще 50 человѣкъ, чтобы въ каждомъ паѣ было по 2 человѣка, не увеличивая однако денежнаго жалованія. Государь разрѣшилъ и уже въ томъ же году тюменскій ямъ состоялъ изъ 88 дворовъ, а людей въ нихъ было 171 человѣкъ съ дѣтьми и братіей. Ямскіе охотники обязывались за вышеупомянутое жалованье «гонять ямскую гоньбу отъ Тюмени до Тобольска и до Туринска или гдѣ по государеву указу и по подорожнымъ надобны будутъ подводы; а держать имъ на ямскую гоньбу, на пай по 3 мерина добрыхъ, зимою съ саньми, лѣтомъ съ сѣдлами и телѣгами и со всякою гоньбою снастью, а для водяного пути держать имъ всякіе гребные суды съ веслами, съ бичевами и со всякою судовою снастью ежегодъ безпереводно» [1]).

Не смотря на вышеупомянутое облегченіе для тюменскихъ ямщиковъ, не прошло и пяти лѣтъ со времени устройства яма, какъ они жаловались царю, что «отъ той ямской гоньбы и конскаго падежу обнищали и задолжали великими долгами, женъ и дѣтей своихъ позакладывали» и требовали увеличенія жалованья до 20 р., «а за десяти рублевое жалованье», писали они въ своей челобитной, «и половину года невозможно нести ямской службы». Эта челобитная не была клянчаньемъ, выпрашиваніемъ у правительства прибавки жалованья; содержаніе ея наполнено доказательствами справедливости жалобъ. Ямщики въ своей челобитной а) указываютъ на то, что они не могутъ успѣвать «гонять ямскую гоньбу», такъ какъ городовъ и остроговъ въ Сибири стало больше, и ссыльныхъ русскихъ и литовскихъ людей въ сибирскіе города предъ прежними годами значительно умножилось, а они всюду и для всѣхъ должны давать подводы; в) воеводы и всякіе служилые люди, которые ѣздятъ изъ Москвы въ сибирскіе города и остроги и обратно, причиняютъ имъ жестокія обиды, кладутъ своихъ запасовъ на подводу пудовъ по 30, такъ что имъ класть корму для лошадей негдѣ, а отъ того лошади падаютъ на дорогахъ съ надсады, тѣмъ болѣе, что переѣзды между сибирскими городами и острогами длинные, а дорога дурная; с) челобитчи-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 21, л.л. 1—6, 126—145.

ки представили выпись изъ «гонебныхъ книгъ 1633 г.», изъ которой оказывается, что тюменскій ямъ «подъ соболиную казну, подъ воеводъ и всякихъ служилыхъ людей, подъ колодниковъ до разныхъ городовъ и остроговъ, подъ ясачныхъ сборщиковъ до разныхъ татарскихъ городковъ, подъ выдѣльщиковъ хлѣба въ тюменскій уѣздъ» далъ 1476 подводъ на всѣ дороги сухимъ и водянымъ путемъ. Но такъ какъ подобнаго количества подводъ ямщики не могли дать своихъ, отъ яма, то принуждены были нанять 572 подводы, за которыя заплатили разнымъ охочимъ людямъ 496 р. Въ этомъ документѣ мы находимъ интересныя данныя относительно времени, въ которое ямщики доставляли пассажировъ на мѣсто и цѣны, которыя они уплачивали за наемныя подводы. «Съ Тюмени до Туринска лѣтнимъ водянымъ путемъ легкимъ судномъ поспѣвали въ 5 и 6 дней, а тяжелымъ въ 10 и 12 дней; зимнимъ путемъ отъ Тюмени до Туринска на легкѣ доѣзжали въ 4 и 5 дней, а тяжелымъ возомъ въ 6 и 7 дней. Съ Тюмени до Тобольска лѣтнимъ путемъ проплывали легкимъ судномъ въ 6 и 7 дней, а тяжелымъ въ 12 дней; зимнимъ путемъ отъ Тюмени до Тобольска доѣзжали налегкѣ въ 7 дней». Что касается цѣнъ за наемныя подводы, то онѣ таковы: «отъ Тюмени до Тобольска ямщики платили охочимъ людямъ за подводу зимою по 40 и $1^1/_2$ р., а по послѣднему зимнему пути по 2 и по $2^1/_2$ р.; лѣтомъ нанимали гребцовъ на суда по 1 р. и по 1 р. 20 к.»

Такимъ образомъ у тюменскаго яма, уплатившаго въ 1633 году за наемныя подводы 496 р., оставалось отъ царскаго жалованья только 4 р. Сумма слишкомъ недостаточная, чтобы ямъ могъ имѣть нужное количество лошадей, саней, телѣгъ, «всякой гонебной снасти, а для водяного пути держать всякіе гребные суда съ веслами, бичевами и всякую судовую снасть».... Правда, этотъ ямъ имѣлъ значительное количество пашень—750 десятинъ въ трехъ поляхъ, которою онъ пользовался даромъ, но трудно предположить, чтобы отъ проданнаго хлѣба тюменскіе ямщики выручали достаточно денегъ для покрытія расходовъ по ямской службѣ, особенно въ годы неурожайные и мало урожайные: къ тому же за свой тяжелый трудъ они имѣли право разсчитывать и на барышъ. Отсюда

понятны жалобы ямщиковъ и они справедливо могли жаловаться, что ради ямской службы позакладывали женъ и дѣтей. Тюменскій ямъ для иллюстраціи своего тяжелаго положенія, вслѣдствіе недостаточности царскаго жалованья, въ своей челобитной указываетъ еще правительству на условія, при которыхъ отправляютъ ямскую гоньбу ямщики въ Европейской Россіи и тутъ оказывается, что сибирскіе ямщики поставлены въ гораздо худшія условія. Напр., говорятъ они, въ Нижнемъ-Новгородѣ устроенъ ямъ изъ 70 паевъ и на каждый пай положено государева жалованія въ годъ 23 р., пашни по 5 ч. въ полѣ...., да поверстныхъ прогоновъ по 15 к. съ 100 верстъ; касимовскій ямъ существуетъ на тѣхъ же условіяхъ. Поэтому, пишутъ челобитчики, если бы имъ платили поверстныя деньги, то по разсчету казна должна была въ 1633 г. уплатить яму однихъ прогонныхъ денегъ 846 руб. 60 коп.

Въ заключеніе своей жалобы тюменскіе ямщики пишутъ «только-де государева жалованья не будетъ нынѣ прибавки, то имъ впередъ никакими мѣрами ямской гоньбы невозможно гонять и разбрестись будетъ всѣмъ розно»... «Брести розно» эта угроза рѣдко не дѣйствовала на московское правительство, отъ кого бы она не исходила, отъ ямщиковъ ли, служилыхъ людей, или пашенныхъ крестьянъ. Жалоба тюменскаго яма была услышана и государь указалъ: а) на каждый ямъ давать жалованья по 20 р. въ годъ, а в) воеводамъ и всякимъ служилымъ людямъ класть на подводы зимою не болѣе 25 п., а лѣтомъ не болѣе 20 п. клади [1]).

Теперь обратимъ вниманіе на уѣздъ города Тюмени. Изъ дозорной книги 1623 г. видно, что тюменскій уѣздъ, не смотря на давнее основаніе города, въ то время былъ еще довольно мало населенъ. Тѣмъ не менѣе русскіе поселки уже въ это время охватили почти все теченіе Туры въ тюменскомъ уѣздѣ и появились даже на нѣкоторыхъ изъ ея притоковъ съ правой стороны. Образованіе этихъ поселковъ шло тѣмъ же путемъ, какъ и въ уѣздахъ верхотурскомъ и турин-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., ст. № 6090/46 л. 1—54.

скомъ: основаніемъ своимъ они обязаны разнымъ обитателямъ города Тюмени, Ямской слободы и составляли въ большинствѣ случаевъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ, безъ различія происхожденія послѣднихъ. Всѣ эти поселки, за исключеніемъ села Каменнаго и нѣсколькихъ деревень, принадлежатъ къ типу хуторовъ, основанныхъ тюменскими жителями на своихъ пашняхъ: а возникновеніе оныхъ, очевидно, относится еще ко времени поселенія въ Тюмени самыхъ основателей. Мы ничего не могли сказать о времени появленія въ Тюмени разныхъ классовъ общества, но уже въ 1595 г. тамъ, кромѣ служилыхъ людей были и посадскіе и пашенные крестьяне. Поэтому можно думать, что возникновеніе многихъ деревень или хуторовъ въ тюменскомъ уѣздѣ относится еще къ XVI в.; по крайней мѣрѣ къ этому времени нужно отнести деревни ближайшія къ городу; на давность основанія всѣхъ ниже перечисленныхъ деревень указываетъ и большое количество «перелогу», находящагося подъ каждою деревнею.

По первой переписи, произведенной въ 1623 г. письменнымъ головою Зловидовымъ и подъячимъ Салтанаковымъ, въ тюменскомъ уѣздѣ существовали слѣдующіе поселки [1]).

1. Деревни разныхъ служилыхъ людей. Колич. дворовъ.

При рѣкѣ Турѣ вверхъ отъ города: дер.	Васьки Лепешки	1
	Тренки Пелымскаго . . .	1
	Митьки Голая Шуба . . .	1
	Олешки Насѣкина. . . .	1
	Михалки Насѣкина . . .	1
При Кривомъ озерѣ:	Степана Молчанова . . .	1
	Ѳедьки Вятченина. . . .	1
	Тренки Кулакова	2
	Гриши Данилова	1
	Савки Каклягина	1
	новокрещенца Андрюшки Чермисина . .	1

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. № 5 л. 451—539 см. Списокъ съ списка съ тюменскихъ книгъ...

При Липовскомъ озерѣ:	Семейки Карачевца . . .	1
	Исачки Сесюкина	1
Надъ озеромъ въ трехъ верстахъ отъ города:	Пронки Мощеникова . . .	1
При р. Каптагаѣ:	Ивашки Проскурняка. . .	1
	Васьки Проскурякова. . .	1
При р. Кармакѣ:	Мансурки Мальцева . . .	2
	Елистратки Вавилнаго . .	1
	Васьки Кокшара	1
	Ивашки Мальцева . . .	1
	Ивашки Бусыги	1
	Андрюшки Деревнина . .	1
При р. Шешуковкѣ:	Якуньки Свѣчкина . . .	1
По Турѣ внизъ отъ города: Новокрещ.	Олешки Налимова	1
Новокрещенца стрѣлецкаго десятника	Титки Васильева	1
	Ермачка Колмогорца . . .	1
	Ѳедьки Дружинина . . .	1
Новокрещенца	Ивашки Часюбердина . .	1
	Семейки Ѳеѳилова	1
	Васьки Бутакова	1
	Суботки Михайлова . . .	1
	Манькова.	2
	Онтошки Осипова	1
	Васьки Васильева	1
	Пронки Максимова . . .	1
	Терешки и Мишки Онтоновыхъ	1
	Угрюмовыхъ	2
	Шеликулова	1
	Ондрюшки Угренина . . .	1
	Гаврилки Васильева . . .	1
	Кондрашки Коника . . .	1

Такимъ образомъ до 1623 г. изъ всѣхъ служилыхъ людей города Тюмени только 42 человѣка имѣли свои деревни въ уѣздѣ. Затѣмъ десять человѣкъ имѣли «займища», два «же-

ребьи» и 78 человѣкъ только пашни въ разныхъ мѣстахъ. Всѣхъ занимавшихся хлѣбопашествомъ было 132 человѣка, которые пахали «доброй земли» 972 ч. въ полѣ..., а сѣна косили 10,090 копенъ.

2. Деревни посадскихъ людей: Колич. дворовъ.

По Турѣ вверхъ отъ города:	Ивашки Яковлева	1
	Семейки Зырянина . . .	1
	Васьки Вятчанина . . .	1
	Якуньки и Ивашки Пановыхъ	1
	Евси Шоломенцова . . .	2
По Турѣ внизъ отъ города:	Тарутина	1
	Микитина	1
	Ѳедьки Сета	1
	Игнатки Вяткина	1
	Кирилки Матвѣева . . .	1
При рѣкѣ Шешуковкѣ:	Микитки Двинянина . . .	1
	Селиванки Олѳерьева . . .	1
	Костьки Шешукова . . .	1
	Семейки Гилева	2
	Лучки Игнатьева	1
	Митьки Зырянина	1
Село Коломенка на бер. Туры при устьѣ р. Каменки . .		7

Это село справедливѣе было бы назвать «Усольскимъ», потому что основано было посадскими людьми «усольцами». Въ 1623 г. въ этомъ селѣ было 6 дворовъ посадскихъ людей, одинъ дворъ попа, у котораго жили дьячекъ и пономарь. Но какъ посадскіе, такъ и причтъ—всѣ были «усольцы». Относительно причта въ дозорной книгѣ замѣчено, что «онъ пашень на себя не пашетъ, а питается отъ церкви—Покрова Пресв. Богородицы, которая находится въ этомъ селѣ». Кромѣ того посадскимъ людямъ принадлежало 5 займищъ. Всего посадскіе люди 85 человѣкъ пахали «доброй земли» 376 ч. въ полѣ.... а сѣна косили 1950 копенъ.

3. Деревни пашенныхъ крестьянъ: Колич. дворовъ.

По р. Турѣ вверхъ отъ города:	Субботина	2
	Ларки Гусельникова . . .	4
	Ивашки Казанца	1
	Братьевъ Мартемьяновыхъ .	1
По Турѣ внизъ отъ города:	Первушки Букина	2
	Митьки Мохирева	1
	Петруши Мохирева . . .	1
	Петруши Чусовитяна . . .	2
	Созонки Быкова	1
	Васьки Головина	2
	Богдашки Шелдукова . .	1
	Семейки Ошкокова . . .	1
	Братьевъ Угримовыхъ . .	1
	» Сысоевыхъ . . .	1
	Амоски Чусовитяна . . .	1
	Ивашки Москвитина . . .	2
	Братьевъ Шешуковыхъ . .	1
При рѣкѣ Каменкѣ:	Аѳонки Гусельникова . .	3
При рѣкѣ Липкѣ:	Голышкова	1
	Митьки Розмаза	1
	Андрюшки Клыкова . . .	1
	Сережки Новоселова . . .	1
	Петрушки Рѣчкина . . .	3
При рѣкѣ Кармакѣ:	Братьевъ Букиныхъ . . .	1

Всего въ деревняхъ пашенныхъ крестьянъ 39 дворовъ, да въ 7 займищахъ 4 двора, а въ нихъ живутъ 86 ч. У нѣкоторыхъ посадскихъ и пашенныхъ крестьянъ встрѣчаются «ихъ крѣпостные люди», «купленные люди изъ калмыковъ», «прокормленники» и «половники». Пашень доброй земли тюменскіе пашенные крестьяне пахали на себя 627 ч. въ полѣ..., которые составляли 31 выть, полагая въ каждую выть 20 ч. въ полѣ, а государевой пашни они должны были пахать за каждую выть по $2^1/_4$ дес., итого 69 десятинъ въ полѣ...; сѣна на себя косили 4390 копенъ.

Изъ оброчныхъ крестьянъ въ Тюмени былъ только одинъ, пахавшій на себя 15 ч. въ полѣ, а оброку платилъ съ своей пашни 15 ч. ржи и 11 ч. овса.

4. Деревни ямскихъ охотниковъ:

		Колич. дворовъ
По р. Турѣ:	Елшовка (Шешуковыхъ)	13
	Коклягина	2
	Каптагай	2
	Мятелева	3
	Разсоха (братьевъ Гивриловыхъ и Сергѣевыхъ)	6
При Б.-Кармакѣ:	Зырянская	5
При М.-Кармакѣ:	Мальцова	1
При озерѣ	Зубарева	3

Деревни ямщиковъ сравнительно съ деревнями служилыхъ людей, посадскихъ и даже пашенныхъ крестьянъ рѣзко отличаются численностью населенія: изъ нихъ только одна деревня состояла изъ одного двора и нѣтъ ни одной, въ которой взрослаго мужского населенія было меньше 2-хъ человѣкъ. Но нѣкоторыя, какъ, напр., Елшовка въ это время заключала въ себѣ 13 дворовъ съ 40 душами населенія и Зырянская, которая состояла изъ 6 дворовъ и 14 человѣкъ взрослаго мужского населенія. Изъ этого можно заключить, что ихъ происхожденіе нѣсколько иное: возникновеніе такихъ многодворныхъ деревень, вѣроятно, обязано не отдѣльнымъ личностямъ, а товариществамъ ямщиковъ, паямъ; по крайней мѣрѣ это должно быть справедливо относительно Елшовки, Зырянской и Разсохи. Всѣхъ ямщиковъ, которые жили въ деревняхъ, 95 чел. съ дѣтьми, братіей и племянниками. Другіе жили въ слободѣ и въ острогѣ, но всѣ занимались хлѣбопашествомъ. По дозору Зловидова они пахали на себя «доброй земли» 725 ч. въ полѣ...—что составляло нѣсколько больше 36 вытей, а сѣна на себя косили 4,410 копенъ. Мы выше уже упоминали, что эти ямщики въ 1623 году оставили ямскую службу. Имъ велѣно быть въ пашенныхъ крестьянахъ, а по приговору боярина Сулешова съ товарищами за пользованіе вышеупомянутой землей они должны обработывать государевой пашни 81 де-

сятину въ полѣ... Однако изъ многихъ документовъ, просмотрѣнныхъ нами, оказывается, что этотъ приговоръ остался безъ исполненія: эти ямщики составляли особый разрядъ населенія въ тюменскомъ уѣздѣ и въ разныхъ документахъ называются «отставленными ямскими охотниками»; пашни государевой они не пахали, а платили съ своей пашни пятый снопъ. Нѣкоторые изъ нихъ, съ образованіемъ новаго яма, записались въ дѣйствительные ямщики, а большинство осталось на положеніи «отставленныхъ». Въ дозорной книгѣ упоминается еще деревня «внизъ по Турѣ отъ города въ 30 верстахъ», принадлежащая тюменскому Преображенскому монастырю. Эта деревня въ 1623 г. состояла только изъ одного двора, въ которомъ жили монастырскіе работники. Пашни у Преображенскаго монастыря было 43 чел., да пашенныхъ дубравъ 39 десятинъ, а сѣна на 500 копенъ.

Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ данныхъ слѣдуетъ, что въ тюменскомъ уѣздѣ въ 1623 году находилось: одно село и 91 деревня, а дворовъ всѣхъ было 146. Изъ этого мы исключаемъ Ямскую слободу и архіепископскую—Усть-Ницынскую, въ которыхъ въ это время было 54 двора.

Что же касается количества населенія въ уѣздѣ, то это трудно опредѣлить; можно только сказать, что посадскихъ было 85, пашенныхъ крестьянъ 106 съ братіей и крѣпостными людьми и 95 отставленныхъ ямщиковъ.

Относительно дальнѣйшаго развитія русскаго населенія въ Тюменѣ и его уѣздѣ въ періодъ отъ 1623 до 1645 г., за отсутствіемъ матеріала, мы не можемъ въ достаточной степени удовлетворить любознательность читателя. Имѣющійся у насъ подъ руками матеріалъ касается только увеличенія количества служилыхъ людей въ городѣ Тюменѣ и пашенныхъ крестьянъ въ деревняхъ, да и то оный не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній относительно ихъ дѣтей, братій и другихъ свойственниковъ, относительно половниковъ, захребетниковъ и т. п.

Въ 1632 году пашенныхъ крестьянъ было 80 чел., а государевой пашни пахали 104 десят. въ полѣ [1]), въ 1636 году

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 35, л. 218, см. «Книга тюменск. госуд. пашни и пашенныхъ крестьянъ 1632 г.».

пашенныхъ крестьянъ было 65 чел., а государевой пашни пахали 97 дес. въ полѣ [1]), въ 1640 году пашенныхъ крестьянъ было 69 чел., а государевой пашни пахали 104 десят. [2]), въ 1645 году пашенныхъ крестьянъ было 115 чел., а государевой пашни пахали 170 десят. [3]).

Собственной пашни тюменскіе крестьяне обработывали въ 1645 г. около 1,622 ч. въ полѣ... Кромѣ пашенныхъ крестьянъ, были еще оброчные, которыхъ въ этомъ году было 23 человѣка; послѣдніе за пользованіе пашней платили оброчный хлѣбъ: съ каждой выти по 20 ч. ржи и по 25 ч. овса; всѣ упомянутые 23 человѣка въ 1645 году уплатили 128 ч. ржи, 124 ч. овса и 2 ч. крупъ. Относительно количества посадскихъ, отставленныхъ ямщиковъ и гулящихъ людей въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, судя по оброчному съ нихъ сбору, можно предположить, что первыхъ было около 200 человѣкъ, вторыхъ около 70, а послѣднихъ не менѣе 100 челов.

Болѣе точныя свѣдѣнія мы можемъ дать о количествѣ служилаго населенія въ городѣ Тюменѣ. Мы упоминали, что въ 1623 году всякихъ служилыхъ людей, исключая впрочемъ воеводъ, головъ, подъячихъ было только 222 человѣка. Но послѣ 1630 года тюменскому уѣзду начинаютъ угрожать постоянными нападеніями кучумовы внучата съ калмыками: не проходило года, чтобы они не безпокоили этотъ уѣздъ своими набѣгами. Въ 1634 году имъ удалось даже разгромить много деревень въ тюменскомъ уѣздѣ и туринскихъ слободъ по р. Ницѣ: Чубарову, Киргинскую, Верхне-Ницынскую и Нижне-Ницынскую или Красную. Но этотъ разъ упомянутые враги нашли себѣ союзниковъ между татарами тюменскаго уѣзда: измѣнивъ, татары кинырскаго городка и терсяцкой волости, и соединившись съ кучумовыми внучатами и калмыками, произвели значительныя опустошенія въ русскихъ поселкахъ. Жители тюменскихъ деревень жаловались, что «ноября 11, 1634 года приходили подъ Тюмень кучумовы внучата съ калмыками и тюменскими тата-

---

[1]) Ibid., кн. № 68, л. 243.
[2]) Ibid., кн. № 43.
[3]) Ibid., кн. № 166, л. 237.

рами и въ тюменскомъ уѣздѣ ихъ пашенныхъ крестьянъ повоевали, въ полонъ поимали и побили, деревни съ хлѣбомъ пожгли, лошадей и всякій скотъ отогнали и имъ жеребьевъ своихъ пахать стало невозможно, потому что они стали одиноки и бѣдны и безлошадны..., отъ воинскихъ людей совсѣмъ разорены» [1]).

Эти набѣги, жалобы жителей и печальныя донесенія воеводъ заставили правительство значительно усилить войско въ Тюмени: въ слѣдующемъ году сюда прислано изъ Колмогоръ 500 стрѣльцовъ, изъ которыхъ 400 записались въ конную службу и 100 въ пѣшую. Царскою грамотою отъ 1635 г. велѣно тюменскому воеводѣ разставить колмогорскихъ стрѣльцовъ по домамъ служилыхъ людей, пока они поставятъ свои дворы: велѣно также отвести имъ въ острогѣ мѣсто для постройки стрѣлецкой слободы, а если острогъ малъ, то расширить его. Кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья (5 р., 5 ч. ржи, 4 ч. овса въ годъ), эти стрѣльцы получили пашни по 2 дес. на человѣка и притомъ безъ выдѣльного снопа. Но трудно было на пятирублевое жалованье поставить дворы, купить лошадей и вообще обзавестись хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ. Поэтому мы видимъ, что колмогорскіе стрѣльцы даже въ 1636 г. не оставили еще своихъ дворовъ и продолжали жить по домамъ тюменскихъ литвы и казаковъ, не смотря на жалобы послѣднихъ. Въ концѣ 1636 г. они послали царю челобитную, въ которой, между прочимъ, писали: «ѣдучи де они отъ Колмогоръ съ женами и дѣтьми обнищали и разорились до основанія, дворишки и всякій заводъ пометали—продавать было неколи, котораго де часу твоя государева грамота пришла въ Колмогоры, тотъ де часъ они посланы въ Сибирь и теперь службы служить имъ и коней купить нечѣмъ»... Челобитчики просили подмоги, но государь указалъ имъ довольствоваться жалованьемъ и на него купить лошадей [2]). Такимъ образомъ населеніе Тюмени въ одинъ годъ увеличилось на 500 семействъ. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича вся-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6111/67, л. 152—274.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6132/88, л. 700; № 6111/67, л. 425.

кихъ служилыхъ людей было 790 человѣкъ, кромѣ дѣтей, братій и племянниковъ, изъ нихъ 12 человѣкъ боярскихъ дѣтей. Кромѣ того, въ Тюмени отправляли военную службу и татары, которыхъ въ 1645 г. было 108 человѣкъ [1]).

Изъ всѣхъ данныхъ, найденныхъ нами въ разныхъ документахъ, слѣдуетъ, что всего русскаго населенія въ Тюмени и его уѣздѣ въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, включая ружниковъ, оброчниковъ и гулящихъ людей, было не менѣе 1,750 семействъ, тогда какъ инородческаго населенія, служилыхъ, пашенныхъ и ясачныхъ татаръ въ то-же время было не болѣе 350 семействъ.

Въ заключеніе сообщимъ данныя изъ «смѣтныхъ книгъ денежныхъ доходовъ и расходовъ» и изъ «смѣтныхъ книгъ хлѣбныхъ запасовъ», чтобы судить такъ сказать о бюджетѣ города Тюмени и о хлѣбныхъ урожаяхъ въ его уѣздѣ.

Въ 1628 г. взято:

1) Съ тюменскихъ посадскихъ людей, съ лавокъ, полокъ, кузницъ, мельницъ оброчныхъ денегъ 125 р. 75 к.

2) Съ площаднаго письма откупныхъ денегъ 46 р. 48 к.

3) Таможенныхъ пошлинъ съ проѣзжихъ и тюменскихъ людей 1,171 р.

4) Пошлинъ съ татарскихъ городковъ и юртъ отъ продажи и купли хлѣба и мелкой мягкой рухляди 17 р. 36 коп.

5) Съ промышленныхъ и гулящихъ людей оброчныхъ денегъ 209 р. 71 к.

6) Разныхъ другихъ доходовъ: судныхъ, корчемныхъ, съ рыбныхъ ловлей, съ перевозу, съ кабалъ, съ пролубей, явочныхъ, съ государевыхъ соломы, мякины, ухоботья и пр. 393 р. 88 к.

Всего взято 1,964 р. 18 к., а израсходовано въ томъ же году 2,216 р. 75 к. Расходъ главнымъ образомъ падалъ на жалованье служилымъ людямъ, русскимъ и татарамъ, ружникамъ, оброчникамъ и «гонебнымъ татарамъ». Неокладныхъ, или по нашему чрезвычайныхъ, расходовъ въ Тюмени въ этомъ году было очень мало—всего нѣсколько десятковъ рублей «на подмогу крестьянамъ и для сыску серебряной руды»?

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 43, л. 600; А. М. И. Д. Порт. М., № 545.

Такимъ образомъ бюджетъ города Тюмени въ 1628 г. окончился дефицитомъ въ 252 р. 57 к. Составитель смѣты, представивъ смѣтныя книги доходовъ и расходовъ, относительно дефицита, спрашиваетъ: «и о томъ государь какъ укажетъ?» Велѣно недостающую сумму для покрытія расходовъ дослать въ Тюмень изъ Тобольска [1]).

Правда, казна не была въ убыткѣ: дефицитъ этого года съ излишкомъ покрылся ясакомъ, котораго въ 1628 г. собрано на 550 р. 12 к. [2]). Но вообще мѣстные денежные доходы въ Тюмени не покрывали таковыхъ же расходовъ: во все царствованіе Михаила Ѳедоровича тюменскія смѣтныя книги никогда не заканчивались безъ дефицита. Съ 1628 г. денежные расходы постепенно растутъ и доходы даже включая ясакъ далеко не покрываютъ оные, - напр. въ слѣдующемъ году собрано денежныхъ доходовъ 1,837 р., ясаку 535 р. 81 к., а израсходовано 2,444 р. 56 к. [3]). Въ 1630 году дефицитъ получился еще бо́льшій, потому что въ этомъ году устроился въ Тюмени русскій ямъ, а русскіе ямщики получали жалованья вдвое болѣе, чѣмъ татарскіе.

Затѣмъ съ 1635 г., со времени увеличенія служилыхъ людей въ Тюмени и прибавки жалованья ямщикамъ, дефицитъ достигъ по тому времени почтенной суммы. Напр., въ 1637 г. собрано всякихъ денежныхъ доходовъ 2,977 р. 36 к., а вышло въ расходъ 6,723 р. 45 к., въ слѣдующемъ году доходовъ было 3,086 р. 3 к., а расходовъ 7,033 р. [4]). Увеличеніе доходовъ въ городѣ Тюменѣ замѣчается только въ одной статьѣ, именно по статьѣ таможенныхъ сборовъ, да и то не всегда; напр., въ 1629 г. таковыхъ доходовъ собрано 1,171 р., а въ 1638 г.—2,388 р. Что же касается сбора ясака, то послѣдній постепенно уменьшался; въ 1637 г. съ ясачныхъ тюменскихъ людей взято мягкой рухляди только на 356 р. 45 к. [5]).

Но зато разнаго хлѣба въ тюменскомъ уѣздѣ правитель-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6063/19, л. 473 и далѣе.
[2]) Ibid., кн. № 20.
[3]) Ibid., кн. № 18, л. 256.
[4]) Ibid., кн. № 87.
[5]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 61.

ство собирало значительное количество: мѣстнаго сбора хлѣба не только достаточно было для покрытія мѣстныхъ расходовъ, но и возможно было тысячами четвертей отправлять въ другіе «непашенные города». Въ 1628 г. собрано разнаго хлѣба съ государевой десятинной пашни (въ 200 дес.) 2,592 ч., выдѣльного съ ружниковъ, посадскихъ и отставленныхъ ямскихъ охотниковъ 6,537 руб., ясачнаго хлѣба съ пашенныхъ татаръ 108 ч., оброчнаго—28 чет., всего 9,265 четвертей, а израсходовано за тотъ же годъ на жалованье ружникамъ, оброчнымъ и служилымъ людямъ и на государевы пашни всего 1,982 четверти [1]). За отправкою въ Тобольскъ 3,068 чет. въ царскихъ житницахъ оставался еще значительный запасъ [2]). Въ 1632 г. всего собрано разнаго хлѣба 15,052 чет., а вышло въ расходъ 2,459 ч. [3]). Въ слѣдующіе годы сборы хлѣба еще болѣе увеличились и всегда въ нѣсколько разъ превосходили расходъ.

Что касается урожая въ тюменскомъ уѣздѣ, то мы, просмотрѣвъ за нѣсколько лѣтъ (отъ 1628 по 1645 г.) «ужимныя» и «смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ», пришли къ слѣдующему выводу: если не принимать въ разсчетъ нѣкоторыхъ неурожайныхъ годовъ, то на государевой пашнѣ былъ урожай, напр., ржи самъ 8 и 9, а на «собинной» самъ 9, 10 и даже 12; средніе урожаи яровыхъ—самъ 7 и 8. Конечно, бывали неурожайные годы, бывалъ иногда значительный недоборъ хлѣба противъ смѣты, зависящій отъ того, что жатву заметало снѣгомъ ранѣе, чѣмъ могли собрать хлѣбъ, но голода тюменцамъ не приходилось терпѣть, такъ какъ въ царскихъ житницахъ всегда находился значительный запасъ разнаго хлѣба; напр., въ 1635 г. такихъ запасовъ скопилось 17,710 ч. [4]).

---

[1]) Ibid., Столб. № 6063/19, л. 47.
[2]) Ibid., книга № 18.
[3]) Ibid., книга № 35, л. 162.
[4]) Ibid., книга № 42.

ГЛАВА V.

Тобольскъ и его уѣздъ (1587—1645). Тобольскъ съ самаго начала своего существованія сдѣлался начальнымъ городомъ Сибири; онъ былъ центромъ политическимъ, административнымъ, а съ открытіемъ въ немъ архіепископской каѳедры и центромъ церковнымъ. Сюда ежегодно присылалось множество грамотъ изъ Москвы и воеводскихъ отписокъ изъ другихъ сибирскихъ городовъ. Казалось бы поэтому, что относительно Тобольска, перваго по старшинству русскаго города въ новопокоренномъ краѣ, мы не будемъ чувствовать недостатка въ матеріалѣ, а на самомъ дѣлѣ до насъ дошло слишкомъ мало о немъ древнѣйшихъ свѣдѣній. Еще Миллеръ, желая что нибудь сообщить относительно старины этого города, замѣтилъ: «за недостаткомъ архивныхъ дѣлъ онаго времени, не можемъ объявить больше, какъ то, что подобаютъ намъ сибирскіе лѣтописцы и протчихъ городовъ архивы». Въ свою очередь и мы должны сознаться въ томъ же самомъ: не смотря на тщательные поиски въ сибирскомъ приказѣ, намъ ничего не удалось найти, что освѣтило бы старину Тобольска болѣе, чѣмъ это сдѣлано историкомъ XVIII вѣка. Намъ не попалось подъ руки ни одного документа, изъ котораго мы могли бы почерпнуть свѣдѣнія, напр., объ основаніи этого города, о первоначальномъ его населеніи и пр. Поэтому намъ остается передать о старинѣ Тобольска только то, что находимъ у лѣтописцевъ и у Миллера. Вѣроятно послѣ полученія вѣстей отъ Мансурова,

прибѣжавшаго изъ Сибири не ранѣе весны 1586 года, и донесеній изъ Тюмени отъ воеводы Сукина, московское правительство въ началѣ 1587 года послало въ Сибирь новое войско въ количествѣ 500 человѣкъ и вмѣстѣ съ нимъ наказъ письменному головѣ Чулкову, чтобы послѣдній съ означеннымъ войскомъ отправился къ столицѣ Кучумова царства и около нея на удобномъ мѣстѣ заложилъ новый русскій городокъ, изъ котораго можно было бы вести дальнѣйшія военныя операціи въ Сибирскомъ царствѣ. Исполняя наказъ, Чулковъ лѣтомъ 1587 года положилъ основаніе городу Тобольску, заложеніемъ небольшой крѣпости на правомъ берегу Иртыша, противъ устьевъ Тобола и нѣсколько сѣвернѣе кучумовой столицы Искера. Эта послѣдняя, какъ мы упоминали, находилась въ это время въ рукахъ князя Сейдяка, который воспользовался бѣгствомъ Кучума, чтобы предъявить свои права на царство своихъ предковъ. Несомнѣнно, что соперничество этихъ двухъ претендентовъ много способствовало успѣху русскаго дѣла въ Сибири. Послѣ утвержденія Сейдяка въ Искерѣ, иртышскіе татары не знали кого признавать своимъ властителемъ, за кого бороться противъ русскихъ завоевателей; вѣроятно часть ихъ стояла за Сейдяка, а другая оставалась вѣрною Кучуму. Отсутствіе единодушія между иртышскими татарами гибельно отозвалось на судьбѣ обоихъ претендентовъ и дало возможность русскимъ почти безъ борьбы подчинить себѣ этихъ инородцевъ. Какъ видно, Сейдякъ не отличался энергіей; но, захвативъ въ свои руки Искеръ, лишилъ Кучума опоры на Иртышѣ и тѣхъ средствъ для борьбы съ русскимъ войскомъ, которыя онъ могъ найти у иртышскихъ татаръ.

Мы не знаемъ, дѣлалъ ли Чулковъ попытку силою выгнать Сейдяка изъ Искера. Тобольскій лѣтописецъ разсказываетъ, что однажды русскому воеводѣ удалось заманить въ свою крѣпость этого претендента вмѣстѣ съ его начальными людьми и частью войска и жестоко расправиться съ своими гостями: войско было перебито, а Сейдякъ съ товарищами взятъ подъ стражу и затѣмъ отправленъ въ Москву. По свидѣтельству же другаго лѣтописца не русскій воевода поступилъ вѣроломно съ Сейдякомъ, а, напротивъ, послѣдній хотѣлъ вѣроломнымъ

образомъ захватить Тобольскъ и перебить русскихъ людей. Но всѣ лѣтописцы согласны въ томъ, что послѣ плѣна Сейдяка, татары его бросили Искеръ и убѣжали въ степь. «И оттолѣ», замѣчаетъ сибирскій лѣтописецъ, «на всѣхъ бусурманъ сибирской земли напалъ великій страхъ и всѣ татары ближніе и дальніе не смѣли къ государевымъ городамъ приходить войною». Хотя мы и знаемъ, что на самомъ дѣлѣ татары далеко не такъ трусливо смотрѣли на русскія крѣпости, какъ думаетъ этотъ лѣтописецъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно послѣ разгрома Сейдяка, опустошенія Искера, многочисленныя татарскія юрты, расположенныя по среднему и нижнему теченію Иртыша, волею или неволею должны были признать власть русскаго царя. Существованіе русскаго города на Иртышѣ, въ центрѣ иртышскихъ татаръ, препятствовало Кучуму воспользоваться послѣдними для борьбы съ русскими завоевателями.

Русское правительство хорошо понимало стратегическое значеніе Тобольска въ новопокоренномъ краѣ, держало тамъ всегда значительное войско и постепенно населяло его и посадскими и пашенными людьми. Сначала Тобольскъ зависѣлъ отъ Тюмени, но скоро (вѣроятно въ 1590 г.) онъ сдѣлался не только самостоятельнымъ, но и главою другихъ сибирскихъ городовъ. Съ 1590 г. воеводами въ Сибирь назначались люди знатные—князья, стольники и даже бояре; они имѣли широкія полномочія отъ правительства въ отношеніи дальнѣйшаго распространенія русской власти въ Сибири и общаго управленія покореннымъ краемъ. По свидѣтельству «тобольскаго лѣтописца», тотъ же Чулковъ, который положилъ основаніе Тобольску, построилъ двѣ церкви: одну во имя Живоначальной Троицы въ самой крѣпости, а другую во имя Всемилостивѣйшаго Спаса внѣ оной. По другому извѣстію городъ въ 1600 году «перенесенъ съ троицкаго мыса на другую сторону торговаго ввозу на мысъ», т. е. вѣроятно, на то мѣсто, на которомъ тобольская крѣпость начерчена на атласѣ Ремезова. Затѣмъ въ 1601 и 1602 годовъ построено еще двѣ церкви: одна во имя Вознесенія Господня, вѣроятно въ крѣпости, а другая на горѣ въ честь Николая

Чудотворца [1]). По дозорной книгѣ 1624 г. въ городѣ, въ острогѣ и за острогомъ было уже 10 церквей и два монастыря: Успенскій женскій съ двумя церквами—во имя Успенія Пр. Богородицы и Николая Чудотворца и Знаменскій мужской съ церковью во имя Знаменія Божіей Матери. Первоначально въ Тобольскѣ былъ одинъ для обоихъ половъ монастырь съ церковью Зосимы и Савватія, построенный на лѣвомъ берегу Иртыша близь стараго устья Тобола. О времени основанія этого монастыря и объ основаніи его мы ничего не знаемъ. Въ 1610 г. онъ былъ перенесенъ изъ-за Иртыша на гору, за острогъ; здѣсь при немъ была построена церковь во имя Успенія Пр. Богородицы и монастырь сталъ называться Успенскимъ [2]). Въ «Краткомъ показаніи о воеводахъ»... мы находимъ извѣстіе, что въ 1611 г. при томъ же монастырѣ жителями Тобольска, по обѣщанію, построена другая церковь во имя Николая Чудотворца [3]). Вотъ почему въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ архивныхъ документахъ, найденныхъ нами въ сибирскомъ приказѣ и относящихся къ Успенскому монастырю, послѣдній называется «Успенскимъ и Никольскимъ» [4]). Первый архіепископъ сибирскій Кипріанъ, по прибытіи въ Тобольскъ, основалъ новый монастырь въ нижней части города подъ горою, около устья рѣки Мостовки; сюда были переведены старцы Успенскаго монастыря, а старицы остались жить въ послѣднемъ. Въ 1624 г. въ Успенскомъ монастырѣ было 7 келій, а въ новомъ только 5. Такъ какъ при послѣднемъ построена была церковь во имя знаменія Пр. Богородицы, бывшаго въ Новгородѣ 1170 года и придѣлъ Зосимы и Савватія, то онъ сталъ называться «Зна-

---

[1]) «Описаніе Сиб. Цар.» Миллера, стр. 171—173; «Ежем. Соч.» 1764 г. янв., стр. 28—30; «Сибир. Лѣт.» изд. Спасскимъ, стр. 64—65; лѣт. Саввы Есипова, глав. XXXI и дал.; «Краткое Показаніе»; «Сибир. Лѣт.» въ «Сѣв. Архивѣ,» ч. XIX; «Кунгурская Лѣтопись», стр. 99.

[2]) «Странникъ» 1864 г., авг., см. статью «Кипріанъ, первый архіеп. тоб.»

[3]) «Кратк. Показ.», стр. 6—7.

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 151, л. 36 и 37. Здѣсь читаемъ: «1620 г. Савва Ѳрянцуженинъ... тоб. города далъ есми въ Тобольску въ обчей монастырь Успѣнія Пр. Богор. и Николы Чудотворца вкладу на вагайскомъ острову свою роспашь...» или: «1620 старецъ Герасимъ продалъ займище въ Успѣнскій и Никольскій монастырь...».

менскимъ» или «Обителью Знаменія Пр. Богородицы и преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія» [1]). Важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи Тобольска, какъ и всей Сибири, было учрежденіе въ 1620 г. архіепископской каѳедры въ этомъ городѣ. Первымъ сибирскимъ архіепископомъ, какъ извѣстно, былъ Кипріанъ, бывшій до того времени архимандритомъ новгородскаго Спасскаго Хутынскаго монастыря. Посвященный въ санъ архіепископа Кипріанъ, взявъ съ собою монаховъ, протопопа, протодіакона, ключаря, нѣсколько священниковъ, діаконовъ, причетниковъ, пѣвчихъ, дѣтей боярскихъ, нѣсколько простыхъ служителей и даже 8 семей крестьянскихъ, отправился въ Сибирь въ началѣ 1621 г. и прибылъ въ Тобольскъ 30 мая. Прибытіе Кипріана съ цѣлымъ штатомъ по крайней мѣрѣ на 25 семействъ увеличило населеніе этого города. Сибирскіе писатели утверждаютъ, что будто Кипріанъ, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, «Троицкую церковь въ подражаніе новгородскому собору и въ память того, что первый архіепископъ былъ уроженецъ новгородской епархіи, наименовалъ соборомъ св. Софіи» [2]). Мы съ этимъ не можемъ согласиться: въ дозорной книгѣ 1624 года церковь «Живоначальной Троицы» упоминается отдѣльно отъ соборной церкви Св. Софіи и притомъ первая находилась тогда въ городѣ, а послѣдняя въ острогѣ. Судя по тому, что первая царская жалованная грамота (отъ 20 января 1622 года) дана «Сибирскому архіепископу», а не «въ домъ Софіи Пр. Божіей», какъ обыкновенно писалось въ подобныхъ грамотахъ, намъ кажется, что въ началѣ 1622 г. еще не существовало церкви «Софіи Пр. Божіей». Но несомнѣнно послѣдняя уже была въ концѣ лѣта 1622, ибо слѣдующая царская жалованная грамота отъ 20 ноября этого года дана именно «въ домъ Софіи Пр. Богородицы». Изъ этого можемъ заключить, что Кипріанъ немедленно по своемъ пріѣздѣ въ Тобольскъ заложилъ архіепископскій домъ и при немъ церковь во имя Софіи Пр. Божіей, а окончено это зданіе и освящено лѣтомъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 151, л. 23. «Пѣшій казакъ Пименовъ далъ въ Обитель Знам. Пр. Бог. и препод. отецъ Зосима и Савватія по своимъ родителямъ купленную деревню» и др.

[2]) «Странникъ» 1864 г., авг.

1622 г. Съ этого времени уже всѣ пожалованія царскія давались не архіепископу сибирскому, а въ домъ «Софіи Пр. Божіей» [1]). Этотъ домъ, какъ мы увидимъ далѣе, былъ довольно энергичнымъ факторомъ въ дѣлѣ населенія Сибири.

Ко времени прибытія Кипріана въ Тобольскъ этотъ городъ былъ уже довольно обстроенъ и заселенъ. Въ самой крѣпости, какъ видно изъ дозорной книги 1624 г., кромѣ церквей находилось немного зданій: дворъ боярскій, государева съѣзжая изба, стрѣлецкая изба, амбаръ и погребъ. Но острогъ былъ довольно обширенъ и въ немъ кромѣ церквей помѣщались: дворъ архіепископскій, дворъ воеводскій, гостинный дворъ, 52 лавки, 2 двора дьячихъ, 2 двора земскихъ и 290 дворовъ, принадлежащихъ ружникамъ, служилымъ людямъ, новокрещенцамъ, посадскимъ, гулящимъ людямъ и пашеннымъ крестьянамъ, да за острогомъ подъ горою, кромѣ церкви Богоявленія Господня и Знаменскаго монастыря, колмацкаго двора, государевой бани, было 34 двора разныхъ частныхъ лицъ; подъ горою же находились юрты татаръ и бухарцевъ [2]).

Относительно служилыхъ людей здѣсь считаемъ нужнымъ сообщить, что между ними въ это время были еще сподвижники славнаго Ермака: они служили въ пѣшихъ казакахъ и составляли «старую сотню» подъ начальствомъ атамана. Не смотря на свою давнюю службу и прежнія заслуги, эти казаки не пользовались никакими особыми привиллегіями; рядовые изъ нихъ получали такое же денежное и хлѣбное жалованье, какъ и «новоприборные» пѣшіе казаки, именно по 5 р. денегъ, по 5 четвертей ржи и по 4 четверти овса. Намъ не встрѣчалось ни одной челобитной отъ нихъ объ увеличеніи государева жалованья; кажется, что они были имъ довольны. Но когда, именно въ 1632 г., Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ быть надъ ними начальникомъ тобольскому боярскому сыну Богдану Аршинскому въ качествѣ головы, а не атамана, то они были слиш-

---

[1]) Р. И. Б., т. II, № 127; А. И., т. III, № 96; А. М. И. Д. Пор. Милл., № 477, св. II.

[2]) Дозорная книга 1624 г., см. «Матеріалы для исторіи города Тобольска» Найденова.

комъ этимъ недовольны и отправили царю челобитную слѣдующаго содержанія: «тобольскаго города пятидесятники и десятники въ товарищей своихъ мѣсто 100 человѣкъ бьютъ челомъ—служатъ они государю въ Сибири, въ Тобольскѣ отъ Ермакова взятья лѣтъ по 40 и по 50 съ атаманами, а не съ головами, а нынѣ билъ челомъ государю Богданъ Аршинскій въ головы къ казакамъ на Григорьевъ приборъ Шестакова *), а ихъ старую сотню велѣно вѣдать ему же Богдану, но ихъ челобитья о томъ, чтобы вѣдать ихъ Богдану Аршинскому не бывало». Въ заключеніе своей челобитной казаки старой сотни просили Михаила Ѳедоровича, чтобы онъ ихъ пожаловалъ «за прежніе ихъ службы и за кровь велѣлъ вѣдать ихъ по прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтобы имъ государевы службы не отбыть и врознь не разбрестися». Можетъ быть казаки старой сотни потому еще не хотѣли служить подъ началомъ Аршинскаго, что послѣдній былъ по происхожденію литвинъ, сосланный за разбой въ Тобольскъ въ 1617 г. Во всякомъ случаѣ имъ было почетнѣе служить подъ началомъ своего собрата Гаврилы Ильина, который, какъ видно изъ одной его челобитной Михаилу Ѳедоровичу, былъ однимъ изъ старѣйшихъ казаковъ старой сотни, который служилъ еще съ Ермакомъ «въ полѣ 20 лѣтъ и 50 лѣтъ въ Сибири». Челобитная казаковъ была уважена [1]). Число всѣхъ тобольскихъ служилыхъ людей въ это время мы не можемъ опредѣлить; можемъ только сказать, что ихъ (боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ, конныхъ и пѣшихъ казаковъ, казаковъ литовскаго списка, иноземцевъ, новокрещенныхъ служилыхъ татаръ) было въ 1624 г. въ городѣ и въ деревняхъ около 325 дворовъ. Но впослѣдствіи количество служилыхъ людей значительно увеличилось: въ 1633 г. вмѣстѣ съ новоприборными и новокрещенцами ихъ было 1,392 человѣка [2]). Посадскихъ людей въ 1624 году

*) *Примѣч.* Въ этомъ году по указу государя Григорій Шестаковъ прибралъ изъ ссыльныхъ и гулящихъ людей въ пѣшіе казаки 500 человѣкъ къ прежнимъ 305 пѣшимъ же казакамъ; между послѣдними находилась и «старая сотня».

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6112/68.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 46, Столб. № 6112/68.

было 53 двора, въ 1633 г. и въ 1640 гг.—было 88, но въ 1641 г. осталось только 30 человѣкъ, а остальные, по донесенію воеводы, разбѣжались вслѣдствіе многихъ государевыхъ службъ; въ число этихъ 70 человѣкъ мы включили и 14 человѣкъ архіепископскихъ закладчиковъ [1]). Крестьянъ въ городѣ было очень мало: по дозору въ 1624 г. ихъ было только 11 дворовъ.

Теперь обратимся къ заселенію тобольскаго уѣзда. Уже въ первые годы существованія города Тобольска, обитатели его—служилые люди, посадскіе, крестьяне и духовныя лица начинаютъ заниматься хлѣбопашествомъ и основывать на своихъ пашняхъ деревни. Первоначальными насельниками деревень боярскихъ дѣтей, подъячихъ и духовныхъ лицъ были ихъ свойственники и дворовые люди, которыхъ они привозили въ Сибирь вмѣстѣ съ собою, а въ деревняхъ казаковъ, стрѣльцовъ, посадскихъ людей и крестьянъ ихъ свойственники. Потомъ населеніе въ уѣздѣ тобольскомъ увеличивалось гулящими людьми, но преимущественно ссыльными, которыхъ тобольскіе воеводы, по указу государя, раздавали крестьянамъ, а послѣдніе поселяли ихъ въ своихъ деревняхъ въ качествѣ половниковъ на извѣстный срокъ по уговору. Къ 1623 г. русскія деревни появились на значительномъ пространствѣ тобольскаго уѣзда, вверхъ и внизъ по Иртышу, его большимъ и малымъ притокомъ, по дубравамъ и около озеръ. По дозорнымъ книгамъ 1623 г. въ этомъ уѣздѣ были слѣдующіе поселки [2]).

	Колич. дворовъ.
Деревня на Абалацкомъ городищѣ попа Якова .	1
при Кularовскомъ озерѣ попа Андрея .	1

Деревни служилыхъ людей отъ Тобольска вверхъ по Иртышу и притокамъ:

		Колич. дворовъ.
При Иртышѣ:	Подчуваши	2
	Иваново	1
	Яковлева	1

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6132/88, л. 512.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., книги №№ 5 и 1207.

При Иртышѣ:	братьевъ Крушинскихъ.	1
	Булгакова	1
	Мордвинова	1
	Дурынинская	3
	Выходцева	1
	Трошина	1
	бр. Измаиловыхъ . .	1
	Сергѣева	1
	Станиславова. . . .	1
	Матюшкина	1
	Сафонова	1
	Косовецкаго	1
	Чернаго	1
	Мельникова	1
	Безсонко	1
	Поминова	1
При р. Кундускѣ:	Санникова	1
	Денисова	2
	Тимофѣева	2
	Ясыря	2
	Скибы	1
При р. Сибиркѣ:	Черная.	1
	бр. Выходцевыхъ . .	1
	Котина.	2
При р. Туманкѣ:	Аршинскаго	1
	Максимова	2
При р. Плоской:	Ермачкова	1
	Измаилова.	1
	Кобелева	1
	Шостока-Дурыни . .	1
	Медшука	1
При оз. Щучьемъ:	Волкова	2

Деревни служилыхъ людей отъ Тобольника внизъ по Иртышу.

При р. Иртышѣ:	Любимскаго	1
	Низовскаго	1

При Кугаевскомъ озерѣ:	Чекасова	1
	Нѣмчина	1
	Гамъ	1
При рѣкѣ Подувальной:	Человѣчкова	1
При озерѣ Лутовиновѣ:	Лутовинова	1
При р. Бобровой:	Байкашина	1
	Кречатникова	1
	Волчика	1
При р. Сузгункѣ:	Л. Тычинскаго	1
	И. Тычинскаго	1
	Ваги	1
	Урбатова	1
	Кузмина	1
	Щоки	1
	Яковлева	1
	Терентьева	1
	Сысоева	2
	Митирина	1
	Бологова	1
	Трушникона	1
	Кунгулова	1
При Иштамск. протокѣ:	Еремѣева	1
	Ганинова	1
	Ушарова	1
	Захарова	1
	Енбая	1
	Попова	1
При р. Тайшенкѣ:	Антонова	1
	Шостика-Филипова	2
При р. Аремзянкѣ:	Яновскаго	2
	Киспанова	1
	Подчекуни	1
	Данилова	1
	Шостака-Микитина	1
По Тоболу и притокамъ:	Дурыни	4
	Зыряна	1
	Устюжанина	3

По Тоболу и притокамъ:	Балахнина	1
	Рѣпина	1
	Бубны съ товарищи	1
	Копылева	2
	Дементьева	1
	Деульскаго	1
	Поступкова	1
	Семейкина	1

Деревни посадскихъ людей:

При старицѣ Иртыша:	Гаврилова	2
	Балина	2
При рѣкѣ Иртышѣ:	Корякова	1
	Шапошникова	1
	Балина	1
	Худяка	1
При Кугаевскомъ озерѣ:	Рогалева	1
	Хворова	1
При Иштаманск. протокѣ:	Дементьева	1
При рѣкѣ Сузгункѣ:	Котельникова	1
	Алексѣева	1
	Курбатова	1
	Некрасова	1
При рѣкѣ Тайменѣ:	Новоселова	2

Деревни пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ отъ Тобольска вверхъ по Иртышу и притокамъ:

При рѣкѣ Иртышѣ:	Никонова	1
	Степанова	2
	Токарева	1
	Быкова	1
	Софонова	4
При рѣкѣ Мостовой:	Ламбина	8
	Ермакова	1
На Абалакѣ:	Трезвонова	5
	Устинова	2
	Яркова	6

На Абалак. городищѣ:	Трошкина	2
При рѣкѣ Кундускѣ:	В. Санникова съ братіей.	14
	Сорокопѣеника. . . .	1
	Вяткина	1
При рѣкѣ Сибиркѣ:	Черная-Рукосцева. . .	2
	Усольца	3
При рѣкѣ Усѣ:	Н. Полуянова съ братіей.	7

Деревни пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ отъ Тобольска внизъ по Иртышу:

При рѣкѣ Тайменкѣ:	Родикорцева	2
	Субоярьева	2
При рѣкѣ Аремзянѣ:	Максимова	1
При рѣкѣ Бобровой:	Ломаева	1
На Черкасскомъ Еркѣ:	Истомы Бѣса	1
	Юдина	1

По рѣкѣ Тоболу и притокамъ.

На Карачинѣ:	Балахнина	1
	Шишкина	1
При Карачинскомъ озерѣ:	Олупьева.	2
	Карачино	6
На Долгомъ яру:	Рѣпина	1
На городищѣ Тобол-Туръ:	Смиреннаго.	1
	Бурнаша.	2
При рѣкѣ Тоболѣ:	Бабасаны	1
	Булаша	2
	Паншина.	1
	Зяблово	1
При рѣкѣ Чегиткѣ:	Семенова	1
	Глазкова.	10

Кромѣ деревень, въ тобольскомъ уѣздѣ было два погоста: Преображенскій и Рождественскій. Первый находился на Абалакѣ въ 20 верстахъ отъ Тобольска; въ немъ было 4 двора причта и 16 дворовъ посадскихъ, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ. Церковь на немъ во имя Преображенія Господня

была приходскою для всѣхъ деревень, находящихся къ югу отъ города. Второй погостъ съ церковью во имя Рождества Христова лежалъ при Иртышѣ внизъ отъ Тобольска въ 10 в.; этотъ погостъ состоялъ изъ 3 дворовъ причта и трехъ дворовъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ; деревни, находящіяся къ сѣверу отъ Тобольска, а равнымъ образомъ и тѣ, которыя находились по Тоболу, составляли приходъ Рождественской церкви.

Въ вышеуказанныхъ деревняхъ и двухъ погостахъ въ первой четверти XVII в. было 267 дворовъ, а взрослаго мужского населенія 435 человѣкъ. Пашенъ за ружниками и служилыми людьми было 850 ч. въ полѣ.., за посадскими 219 ч., за оброчными крестьянами 328 ч., за пашенными 685 ч. въ полѣ... Оброчные крестьяне за пользованіе землей платили вмѣсто обработки десятины въ полѣ—старые и семьянистые по 15 четвертей ржи, по 11 ч. овса и по четверти крупъ, а «новоприборные» и «непрожиточные» по 12 ч. ржи, по 8 ч. овса и по четверти крупъ. Земли пашенныхъ крестьянъ положены были въ выти и составляли 25 вытей, по 25 ч. въ полѣ въ каждую выть; за пользованіе землей они обработывали государеву пашню, находившуюся въ разныхъ мѣстахъ тобольскаго уѣзда, за каждую выть по $2^1/_4$ десятины въ полѣ... Такъ было до 1623 г., но съ этого времени, по распоряженію воеводы Сулешова, и пашенные крестьяне вышли на оброкъ и обложены оброчнымъ хлѣбомъ,—такъ что всѣ крестьяне въ вышеупомянутыхъ деревняхъ и въ городахъ сдѣлались оброчными. Эта перемѣна не отразилась на хлѣбныхъ запасахъ въ царскихъ житницахъ: «равно прибыли и убыли для государя въ томъ нѣтъ», замѣчаетъ воевода [1]). Но для пашенныхъ крестьянъ такая перемѣна была выгодна: когда они «сидѣли на пашнѣ», то должны были пахать государевы десятины и собирать съ нихъ жатву ранѣе, чѣмъ съ своихъ пашенъ, а это иногда вело къ тому, что свои десятины осыпались, или даже уборка собственной жатвы дѣлалась невозможною вслѣдствіе неблагопріятной погоды; бывало и такъ, что государевы десятины убирали вóвремя, а когда приступали къ уборкѣ своей жатвы, то начи-

---

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр., Ст. № 6202/158, л. 77.

нались уже снѣжныя мятели и засыпали послѣднюю снѣгомъ.

Такъ какъ земля въ тобольскомъ уѣздѣ была средняго качества, то приливъ сюда крестьянскаго населенія былъ довольно слабый: въ 1623 г. всѣхъ крестьянъ было 129 ч., кромѣ женщинъ, дѣтей и свойственниковъ, въ 1640 году—125 чел., а въ 1645 году—149 человѣкъ [1]).

Относительно возникновенія разныхъ поселковъ въ тобольскомъ уѣздѣ послѣ 1623 года, мы имѣемъ довольно скудный матеріалъ, да и тотъ касается только до основанія правительствомъ разныхъ слободъ и острожковъ. Такъ въ 1635 г. основаны были ямскія слободы при р. Иртышѣ—Демьяновская и Самаровская. До того времени ямскую службу между Тобольскомъ, Березовымъ и Сургутомъ отправляли инородцы этихъ уѣздовъ, но вслѣдствіе ихъ постоянныхъ жалобъ на тягость ямской гоньбы правительство рѣшилось устроить два русскихъ яма: одинъ въ демьяновской волости, а другой «подъ самаровскими горами» на границѣ сургутскаго уѣзда. Въ февралѣ 1635 г. государь указалъ дьяку Пантелею Гирикову прибрать въ поморскихъ городахъ 100 человѣкъ ямщиковъ съ женами и дѣтьми и немедленно отправить ихъ въ Сибирь для поселенія—50 человѣкъ въ демьяновской волости и 50 подъ самаровскими горами. Прибрать велѣно людей семьянистыхъ отъ отцовъ дѣтей, отъ братіи братью, отъ дядей племянниковъ, а не изъ тягла, не изъ холопей, не изъ крѣпостныхъ и не изъ воровъ; подмоги велѣно дать по 5 р. на пай, да подводы до мѣста назначенія: семьянистымъ—у кого 7 и 8 человѣкъ въ семьѣ—по 4 подводы, у кого 6 ч.—по 3, а у кого семья будетъ самъ—третей или самъ—другъ, то по 2 подводы. Изъ отписки дьяка Гирикова видно, что уже въ маѣ этого года было прибрано въ разныхъ городахъ 86 челов., и, несомнѣнно, что они въ томъ же году отправлены были въ Сибирь; поэтому Миллеръ несправедливо относитъ основаніе вышеупомянутыхъ слободъ къ 1637 г. [2]). Около того же времени въ 50 в. отъ Тобольска при озерѣ Куларовскомъ возникла сло-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 131, л. 191; кн. № 182, л. 234.

[2]) А. М. И. Д. Приказныя дѣла св. 76; Ежем. Соч., стр. 509.

бода Куларовская. Крестьяне, поселившіеся въ этой слободѣ, должны были обработывать государеву пашню: въ 1640 году ихъ было 14 человѣкъ, а въ 1645 г.—16 человѣкъ, государевой пашни они въ этомъ году обработали 6 десят. въ полѣ... [1]).

Что касается острожковъ, то въ тобольскомъ уѣздѣ въ обозрѣваемый нами періодъ построено два: Тарханскій и Вагайскій; первый былъ основанъ около 1628 г. при рѣкѣ Тоболѣ, недалеко отъ впаденія въ нее рѣки Туры, а второй въ 1633 г. при р. Вагаѣ, нѣсколько выше устьевъ этой рѣки. Необходимость основанія этихъ острожковъ исключительно вызывалась стратегическими цѣлями. Мы выше упоминали, что съ 1626 г. усиливаются нападенія кучумовыхъ внучатъ и ихъ союзниковъ калмыковъ и нагайцевъ на тобольскій и тюменскій уѣзды. Дороги, по которымъ эти враги предпринимали свои набѣги на русскія поселенія, лежали, между прочимъ, по рр. Тоболу и Вагаю. Это заставило правительство на упомянутыхъ дорогахъ построить острожки: одинъ для наблюденія за тобольскою дорогою, а другой, за вагайскою. Но и Тарханскій и Вагайскій острожки, подобно тому какъ Каурдацкій, Тебендинскій и Ишимскій въ тарскомъ уѣздѣ въ обозрѣваемый нами періодъ не имѣли постояннаго населенія, а только на лѣтнее время сюда присылались изъ Тобольска десятка по два или по три и болѣе «смотря по вѣстямъ» казаковъ и стрѣльцовъ. Вагайскій острожекъ не долго существовалъ на указанномъ мѣстѣ. Скоро оказалось, что онъ не въ состояніи наблюдать за калмыцкою дорогою черезъ Вагай и что калмыкамъ легко обойти этотъ острожекъ при вторженіи въ тобольскій уѣздъ; показанія тобольскихъ служилыхъ людей не оставляли въ томъ никакого сомнѣнія. Въ 1636 г. они говорили тобольскому воеводѣ: «поставленъ-де тотъ Вагайскій острожекъ не у мѣста, отъ большой степи и отъ калмыцкой дороги въ сторонѣ, и какъ-де они ходятъ изъ Тобольска въ походъ противъ калмыковъ или въ посланникахъ къ послѣднимъ, то идутъ прямою дорогою на урочище Атбашъ и Вагайскій острожекъ и вагайскихъ служилыхъ людей совсѣмъ не видятъ, а равнымъ образомъ, если

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. книга, № 131, л. 192; № 182 л. 250.

и воинскіе люди пойдутъ тою же дорогою на тобольскій уѣздъ, то они незамѣтно для вагайскихъ служилыхъ людей могутъ вторгнуться въ Кularовскую слободу и русскія деревни и татарскіе юрты...» Вслѣдствіе такихъ показаній тобольскій воевода Михаилъ Ростовскій въ томъ же году велѣлъ боярскому сыну Толбузину перенести Вагайскій острожекъ на новое мѣсто, именно на урочище Атбашъ, которое также находилось при р. Вагаѣ, но только на нѣсколько верстъ выше Вагайскаго острожка.

Донося объ этомъ въ Москву, тобольскій воевода указывалъ на слѣдующія стратегическія преимущества новаго острожка предъ прежнимъ Вагайскимъ: «Урочище Атбашъ», писалъ онъ, «лежитъ на прямой калмыцкой дорогѣ, которая изъ за р. Ишима идетъ чрезъ Ашлыцкіе юрты и чрезъ Вагай на атбашское урочище; а къ этому послѣднему мѣсту прилегли съ одной стороны крѣпкія лѣса, а съ другой непроходимыя болота, простирающіяся вверхъ по Вагаю верстъ на 90; сухаго мѣста между р. Вагаемъ и болотами только сажень на 12 и этимъ то мѣстомъ проходятъ калмыцкіе воинскіе люди, а обойти оное совершенно невозможно». Какъ видно изъ этого донесенія, тобольскій воевода не сомнѣвался, что съ постройкою русскаго острожка на томъ сухомъ мѣстѣ вагайская дорога для калмыцкихъ воинскихъ людей будетъ окончательно заперта [1]).

Кромѣ правительства и частныхъ лицъ въ заселеніи тобольскаго уѣзда принимали дѣятельное участіе тобольскій монастырь и «домъ св. Софіи Пр. Божіей», или сибирскіе архіепископы.

Мужской тобольскій монастырь, кажется, началъ заниматься хлѣбопашествомъ только съ того времени, когда изъ за Иртыша перенесенъ былъ на гору за тобольскій острогъ и сталъ называться «Успенскимъ». Это видно изъ того, что первая заимка земли этимъ монастыремъ относится къ 1612 г. Въ этомъ году «били челомъ бояремъ и всей земли съ первоначалья строитель съ братіею и того монастыря вкладчики тобольскаго города и иныхъ сибирскихъ городовъ, которые служили подъ Москвою и всякую нужу терпѣли съ боляры и со княземъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6111/67, л. 137—149.

Дмитріемъ Тимофіевичемъ Трубецкимъ съ товарищи, — тобольскаго города атаманъ Дурыня съ товарищи, чтобы ихъ боляры пожаловали для ихъ старости за ихъ службы и за раны, гдѣ бъ при смертномъ часу головы свои приклонить къ монастырю, а на прокормленіе били челомъ о пустомъ займище о рѣкѣ Вагаѣ по обѣ стороны и со всѣми угодьи и съ озеры и о Бегишевыхъ горахъ и съ озеромъ Бегишевымъ и съ сѣнными покосы и съ островомъ. И государевы боляра пожаловали по ихъ челобитью монастырю пустое займище отъ города верстъ съ 50 и больше, рѣку Вагай по обѣ стороны и вверхъ по Вагаю и со сторонными рѣчками, кои пали въ Вагай, да Бегишевы горы съ Бегишевымъ озеромъ и съ островомъ и съ рѣчкою Лиственкою...» [1]). Это боярское пожалованіе впослѣдствіи, именно въ 1623 г., утверждено за монастыремъ грамотою Михаила Ѳедоровича и вмѣстѣ съ тѣмъ монастырскіе крестьяне освобождены отъ всякихъ казенныхъ повинностей и податей. Такимъ образомъ Успенскій монастырь сразу сдѣлался обладателемъ громаднаго количества земли, да еще получилъ очень важную привиллегію, которая давала ему легкую возможность привлечь на свое займище крестьянъ.

Чтобы округлить свою вагайскую вотчину, пріобрѣсти нѣкоторыя сосѣднія угодья, которыя были уже заняты или русскими людьми, или татарами, монастырь не стѣснялся въ средствахъ: напр., подъ Бегишевыми горами находились татарскія юрты и пашни, монахи вытѣснили ихъ оттуда, а земля, которую пахали татары, и сѣнные ихъ покосы отмежеваны были къ монастырской вотчинѣ; на самой рѣкѣ Вагаѣ находился вагайскій островъ. а около—Вагайское озеро, которые были во владѣніи Саввы Французанина, но монахи добивались того, что этотъ владѣлецъ всѣ эти урочища и въ томъ числѣ пашни съ посѣяннымъ хлѣбомъ отдалъ въ монастырь за поминъ души; постройки же, бывшія на тѣхъ земляхъ, двѣ избы, конюшникъ, каретникъ, житницу и баню продалъ тому же монастырю за 40 рублей; наконецъ между устьемъ Вагая и государевыми пашнями (гдѣ Кураловская слобода) монастырь

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 644/400, л. 2 и 3.

купилъ у пашеннаго крестьянина Рукосцева Куларовское озеро (5 в. длины и 200 саж. ширины), и пашню, которая отъ монастырской земли въ одну сторону простиралась до рѣчки Духовой, а въ другую—до Ермаковой перекопи [1]).

Послѣ каждаго пріобрѣтенія тѣмъ или инымъ путемъ монахи били челомъ Михаилу Ѳедоровичу объ утвержденіи ихъ во владѣніи и при этомъ слезно молили, чтобы государь не отказалъ пожаловать «обитель Успенія Пр. Богородицы» или (съ 1622 г.) «обитель Знаменія Пр. Богородицы», чтобы было чѣмъ кормиться и имъ нищимъ не умереть съ голоду, и не разбрестись врозь, и монастырь не запустѣлъ бы...»

Эти «нищіе государевы богомольцы», которыхъ въ Успенскомъ монастырѣ въ 1621 г. было около 10 человѣкъ, какъ увидимъ сейчасъ, съ одной своей вагайской вотчины могли не только кормиться, но и богато жить по тому времени.

По дозору Максима Трубчанинова въ 1621 г. въ вагайской вотчинѣ за Успенскимъ монастыремъ была деревня при устьѣ р. Вагая, состоящая изъ 6 дворовъ, въ которыхъ жило 9 семействъ монастырскихъ половниковъ. Они обработывали земли 29 ч. въ полѣ..., да сѣна косили 1,900 копенъ [2]). Въ то-же время и на Бегишевыхъ горахъ и на рѣкѣ Березовкѣ, впадающей въ Иртышъ, и на купленныхъ земляхъ у Рукосцева и у Саввы Французанина появляются монастырскіе дворы съ половниками и оброчными бобылями. Монахи призывали на свои пашни не только гуляющихъ людей, бывшихъ въ Сибири, но и посылали агентовъ на Русь «для прибора» крестьянъ. Благодаря этимъ заботамъ и льготамъ, которыми пользовались монастырскіе крестьяне, къ 1642 г. за Знаменскимъ монастыремъ было на Бегишевыхъ горахъ около озера 8 дв. съ 27 кр., за Вагаемъ—4 двора съ 9 крестьянами; на р. Березовкѣ и по Куларовскому увалу 20 дв. съ 49 кр. Всего въ вагайской вотчинѣ на купленныхъ и пожалованныхъ земляхъ, включая и вышеупомянутую деревню (впослѣдствіи село Богословское), по дозору Аршинскаго въ 1642 г. было: «дворецъ» монастырскій, въ которомъ жили наем-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 151, л. 55 и др.

[2]) Ibid., лл. 44 и 45.

ные люди, и 60 дворовъ половничьихъ и бобыльскихъ съ 133 крестьянами. Пашни они обработывали 276 ч. въ полѣ..., перелогу имѣли 682 ч. въ полѣ... и сѣнныхъ покосовъ на 14,600 копенъ [1]).

Кромѣ того, тобольскій монастырь и въ другихъ мѣстахъ тобольскаго уѣзда имѣлъ пашни и деревни, то купленныя, то вкладныя. Еще въ дозорной книгѣ Трубчанинова 1621 года, упоминаются за этимъ монастыремъ: а) деревня противъ стараго сибирскаго городища, б) деревня Ивановская по рѣчкѣ Шанталыку, в) деревня на рѣкѣ Иртышѣ Шангинская, г) деревня Якимовская на р. Кундускѣ и, наконецъ, заимка противъ города. По дозору же Богдана Аршинскаго 1642 года, кромѣ этихъ деревень, монастырю принадлежали: д) деревня Юрлова-Третьякова на правой сторонѣ рѣки Шилей, е) деревня надъ рѣчкой Сузгункой, ж) дер. Олешкинская, з) дер. Шестакова-Шапошникова и) деревня Пятовская надъ озеромъ Евтезереемъ, и і) деревня на озерѣ Кугаевѣ. Во всѣхъ этихъ десяти деревняхъ и въ заимкѣ въ 1642 г. было 27 дворовъ съ 52 половниками и бобыльками, которые обработывали земли 170 ч. въ полѣ... [2]).

Что же касается тобольскаго дѣвичьяго Успенскаго монастыря, то послѣдній не имѣлъ никакихъ вотчинъ. Хотя вагайскія земли и были пожалованы еще Успенскому монастырю и вкладчики давали свои деревни и пашни «Успенію Пр. Богородицы и Николаю Чудотворцу», но, послѣ того какъ Кипріанъ «развелъ» старцевъ и старицъ, первые, поселившись въ Знаменскомъ монастырѣ, не оставили дѣвичьему монастырю ни клочка земли и ни одного крестьянина. Впослѣдствіи, именно въ 1653 г., архіепископъ Симеонъ писалъ государю въ челобитной, что «старицы дѣвичьяго монастыря 80 и больше питаются Христовымъ именемъ межъ дворами» и просилъ о дачѣ имъ земли [3]). Между тѣмъ къ этому времени у старцевъ хозяйство увеличилось почти вдвое противъ переписи 1642 г., то есть за тобольскимъ мужскимъ монастыремъ по-

---

[1]) Ibid. л. 100.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 151, см. дозорныя книги Трубч. и Аршин.

[3]) А. М. Ю., Сиб. Пр. Разб. Ст. № 400.

чти вдвое болѣе было крестьянъ, и послѣдніе вдвое болѣе воздѣлывали земли.

За то «домъ Софіи Пр. Божіей» въ своей хозяйственной дѣятельности не только не уступалъ Знаменскому монастырю, но и значительно превосходилъ послѣдній: въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ, послѣ своего основанія, онъ пріобрѣлъ массу земли и устроилъ три слободы и нѣсколько деревень. Начало поземельной собственности и заселенія ея крестьянами положилъ Кипріанъ. Еще въ Москвѣ Михаилъ Ѳодоровичъ пожаловалъ перваго сибирскаго архіепископа съ его дворовыми людьми и церковнымъ причтомъ хлѣбнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Тобольскому воеводѣ велѣно было давать Кипріану ежегодно: разнаго хлѣба 1236 ч. съ осьминой, меду 60 пудовъ, вина горячаго 100 ведеръ и денегъ 609 р. 65 к. Не смотря на эту значительную «ругу», Кипріанъ, по пріѣздѣ въ Сибирь, рѣшилъ заняться земледѣліемъ и сразу въ довольно широкихъ размѣрахъ. Изъ Тобольска уже въ 1622 г. онъ билъ челомъ государю: «велѣно мнѣ быть въ Сибири въ Тобольскомъ городѣ у Софьи Пр. Божіей; а вотчинъ и крестьянъ и бобылей у государева богомолья нѣтъ... вели, государь, призывати охочихъ вольныхъ людей съ Руси и которые живутъ въ Сибири...» Кромѣ того, челобитчикъ проситъ пожаловать ему лугъ за р. Иртышемъ, да пахатной земли за рѣчкою Курдюмкой, гдѣ была прежде государева пашня. Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ, и, по его указу, тобольскій воевода отвелъ софійскому дому сѣнныхъ покосовъ на 400 копенъ, а пахатной земли 53 ч. въ полѣ... [1]). Но еще ранѣе, именно въ 1621 г., тотъ же архіепископъ сдѣлалъ заимку въ тюменскомъ уѣздѣ, при устьяхъ рѣки Ницы, и поселилъ на ней тѣхъ 8 семействъ крестьянъ, которыхъ онъ вывезъ изъ Руси. Это было начало Усть-ницынской слободы. По первому его челобитью тамъ отведено въ домъ Софіи Пр. Божіей сто десятинъ пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ на 400 копенъ, а по второму еще столько же того и другого. Но въ 1623 году Кипріанъ опять билъ челомъ государю, что ему, государеву богомольцу, дано при устьяхъ Ницы

---

[1]) А. М. Ю., Сиб. Пр. Ст. № 6618/572, л. 3—5.

200 десятинъ въ одномъ полѣ, и государь пожаловалъ бы, велѣлъ бы отвести еще два поля по 200 десятинъ. И государь пожаловалъ!... [1]). Да тюменскій посадскій человѣкъ «далъ вкладу въ домъ С. Пр. Б. свою пашню 17 дес., дворъ и сѣнные покосы, находящіеся около Усть-ницынской слободы».

Въ то же время тобольскій архіепископъ разнымъ путемъ увеличилъ и пожалованную курдюмовскую вотчину. Такъ какъ послѣдняя съ разныхъ сторонъ граничила съ пашнями нѣкоторыхъ тобольскихъ жителей, то онъ постарался пріобрѣсти эти пашни, чтобы округлить упомянутую вотчину: одни пожертвовали свои пашни въ домъ Софіи Пр. Божіей, а другіе продали. Такъ что ко времени отъѣзда Кипріана изъ Тобольска подъ этою вотчиною находилось 177 ч. пахатной земли, много сѣнныхъ покосовъ и разныхъ угодій. Кромѣ того, Кипріанъ основалъ недалеко отъ города четыре деревни и поселилъ въ нихъ крестьянъ. По переписи, произведенной въ 1625 г., т. е. предъ вступленіемъ на архіепископскую каѳедру Макарія за «домомъ Софіи Пр. Божіей» были слѣдующія деревни:

1. Деревня Камарица на р. Бобровкѣ, а въ ней жильцовъ 7 человѣкъ крестьянъ.

2. Деревня Матвѣевская (что далъ вкладу бояринъ Матвѣй Годуновъ) надъ рѣчкою Тайменкой, а въ ней одинъ крестьянинъ.

3. Деревня Киселевская (что далъ Кисель) на р. Сузгункѣ, а въ ней два крестьянина, изъ которыхъ у одного два взрослыхъ сына.

4. Деревня Безсоновская въ Сузгунѣ надъ рѣчкой Тайменкой, а въ ней одинъ крестьянинъ.

Въ этихъ деревняхъ пахатной земли было 44 ч. въ полѣ..., да перелогу 188 ч. [2]).

Мы выше упоминали, что Кипріанъ въ 1621 году положилъ

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера № 477, см. грамоты Михаила Ѳедоровича къ верхотурскому воеводѣ Ѳедору Пушкину и головѣ Неудачѣ Молчанову.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 7, л. 101. См. «Списокъ съ переписныхъ книгъ вотчинъ тобольскаго и сибир. архіепископа въ 1625 г.», а также Разб. Столб., № 314.

начало Усть-Ницынской слободѣ; эта слобода начала быстро заселяться, благодаря церкви, основанной тамъ въ 1622 году. По вышеупомянутой переписи въ этой слободѣ въ 1625 году было 22 семейства крестьянъ, которые въ томъ году сѣяли ржи 56 десятинъ и разнаго ярового хлѣба 65 десятинъ, а собрали всего хлѣба 1,406 копенъ [1]). Почти одновременно съ Усть-ницынской слободой Кипріанъ основалъ и слободу Тавдинскую. Въ 1622 г. онъ билъ челомъ Михаилу Ѳедоровичу о пожалованіи въ домъ Софіи Пр. Божіей отъѣзжей пашни между рѣками Тавдою и Тоболомъ по обѣ стороны,—именно просилъ «островъ займище царя Кучума» [2]).

Изъ описанія дозорщика Полутаго (1623 г.) видно, что это займище находилось по рѣкѣ Тавдѣ тамъ, гдѣ съ восточной стороны въ эту рѣку впала рѣчка Бизикъ, а съ западной—рѣчка Ангирка; на послѣдней въ то время было татарское городище. Государь и въ этой просьбѣ не отказалъ Кипріану. Не смотря на то, что почва здѣсь была мало плодородная, крестьяне, какъ видно, охотно заселяли новое займище дома Софіи Пр. Божіей. По переписи 1625 года въ Тавдинской слободѣ было уже 16 дворовъ, а людей въ нихъ 22 человѣка. Переписчикъ замѣчаетъ, что крестьяне сѣютъ хлѣба мало—всего 17 десятинъ, но онъ же указываетъ, что недалеко отъ слободы находятся «Тихая Тавда и старая прорва Тавды», гдѣ крестьяне имѣютъ рыбныя ловли. Эти то угодья, вѣроятно, и привлекли крестьянъ въ новую архіепископскую слободу [3]).

Такимъ образомъ хозяйственная дѣятельность перваго тобольскаго архіепископа имѣла значительный успѣхъ: своему преемнику онъ оставилъ громадное количество земли, 68 крестьянъ, помимо дворовыхъ людей и 133 «кабальныхъ записей въ деньгахъ и хлѣбѣ». Макарій по своемъ пріѣздѣ въ Тобольскъ взыскалъ по этимъ кабаламъ довольно крупную по тому времени денежную сумму 1,405 р. и 211 ч. разнаго хлѣба [4]). Второй сибирскій

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 7, см. Переписную книгу Толбузина.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6618/373, л. 10.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. ст., № 315.

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 7 л. 76 и др.

архіепископъ далеко не былъ такимъ хозяиномъ, какъ его предшественникъ. Хотя онъ пробылъ на каѳедрѣ болѣе десяти лѣтъ, но хозяйство софійскаго дома при немъ не особенно расширилось, какъ можно было-бы ожидать. Ему уже не было надобности увеличивать поземельную собственность, которой и безъ того было слишкомъ много, а всѣ его хозяйственныя заботы должны были клониться къ усиленію рабочихъ рукъ въ софійскомъ хозяйствѣ. Полученная имъ денежная сумма по кабаламъ давала для этого достаточныя средства. Между тѣмъ при немъ вышеупомянутыя четыре деревни, основанныя Кипріаномъ, совершенно запустѣли, и крестьяне разбрелись. Онъ успѣлъ основать только одну новую деревню—на «старой Сибири», да и то только съ однимъ крестьянскимъ дворомъ. Въ Тавдинской слободѣ при немъ прибавилось только два крестьянина. Но Усть-ницынская слобода обязана этому архіепископу увеличеніемъ своихъ жителей на 32 человѣка. Кромѣ того, Макарій пріобрѣлъ въ домъ Софіи Пр. Б. оброчныхъ крестьянъ въ Тюменѣ—16 и 17 въ Тобольскѣ; да при немъ же за софійскій домъ заложились 14 посадскихъ людей—6 въ Туринскѣ и 8 въ Тобольскѣ. Всего онъ оставилъ своему преемнику Нектарію 91 ч. пашенныхъ крестьянъ, 33 оброчныхъ и 14 закладчиковъ изъ посадскихъ людей; да дворовыхъ старцевъ, дѣтей боярскихъ, пѣвчихъ, дьяковъ и подьяковъ и всякихъ дѣловыхъ людей 70 человѣкъ; а также много денегъ, хлѣбныхъ и другихъ запасовъ и скота [1]). Этотъ архіепископъ и умеръ въ Сибири. Между другими архіепископами онъ рѣзко выдѣляется между прочимъ тѣмъ, что не любилъ докучать царю челобитными: въ то время, какъ другіе ежегодно, а иногда въ годъ по нѣскольку разъ, писали слезныя прошенья царю то объ увеличеніи денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то объ увеличеніи поземельной собственности софійскаго дома, отъ Макарія мы не встрѣтили ни одной подобной просительной челобитной. За то послѣдующіе сибирскіе архіепископы, Нектарій и Герасимъ, отличались необыкновенною страстію къ стяжанію — страстію, доходящею до алчности. Нектарій при-

---

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр. Разб. Ст. № 326.

былъ въ Тобольскъ въ 1636 году. Ему сейчасъ же была вручена перепись Веревкина вотчинъ, крестьянъ и вообще движимаго и недвижимаго имущества дома Софіи Пр. Б. Изъ нея онъ увидѣлъ, что крестьяне четырыхъ деревень архіепископскихъ «разбрелись неизвѣстно куда». Вслѣдствіе этого первою его хозяйственною заботою было отыскать бѣглецовъ и посадить ихъ на прежнія мѣста; заботы его увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: съ его пріѣзда опять начинаютъ свое существованіе упомянутыя деревни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ призывать въ софійскія деревни новыхъ крестьянъ, обѣщая имъ льготы и подмогу; на его призывъ, какъ увидимъ, откликнулись очень многіе: одни садились на пашни, другіе на оброкъ, нѣкоторые записывались въ софійскіе закладчики. Но въ то время, какъ хозяйственная дѣятельность Нектарія шла такъ успѣшно, правительство наносило ему одинъ ударъ за другимъ. Прежде всего денежное жалованье софійскому дому было уменьшено до половины: вмѣсто 609 р. 65 к. велѣно давать только 321 руб. 65 коп. Затѣмъ, въ 1638 году присланъ указъ тобольскому воеводѣ, чтобы съ слѣдующаго года давать софійскому дому вмѣсто хлѣбнаго жалованья деньгами, а съ 1642 г. совсѣмъ прекратить хлѣбную ругу. Этотъ указъ велѣно показать Нектарію, «чтобы онъ впередъ на государево хлѣбное жалованье не надѣялся, и строился своею пашнею» [1]). Но вѣроятно Нектарій зналъ, что эти распоряженія исходятъ не столько отъ царя, сколько отъ правителей сибирскаго приказа,—зналъ, что религіознѣйшій Михаилъ Ѳедоровичъ не можетъ такъ обижать домъ Софіи Пр. Божіей. Поэтому немедленно же, одно за другимъ, послалъ къ царю два слезныхъ прошенія. Въ одномъ изъ нихъ онъ билъ челомъ, что ему строить свою пашню не кѣмъ, «пашенныхъ крестьянишекъ и бобыльковъ за софійскимъ домомъ мало». Но такъ какъ въ Москвѣ изъ переписи Веревкина *) знали, что и земли и крестьянъ у архіепископа достаточно, то Нектарій въ своей челобитной жаловался, «что въ этой переписи

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. Ст. 314.

*) *Примѣч.* Обыкновенно писалось три экземпляра переписныхъ и дозорныхъ

пашенные крестьяне писаны вдвое, отцы съ дѣтьми, а дѣти малы и не пашутъ, съ Ницынской и Тавдинской слободъ идетъ хлѣбъ не великій, а оброчные даютъ въ софійскую казну только по 50 коп. въ годъ» [1]). Въ другомъ прошеніи Нектарій писалъ: «Нынѣ (1639 г.) государь, мнѣ богомольцу твоему и софійскимъ соборянамъ и дворовымъ людямъ даютъ за твое государево жалованье за хлѣбъ деньгами — за четверть ржи по полтинѣ, а на торгу, государь, твою казенную четверть (4 мѣры) покупаютъ по 1 р. 25 к. и противъ, государь, торговой цѣны даютъ менѣе половины; между тѣмъ софійскіе соборяне и дворовые люди постоянно жалуются ему, что они, покупая хлѣбъ дорогою цѣною, въ конецъ погибли и одолжали великими долгами». Затѣмъ архіепископъ просилъ, чтобы давали въ домъ Софіи Пр. Божіей хлѣбную ругу по прежнему хлѣбомъ, а не деньгами. Въ заключеніе челобитной читаемъ обыкновенный жалобный припѣвъ сибирскихъ архіепископовъ: «государь смилуйся, пожалуй, чтобъ отъ хлѣбной скудости намъ нищимъ твоимъ богомольцамъ въ конецъ не погибнуть и врозь не разбрестись и твое царское богомолье безъ службы не было-бъ» [2]). Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ устоять противъ такой челобитной и велѣлъ снова давать софійскому дому хлѣбную ругу, впрочемъ только до 1642 года. Теперь посмотримъ, насколько справедливы были жалобы Нектарія на нищету софійскаго дома. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ «государевы богомольцы дальной сибирской вотчины», не смотря на ихъ громадную поземельную собственность и достаточное количество крестьянъ, бѣдствовали и терпѣли нужду въ самомъ необходимомъ? Совершенно справедливо, что хлѣбъ въ Сибири въ 1639 году значительно поднялся въ цѣнѣ, благодаря неурожаю въ этомъ году, справедливо и то, что воеводы, выдавая софійскому дому хлѣбную ругу деньгами, обсчитывали ружниковъ въ свою пользу: воеводамъ указано «давать деньгами по прямой сибир-

---

книгъ, изъ которыхъ одинъ отсылался въ Москву, въ сибирскій приказъ, другой оставался въ съѣзжей избѣ, а третій вручался архіепископу.

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. Ст. № 324.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. Ст. № 326.

ской торговой цѣнѣ, какою цѣною, въ которомъ году учнутъ хлѣбъ на торгу покупать», а они давали за четверть только по 50 коп., вмѣсто 1 р. 25 к. Но дѣло въ томъ, что софійскому дому не было никакой надобности обращаться за покупкой хлѣба къ торговымъ людямъ: въ его житницахъ всегда находились громадные запасы хлѣба, а въ погребахъ и кладовыхъ было въ изобиліи всякихъ питій и явствъ. Данныя объ этихъ запасахъ столь интересны, что мы считаемъ нужнымъ выписать здѣсь оныя изъ переписныхъ книгъ.

Въ 1636 году въ софійскомъ домѣ были слѣдующіе запасы:

1.	Разнаго хлѣба . . .	39,100	пудовъ.
2.	Масла коровьяго . . .	65	»
3.	Соли	418	»
4.	Меду прѣснаго	132	»
5.	Хмелю	19	»
6.	Вина горячаго	236	ведеръ.
7.	Меду кислаго	79	»
8.	Пива простаго . . .	224	»
9.	Пива поддѣльнаго . . .	35	»
10.	Вина церковнаго . . .	13	»
11.	Романеи красной . . .	1/4	»
12.	Уксусу	20	»
13.	Масла коноплянаго . . .	6	»
14.	Масла орѣховаго . . .	1/4	»
15.	Воску	6	пудовъ.
16.	Жиру рыбьяго	10	фунтовъ.
17.	Лимоновъ	110	штукъ.

Въ сушилахъ:

18.	Осетровъ	202	штукъ.
19.	Стерлядей	163	»
20.	Нельмъ	243	»
21.	Щукъ	260	»
22.	Семгъ	7	»
23.	Икры черной	1/4	пуда.

Просольной рыбы:

24. Щукъ	1343	штуки.
25. Нельмъ	50	штукъ.
26. Стерлядей	120	»
27. Язей	301	»
28. Окуней	140	»
29. Осетровъ	17	»

Добавимъ къ этому, что у софійскаго дома было въ это же время 32 рабочихъ лошади и множество рогатаго скота [1]). Для каждаго очевидно, что этимъ однимъ запасомъ «нищіе богомольцы», которыхъ съ дѣловыми людьми въ 1636 г. было 70 чел., могли не только прокормить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ могли кормить всю армію Ермака, съ которою онъ завоевалъ Сибирское царство. Трудно предположить, чтобы при такихъ запасахъ можно было этимъ богомольцамъ голодать, или чтобы они дѣйствительно имѣли намѣреніе «брести врозь». Но вѣдь это только запасы, остатки отъ ежегодныхъ приходовъ. Въ томъ же году они должны были получить изъ казны хлѣба 6,180 пуд., меду 60 п., вина горячаго 100 вед., за рыбныя ловли 110 р. 13 к., денежнаго жалованья 321 р. 65 к. Несправедливо также жаловался архіепископъ Нектарій, что съ вотчинъ софійскаго дома «идетъ не великій хлѣбъ». Изъ переписныхъ книгъ Веревкина видно, что въ 1636 г. съ одной Ницынской слободы привезено въ Тобольскъ въ софійскія житницы разнаго хлѣба 4,535 пудовъ [2]). Таковы были средства софійскаго дома до вступленія Нектарія на сибирскую каѳедру. Но при немъ эти средства должны были значительно увеличиться: каждый годъ селились на софійскихъ вотчинахъ новые крестьяне и, значитъ, каждый годъ усиливалось хлѣбопашество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество «пятиннаго хлѣба», собираемаго софійскими выдѣльщиками, все болѣе и болѣе увеличивалось. По переписи, произведенной послѣ оставленія Нектаріемъ сибирской архіепископской каѳедры, т. е.

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 70.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 74.

въ 1640 г., за софійскимъ домомъ числилось крестьянъ: въ деревняхъ: Комарицкой, Матвѣевской, Киселевской и Безсоновской—58 чел., въ Ницынской слободѣ—182 чел., въ Тавдинской—79 ч., да бобылей въ Тобольскѣ, Тюменѣ, Туринскѣ и Верхотурьѣ—111 чел., всего 427 челов. взрослаго мужского пола [1]), тогда какъ Нектарій унаслѣдовалъ отъ Макарія только 138 человѣкъ. Кромѣ того, своему преемнику, архіепископу Герасиму, онъ оставилъ: разнаго хлѣба 18,125 пудовъ, ссудныхъ и заемныхъ кабалъ и памятей 756, денегъ по этимъ кабаламъ 1.906 р. 26 коп., хлѣба 11,323 пуда, 61 лошадь, да массу рогатаго скота и всякихъ съѣстныхъ припасовъ и питій [2]). Помимо всего этого съ казны заемнаго хлѣба Герасимъ имѣлъ получить 1,500 четвертей ржи и 500 четв. овса.

Казалось-бы послѣ этого, что преемнику Нектарія уже невозможно будетъ жаловаться на нищету софійскаго дома, а на самомъ дѣлѣ было далеко не такъ.

Архіепископъ Герасимъ выѣхалъ изъ Москвы не съ пустыми руками: ему дали въ займы изъ государевой и патріаршей казны 200 бархатовъ, на сумму 69 р. 78 к., и 1,000 р. деньгами. Но, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, Герасимъ немедленно отправилъ къ царю челобитную, въ которой, жалуясь на нищету софійскаго дома, просилъ тѣ заемныя деньги зачесть за хлѣбъ, который взятъ въ займы казною при архіепископѣ Нектаріѣ. Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ. Въ то-же время этотъ государь послалъ къ тобольскому воеводѣ указъ, чтобы съ 1642 г. хлѣбной руги не давать софійскому дому, а пусть архіепископъ «строится своею пашнею». Эта первая непріятность для Герасима, а другая заключалась въ слѣдующемъ. Еще въ концѣ 1639 г. туринскіе посадскіе и пашенные крестьяне били челомъ государю, «что въ Туринскомъ острогѣ и въ туринскомъ уѣздѣ живутъ на государевой землѣ архіепископскіе закладчики—6 человѣкъ съ женами и дѣтьми; пашутъ на себя пашню, косятъ сѣно, а государевыхъ людей тѣснятъ и съ своихъ дворовъ и пашенъ денежнаго оброку и выдѣльнаго хлѣба въ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. Ст. № 314.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб., Ст. № 311.

государеву казну не платятъ». Въ заключеніе челобитчики просили, чтобъ эти закладчики «тянули» вмѣстѣ съ ними всякія государевы подати. Въ отвѣтъ на эту челобитную изъ Москвы въ 1640 г. присланъ туринскому воеводѣ указъ, которымъ велѣно тѣхъ закладчиковъ отписать на государя и впредь тѣмъ, которые живутъ въ посадахъ, ни чьими закладчиками не называться. Вѣроятно, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, и тобольскіе посадскіе люди жаловались на 14 человѣкъ софійскихъ закладчиковъ, что послѣдніе живутъ въ Тобольскѣ на государевой землѣ, торгуютъ въ своихъ лавкахъ и на площади, промышляютъ всякими промыслами, а съ ними, посадскими людьми, никакихъ государевыхъ службъ не служатъ и оброку въ казну не платятъ, и затѣмъ тобольскіе челобитчики просили того же, что и туринскіе [1]). Изъ этихъ челобитныхъ, между прочимъ, видно, что положеніе архіепископскихъ закладчиковъ было очень выгодное: заплативши въ домъ С. П. Б. небольшой оброкъ (50 к. или 1 р.), они уже были свободны отъ всякихъ казенныхъ податей и повинностей. Однако не всегда было такъ, не всѣ архіепископы довольствовались отъ своихъ закладчиковъ однимъ этимъ оброкомъ. Тѣ-же тобольскіе архіепископскіе закладчики 14 человѣкъ, о которыхъ упоминается въ челобитной посадскихъ людей, въ концѣ 1640 г. подали Михаилу Ѳедоровичу на Герасима слѣдующую жалобу. Упомянувъ въ ней о томъ, что «одни изъ нихъ жаложились за Макарія, а другіе за Нектарія, чтобы они заступались за нихъ во всякихъ обидахъ», челобитчики пишутъ: «Се нынѣ стало невозможнымъ жить за архіепископомъ, притѣсненія и налоги великіе какъ отъ самого архіепископа, такъ и его дворовыхъ людей: дѣтей нашихъ берутъ насильно къ себѣ во дворъ, дочерей нашихъ насильно выдаютъ замужъ за своихъ пашенныхъ крестьянъ, а за твоихъ государевыхъ людей отдавать не велятъ, накладываютъ на насъ сиротъ налоги не вмѣру, заставляютъ насильно пахать свои пашни, архіепископъ торговать не велитъ и изъ Тобольска не пускаетъ, а мы люди торговые, а не пашенные...., и отъ тѣхъ притѣсненій, государь,

---

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр., Разб. Ст. № 315.

одинъ изъ нашей братіи сбѣжалъ, бросивъ жену и дѣтей, другой, Михалко огородникъ, отъ его мученья удавился, а одного закладчика жена удавилась отъ его же архіепископскаго мученья...» Въ заключеніе этой жалобы закладчики просили жить за государемъ и вмѣстѣ съ посадскими людьми «тянуть» службу и тягло [1]).

Комментаріи къ этой челобитной излишни. По поводу ея можно только вспомнить нѣкоторыхъ крѣпостниковъ помѣщиковъ XVIII вѣка—вродѣ знаменитой Салтычихи. Что въ этой челобитной нѣтъ преувеличиваній, мы не сомнѣваемся: только жестокія притѣсненія этого «нищаго государева богомольца» могли заставить закладчиковъ желать измѣненія своего положенія, потому что вообще закладчикамъ и крестьянамъ какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири за софійскимъ домомъ и за монастырями жилось лучше, чѣмъ за государемъ.

Вслѣдствіе этой челобитной въ 1641 г. присланъ тобольскому воеводѣ указъ, которымъ велѣно взять тѣхъ закладчиковъ въ посадъ и быть имъ за государемъ и вмѣстѣ съ посадскими людьми платить казенныя подати и служить всякія службы. Такимъ образомъ софійскій домъ при Герасимѣ лишился 20 закладчиковъ. Это подало поводъ сибирскому архіепископу послать Михаилу Ѳедоровичу одну за другою двѣ слезныхъ челобитныхъ, каковыя писалъ его предшественникъ Нектарій. Въ одной изъ нихъ Герасимъ писалъ, что ему и его дворовымъ людямъ съ 1642 года не указано давать хлѣбнаго жалованья, а велѣно заводить свои пашни; но ему заводить пашенъ некѣмъ и нечѣмъ, такъ какъ у него взято въ Тобольскѣ 14 чел. и въ Туринскѣ 6 человѣкъ. Государь смиловался и велѣлъ выдавать софійскому дому хлѣбную ругу и послѣ 1642 г. въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ другой челобитной Герасимъ просилъ, чтобы государь возвратилъ въ домъ Софіи Пр. Бож. вышеупомянутыхъ туринскихъ и тобольскихъ закладчиковъ, «чтобъ софійская домовая пашня не залегла, домъ Софіи Пр. Бож. не оскудѣлъ и чтобы дворовые люди отъ голода не разбрелись врозь». Чѣмъ кончилось дѣло о заклад-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6132/88, л. 527.

чикахъ, мы не знаемъ. Въ одномъ докладѣ, поданномъ Алексѣю Михайловичу по этому поводу, сказано: «велѣно тѣхъ закладчиковъ взять на государя, но взяты-ль, того неизвѣстно» [1]). Вообще религіозный Михаилъ Ѳедоровичъ слишкомъ снисходительно относился къ своимъ сибирскимъ богомольцамъ и если иногда издавалъ указы, запрещающіе софійскому дому увеличивать число крестьянъ и количество поземельной собственности, то по первой же челобитной сибирскаго архіепископа немедленно измѣнялъ оные. Это мы видѣли изъ вышесказаннаго, а еще очевиднѣе будетъ то-же самое, если мы обратимся къ хозяйственной дѣятельности архіепископа Герасима. Въ 1641 году тюменскаго Преображенскаго монастыря черный попъ съ братіей дали вкладъ въ домъ Софіи Пр. Бож. свою заимку, находящуюся въ тюменскомъ уѣздѣ, по нижнему теченію Туры, за Щучьимъ озеромъ и за рѣчкой Терентьевой, впадающей въ Туру,—заимку на 150 десят. пахотной земли и на 500 к. сѣнныхъ покосовъ. По распоряженію тобольскаго воеводы эти земли были отведены софійскому дому и записаны въ книги. Тогда Герасимъ билъ челомъ государю объ утвержденіи въ правахъ владѣнія тою заимкою. Но въ Москвѣ посмотрѣли на эту уступку иначе, чѣмъ тобольскій воевода. Государь, выслушавъ о ней докладъ, рѣшилъ, что Герасимъ «то дѣлаетъ не по дѣлу, что хочетъ имать въ софійской домъ монастырскія земли—вкладъ, ему владѣть тѣми землями, какими владѣли прежніе архіепископы, а до монастырскихъ земель ему нѣтъ никакого дѣла». На основаніи этого рѣшенія послана (въ 1643 г.) тобольскому воеводѣ грамота, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не отдавалъ вышеупомянутыхъ земель въ домъ Софіи Пр. Бож. и впередъ «смотрѣть бы накрѣпко, чтобы никто никакихъ земель архіепископу вновь не давалъ и архіепископъ-бы ничьихъ земель вновь не захватывалъ». Очевидно, правительство поняло, что софійскимъ домомъ просто овладѣла страсть къ стяжанію, къ увеличенію земель безъ всякой надобности; ибо и безъ этой заимки за домомъ Софіи Пр. Бож. числилось по переписнымъ книгамъ громадное

1643

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. Ст. №№ 314 и 315.

количество поземельной собственности—нѣсколько тысячъ четей. Это первый указъ, ограничивающій страсть къ стяжанію сибирскихъ архіепископовъ. Но это ограниченіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, было только на бумагѣ, а не на дѣлѣ.

Вѣроятно Герасимъ предвидѣлъ подобный исходъ дѣла въ Москвѣ и, не дожидая онаго, постарался разными средствами укрѣпить за софійскимъ домомъ право владѣнія вкладомъ тюменскаго монастыря: въ 1642 году онъ поселилъ на тѣхъ земляхъ 20 семействъ софійскихъ бобыльковъ, построилъ острожекъ и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Узнавъ же о царской грамотѣ, Герасимъ немедленно, именно въ августѣ 1643 года, послалъ Михаилу Ѳедоровичу челобитную, въ которой, ссылаясь на поселеніе въ новомъ селѣ крестьянъ и на постройку тамъ «государева богомолья», просилъ дать грамоту за красною печатью, чтобъ та земля была крѣпка за софійскимъ домомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же челобитной Герасимъ просилъ, чтобы и на будущее время государь велѣлъ отводить въ домъ Софіи Пр. Бож. тѣ земли, какія онъ пріищетъ, такъ какъ прежней земли за софійскимъ домомъ мало и его дворовымъ людямъ хлѣба пахать негдѣ. И что же? Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ и указалъ (1643 года окт.) тобольскому воеводѣ не отнимать у софійскихъ богомольцевъ уступленныхъ тюменскимъ монастыремъ земель, потому что тамъ уже стоитъ «государево богомолье храмъ Покрова Пр. Богородицы» [1]). Таково было начало и таковы были обстоятельства, сопровождавшія основаніе на лѣвомъ берегу Туры, недалеко отъ впаденія этой рѣки въ Тоболъ, слободы Покровской.

Не смотря на царское запрещеніе софійскому дому впредь не увеличивать земель «ни которыми дѣлы», подъ Покровскую слободу отведенъ новый значительный кусокъ земли. Въ 1644 году архіепископъ Герасимъ билъ челомъ государю, что съ 1645 года государеву богомолью—софійскому дому не велѣно давать хлѣбнаго жалованья и онъ, архіепископъ, теперь заводитъ пашню, чѣмъ бы ему и его дворовымъ людямъ прокор-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Прик., Разб. Ст. № 314.

миться и не умереть съ голоду, а подъ Покровскимъ селомъ уступленной тюменскимъ монастыремъ земли мало и новыхъ крестьянъ посадить негдѣ. Вслѣдствіе этого Герасимъ просилъ отвести къ этому селу земли и сѣнные покосы, которые лежатъ внизъ по Тоболу, по рѣчкѣ Усалкѣ и по рѣчкѣ Искѣ по обѣ стороны. Государь пожаловалъ. Но въ то-же время (дек. 1644 г.) тобольскому воеводѣ послана подтвердительная грамота, чтобы впредь въ софійскій домъ и въ сибирскіе монастыри ни русскіе, ни татары, ни остяки никакихъ земель, сѣнныхъ покосовъ и угодій не давали, а какія земли, послѣ этого указа, найдутся за сибирскимъ архіепископомъ, или за сибирскими монастырями городовъ тобольскаго разряда, то отбирать на государя безповоротно и безденежно, и чтобы тобольскій воевода и другіе воеводы смотрѣли за этимъ «крѣпко на крѣпко». Однако Герасимъ нисколько не смутился подобнымъ указомъ: онъ привыкъ уже считать такія запрещенія мертвой буквой и зналъ, что челобитная отъ «софійскаго государева богомолья» сильнѣе указовъ. Въ слѣдующемъ году, едва только Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, какъ Герасимъ билъ ему челомъ, что земля Усть-ницынской слободы выпахалась, а смежная съ нею земля за р. Мостовою около 300 десятинъ пустая и въ дачахъ ни за кѣмъ не была и просилъ отвести въ домъ Софіи Пр. Бож. эту землю. И государь пожаловалъ и въ то же время послалъ указъ, чтобы впредь и т. д... [1]).

Этимъ мы пока окончимъ обозрѣніе хозяйственной дѣятельности тобольскаго Знаменскаго монастыря и тобольскаго архіепископскаго дома. Слѣдствіемъ этой дѣятельности было, какъ мы видѣли, основаніе слободъ Усть-ницынской и Покровской въ тюменскомъ уѣздѣ, слободы Тавдинской, села Богословскаго и нѣсколькихъ деревень въ уѣздѣ тобольскомъ. Во всѣхъ этихъ поселкахъ къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича находилось до 650 человѣкъ взрослаго мужского населенія, а количество земли за монастыремъ и за домомъ Софіи Пр. Божіей въ это время можно считать уже тысячами десятинъ.

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. Ст., №№ 314, 315, 324 и 326.

Судя по краткости времени, въ которое основаны и заселены вышеупомянутые поселки, мы должны признать, что тобольскій монастырь и софійскій домъ были очень энергичными факторами въ исторіи заселенія Сибири. Правительство уже вступаетъ въ борьбу съ ними: ограничиваетъ ихъ право относительно увеличенія земельной собственности и крестьянъ; приказываетъ воеводамъ отбирать отъ монастыря и софійскаго дома лишнія земли и лишнихъ крестьянъ на государя безповоротно и безденежно. Но, какъ мы увидимъ въ другой части нашего изслѣдованія, и при этихъ условіяхъ монастырь и софійскій домъ дѣлаютъ новыя заимки, увеличиваютъ годъ отъ году число крестьянъ и находятъ средства укрѣплять за собою противозаконныя пріобрѣтенія.

Всего русскаго населенія въ Тобольскѣ и его уѣздѣ въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича было до 2,330 семействъ, а инородческаго населенія въ то-же время было около 1,300 семействъ.

Въ заключеніе этой главы сообщимъ свѣдѣнія о казенныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходахъ по городу Тобольску. До 1623 года количество мѣстнаго хлѣба, собираемаго въ тобольскія царскія житницы, было незначительно; онымъ и пятой доли не покрывалось мѣстныхъ расходовъ. Воевода Сулешовъ нѣсколько увеличилъ этотъ сборъ: прибавилъ на пашенныхъ крестьянъ государевой пашни, на оброчныхъ крестьянъ—оброчнаго хлѣба, обложилъ «пятиннымъ снопомъ» пашню ружниковъ и посадскихъ людей и «десятиннымъ снопомъ» пашни тѣхъ служилыхъ людей, которые получали изъ казны полные оклады хлѣбнаго жалованья. Но почва въ тобольскомъ уѣздѣ не отличалась плодородіемъ: средній урожай озимаго—самъ $4^1/_2$, а ярового—самъ 3. Поэтому, не смотря на то, что со времени Сулешова сборъ хлѣба увеличился, его все-таки далеко не хватало для покрытія расходовъ. Напр., въ 1628 году всего собрано разнаго хлѣба 2,330 чет., а израсходовано 6,527 чет. [1]). Съ 1633 года расходъ хлѣба значительно увеличился вслѣдствіе того, что число служилыхъ людей въ Тобольскѣ

---

[1]) А. М. Ю., Сиб. Пр., Ст. № 6063/19, кн. № 27.

увеличилось на 500 человѣкъ, а между тѣмъ хлѣбнаго сбора противъ 1628 года прибавилось въ царскихъ житницахъ сравнительно съ расходомъ небольшое количество—всего около 700 чет. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича расходъ хлѣба превосходилъ доходъ приблизительно на 7,000 четвертей. Далеко не въ такомъ отношеніи въ Тобольскѣ находились денежные доходы къ денежнымъ же расходамъ: тобольскія «смѣтныя книги денежныхъ доходовъ» не только заканчивались безъ дефицита, но ежегодно отмѣчался въ нихъ значительный излишекъ и этотъ излишекъ постоянно возрасталъ. Такъ, въ 1624 году всякихъ денежныхъ доходовъ собрано 5,780 руб. 24 коп., въ 1625 году 6,581 р., а въ слѣдующемъ году 6,635 р. Считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что эти суммы показываютъ только «окладныя денежныя доходы вѣрнаго бранья», а были еще неокладные или, по нашему выражаясь, чрезвычайные доходы. Напр., въ 1625 году «продано 15 лошадей, которыми ударили челомъ государю калмыцкіе послы разныхъ тайшъ» за 48 руб. 52 коп.; въ томъ же году продано мягкой рухляди (бракъ, который не отсылался въ Москву) на 110 р. Между тѣмъ, какъ окладныхъ и неокладныхъ расходовъ ежегодно выходило не болѣе 5,500 р.

Главныя статьи денежныхъ доходовъ—это сборы таможенной и проѣзжей пошлинъ съ торговыхъ людей: въ 1625 году первой пошлины взято 4,198 р. 91 коп., а второй, въ томъ же году, 713 р. 39 коп. Крупный же расходъ составлялъ плату жалованья служилымъ людямъ, оброчникамъ, ружникамъ и юртовскимъ служилымъ татарамъ: въ 1625 году такого жалованья уплочено 4,234 р. 93 коп., а въ слѣдующемъ году 4,735 р. 24 коп. [1]). Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа служилыхъ людей въ Тобольскѣ и съ устройствомъ Самаровскаго и Демьяновскаго ямовъ, хотя и значительно прибавилось денежныхъ расходовъ, зато мы видимъ и значительное увеличеніе денежныхъ доходовъ. Тобольскъ былъ главнымъ торговымъ центромъ для русскихъ людей, татаръ, бухарцевъ, коганцевъ, калмыковъ и ногайцевъ; торговыя операціи здѣсь по-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 8.

степенно расширялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивался и сборъ пошлинъ. Первое мѣсто въ дѣлахъ торговыхъ, несомнѣнно, занимали бухарцы; ихъ торговые обороты, какъ видно изъ таможенныхъ тобольскихъ книгъ, производились на довольно значительныя суммы: случалось, что въ одинъ мѣсяцъ пріѣзжіе бухарскіе купцы распродавали своихъ товаровъ въ Тобольскѣ болѣе, чѣмъ на десять тысячъ рублей — эта сумма по тому времени громадная. Бухарцы начали вести торговлю съ русскими людьми въ Сибири еще съ «Ермакова взятья», нѣкоторые изъ нихъ даже совсѣмъ переселились изъ Бухары въ русскіе сибирскіе города—Тару, Тобольскъ и Тюмень. Московское правительство особенно покровительствовало бухарскимъ купцамъ, надѣлило ихъ особою привиллегіей предъ всѣми другими торговыми людьми, не исключая и русскихъ; такъ, всѣ другіе купцы платили съ своихъ товаровъ въ государеву казну десятую пошлину, а бухарцы только двадцатую. Предметы ихъ торговли были очень разнообразны; они привозили въ Тобольскъ: женокъ, парней, лошадей, верблюдовъ, овецъ, рогатый скотъ, хлопчатую бумагу, сафьяны, шелкъ, пшено сарачинское, разныя матеріи подъ названіемъ «бязь», «зендень семендя», выбойки, куртки и кафтаны зенденные, азямскіе и проч. Калмыки и ногайцы пригоняли въ Тобольскъ цѣлые табуны лошадей, а мѣстные татары торговали мягкою рухлядью и остячками. Таможенная и проѣзжая пошлины съ товаровъ брались въ государеву казну, то натурою, то деньгами: «съ женокъ ногаекъ и остячекъ», вѣроятно, собиралась пошлина на государя исключительно деньгами, потому что этого рода товара привозилось немного, всего штуки по двѣ и по три не болѣе, такъ что брать натурою десятую или двадцатую долю на государя было невозможно. Да и деньгами не всегда удавалось таможеннымъ головамъ брать пошлину съ женокъ: купцы умѣли скрывать этотъ товаръ, обходить правило о пошлинахъ. Напр., одинъ «бухаретинъ привезъ съ собою двухъ женокъ ногаекъ», пишетъ въ книгѣ таможенный голова, «и съ тѣхъ женокъ пошлинъ на государя не взято, потому что онъ сказалъ: тѣ-де жонки въ жены у него мѣсто, а не продать-де»... Само собою понятно, что этотъ бухаретинъ обманулъ

таможеннаго голову: впрочемъ, можетъ быть и то, что самъ голова за взятку покривилъ предъ государемъ душею и скрылъ эту пошлину.

Чтобы имѣть понятіе о тогдашней рыночной цѣнѣ въ Тобольскѣ на людской товаръ, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя объ этомъ предметѣ. Напр. «25 декабря 1640 года, читаемъ въ таможенной книгѣ, у татарина у Меличка Елусанова, съ купленной имъ жонки остячки взято пошлины 8 алтынъ, 2 деньги»; «29 декабря того же году у татарина у Мемеделья Кизилбаева съ купленнаго имъ парня ногаетина взято пошлины 8 алтынъ, 2 деньги (или 26 коп.)»; а такъ какъ съ татаръ бралось пошлины десять процентовъ, то стало быть женка и парень проданы по 2 р. 60 коп. Относительная цѣна этого товара, какъ видно изъ сравненія съ тогдашнею цѣнностію другихъ предметовъ торговли, была довольна высокая; по крайней мѣрѣ упомянутые люди были проданы дороже, чѣмъ въ то же время и на томъ же рынкѣ продавались лошади и быки.

Русскимъ людямъ московское правительство строго запретило эту постыдную торговлю. Еще Борисъ Годуновъ указалъ, «чтобы служилые и всякіе люди не возили на Русь полоненниковъ и ясырь (купленные люди) и у себя въ Сибири не держали...»; онъ же приказывалъ сибирскимъ воеводамъ, чтобы они обыскивали русскихъ людей и, если у кого найдутъ полоненниковъ или купленныхъ людей, то отбирать и отсылать ихъ на родину, объявляя, что государь даруетъ имъ освобожденіе... [1]). Послѣдующіе государи также не разъ подтверждали этотъ указъ [2]). Но тѣмъ не менѣе тайный провозъ на Русь плѣнныхъ и ясырей существовалъ, и въ Сибири у всякихъ русскихъ людей были они въ услуженіи; изъ дозорныхъ книгъ видно, что даже пашенные крестьяне имѣли у себя «крѣпостныхъ» и «купленныхъ людей» и ими обработывали свои пашни. Мы выше упомянули, что калмыки преимущественно

---

[1]) Ар. М. Ю. Сиб. Прик., кн. № 2, л. 101.

[2]) Д. к. А. И. т. № 62.

торговали въ Тобольскѣ лошадьми, но изъ одной отписки тобольскаго воеводы видно, что они продавали русскимъ людямъ еще какую-то траву подъ названіемъ «шаръ» и сѣмена этой травы. Неизвѣстно, какое назначеніе имѣла эта трава? Намъ попался только одинъ документъ, касающійся этого предмета калмыцкой торговли, но изъ него нельзя вывести положительнаго заключенія относительно назначенія «шара». Содержаніе документа слѣдующее. Въ 1640 г. одинъ крестьянинъ говорилъ тобольскому воеводѣ, «что у тобольскихъ у многихъ людей—у русскихъ, татаръ и бухарцевъ есть трава, а называютъ ту траву шаромъ и пьютъ ее вмѣсто табаку для пьянства дымомъ рогами», т. е. курятъ, ибо московскіе люди и относительно куренія табаку выражались «пьютъ табакъ», «пьянствуетъ табачнымъ дымомъ», а курящихъ называли «питухами» и «пропойщиками». Но очевидно, что «шаръ»—не табакъ; доносчикъ различаетъ эти травы. По извѣту этого крестьянина тобольскій воевода велѣлъ сдѣлать у русскихъ людей обыскъ, велѣлъ искать толченой травы — «шаръ» въ клѣтяхъ и сѣянной въ огородахъ. Извѣтъ на половину оправдался: у одного боярскаго сына было посѣяно этой травы на трехъ грядахъ, у тобольскихъ пѣшихъ казаковъ—у Ермачка на 7 грядахъ, а у другихъ на 5 и на 15 грядахъ; у казака Морозова найдено въ клѣти 30 каченовъ и толченаго «шару» 3 гривенки. Всѣхъ тѣхъ, у которыхъ была посѣяна или лежала въ клѣти трава, потребовали въ съѣзжую избу къ воеводѣ. Но на допросѣ виновные всѣ въ одинъ голосъ утверждали, «что они той травы не пьютъ, а держатъ для лѣченія: что эту траву въ толченномъ видѣ они присыпаютъ къ ранамъ и раны заживаютъ» [1]). Другихъ показаній воевода не добился. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что очень можетъ быть, что эта трава «шаръ» имѣла двоякое назначеніе, т. е. употреблялась какъ лѣкарство и для куренія вмѣсто табаку, какъ говоритъ извѣтчикъ. Тобольскимъ обитателямъ мало было развлеченій: кабакъ былъ давно уничтоженъ, а за куреніе табаку, какъ извѣстно, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ рѣзали носы. И вотъ жители Тобольска,

---

[1]) Архивъ М. Ю. Сиб. Прик., Столб. № 6132/88, л. 571.

1) Шар - китайский табак — скорее мох
Эльтоман

за невозможностью имѣть другихъ развлеченій, отуманивающихъ голову, начали курить шаръ; если нельзя «пьянствовать виномъ» или «пьянствовать табачнымъ дымомъ», то имъ казалось, что можетъ быть правительство будетъ снисходительно относиться къ «пьянству шаровымъ дымомъ». Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какое рѣшеніе Михаилъ Ѳедоровичъ постановилъ относительно послѣдняго рода пьянства. Но тобольскіе обитатели чувствовали, что шаръ—запретный плодъ; объ этомъ можно судить по тому, что калмыки продавали эту траву секретно и на таможенныхъ заставахъ не являли этотъ товаръ: мы просмотрѣли таможенныя книги за 12 мѣсяцевъ 1640 г. и ни въ одномъ мѣстѣ не встрѣтили упоминанія о шарѣ, хотя въ нихъ записывали столь ничтожной цѣны товары, что десятой пошлины взималось съ нихъ на государя только четверть деньги. Вѣроятно, трудность взиманія подобныхъ мелкихъ пошлинъ и заставила одного тобольскаго воеводу обратиться къ Михаилу Ѳедоровичу съ слѣдующею челобитной: «Въ твоихъ, государь, русскихъ городахъ», писалъ онъ около 1640 г., «для торговли живутъ твои государевы мелкія деньги—московки и полушки, а въ Тобольскѣ и въ другихъ сибирскихъ городахъ мелкихъ денегъ нѣтъ и вслѣдствіе того въ торговыхъ и во всякихъ дѣлахъ бываетъ медленность и казнѣ убыль; торговые же люди такихъ мелкихъ денегъ въ Сибирь не возятъ...» Въ заключеніе этой челобитной воевода просилъ, чтобъ государь прислалъ изъ Москвы тысячи двѣ или три московокъ и полушекъ для размѣну всякимъ людямъ копѣекъ [1]).

Вообще торговля въ Тобольскѣ процвѣтала, хотя, нужно замѣтить, что на тобольскомъ рынкѣ русскіе люди несравненно болѣе покупали товаровъ, чѣмъ продавали. Мы выше упомянули, что государевы денежные доходы въ этомъ городѣ къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича значительно увеличились. Это будетъ очевидно изъ сравненія суммъ пошлинныхъ сборовъ въ тобольской таможнѣ въ разное время: въ 1624 г. таможенныхъ десятой и двадцатой пошлинъ взято

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6127/83, л. 175.

3,182 р., въ 1625 г. взято 4,118 р. 91 к., въ 1640 г. такихъ пошлинъ собрано 5,692 р.; соотвѣтственно этому увеличился сборъ и другихъ пошлинъ, какъ проѣзжей, поанбарной, посаженной, явчей, помѣрной, поголовной и т. п. напр., проѣзжей пошлины въ 1625 г. взято 713 р. 39 к., въ 1640 г.— 1,092 р. Общая же сумма всякихъ пошлинныхъ сборовъ въ 1640 г. достигла почти 8,000 р. По нашему вычисленію, на тобольскомъ рынкѣ въ теченіе года продано разныхъ товаровъ на 82,405 руб., а провезено товаровъ чрезъ Тобольскъ на 27,300 р. Замѣтимъ однако, что послѣдняя цифра не вполнѣ еще опредѣляетъ количество товаровъ, провезенныхъ черезъ этотъ городъ, потому что съ тѣхъ товаровъ, съ которыхъ проѣзжая пошлина взята, напр., въ Тарѣ, въ Тобольскѣ уже таковая не взималась. Вышеприведенныя цифры пошлинныхъ сборовъ показываютъ, что въ Тобольскѣ въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича была «милліонная торговля», ибо тогдашняя цѣнность денегъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ превосходила нынѣшнюю. Тобольскій рынокъ особенно оживлялся въ іюнѣ мѣсяцѣ; объ этомъ можно судить по тому, что за этотъ мѣсяцъ взято пошлинъ на 2,595 р. 36 к. [1]). Такимъ образомъ мѣстные казенные денежные доходы въ Тобольскѣ съ излишкомъ могли покрывать таковые же расходы. Сборъ ясака съ тобольскихъ инородцевъ также значительно увеличился къ концу обозрѣваемаго нами періода: въ 1628 году собрано мягкой рухляди съ ясачныхъ людей на 663 р. [2]), въ 1629 г.—на 786 р. [3]), въ 1640 г.—на 1,997 р. [4]). Наконецъ, къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича сборъ этой рухляди простирался на 2,233 р. [5]).

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 44, см. «Списокъ съ таможенной книги 1640», заключающей въ себѣ 988 листовъ.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 17, л. 27, см. «Ясачную книгу 1628 г.»

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 20, см. «Приходную книгу казанскаго дворца 1629 года».

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 9, см. «Ясачную книгу 1640 г.»

[5]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 163, см. «Приходную книгу сибирскаго приказа 1644 года».

ГЛАВА VI.

Тара и его уѣздъ. (1594—1645 гг.). Тобольскіе воеводы въ теченіе короткаго времени распространили русское господство надъ иртышскими татарами далеко вверхъ по Иртышу: послѣдняя татарская волость--ялынская, съ которой они брали ясакъ, отстояла отъ Тобольска на 15 дней пути. По мѣрѣ распространенія русской власти въ этихъ мѣстахъ, царь Кучумъ все далѣе и далѣе подвигался къ верховьямъ Иртыша. Этотъ энергичный кочевникъ не складывалъ оружія, а въ каждое удобное время онъ оборачивался назадъ и, не будучи въ силахъ предпринять что-нибудь противъ Тобольска, дѣлалъ нападенія на отдаленныя отъ этого центра русской власти татарскія волости, грабилъ оныя, бралъ въ плѣнъ татаръ и, прежде чѣмъ тобольскіе воеводы получали объ этомъ вѣсть, скрывался въ верхнихъ мѣстахъ Иртыша. Изъ Тобольска трудно было настигнуть Кучума, чтобы нанести ему рѣшительный ударъ и трудно было оберегать отъ его нападеній отдаленныя татарскія волости, уже платившія ясакъ московскому царю. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ татаръ, чтобы спокойно жить, принуждены были давать двойной ясакъ, т. е. въ одно и то-же время платить дань и московскому царю и своему прежнему властелину Кучуму. При такомъ положеніи дѣлъ Кучумъ былъ непобѣдимъ: онъ постоянно могъ находить новыя средства къ борьбѣ между прежними своими подданными—иртышскими татарами и время отъ времени появляться въ подвластныхъ Москвѣ татарскихъ волостяхъ въ качествѣ грознаго мстителя. Это былъ грозный, опасный и неутомимый врагъ. Сокрушить

его было необходимо, чтобы обезпечить уже сдѣланныя по Иртышу завоеванія. Вотъ почему русскіе завоеватели въ это время не могли остановиться въ своихъ завоеваніяхъ на какомъ-нибудь пунктѣ Иртыша, не смотря на то, что ихъ власти уже покорилась громаднѣйшая часть Сибири; они волей-неволей должны были подвигаться вверхъ по Иртышу, по мѣрѣ того, какъ Кучумъ все далѣе и далѣе отодвигался отъ центра своего бывшаго царства. Чтобы удобнѣе было преслѣдовать этого бѣглеца и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегать отъ его набѣговъ подвластныя, но отдаленныя отъ Тобольска, татарскія волости, московское правительство рѣшилось построить новый русскій городъ на Иртышѣ, поближе къ кочевьямъ царя Кучума, въ волости ялынской. Въ 1594 году Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ князю Андрею Васильевичу Елецкому идти въ Сибирь на рѣку Иртышъ, къ татарскому городку Яломъ, находящемуся при рѣкѣ Тарѣ, и тамъ или въ другомъ удобномъ мѣстѣ построить городъ. Съ этимъ воеводою отправилось 147 московскихъ стрѣльцовъ и двадцать человѣкъ плотниковъ изъ Перми, да въ Тобольскѣ должны были съ ними соединиться казанскіе стрѣльцы 50 чел., лаишевскіе и тетюшскіе плѣнники 50 чел., польскіе казаки, казанскіе и свіяжскіе татары и башкирцы 400 чел., посланные туда изъ Казани и Уфы полемъ, сухопутною дорогою. Это войско должно было еще усилиться разными сибирскими служилыми людьми и татарами. Такимъ образомъ для постройки новаго русскаго города въ Сибири и военныхъ операцій надъ Кучумомъ назначалось довольно значительное войско, простиравшееся до 1,540 человѣкъ. Но воевода Елецкій не дошелъ до рѣки Тары, а заложилъ городъ почти при устьяхъ небольшой рѣчки Ангарки, впадающей съ западной стороны въ Иртышъ, въ самомъ центрѣ татарскихъ юртъ ялынской волости. Хотя ему правительство наказывало ставить городъ на 300 квад. саженяхъ и вокругъ построить острогъ отъ 300 до 500 саженъ, но воевода, вѣроятно, по случаю поздняго прихода на Иртышъ, заложилъ внутренній городъ или крѣпость на 42 квадр. саженяхъ, и острогъ въ длину на 200 и въ ширину на 150 саженъ. Таково было начало Тары. Новый русскій городъ удер-

жалъ за собою имя р. Тары, какъ онъ названъ еще въ наказѣ, ибо предполагалось построить его именно при этой рѣкѣ.

Главная цѣль постройки русскаго города на указанномъ мѣстѣ «Кучума царя истѣснить», какъ писалось въ наказѣ Елецкому. Какъ увидимъ, правительство московское не ошиблось въ своихъ разсчетахъ. Едва только Кучумъ узналъ о движеніи русскаго войска къ татарскому городу Яломъ, какъ приказалъ сыну своему Алею перевести ялынскихъ татаръ въ болѣе верхнія мѣста Иртыша на Черный островъ, а самъ подался еще далѣе, къ рѣкѣ Оми. Въ исполненіе наказа воевода Елецкій, немедленно послѣ постройки города, началъ провѣдывать о мѣстѣ кочевья Кучума и вмѣстѣ съ тѣмъ покорять разныхъ татаръ, платившихъ ему ясакъ. Въ теченіе зимы 159⁴/₅ года онъ отправилъ съ этою цѣлью двѣ экспедиціи и обѣ окончились успѣшно: покорены были тѣ ялынскіе татары, которые держались Кучума, но оставались еще въ ялынской волости; сдѣлано было нападеніе на городокъ на Черномъ островѣ и городокъ былъ сожженъ, а его обитатели частію перебиты, частію захвачены въ плѣнъ; только немногіе спаслись бѣгствомъ и принесли Кучуму непріятныя вѣсти. Изъ показаній плѣнныхъ русскій воевода узналъ, что Кучумъ кочуетъ въ верхнихъ мѣстахъ Иртыша, на 20 дней пути отъ Тары. А потому весною 1595 г. онъ отправилъ новую экспедицію. На этотъ разъ было покорено нѣсколько другихъ татарскихъ волостей, какъ Тереня, Любаръ и Бараба, но до ставки Кучума русскимъ не удалось добраться [1]). Второй тарскій воевода, смѣнившій Андрея Елецкаго въ 1595 г., Ѳедоръ Елецкій продолжалъ дѣло своего предшественника. Изъ похвальной къ нему грамоты Ѳедора Ивановича въ 1596 г. видно, что этотъ воевода во главѣ 467 чел. служилыхъ людей настигъ самого Кучума въ городѣ Тунусъ; разбилъ его войско, взялъ городъ, но Кучумъ спасся бѣгствомъ; служилые люди за этотъ подвигъ получили награды по полтинѣ на человѣка [2]) Однако всѣ эти

---

[1]) «Сиб. Ист.» Миллера стр. 207—237. См. Наказъ воеводѣ Андрею Елецкому и двѣ грамоты царя къ Ѳедору Елецкому.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 11, л. 18.

побѣды не приносили особенныхъ результатовъ. Правда, въ нѣсколько экспедицій русскими воеводами истреблено множество татаръ, множество ихъ захвачено въ плѣнъ; силы Кучума, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе ослабѣвали. Но онъ самъ былъ еще живъ и пользовался значительнымъ вліяніемъ между татарами; это видно изъ того, что въ слѣдующемъ году покоренныя уже русскимъ оружіемъ татарскія волости—Тереня, Любаръ и др. снова измѣнили Бѣлому царю и стали на сторону Кучума. Мало того, послѣдній уже собирался предпринять общими силами наступленіе противъ города Тары. Рѣшительный ударъ послѣднему русскіе нанесли только въ 1598 г. Въ 1597 Ѳедора Елецкаго смѣнилъ воевода Степанъ Кузминъ. Товарищъ послѣдняго Андрей Воейковъ въ августѣ 1598 г. предпринялъ съ значительными силами походъ противъ Кучума. Онъ снова завоевалъ отпавшія было татарскія волости, перебилъ много татаръ, много захватилъ въ плѣнъ и отъ плѣнниковъ узналъ, «что царь Кучумъ кочуетъ на рѣкѣ Оби, гдѣ у него сѣянъ хлѣбъ». По этимъ вѣстямъ воевода Воейковъ, во главѣ 400 ч. казаковъ, литвы и юртовскихъ татаръ, какъ онъ доносилъ въ Москву, «покинувъ свой кошъ на озерѣ Икѣ, пошелъ на царя Кучума, на спѣхъ, и день и ночь и сшолъ Кучума на Оби рѣкѣ выше Чатъ три днища, на лугу на Ормени». 20 августа, едва только взошло солнце, какъ противники устремились другъ на друга, завязалась битва, которая продолжалась за полдень. Не смотря на то, что Кучумъ имѣлъ войска болѣе 500 человѣкъ, побѣда осталась на сторонѣ русскихъ. «Божіимъ милосердіемъ и Твоимъ Государевымъ счастіемъ», доносилъ Воейковъ, «Кучума царя побилъ, дѣтей его и царицъ поймалъ» [1]). Изъ поименной росписи плѣнныхъ, присланныхъ тѣмъ же воеводой, видно, что захвачена въ плѣнъ почти вся семья Кучума: 5 царевичей, 8 царицъ—кучумовыхъ женъ, 8 царевыхъ дочерей, жена, сынъ и дочь царевича Алея и жена другого царевича Каная... Кромѣ того, въ числѣ плѣнныхъ были: дочь и двѣ внучки ногайскаго князя, пять князей и мурзъ кучумовыхъ, да 50 человѣкъ простыхъ

---

[1]) А. И. т. II № 1.

людей. Относительно этихъ послѣднихъ Воейковъ доносилъ, что ихъ частію перестрѣляли, частію перевѣшали. Убито было въ этомъ бою болѣе 20 князей и мурзъ, пять «аталыковъ» и въ числѣ ихъ тесть Кучума, три царевича, братъ Кучума и 150 служилыхъ людей, да во время бѣгства въ Оби рѣкѣ потонуло до 100 человѣкъ [1]). Но самъ Кучумъ опять спасся бѣгствомъ, а съ нимъ же убѣжали его сынъ Алей и небольшое число татаръ. Воейковъ бросился было преслѣдовать бѣглецовъ: «плавалъ я», писалъ онъ царю, «на плотахъ по Оби и за Обью рѣкою, по лѣсамъ искалъ Кучума и нигдѣ не нашелъ». Послѣ этихъ поисковъ воевода, пославъ одного изъ знатныхъ плѣнниковъ къ Кучуму съ порученіемъ звать его на службу къ государю и обѣщать ему царское жалованье, самъ отправился въ Тару. Очевидно русскій воевода думалъ, что послѣ разгрома 20 августа бывшему сибирскому царю ничего не остается, какъ покориться московскому царю и службою заслужить у него жалованье. Но онъ жестоко ошибся въ Кучумѣ. 5 октября этого же года посланный къ Кучуму возвратился въ Тару и разсказалъ воеводѣ слѣдующее: «Настигъ онъ Кучума за рѣкою Обью, внизъ по Оби, въ лѣсу, а съ нимъ три его сына и 130 человѣкъ людей. На предложеніе сдаться на волю побѣдителей Кучумъ отвѣчалъ: «не поѣхалъ-де я къ государю по государевѣ грамотѣ своею волею, въ кою-де пору я былъ совсѣмъ цѣлъ, а за саблей мнѣ-де къ государю ѣхать не по что, а нынче-де я сталъ глухъ и слѣпъ и безо всего живота: взяли де у меня промышленника сына моего, Асманакъ царевича; хоть бы у меня-де всѣхъ дѣтей поимали, а одинъ бы-де у меня остался Асманакъ и я бы при немъ еще пожилъ; а теперь иду въ Нагаи, а сына своего посылаю въ Бухары» [2]). Таковъ-то былъ царь Кучумъ! Старый, глухой, слѣпой, лишившійся почти всего своего семейства, всѣхъ владѣній и всего имущества, онъ тѣмъ не менѣе былъ гордъ и непреклоненъ. Не смотря на свою дряхлость и несчастія, постигшія его со времени Ермака, онъ въ душѣ остался тѣмъ

---

[1]) А. И. т. II № 2.
[2]) А. И. т. II № 5.

же заносчивымъ и свободолюбивымъ сыномъ степей, какимъ былъ въ ранней молодости и на высотѣ своего могущества. Развѣ въ отвѣтѣ, данномъ въ 1598 г. Кучумомъ посланному Воейковымъ, мы не узнаемъ того сибирскаго царя, который 30 лѣтъ назадъ писалъ Грозному: «хочешь мира и мы помиримся, а хочешь войны—будемъ воевать» [1]). Грозный не захотѣлъ съ нимъ воевать. Но явился Ермакъ и прогналъ Кучума съ юрта. Русскіе воеводы продолжали дѣло перваго завоевателя Сибири и Кучумъ съ того времени уже не складывалъ оружія. Послѣднее достовѣрное извѣстіе объ этомъ сибирскомъ царѣ мы находимъ въ разсказѣ того же посланника Воейкова. Онъ передаетъ, что Кучумъ вмѣстѣ съ нимъ прибылъ на поле битвы 20 августа, въ теченіе двухъ дней ходилъ по полю и хоронилъ трупы своихъ сподвижниковъ, павшихъ въ этомъ бою. Въ то-же время онъ послалъ двухъ человѣкъ въ татарскую волость Чаты, къ мурзѣ Кошбахтыю съ просьбою прислать ему лошадей и платья, «чѣмъ можно было бы подняться». Мурза прислалъ ему коня и шубу, а на другой день и самъ пріѣхалъ, чтобы имѣть свиданіе съ Кучумомъ. Но послѣдній, почему то заподозривъ мурзу въ дурныхъ замыслахъ, не пожелалъ его видѣть, а сѣлъ на коня и отправился вверхъ по Оби [2]). О дальнѣйшей судьбѣ Кучума, кромѣ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ сибирскихъ лѣтописей, мы ничего не знаемъ. Достовѣрно только то, что онъ скоро покончилъ жизнь свою гдѣ-то далеко отъ своего царства.

Заговоривъ о борьбѣ тарскихъ воеводъ съ Кучумомъ, мы нѣсколько отступили отъ своего предмета, подлежащаго нашему изслѣдованію. Но намъ хотѣлось показать, что цѣль постройки города Тары «истѣснить Кучума» вполнѣ достигнута. Бывшій царь сибирскаго царства уже болѣе не появлялся въ своихъ прежнихъ владѣніяхъ. Русскому господству въ сибирскомъ царствѣ уже не угрожалъ этотъ опасный врагъ. Правда вскорѣ появились новые враги въ лицѣ дѣтей и внучатъ Кучума, которые въ соединеніи съ калмыками иногда дѣлали опусто-

---

[1]) Собр. Госуд. гр. и дог. ч. 1 № 42.

[2]) А. И. т. II № 5 стр. 7.

шительные набѣги на русскія области, но эти враги не были страшны, какъ Кучумъ, который носилъ съ собою знамя сибирскаго царя и который пользовался обояніемъ между татарами.

Другая цѣль постройки Тары была экономическая: еще въ наказѣ Андрею Елецкому предписывалось «завесть въ Тарѣ пашню и соль устроить». О пашнѣ мы скажемъ послѣ, но относительно соли, въ которой такъ нуждалась Сибирь, здѣсь замѣтимъ, что тарскимъ воеводамъ дѣйствительно удалось добраться до соляного Ямышева озера и вывозить оттуда ежегодно по нѣскольку тысячъ пудовъ, напр., въ 1629 году привезено въ Тобольскъ съ Ямышева озера 21,778 пуд. 22 фунта [1]). Теперь обратимся къ самому городу Тарѣ. Кромѣ домовъ и разныхъ казенныхъ зданій, которые встрѣчаются въ каждомъ городѣ, вѣроятно еще при Елецкомъ основаны церкви — въ крѣпости — соборная во имя Успенія Пресвятой Богородицы, и въ острогѣ—во имя Николая Чудотворца, а въ царствованіе Бориса Годунова построена другая церковь въ острогѣ во имя Бориса и Глѣба. О времени основанія тарскихъ монастырей мы не нашли въ документахъ никакихъ указаній. По дозору 1624 года мужской монастырь съ церковью во имя Всемилостиваго Спаса находился за острогомъ на посадѣ, а дѣвичій съ церковью во имя Параскевы «нарицаемой пятницы» въ острогѣ. Миллеръ считаетъ мужской Спасскій монастырь самымъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ сибирскихъ монастырей [2]). По описанію Василія Тыркова городъ Тара въ 1624 году имѣлъ слѣдующій видъ. Мѣсто, которое занимала крѣпость, незначительно—вокругъ 164 саж., въ крѣпость вели двое воротъ—спасскія и водяныя, въ разныхъ мѣстахъ крѣпости поставлены 5 башенъ, а между башнями – не стѣны, какъ въ другихъ городахъ, а какія-то «городни», которыхъ было 116; въ крѣпости же раскатъ круглый о 8 углахъ, а на раскатѣ мѣдная полуторная пушка. Внутри этой крѣпости находились слѣдующія зданія: соборный храмъ съ двумя предѣлами, съѣзжая изба, 2 амбара, 2 государевыхъ житницы и 40 житницъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6063/19.

[2]) Ежемѣс. Соч. 1764 г. стр. 408.

частныхъ лицъ, тюрьма, караулка, пороховой погребъ и 4 двора: воеводскій, стрѣлецкаго десятника, пушкаря и воротника съ сторожемъ. Острогъ занималъ болѣе значительное мѣсто— вокругъ 500 саж., по острогу шесть башенъ — изъ нихъ четыре съ проѣзжими воротами и двѣ башни глухія, а на башняхъ стояли двѣ мѣдныхъ пушки, одна пищаль желѣзная скорострѣльная и четыре пищали желѣзныхъ подъ названіемъ «волконеекъ». Внутри острога помѣщались: два храма съ придѣлами, дѣвичій монастырь съ церковью и 9 келіями для 9 старицъ, а четыре старицы жили по дворамъ, гостинный дворъ съ избой для пріѣзжихъ торговыхъ людей, 14 государевыхъ лавокъ, 17 лавокъ служилыхъ людей, дворъ воеводскій, два двора боярскихъ дѣтей, два двора атамановъ ясачныхъ людей, дворъ таможеннаго подъячаго, дворъ подъячаго съѣзжей избы, дворъ толмача, дворъ таможеннаго головы, дворъ кузнеца, четыре двора церковнаго причта, а пять человѣкъ изъ церковныхъ дворовъ не имѣютъ и живутъ по подворьямъ, 53 двора конныхъ казаковъ, 42 двора казаковъ литовскаго списка, 51 дворъ пѣшихъ казаковъ, 42 двора стрѣльцовъ, 4 двора пушкарей, 5 дворовъ отставныхъ служилыхъ людей, 8 дворовъ вдовъ служилыхъ людей, 2 двора гулящихъ людей, и 2 двора пашенныхъ крестьянъ. За острогомъ на посадѣ монастырь съ церковью и 4 келіями для 4 монаховъ, дворовъ новокрещенцевъ 5, дворовъ разныхъ служилыхъ людей 36, дворовъ пашенныхъ крестьянъ 5, да за острогомъ три юрта бухарскихъ, въ которыхъ жило 21 человѣкъ [1]). Такимъ образомъ въ городѣ Тарѣ въ 1624 г. всѣхъ дворовъ было 263, а жителей 400 человѣкъ, кромѣ монаховъ, монахинь, женщинъ и дѣтей. Въ спискѣ тарскаго населенія насъ поражаетъ прежде всего отсутствіе посадскихъ людей и ничтожное количество пашенныхъ крестьянъ. Относительно посадскихъ еще понятно, почему ихъ не было. Городъ Тара находился вдали отъ другихъ сибирскихъ городовъ и, главное, въ сторонѣ отъ общаго торговаго движенія русскихъ людей въ это время. Посадскимъ людямъ тутъ дѣлать было нечего; если была какая торговля въ Тарѣ, то она

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, лл. 319—399.

находилась въ рукахъ служилыхъ людей и въ особенности у бухарцевъ, жившихъ въ юртахъ подъ самымъ городомъ. Но не понятно, почему было такъ мало пашенныхъ крестьянъ, когда около Тары была необыкновенно плодородная земля. Мнѣ кажется, что это зависѣло главнымъ образомъ отъ первыхъ неудачныхъ опытовъ земледѣлія. Служилымъ людямъ, пока былъ живъ Кучумъ, некогда было заниматься хлѣбопашествомъ: они почти круглый годъ находились въ походахъ: то гонялись за Кучумомъ, то покоряли татаръ по Иртышу и его притокамъ. А люди, присланные завести въ тарскомъ уѣздѣ пашню, оказались совершенно непривычными къ хлѣбопашеству. Они состояли исключительно изъ ссыльныхъ, которые вѣроятно и на родинѣ никогда не занимались земледѣліемъ. Первое извѣстіе относительно пашенныхъ крестьянъ въ Тарѣ находится въ грамотѣ царя Бориса отъ 1600 года. Въ ней говорится, что въ Тару посланы 3 человѣка латышей и два семейства бѣглыхъ крестьянъ, которыхъ велѣно тарскому воеводѣ посадить на пашню, дать имъ сѣмянъ и корму для прокормленія, чтобы съ голоду не умерли [1]). Изъ другой грамоты отъ 1603 года узнаемъ, что въ томъ же 1600 году отправлено въ Тару 25 семействъ пашенныхъ крестьянъ изъ тетюшскихъ и лаишевскихъ переведенцевъ, да ссыльныхъ латышей, стрѣльцовъ, боярскихъ дѣтей и кушалинскихъ мужиковъ 38 человѣкъ и всѣхъ ихъ велѣно «устроить въ пашенные крестьяне». Но мы уже упоминали объ этихъ «переведенцахъ» въ главѣ о «Туринскѣ». Изъ отписки тарскаго воеводы оказалось, что упомянутые тетюшевцы и лаишевцы оказались совсѣмъ плохими хлѣбопашцами: «пашутъ землю худо, хлѣба на себя не напахиваютъ и ихъ кормятъ изъ царскихъ житницъ». Въ данномъ случаѣ воевода ничего не говоритъ о плодородіи тарскихъ земель и плохіе результаты земледѣлія этихъ крестьянъ прямо ставитъ въ зависимость отъ ихъ неумѣнья, но правительство московское, кажется, поняло эту отписку изъ Тары въ томъ смыслѣ, что тарскія земли не плодородны и что 25 семействъ «переведенцевъ» только да-

---

[1]) Архивъ М. Ю. Сиб. Прик., кн. № 11, л. 68.

ромъ тамъ тратятъ силы, а потому велѣло ихъ переселить на туринскія государевы пашни [1]). Иначе трудно себѣ объяснить, почему этихъ крестьянъ, которые уже устроились въ Тарѣ, гдѣ правительство болѣе нуждалось въ хлѣбопашцахъ, чѣмъ въ Туринскѣ, приказано перевести на другія пашни и дать подмогу по рублю на человѣка. Очевидно, что тутъ вышло какое-то недоразумѣніе. И послѣ правительство долгое время совсѣмъ не заботилось объ увеличеніи пашенныхъ крестьянъ въ Тарѣ, не смотря на то, что городъ этотъ былъ далеко и доставка тутъ хлѣба стоила очень дорого. Только изрѣдка попадаются извѣстія, что на Тару отправлены одинъ или два колодника и велѣно ихъ устроить въ пашенные крестьяне. Но эти ссыльные бьютъ челомъ государю, чтобы онъ ихъ пожаловалъ наверстать въ служилые люди, а пашни пахать не велѣлъ, потому что имъ «чорная работа не за обычай» [2]). Если же государь не удовлетворялъ ихъ просьбу, то они убѣгали «безвѣстно куда». Вотъ почему, не смотря на то, что городъ Тара основанъ въ 1594 году, въ немъ въ 1624 г. было только семь крестьянскихъ дворовъ съ 10 человѣками крестьянъ. Что же касается служилыхъ людей, то ихъ въ Тарѣ всегда было много и почти всѣ они занимались хлѣбопашествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ на своихъ пашняхъ основали деревни, а большая часть имѣла отъѣзжія пашни. По дозору Василія Тыркова въ тарскомъ уѣздѣ въ 1624 году были слѣдующія деревни служилыхъ людей [3]).

		Число двор.
При рѣкѣ Чекрушѣ:	Дементьева	1
	Яковлева	1
При Степановомъ озерѣ:	Кирилова	1
	Машинскаго	1
При рѣкѣ Кривушѣ:	Иванова	5
	атамана ясачныхъ людей .	1
При рѣкѣ Байгилдейкѣ:	Черкасова	2

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 11, л. 79.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 11, л. 195.
[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, л. 347.

При Байгилдеевѣ озерѣ:	Терентьева	1
	Малова	1
	Колачникова	1
На Красномъ Яру около р. Уя:	Романова	1
	Старченинова	2
При Мамешевѣ озерѣ:	Мамешева	5
При Имшитикѣ:	Прокудина	1
При Ильчикѣ озерѣ:	Мосалитина	1
	Абреимова	1
При Иртышѣ:	Гаврилова	1
При рѣкѣ Балчикѣ:	Лукьянова	1
За р. Аркаркой въ дубравахъ:	Пантелеева	1
	Курмина	1
	Годуновыхъ	1
	Семенова	1
При Зуевѣ озерѣ:	Еѳтина	6
	Кулударова	1
При рѣкѣ Ибейкѣ:	братьевъ Сафроновыхъ	2
	Сотонина	1
При рѣкѣ Ошѣ	Жаденова	1
	Трещокина	1
При Ананьиномъ озерѣ:	Ананьина	2

Кромѣ того 6 человѣкъ служилыхъ людей имѣли займища и 77 ч. отъѣзжія пашни. Во всѣхъ упомянутыхъ деревняхъ и займищахъ было 46 дворовъ, а людей въ нихъ 150 человѣкъ. Пашни они распахивали 827 ч. въ полѣ... сѣна косили на 35,886 к.

Пашенными крестьянами основана только одна деревня «Чекрушъ» при рѣкѣ Чекрушѣ. Въ 1624 г. въ этой деревнѣ было четыре двора, да двѣ землянки, а живущихъ въ нихъ крестьянъ 8 челов., тѣхъ же самыхъ, которые имѣли свои дворы въ городѣ. Положеніе тарскихъ крестьянъ было нѣсколько особое: два изъ нихъ не пахали государевыхъ десятинъ; единственная обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы «быть безпрестанно у государевой бани», а остальные 6 человѣкъ были посажены на государевы пашни и ежегодно обработывали 43 десятины въ трехъ поляхъ. Кромѣ того эти послѣдніе крестьяне

несли и много другихъ обязанностей: «къ соборной церкви, къ трапезѣ, къ съѣзжей избѣ и къ государевой банѣ возятъ дрова и дѣлаютъ вѣники на весь годъ, на калмыцкіе и татарскіе расходы солоды ростятъ и пива варятъ, мелятъ и пекутъ хлѣбы....». Вѣроятно вслѣдствіе этихъ обязанностей крестьяне долгое время на себя земли не обработывали и «только недавно», замѣчаетъ дозорщикъ, они начали на себя присѣвать 7 ч. въ полѣ...». За исполненіе вышеозначенныхъ обязанностей крестьяне получали изъ казны обувь, одежду и на каждый дворъ въ годъ 36 мѣръ ржи. Но видно, что этою «мѣсячною» невозможно было прокормиться: по замѣчанію дозорщика тарскіе крестьяне большею частью «кормятся Христовымъ именемъ». Изъ монастырей только Спасскій занимался хлѣбопашествомъ: въ 1624 г. за этимъ монастыремъ было два половника, которые обработывали 12 ч. въ полѣ..., да сѣна косили 1,000 копенъ. Бѣлое же тарское духовенство совсѣмъ не занималось земледѣліемъ, а кормилось государевою хлѣбною ругою.

И послѣ первой переписи русское населеніе въ Тарѣ и въ тарскомъ уѣздѣ увеличивалось чрезвычайно медленно. Изъ дозорной книги Тыркова и изъ «смѣтныхъ книгъ хлѣбныхъ запасовъ» 1623 и 1624 г.г. правительство узнало, что тарскія земли очень плодородны и небольшая государева пашня даетъ значительное количество разнаго хлѣба. Вслѣдствіе этого оно рѣшилось увеличить въ Тарѣ число пашенныхъ крестьянъ. Въ 1625 году тарскому воеводѣ Исленеву изъ Москвы прислана грамота, чтобы онъ позаботился о развитіи государева хлѣбопашества, потому что земли доброй въ тарскомъ уѣздѣ много. Вмѣстѣ съ тѣмъ послано и тобольскому воеводѣ предписаніе «послать изъ Тобольска въ Тару ссыльныхъ людей съ женами и дѣтьми, сколько пригоже, дать имъ подводы и подмогу» и на будущее время велѣно тобольскому воеводѣ пересылать въ Тару ссыльныхъ людей и устраивать ихъ на пашни [1]). А изъ другого документа узнаемъ, что въ 1626 года прислано въ Тару ссыльныхъ свіяжскихъ приставовъ и толмачей 9 человѣкъ, да разныхъ бѣглыхъ людей 13

---

[1]) А. М.. Ю. Сиб. Пр., кн. № 11, л. 306.

человѣкъ и всѣхъ ихъ велѣно посадить на пашни [1]). Такъ что пашенныхъ крестьянъ въ этомъ году было уже 29 человѣкъ, а пашни на государя они должны были вспахать $29^1/_2$ десятинъ въ полѣ [2]). Изъ 10 старыхъ тарскихъ крестьянъ къ 1626 г. осталось только 7, а 3 сбѣжали.

Впослѣдствіи, во весь періодъ изслѣдуемый нами, мы не только не встрѣчаемъ увеличенія крестьянъ въ Тарѣ противъ 1625—26 г.г., но даже видимъ уменьшеніе, не смотря на частыя присылки изъ Тобольска новыхъ ссыльныхъ. Напр., въ 1636 году пашенныхъ крестьянъ въ Тарѣ было 25 человѣкъ, и всѣ они пахали государевой пашни 25 десятинъ [3]); въ 1640 году ихъ осталось 21 человѣкъ, а пашни государевой пахали 19 десятинъ [4]); наконецъ, въ 1645 году пашенныхъ крестьянъ было въ Тарѣ снова 29 человѣкъ, а пашни они пахали 21 дес. въ полѣ [5]). Если число крестьянъ въ послѣдній годъ царствованія Михаила въ Тарѣ было такое же, какъ въ 1625 г., но за то количество обработываемой ими земли уменьшилось на $8^1/_2$ дес. въ полѣ. Это уменьшеніе пашни зависѣло, во-первыхъ, отъ того, что старые крестьяне умирали или убѣгали, а новоприсыльные крестьяне всегда нѣкоторое время пользовались льготою, а во-вторыхъ, отъ недостатка лошадей вслѣдствіе конскаго падежа. Въ 1639 году воевода тарскій доносилъ, что у тарскихъ крестьянъ осталось только по одной лошади на трехъ и даже на четырехъ человѣкъ [6]).

Посадскихъ людей въ Тарѣ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ и послѣ первой переписи. Нѣкоторое время въ этомъ городѣ замѣчается значительный приливъ гулящихъ людей. Мы упоминали, что въ 1624 г. этого элемента было только три человѣка, но въ 1625 г. уже 17, въ 1626 г.—43, въ 1628 г.—211, а въ слѣдующемъ году гулящихъ людей въ Тарѣ было 315 человѣкъ. Но затѣмъ количество такихъ людей быстро умень-

---

[1]) Ibid., л. 314.

[2]) Ibid., л. 426, см. «Тетрадь тарскимъ пашеннымъ крестьянамъ 1626 г.».

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 68, л. 348.

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 43.

[5]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 166, л. 285—288.

[6]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6138/94, л. 265.

шается: въ 1630 году тарскій воевода, донося въ Москву объ освобожденіи имъ изъ тюрьмы двухъ пашенныхъ крестьянъ, которые посажены были его предшественникомъ за то, что они отказались пахать государеву пашню, писалъ, что на выбылыя мѣста пашенныхъ крестьянъ прибрать некого, такъ какъ гулящихъ людей въ Тарѣ нѣтъ ни одного человѣка. Только служилые люди къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича значительно увеличились въ числѣ, хотя и не настолько, какъ слѣдовало бы ожидать въ виду постоянныхъ тревогъ отъ враговъ тарскаго уѣзда—дѣтей и внучатъ кучумовыхъ и калмыковъ. Такъ въ 1624 году рядовыхъ служилыхъ людей въ Тарѣ было около 380 человѣкъ, въ 1626 г. около 400. Но въ 1636 году тарскіе служилые люди лишились значительнаго числа своихъ товарищей. Осенью этого года тарскій воевода отправилъ на 6 дощанникахъ 50 человѣкъ служилыхъ людей во главѣ сотника Григорія Медоварчева въ Тобольскъ за хлѣбомъ, но они всѣ подъ Тобольскомъ замерзли. «И теперь», писалъ въ Москву этотъ воевода, «служилымъ людямъ дать хлѣбнаго жалованія нечего, потому что въ тарскихъ государевыхъ житницахъ хлѣба нѣтъ нисколько». Вѣроятно, начавшійся въ это время, голодъ заставилъ многихъ служилыхъ людей «брести врозь». Тотъ же воевода сообщаетъ, что въ 1637 году сбѣжало нижегородскихъ иноземцевъ и вологодскихъ стрѣльцовъ 42 человѣка [1]). Такимъ образомъ въ теченіе года въ Тарѣ произошла значительная убыль служилыхъ людей, но эту убыль скоро пополнили новоприсыльными изъ разныхъ мѣстъ и къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича всѣхъ служилыхъ людей въ Тарѣ вмѣстѣ съ ружниками и оброчниками было до 500 ч. Конечно, съ такимъ количествомъ служилыхъ людей въ Тарѣ трудно было защищать тарскій уѣздъ отъ потомковъ Кучума и калмыковъ. Но въ Тару почти ежегодно на нѣкоторое время преимущественно съ весны и до осени присылались изъ Тобольска по нѣскольку десятковъ человѣкъ казаковъ, стрѣльцовъ и служилыхъ татаръ, а смотря «по вѣстямъ» и болѣе того. Эти посылки сдѣлались особенно часты съ 1630

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6112/68, л. 113.

года, когда усилилась опасность отъ вышеупомянутыхъ враговъ. Для защиты же тарскаго уѣзда отъ нападеній дѣтей и внучатъ кучумовыхъ и калмыковъ между 1628 и 1632 г. построены въ этомъ уѣздѣ острожки—Каурдатскій на правомъ берегу Иртыша, Тебенденскій около озера Уватскаго и недалеко отъ послѣдняго на лѣвомъ берегу рѣки Иртыша, нѣсколько выше устья этой рѣки, острожекъ—Ишимскій. Эти острожки должны были прикрывать средину р. Иртыша между Тобольскомъ и Тарою и не допускать кучумовыхъ потомковъ и калмыковъ проникать на Иртышъ по ишимской дорогѣ. Они не имѣли постояннаго населенія, а туда посылались служилые люди въ количествѣ 20 или 30 человѣкъ, то изъ Тары, а большею частью изъ Тобольска, и посылались притомъ только на извѣстное время, въ которое можно было ожидать нашествія вышеупомянутыхъ степныхъ враговъ. Обыкновенно послѣдніе предпринимали свои походы или весною, когда просохнутъ дороги и потомъ въ теченіе всего лѣта, или же осенью, послѣ первыхъ морозовъ, до появленія большихъ снѣговъ. Поэтому и служилые люди въ упомянутыхъ острожкахъ жили одни съ конца весны и приблизительно до августа, или до наступленія осеннихъ грязей, а другіе со времени заморозковъ и до выпаденія большихъ снѣговъ.

Всего русскаго населенія въ Тарѣ и его уѣздѣ къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича было около 535 человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, а инородцевъ—ясачныхъ 684 человѣка и служилыхъ около 80 человѣкъ.

Въ заключеніе этой главы сообщимъ нѣкоторыя данныя изъ тарскихъ «смѣтныхъ» и «ужимныхъ книгъ». Мы выше упоминали, что въ тарскомъ уѣздѣ были прекрасныя земли, но тѣмъ не менѣе хлѣбопашество здѣсь въ обозрѣваемый нами періодъ находилось еще въ зачаточномъ состояніи: мѣстнаго хлѣба было слишкомъ недостаточно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей и тарскимъ воеводамъ ежегодно приходилось посылать служилыхъ людей за хлѣбомъ въ Тобольскъ, или въ Тюмень. Напр. въ 1625 г. съ государевыхъ десятинъ собрано разнаго хлѣба 420 копенъ, а умолочено 533 ч., да выдѣльного хлѣба у ружниковъ, подъячихъ и служилыхъ людей взято

70 ч.—всего собрано въ государевы житницы 603 ч. разнаго хлѣба. Между тѣмъ, нужно было дать хлѣбнаго жалованья ружникамъ, крестьянамъ и служилымъ людямъ 4611 ч. [1]). Такимъ образомъ не доставало значительнаго количества хлѣба, чтобы удовлетворить тѣхъ, которые получали казенное хлѣбное жалованье. Но въ 1625 г. былъ необыкновенный урожай въ тарскомъ уѣздѣ: на государевыхъ десятинахъ было посѣяно 36 ч., а собрано 533 ч. Поэтому тарскій воевода на деньги, присланныя изъ Тобольска, могъ купить у частныхъ хлѣбопашцевъ разнаго хлѣба 1,855 ч. И цѣна на хлѣбъ въ это время въ Тарѣ стояла очень низкая: казенная четверть (5 пудовъ) ржи воевода покупалъ по 18 и 21 коп., яровое куплено по $18^1/_2$ коп. Но видно, что частные хлѣбопашцы сѣяли мало хлѣба и не могли продать столько, сколько требовалось казною. Въ 1628 году съ государевыхъ десятинъ молочено разнаго хлѣба 492 чет., между тѣмъ на этотъ годъ сняли вдвое больше, чѣмъ на 1625 годъ, и значитъ урожай былъ значительно хуже; выдѣльного хлѣба собрано 52 чет. Расходу же хлѣба съ сентября 1628 и по сентябрь 1629 года по смѣтѣ должно было быть 3,032 чет.; въ этомъ году израсходовано хлѣба менѣе противъ 1625 г. потому, что еще въ 1626 г. 70 человѣкамъ служилыхъ людей не велѣно давать хлѣбнаго жалованья, а велѣно имъ служить съ пашни [2]). И въ слѣдующіе годы расходъ хлѣба значительно превосходилъ приходъ: по смѣтнымъ книгамъ даже замѣтно увеличеніе расхода и уменьшеніе прихода сравнительно съ прежними годами. Поэтому ежегодно казнѣ приходилось покупать хлѣбъ то у тарскихъ хлѣбопашцевъ, а болѣе всего присылать изъ Тобольска, куда свозился хлѣбъ изъ европейской Руси, изъ Туринска, Тюменя и Верхотурья.

Но въ неурожайные годы закупка хлѣба дорого обходилась правительству; напр., въ 1636 и 1637 гг. приходилось покупать въ Верхотурьѣ 5 пуд. четверть ржи по 4 р., а въ Тарѣ и Сургутѣ по 6 р. [1]): цѣна слишкомъ высокая, если ее сравнимъ съ цѣною 1625 года.

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 11; см. «Смѣта госуд. хлѣбному запасу 1625 г.».

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6663/19, л. 61.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Столб. № 6112/68, л. 102.

Денежныхъ доходовъ въ Тарѣ казна также собирала мало: въ обозрѣваемый нами періодъ ни одна «смѣтная книга денежныхъ доходовъ и расходовъ г. Тары» не заключалась безъ значительнаго дефицита.

Доходныя статьи этого города тѣ же, что и въ другихъ сибирскихъ городахъ. Поэтому мы выпишемъ здѣсь изъ смѣтныхъ книгъ только итоги за нѣсколько лѣтъ:

Въ 1624 г.	доходовъ	было	447 р.	27 к.	расходовъ	2,450 р.	— к.
» 1625 »	»	»	356 »	87 »	»	2,450 »	— »
» 1628 »	»	»	355 »	57 »	»	2,464 »	— »
» 1629 »	»	»	319 »	— »	»	3,524 »	39 » [2]).

Въ слѣдующіе годы денежные расходы еще болѣе увеличились, потому что прибавилось количество служилыхъ людей, но доходы никогда не превышали 500 р. Самая важная статья денежныхъ доходовъ сибирскихъ городовъ— это таможенные сборы, но въ Тарѣ этихъ сборовъ было слишкомъ мало—всего отъ 160 р. и до 300 р., потому что большая часть торговыхъ людей уплачивали пошлину съ своихъ товаровъ въ Тобольскѣ. Изъ доходныхъ статей г. Тары слѣдуетъ отмѣтить, какъ новость, которой мнѣ не приходилось встрѣчать въ смѣтныхъ книгахъ другихъ сибирскихъ городовъ, а именно статью «съ ходинъ по челобитьямъ въ судныхъ дѣлахъ». Эта статья отдавалась на откупъ за 1 р. въ годъ. За то въ Тарѣ «государева мякина» и «государево ухоботье» не продавались, потому что не было покупщиковъ на этотъ предметъ торговли.

Ясачной мягкой рухляди въ тарскомъ уѣздѣ собиралось значительное количество, хотя цѣнность оной никогда не доходила до 2 тысячъ рублей; напр. въ 1624 г.—взято ясачной и поминочной рухляди на 1,631 р., въ 1,627—на 1,408 р., въ 1635—на 1231 р., въ 1643—на 1909 руб. [3]).

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 11, л. 353 и др.; Ст. № 6603/19, л. 70; кн. № 18, л. 320 и др.

[2]) А. М. Ю., Сиб. Пр., кн. № 11, л. 215; кн. № 17, л. 52; кн. № 61; кн. № 163

ГЛАВА VII.

Пелымъ и его уѣздъ. (1593 г.—1645 г.) Тобольскіе воеводы, распространяя русское господство по рѣкѣ Иртышу и ея притокамъ, уже въ 1592 году покорили инородцевъ, жившихъ по рѣкѣ Кондѣ и собрали съ нихъ ясакъ, но верхнія мѣста этой рѣки, а также и рѣка Пелымъ, впадающая въ Тавду, слишкомъ далеко отстояли отъ Тобольска и потому тамошнихъ вогуловъ и остяковъ трудно было заставить платить дань. Тѣмъ болѣе, что тамъ господствовалъ пелымскій князь Аблегиримъ, который не только не хотѣлъ покориться русскому царю, но и самъ предпринималъ, какъ и его предшественники при Едигерѣ и Кучумѣ, набѣги за Уральскій хребетъ на русскія области, въ Пермь Великую. Поэтому московское правительство сочло необходимымъ построить при рѣкѣ Тавдѣ новый русскій городъ, изъ котораго было-бы удобнѣе покорить и держать въ повиновеніи верхкондинскихъ и пелымскихъ инородцевъ. Еще въ началѣ іюля 1592 г. велѣно Максиму и Никитѣ Строгановымъ прибрать въ своихъ вотчинахъ 100 человѣкъ добрыхъ молодцовъ, которые стрѣлять бы умѣли и ратное дѣло знали-бы и притомъ велѣно 50 чел. собрать немедленно и отправить ихъ съ военными и съѣстными запасами въ Пермь Великую къ воеводѣ Никифору Траханіоту, а остальныхъ 50 выставить по первому царскому указу [1]). А изъ наказа, даннаго князю Петру Горчакову, видно, что въ это время пра-

---

[1]) Д. к. А. И. т. I № 138.

вительство уже рѣшило предпринять походъ противъ Аблегирима и строгановскіе люди, вмѣстѣ съ другими прибранными въ разныхъ городахъ служилыми людьми, именно, предназначались для этого похода. Упомянутый наказъ предписывалъ князю Горчакову вмѣстѣ съ воеводой Никифоромъ Траханіотомъ и другими товарищами отправиться въ Сибирь на службу, чтобы прибыть въ городъ Лозву къ веснѣ 1593 г., а оттуда, какъ пройдетъ ледъ, по рѣкѣ Лозвѣ спуститься въ Тавду и построить городъ «Таборы», или на мѣстѣ татарскаго городка «Таборы», или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ. Изъ книги «Больш. Черт.» видно, что этотъ татарскій городъ находился при устьяхъ рѣки «Таборы», впадающей въ Тавду и ниже рѣчки Пелымки, верстъ на 120. Но такъ какъ упомянутымъ воеводамъ наказано было по прибытіи на Тавду «промышлять» надъ пелымскимъ княземъ, то они рѣшились остановиться около устья рѣки Пелымки и здѣсь заложить русскій городъ, который назвали Пелымомъ по имени этой рѣки. Сначала велѣно построить острогъ, церковь во имя Рождества Христова, царскія житницы, амбары и дворы для обитателей новаго города; велѣно строить острогъ изъ легкаго лѣса и поспѣшно, чтобы возможно было жить на новомъ мѣстѣ «безстрашно». Намъ трудно объяснить необходимость такой поспѣшности, когда мы знаемъ, что инородцы, жившіе по нижнему теченію Тавды—таборинцы и кошуки,—во владѣніяхъ которыхъ предполагалось основать русскій городъ, уже подчинились русской власти и платили ясакъ тобольскимъ воеводамъ. Впрочемъ, въ упомянутомъ наказѣ есть нѣкоторыя данныя, которыя указываютъ на причину этой поспѣшности. Вмѣстѣ съ Горчаковымъ былъ въ походѣ второй воевода Никифоръ Траханіотъ, который имѣлъ другое порученіе, именно,—идти къ березовскимъ остякамъ на Березовъ островъ, на рѣку Обь и тамъ то-же построить русскій городъ. Но ему велѣно не прежде оставить Горчакова, какъ послѣдній укрѣпится на избранномъ мѣстѣ настолько, что будетъ въ состояніи отразить нападеніе какихъ нибудь враговъ. Между тѣмъ Траханіоту предстояло пройти еще длинный путь, а онъ долженъ былъ, конечно, достигнуть Березова острова непремѣнно лѣтомъ, а въ противномъ случаѣ ему невозможно

было бы начать постройку тамъ города. Вотъ почему этотъ воевода, по наказу, могъ оставаться при Горчаковѣ одну или двѣ недѣли и въ это-то время послѣдній и долженъ былъ успѣть построить острогъ. Очень можетъ быть, что московское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ и боялось Аблегирима, считая его сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и ожидая съ его стороны смѣлыхъ нападеній на русское войско. Какъ-бы то ни было, но новый русскій городъ былъ заложенъ въ томъ же 1593 г. и притомъ безъ всякой помѣхи со стороны инородцевъ. «А укрѣпясь», предписывалъ наказъ воеводамъ «промышлять, чтобы приманить пелымскаго князя Аблегирима, да сына его большаго Тагая, да племянниковъ его, да внучатъ и лучшихъ людей его пять, шесть, которые самые пущіе, отъ которыхъ смута была..... казнить...., меньшаго сына съ женою и дѣтьми Микифору везть съ собой въ Тобольскій городъ, а черныхъ людей всѣхъ обласкать и обнадежить, чтобы жили по своимъ юртамъ, платили ясакъ и приходили въ городъ, ничего не опасаясь» [1]).

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобъ судить о томъ, какъ воеводы исполнили эту часть наказа; знаемъ только, что съ этого времени имя Аблегирима уже нигдѣ не упоминается, а одинъ изъ его сыновей и внукъ Учатъ въ 1598 году находились въ Москвѣ подъ стражей [2]). Изъ этого можно заклю-

---

[1]) Р. И. Б., т. II № 56, см. наказъ Петру Горчакову. Въ этомъ документѣ не достаетъ того мѣста, гдѣ должно было быть обозначено время написанія наказа. Поэтому издатели сдѣлали помѣту подъ наказомъ: «около 1594 г.» Но эта дата не вѣрна. Изъ содержанія этого документа легко можно видѣть, что онъ писалъ или въ 1592 г., или въ началѣ 1593 г. и особенно изъ слѣдующаго мѣста: воеводѣ Горчакову, между прочимъ, велѣно взять «съ пермской земли 20 человѣкъ веденцевъ безъ женъ и дѣтей..., а жены имъ велѣно взять по веснѣ во 102 г. (1594 г.), какъ они (въ новомъ городѣ) устроятся, дворы себѣ поставятъ...» Значитъ, упомянутые веденцы должны будутъ устроиться еще въ 1593 г. Отсюда понятно, что наказъ о постройкѣ Пелыма долженъ относиться къ 1592 г. или нач. 1593 г. Это собственно важно для опредѣленія года заложенія Пелыма, а что онъ былъ заложенъ въ 1593 г., въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: не только содержаніе упомянутаго наказа доказываетъ, но мы имѣемъ и другой документъ, именно челобитную къ царю таборинскихъ вогуловъ, въ которой они пишутъ: «въ прошломъ, государь, во 101 г. (1593 г.) какъ твой государевъ Пелымской городъ сталъ...» См. А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 2.

[2]) Р. И. Б., т. 11, № 64.

чить, что наказъ относительно пелымскаго князя и его семейства былъ исполненъ русскимъ воеводою въ точности. Но городъ Пелымъ первый пелымскій воевода Петръ Горчаковъ не успѣлъ достроить: онъ былъ смѣненъ въ 1594 г. новымъ воеводою Василіемъ Толстымъ. А изъ грамоты царя въ 1595 г. къ третьему воеводѣ Богдану Палеву видно, что еще въ это время городъ не былъ додѣланъ и притомъ этою грамотою, вслѣдствіе челобитной отъ жильцовъ пелымскаго города на разныя тягости и въ томъ числѣ на тягость постройки города, велѣно пока прекратить «городовое дѣло» впредь до указу [1]). Этотъ указъ послѣдовалъ только въ 1597 году. Между тѣмъ въ этомъ году пелымскій воевода доносилъ въ Москву, что башни въ острогѣ уже всѣ развалились, ровъ отъ Пелымки рѣки засыпался и ему достраивать городъ некѣмъ, потому что служилые люди цѣлое лѣто заняты разными другими службами, а черные люди въ то-же время пашутъ пашни [2]). Такъ что неизвѣстно, когда этотъ городъ былъ окончательно достроенъ. Въ 1617 г. пелымскій воевода уже доносилъ въ Москву, что крѣпостное строеніе въ Пелымѣ почти совсѣмъ сгнило и отчасти обвалилось, и что если вогулы взбунтуются и придутъ къ городу, то защищаться отъ нихъ будетъ негдѣ. Но скоро, именно въ 1621 году, случился пожаръ и городъ Пелымъ весь сгорѣлъ. Новый городъ, послѣ пожара, уже былъ строенъ не жильцами только пелымскими, а вогулами и даже служилыми людьми, присланными для этой цѣли изъ Тобольска [3]). Къ 1623 году городъ былъ уже совсѣмъ отстроенъ. По дозору 1625 года городъ Пелымъ состоялъ изъ острога въ окружности 220 саж. и посада: въ первомъ находились—храмъ во имя Рождества Христова, дворъ воеводскій, житница государева, таможенная и съѣзжая избы, нѣсколько лавокъ, 9 дворовъ ружниковъ и 3 двора дѣтей боярскихъ; а на посадѣ—37 стрѣлецкихъ дворовъ и 4 двора пашенныхъ крестьянъ [4]). Что же касается первоначальнаго населенія города Пелыма, то оно

---

[1]) Ibid., т. II, № 57.

[2]) Ibid., т. II, № 61.

[3]) Ежемѣс. Соч. 1764 г., стр. 395.

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, л. 273.

состояло: а) изъ десяти человѣкъ боярскихъ людей, 50 человѣкъ конныхъ казаковъ, 100 человѣкъ пѣшихъ, набранныхъ въ разныхъ поморскихъ городахъ. 11 семействъ ссыльныхъ (непашенныхъ людей), 40 семействъ крестьянъ, прибранныхъ въ пермской и вятской областяхъ, ссыльнаго попа угличскаго и дьякона изъ Ростова. Эти люди прибыли въ Пелымъ еще съ Петромъ Горчаковымъ. Вскорѣ потомъ сюда-же отправлено ссыльныхъ угличанъ до 30 семействъ. Населеніе Пелыма такимъ образомъ въ первые годы его существованія было довольно значительное и разнообразное. Правительство хотѣло, чтобы и служилые люди и ссыльные и переведенцы были хлѣбопашцами: велѣно служилымъ людямъ отвести пашни, а ссыльнымъ и переведенцамъ обработывать государеву пашню изъ четвертаго снопа. Но земля подъ городомъ оказалась мало плодородною, а потому положеніе обитателей его было въ высшей степени печальное. Служилые люди, если мало собирали хлѣба съ своихъ пашней, то могли еще кормиться хлѣбнымъ жалованьемъ, да и они, вслѣдствіе неаккуратнаго подвоза хлѣбныхъ запасовъ изъ Европейской Руси, иногда чувствовали недостатокъ въ хлѣбѣ. Нечего уже и говорить о пашенныхъ крестьянахъ, которые должны были довольствоваться четвертымъ снопомъ изъ собранной государевой жатвы. Уже въ 1596 году ссыльные каргопольцы 7 человѣкъ били челомъ государю, что они, обработывая государеву пашню, одолжали великими долгами, помираютъ голодною смертью съ женами и дѣтьми, и что четвертымъ снопомъ имъ прокормить свои семейства невозможно. Положеніе этихъ каргопольцевъ тѣмъ болѣе было плачевно, что они «были люди не пашенные» и сами, не умѣя пахать, нанимали за себя казаковъ и на эти наймы тратили всѣ свои средства. Каргопольцы просили государя освободить ихъ отъ пашни, но ихъ не освободили отъ нея, а только увеличили имъ процентъ изъ обработываемой ими государевой пашни: пелымскому воеводѣ велѣно выдавать челобитчикамъ половину изъ собраннаго государева хлѣба за вычетомъ, впрочемъ, сѣмянъ на пашню [1]). Вскорѣ послѣ этого, именно въ

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 4.

1600 г., жаловались государю на свое тяжелое положеніе всѣ пашенные люди города Пелыма - пермичи, угличане, усольцы, каргопольцы, кайгородцы и калужане. Въ своей челобитной они писали,что до 1598 г. они пахали на государя 75 дес., а потомъ на нихъ прибавили еще нѣсколько десятинъ, да ихъ же посылаютъ ежегодно по 6 человѣкъ пахать въ Таборы и на многія другія службы, «а хлѣбъ на Пелымѣ не родится и имъ повытнаго хлѣба достается по немногу и они помираютъ голодною смертью съ женами и дѣтьми». Челобитчики просили, чтобы государь освободилъ ихъ отъ прибавочной пашни и отъ уплаты въ царскія житницы заемнаго хлѣба и, кромѣ того, разрѣшилъ имъ кормиться по другимъ городамъ, такъ какъ въ Пелымѣ цѣна на хлѣбъ очень дорогая, по 2 руб. 25 коп. четверть ржи, да и за эту цѣну не всегда можно купить. Эта челобитная оставлена безъ послѣдствій и челобитчикамъ «велѣно пахать пашню и дѣлать всякія государевы издѣлія по прежнему» [1]).

Скоро однако и само правительство убѣдилось, что совершенно безполезно держать въ Пелымѣ такое количество крестьянъ и морить ихъ тамъ голодомъ, что они могутъ принести несравненно большую пользу въ мѣстахъ болѣе плодородныхъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько крестьянъ уже сбѣжало; поэтому пелымскіе крестьяне частію были переселены въ новый городъ Туринскъ, частію въ слободы: Таборинскую и Гаринскую, а въ Пелымѣ къ 1625 г. осталось только 8 человѣкъ [2]). Точно также и количество служилыхъ людей въ Пелымѣ скоро значительно уменьшилось. Послѣ гибели Аблегирима и его семейства и вообще послѣ перваго удара, нанесеннаго русскими воеводами пелымскимъ инородцамъ, послѣдніе помирились съ своимъ положеніемъ и исправно платили ясакъ. Такъ что правительство нашло возможнымъ значительную часть служилыхъ людей перевести въ Туринскъ. Въ смутную эпоху и въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, хотя Пелыму и грозила опасность со стороны инородцевъ, но тѣмъ не менѣе

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл., № 478, тетр. I, св. № 16.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 5, л. 278.

количество служилыхъ людей въ этомъ городѣ не было увеличено. Въ 1613 году ихъ осталось только 70 человѣкъ изъ 160 [1]), а въ 1625 г. было 75.

Всего населенія въ Пелымѣ вмѣстѣ съ ружниками и оброчниками въ 1625 г. было только 106 человѣкъ.

А еще менѣе русскаго элемента было въ это время въ уѣздѣ пелымскомъ. По первой переписи онъ состоялъ только изъ двухъ слободъ: Таборинской и Гаринской и одной деревни. Таборинская слобода была основана на правомъ берегу рѣки Тавды, между двумя небольшими рѣчками—Таборинкой и Лошкомьей, впадающими въ Тавду. Основаніе первой слободы Миллеръ относитъ къ 1621 г. въ одномъ мѣстѣ своей исторіи, а въ другомъ къ 1618 году [2]). Но, кажется, ни то, ни другое не вѣрно. Еще въ 1608 г. царь Василій Ивановичъ велѣлъ пелымскому воеводѣ прибрать охочихъ людей отъ 50 до 100 человѣкъ и поселить на пашни въ Таборахъ. На этотъ указъ воевода отвѣчалъ, что «въ Пелымѣ охочихъ людей нѣтъ, а въ Перми и у Соликамской охочихъ людей на таборинскую пашню добыть можно». Послѣ этого послана царская грамота пермскому воеводѣ, чтобы въ Перми и Соликамской прибрать въ Таборы пашенныхъ крестьянъ человѣкъ съ 50 и до 100 изъ охочихъ людей. Въ то-же время и пелымскому боярскому сыну велѣно ѣхать туда-же и прибирать пашенныхъ людей въ пелымскій уѣздъ [3]). Трудно предположить, чтобы это распоряженіе царя не было исполнено тогда-же. Можно только сказать, что на этотъ призывъ откликнулось охочихъ людей очень мало; въ Таборинской слободѣ даже вмѣстѣ съ переселенцами изъ Пелыма пашенныхъ крестьянъ въ 1625 г. было только 21 человѣкъ. На болѣе раннее основаніе этой слободы указываетъ и то обстоятельство, что въ 1618 году въ ней уже было болѣе 40 десятинъ переложной земли [4]).

---

[1]) А. И., т. III, № 5.

[2]) «Ежемѣч. Соч.» 1764 г., стр. 28 и 484.

[3]) А. И., т. II, № 251.

[4]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 1, № 69. См. «гр. въ Пелымъ отъ 1618 г.».

Вторая слобода пелымскаго уѣзда основана на правомъ берегу Сосвы, нѣсколько выше соединенія этой рѣки съ Лозвою и между вогульскими юртами—Елышевскими и Еболдинскими. Она несомнѣнно основана въ 1623 году. Еще въ сентябрѣ 1622 г. пелымскій воевода по государеву указу велѣлъ подъячему Путилу Степанову, стрѣльцу Терентію Захарову и пашенному крестьянину Невѣрову «ѣхать вверхъ по Тавдѣ рѣкѣ до Елышевскихъ юртъ и, пріѣхавъ туда, досмотрѣть пашеннаго мѣста Гареи—можно-ли тамъ пахать и какова земля, есть-ли угодья и сколько крестьянъ на государеву пашню посадить можно» [1]). Извѣстія дозорщиковъ были благопріятны: между указанными юртами и двумя небольшими рѣченками было достаточно сухого мѣста около 100 дес. съ почвой средняго качества, на которомъ можно завести государеву пашню и поселить 30 человѣкъ пашенныхъ крестьянъ. Поэтому уже въ 1623 г. тамъ поселено 10 человѣкъ крестьянъ, а въ слѣдующемъ году послана пелымскому воеводѣ грамота, чтобы онъ прибралъ «на новое усадище на Гареи» еще 20 человѣкъ. При этомъ желающимъ поселиться въ новой слободѣ объявлена четырехлѣтняя льгота и подмога на десятину по 10 р. денегъ и по 10 ч. хлѣба, «а если не возьмутъ, то давать имъ по 16 р. денегъ» [2]). Но, не смотря на эти выгодныя обѣщанія, на призывъ пелымскаго воеводы немногіе изъ охочихъ людей откликнулись. Въ 1625 г. въ Гаринской слободѣ было только 11 дворовъ, а крестьянъ 13 человѣкъ. Кромѣ двухъ слободъ въ пелымскомъ уѣздѣ, кажется, одновременно съ Таборинской слободой основана деревня при Ворьинскомъ озерѣ житничнымъ цѣловальникомъ Деревенскимъ. Въ 1625 году въ ней было три двора, а людей въ нихъ тоже три. Такимъ образомъ по первой переписи въ Пелымѣ и въ его уѣздѣ всего русскаго населенія съ ружниками и оброчниками было 143 человѣка, исключая женщинъ, дѣтей, братіи и племянниковъ. Изъ нихъ пашенныхъ крестьянъ 45 человѣкъ, которые пахали на государя 35 дес. въ полѣ..., а на себя «середней земли»

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 2, № 9.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. 11, № 12.

74 ч. въ полѣ... и сѣна косили 2,000 копенъ. Кромѣ русскихъ пашенныхъ людей въ пелымскомъ уѣздѣ, именно въ таборинской волости, государеву пашню пахали таборинскіе татары и вогулы около 60 человѣкъ. Эти послѣдніе посажены на пашни и вмѣстѣ съ этимъ освобождены отъ ясака еще въ 1594 г. По распоряженію воеводъ они въ первые годы сѣяли на государя разнаго хлѣба 138 ч. ежегодно, но въ 1596 г., по ихъ челобитью, государь велѣлъ пашенныхъ таборинскихъ татаръ и вогуловъ «въ пашнѣ полегчить», и сѣять на государевыхъ пашняхъ по 40 ч. ржи и по 80 ч. овса ежегодно, т. е. пахать 20 дес. подъ озимое и 20 подъ яровое [1]).

Послѣ первой переписи и до 1645 г. въ пелымскомъ уѣздѣ мы замѣчаемъ то слабое увеличеніе русскаго элемента, то слабое уменьшеніе. Это будетъ видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ.

Въ 1634 г. [2])	пелым.	крестьян.	было	13,	таборин.	28	и гаринск.	18
» 1637 » [3])	»	»	»	14	»	27	»	17
» 1640 » [4])	»	»	»	14	»	26	»	16
» 1645 » [5])	»	»	»	14	»	26	»	16

Такимъ образомъ, въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича русскаго населенія въ пелымскомъ уѣздѣ было 56 человѣкъ взрослаго мужского пола, а въ самомъ Пелымѣ (по присяжной книгѣ) разныхъ людей 126 человѣкъ [6]), между тѣмъ какъ ясачныхъ людей въ пелымскомъ уѣздѣ было въ то время до 620 человѣкъ.

Относительно пашенныхъ инородцевъ слѣдуетъ замѣтить, что количество ихъ постепенно увеличивалось до 1632 года, а по-

---

[1]) Р. И. Б., т. II, № 58.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 42. См. «Книга пелымскимъ подгороднимъ и гаринскимъ крестьянамъ 1634 г.».

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 67. См. «Списокъ съ посѣвныхъ книгъ 163⁶/₇ г.».

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 43. См. «Книга пелым., подгор. и гарин. крест. 1640 г.».

[5]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 203, л. 256.

[6]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 194. См. «Пелым. города имянная книга приведенныхъ къ присягѣ Алексѣю Михайловичу Дек. 1645 г.».

томъ начало уменьшаться вслѣдствіе смертности: въ этомъ году пашенныхъ татаръ и вогуловъ было 70 чел., въ 1635 году 60 человѣкъ, а къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича осталось только 33 [1]). Государевой пашни въ пелымскомъ уѣздѣ, къ концу обозрѣваемаго нами періода, уменьшилось до 66 дес. въ полѣ...

Что же касается доходныхъ статей города и его уѣзда, то правительство въ обозрѣваемый нами періодъ никогда не могло покрыть мѣстными средствами, ни хлѣбныхъ, ни денежныхъ расходовъ. Смѣтныя пелымскія книги какъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ и денежныхъ доходовъ всегда заканчивались дефицитомъ и воеводы, указывая на послѣдній, ежегодно спрашивали: «а о томъ, государь, что укажетъ?» Почва «въ Таборахъ» и на «Гаряхъ» считалась среднею по качеству: самые высокіе урожаи не превосходили самъ $5^1/_2$, а подгородняя почва давала только самъ два, три и рѣдко самъ четыре. Въ 1631 г. былъ самый большой присѣвъ хлѣба на государевыхъ пашняхъ, такъ что въ слѣдующемъ году озимаго и яроваго хлѣба собрано 1,116 ч., да выдѣльнаго хлѣба взято 29 ч. Между тѣмъ какъ въ расходъ хлѣба съ 1 сентября 1632 г. и по 1 сентября 1633 г. вышло 1,301 ч.; однимъ ружникамъ, оброчникамъ и служилымъ людямъ слѣдовало дать хлѣбнаго жалованья 937 ч. [2]). Но въ слѣдующіе годы количество государевой пашни постепенно уменьшалось—чего однако нельзя сказать относительно расходовъ хлѣба: въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича расходъ хлѣба въ Пелымѣ превосходилъ мѣстный сборъ онаго почти на 400 чет. Поэтому ежегодно въ Пелымъ присылали хлѣбъ то изъ Тобольска, то изъ Верхотурья. Пашенные крестьяне, хотя и достаточное количество обработывали своей земли, но рѣдкій годъ могли прокормить себя безъ заемнаго хлѣба изъ государевыхъ житницъ, такъ что они были въ постоянномъ долгу. Напр., въ 1634 году они задолжали уже казнѣ 563 ч. разнаго хлѣба, между тѣмъ какъ уплатить въ этомъ году могли только 16 четвертей ржи и овса; денегъ они были

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 166, л. 314—315.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 35, л. 251.

должны 87 р. 50 к., а уплатили въ этомъ году только 12 р. 4 к. Воевода по этому поводу замѣчалъ въ «смѣтной книгѣ», что крестьяне люди бѣдные и взять съ нихъ нечего [1]). Вотъ почему пелымскій уѣздъ такъ медленно и слабо заселялся русскимъ элементомъ: малоплодородная почва, да еще частый падежъ скота не могли сюда привлечь охочихъ людей.

Еще менѣе были удовлетворительны денежные доходы города Пелыма: годовой итогъ оныхъ былъ ничтоженъ, а потому для покрытія денежныхъ расходовъ ежегодно присылалась нѣкоторая сумма денегъ изъ Тобольска. Въ 1628 году всякихъ денежныхъ доходовъ въ Пелымѣ было 137 р. 26 к., а въ расходъ вышло около 500 руб., въ слѣдующемъ году денежныхъ доходовъ собрано 45 р. 90 к., а израсходовано 526 р. 25 к. и т. д. Вообще средній ежегодный дефицитъ простирался до 350 руб. [2]). За то пелымскіе воеводы собирали столько ясака съ инородцевъ пелымскаго уѣзда, что онымъ можно было съ излишкомъ покрыть какъ хлѣбные, такъ и денежные мѣстные расходы. Въ 1628 году собрано ясака и поминковъ на 645 руб. [3]), въ 1635 году на 872 р. [4]), въ 1643 году на 850 р. [5]). При этомъ нужно замѣтить, что полный ясакъ никогда не собирался съ инородцевъ пелымскаго уѣзда; всегда былъ недоборъ и очень значительный. Я просмотрѣлъ ясачныя книги Пелыма за 10 лѣтъ и ни за одинъ годъ инородцы не заплатили ясака столько, сколько требовалось по окладу,—недоборъ иногда простирался до 600 р. и болѣе.

Но если взять среднюю величину всякихъ доходовъ и расходовъ, то пелымскій уѣздъ все-таки давалъ прибыль государевой казнѣ ежегодно около 250 р.

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. № 42. См. «Пелымскую смѣтную книгу 1634 г.».

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., книги №№ 18, 43, 87 и др. Смѣтныя книги г. Пелыма денежныхъ доходовъ и расходовъ.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 19, л. 678. См. Ясачная книга пелым. уѣзда.

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр. № 61. См. Приходо-расходную книгу города Тобольска.

[5]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6147/108.

Березовъ и его уѣздъ (1593—1645 г.). Строителемъ этого города былъ тотъ самый Никифоръ В. Траханіотъ, о которомъ мы упоминали, говоря объ основаніи Пелыма.

Наказъ, данный этому воеводѣ, не сохранился и о порученіи, которое онъ имѣлъ отъ своего правительства, мы узнаемъ только изъ наказа Горчакову. Изъ этого послѣдняго документа видно, что Траханіотъ долженъ былъ пробыть нѣкоторое время съ Горчаковымъ, пока онъ укрѣпится въ новомъ городѣ, и затѣмъ отправиться въ Тобольскъ, а оттуда на Березовъ островъ. Хотя въ упомянутомъ документѣ ничего не говорится о томъ, зачѣмъ Траханіота посылали на этотъ островъ, но несомнѣнно для постройки тамъ русскаго города. Лѣтомъ 1594 г. городъ Березовъ уже существовалъ и первымъ воеводой въ въ немъ былъ Траханіотъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ царская къ нему грамота отъ 1594 года 17-го дня [1]). Новый русскій городъ былъ заложенъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу рѣки Сосвы при впаденіи въ эту рѣку рѣчки Вогулки. Нужно замѣтить, что между Сосвою и Обью находилось нѣсколько протоковъ, которые соединяли эти рѣки; Березовъ былъ построенъ при самомъ сѣверномъ протокѣ и такимъ образомъ водное сообщеніе Березова съ Обью находилось подъ самымъ городомъ, но этимъ протокомъ, вѣроятно по его мелководью, не пользовались, а путь изъ Березова въ Обь и обратно шелъ черезъ средній протокъ, называвшійся «Большой Пырсымъ» и потомъ по рѣкѣ Сосвѣ, верстъ около 20.

Городъ Березовъ первоначально былъ заложенъ на небольшомъ пространствѣ. Поэтому, послѣ построекъ разныхъ казенныхъ зданій, церкви и дворовъ для обитателей его, въ немъ образовалась столь большая тѣснота, что служилые люди принуждены были 15 дворовъ вынести за острогъ; тамъ же въ 1605 году построена новая церковь во имя Воскресенія Христова. Но жить за острогомъ скоро оказалось очень опасно и служилые люди въ 1606 году били челомъ государю о

---

[1]) «Опис. Сиб. Цар.» Миллера, стр. 201. См. грам. Ѳедора въ Березовъ городъ воеводѣ Н. В. Трах. отъ 17 авг. 1594 г.

расширеніи онаго. Разрѣшеніе было дано въ 1607 году и заострожныя постройки соединены съ городомъ [1]). Мы не знаемъ, какая церковь первоначально построена была въ Березовѣ, но что она существовала — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; обыкновенно во всѣхъ сибирскихъ городахъ церковь строилась одновременно съ заложеніемъ города. Но кромѣ того на существованіе церкви въ Березовѣ до 1599 года указываетъ и слѣдующее обстоятельство. Въ этомъ году кодская княгиня, принявшая крещеніе, била челомъ государю, чтобы въ ея вотчинѣ Кодѣ построить церковь. Государь пожаловалъ и велѣлъ березовскому воеводѣ приговорить попа въ Березовѣ [2]). А если въ Березовѣ существовало духовенство, то значитъ и существовала тамъ церковь, потому что въ сибирскихъ городахъ несравненно было легче построить церковь, чѣмъ найти для нея священно-служителей. Кодская церковь «Живоначальной Троицы» просуществовала недолго: въ 1607 году основательница ея княгиня Настасья приняла участіе въ остякскомъ бунтѣ и за это посажена въ тюрьму. Тогда игуменъ Евстратій, служившій въ той церкви, просилъ государя перевести его въ Березовъ, потому что ему въ Кодѣ дѣлать нечего и приходу нѣтъ никакого, а въ Березовѣ у него есть дѣти духовные. Государь переводъ разрѣшилъ и въ то же время велѣлъ «служить ему въ Березовѣ у церкви, гдѣ пригоже» [3]). Эта послѣдняя фраза показываетъ, что въ этомъ городѣ кромѣ Воскресенской церкви существовала еще другая.

Относительно первоначальнаго населенія города Березова слѣдуетъ замѣтить, что оно состояло изъ духовенства, торговыхъ, служилыхъ и гулящихъ людей. Какъ было велико количество онаго мы не можемъ сказать. Изъ документа 1608 года видно, что въ этомъ году служилыхъ людей въ городѣ было 323 человѣка, кромѣ воеводы, дьяка и подъячихъ [4]). Впослѣдствіи, послѣ замиренія березовскаго края, число служи-

---

[1]) Р. И. Б., т. II, № 76.
[2]) Ibid., № 68.
[3]) Р. И. Б., т. II, № 79.
[4]) Ibid., № 78.

лыхъ людей въ этомъ городѣ значительно уменьшилось: въ 1629 году служилыхъ людей вмѣстѣ съ ружниками и оброчниками осталось около 240 человѣкъ, въ 1634 году—того же населенія было 259 чел. и въ 1645 году—260 человѣкъ. Ни торговыхъ людей, ни крестьянъ во вторую половину царствованія Михаила Ѳедоровича въ Березовѣ не было.

Цѣль постройки города Березова состояла въ томъ, чтобы удерживать въ повиновеніи обскихъ остяковъ, югорскихъ остяковъ и вогуловъ, уже платившихъ ясакъ, наложить ясакъ на самоѣдовъ, кочевавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, въ сѣверной части березовскаго уѣзда и, наконецъ, слѣдить за тамошнею торговлею и за пріѣзжими торговыми и промышленными людьми. Цѣль эта была вполнѣ достигнута. Инородческое населеніе березовскаго уѣзда. хотя и было сравнительно многочисленно, но оно не могло сопротивляться «огненному бою» русскихъ завоевателей и волей-неволей должно было подчиниться русскому царю и платить ясакъ. Правда въ смутную эпоху и въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича тамошніе инородцы не разъ пытались освободиться отъ русскаго ига, нападали на городъ Березовъ, но ихъ военныя предпріятія были безуспѣшны, а во вторую половину царствованія Михаила Ѳедоровича объ этихъ попыткахъ уже не было и слуху. Но несравненно труднѣе было березовскому воеводѣ справиться съ торговыми и промышленными русскими людьми, заставить ихъ съ своихъ товаровъ платить разныя пошлины въ государеву казну. Территорія березовскаго уѣзда была обширная, торговыхъ путей изъ Руси въ Сибирь было нѣсколько, а потому слѣдить за проѣзжими русскими людьми было чрезвычайно трудно. Тѣмъ болѣе трудно, что съ здѣшними инородцами русскіе люди были уже давно знакомы, вели взаимную торговлю еще со времени новгородцевъ и инородцы даже доставляли русскимъ людямъ средства для перевоза товаровъ отъ Уральскаго хребта далѣе въ Сибирь. Главныхъ дорогъ, по которымъ торговые промышленные люди пробирались въ Сибирь, было три. Во-первыхъ, морская, которая шла черезъ Карское море, по рѣчкамъ—Мутной, Зеленой въ Обскую и Тазовскую губы, а изъ послѣдней въ рѣку Тазъ. Эта дорога, собственно,

вела въ такъ называемую Мангазею *)—золотое дно для торговыхъ и промышленныхъ людей. Правительству этотъ путь былъ долгое время мало вѣдомъ, или вѣрнѣе оно не имѣло о немъ точныхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній, хотя и знало, что промышленные и торговые люди плаваютъ моремъ въ «Мангазею» и «на Енисею» [1]). Точныя свѣдѣнія о морскомъ пути правительство получило только въ началѣ 1616 г. отъ тобольскаго воеводы Куракина. Послѣдній, сообщая въ Москву свѣдѣнія объ этомъ пути, въ тоже время высказалъ опасеніе, что онымъ могутъ воспользоваться нѣмцы для торговли съ сибирскими инородцами, какъ уже и были съ ихъ стороны попытки по разсказамъ торговыхъ и промышленныхъ людей «а по здѣшнему, государь, писалъ этотъ воевода, по сибирскому смотря дѣлу, никоторыми обычаи нѣмцамъ въ Мангазею торговати, ѣздити поволить не мошно; да не токмо имъ ѣздити, ино-бъ, государь, и русскимъ людямъ моремъ въ Мангазею отъ Архангельскаго города для нѣмецъ ѣздить не велѣть,—чтобъ на нихъ смотря нѣмцы дороги не узнали, и пріѣхавъ-бы воинскіе многіе люди сибирскимъ городамъ, какія порухи не учинили» [2]). Это сообщеніе такъ напугало правительство Михаила Ѳедоровича, что оно въ томъ-же году запретило подъ страхомъ смертной казни плавать тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно [3]). Тѣ торговые и промышленные люди, которые разсказывали Куракину о попыткахъ нѣмцевъ пробраться въ Сибирь, и не подозрѣвали, что эти разсказы имъ же принесутъ великое горе. Поэтому они, узнавъ о правительственномъ распоряженіи относительно морскаго пути, запѣли уже иную пѣсню. «Въ сыску въ Мангазеѣ многихъ городовъ торговые и промышленные люди сказали, что изъ двинскаго устья моремъ въ енисейское устье

---

*) *Примѣч.* Эта страна въ древнее время называлась Мулгазея и Молгазея—объясненіе этого названія отъ слова «магазинъ» совершенно неосновательно: еще въ первой половинѣ XVII вѣка въ нѣкоторыхъ документахъ эта страна называлась своимъ собственнымъ именемъ, а не исковерканнымъ «Мангазея». Подробнѣе объ этомъ мы скажемъ во второй части нашего изслѣдованія.

[1]) А. И. т. II № 30.

[2]) Р. И. Б. т. II № 254, 11, стр. 1055.

[3]) Ibid., стр. 1059.

большими и малыми кочами сами не бывали и изначала проходоковъ русскихъ и никакихъ иныхъ людей не слыхали; а то де они слыхали, что отъ Мутные рѣки и до обскаго устья и къ енисейскому устью моремъ непроходимыя злыя мѣста отъ великихъ льдовъ и всякіе нужи, а у Карскіе-де губы кораблей нѣмецкихъ не видали, а съ моря по Енисею кораблями или кочами про проходъ нѣмецкихъ людей не слыхали и на Карскую губу за большимъ льдомъ ѣздити не мошно». Но въ то-же время торговые и промышленные люди били челомъ, чтобъ имъ разрѣшили ѣздить въ Мангазею и обратно прежнимъ путемъ «большимъ моремъ». Не смотря на рѣзко бросающееся въ глаза противорѣчіе между «показаніями на сыску» относительно морскаго пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страхъ и въ началѣ 1618 г. снова разрѣшило ѣздить по этому пути. А одного изъ разсказчиковъ про нѣмецкихъ людей, такъ напугавшихъ московское правительство, Еремку даже велѣно «за то бити нещадно, чтобы на то смотря инымъ было неповодно воровствомъ смуту затѣвать» [1]). Однако русскіе люди не долго, по крайней мѣрѣ открыто, пользовались морскимъ путемъ. Тобольскій воевода, получивши грамоту о разрѣшеніи этого пути, сдѣлалъ на этотъ предметъ столь существенныя замѣчанія, что правительство снова измѣнило свое рѣшеніе. Въ слѣдующемъ году онъ писалъ, что если дозволить торговымъ и промышленнымъ людямъ ѣздить въ Мангазею «большимъ моремъ», то a) невозможно будетъ съ нихъ пошлину собирать и b) нѣмецкіе люди могутъ по слѣдамъ русскихъ людей пробраться въ Мангазею и въ Енисею и тогда государевой казнѣ навѣрно будетъ ущербъ [2]). Эти заключенія приняты во вниманіе и въ концѣ 1619 г. изданъ указъ, которымъ снова строжайше запрещалось торговымъ, промышленнымъ и всякимъ людямъ плавать моремъ въ Мангазею [3]). А чтобы это запрещеніе не нарушалось, въ 1620 году велѣно было построить острожекъ на волокѣ между рѣчками Мутной и Зеленой и по-

---

[1]) Р. И. Б. т. II стр. 1066—67.
[2]) Ibid., стр. 1071—72.
[3]) Ibid., стр. 1075.

сылать туда съ Березова и Тобольска служилыхъ людей человѣкъ по 50, чтобы они слѣдили за русскими и нѣмецкими людьми и никого не пропускали тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно. Это распоряженіе исполнено только въ 1624 году [1]). Съ этого времени ежегодно въ упомянутый острожекъ посылалось 20 человѣкъ съ Березова и 20 человѣкъ служилыхъ людей съ Тобольска на время отъ разлива рѣкъ и до заморозковъ. Такимъ то образомъ былъ прегражденъ морской путь въ Сибирь.

Вторая дорога въ березовскій уѣздъ изъ Руси въ Сибирь шла черезъ Усу притокъ рѣки Печоры, рѣчку Елецъ и затѣмъ чрезъ небольшой волокъ въ Собь, впадающую въ рѣку Обь. Этотъ путь тоже давній. Тутъ на волокѣ въ Уральскихъ горахъ русскіе люди для временнаго пристанища построили Роговой городокъ, о которомъ правительство также долгое время не имѣло никакихъ свѣдѣній. Но слѣдующій случай въ 1607 г. заставилъ правительство обратить вниманіе на этотъ пунктъ. Въ этомъ году березовскій воевода Петръ Черкасскій писалъ въ Москву. Въ Носовомъ городкѣ въ Обдорѣ березовскіе служилые люди, посланные туда для сбору ясака и десятой пошлины, захватили торговыхъ людей человѣкъ 45 безъ проѣзжихъ грамотъ и, раздѣливъ ихъ на двѣ партіи, отправили подъ конвоемъ въ городъ Березовъ. Но одна партія (человѣкъ около 25) дорогою напала на своихъ конвойныхъ двухъ казаковъ, ограбила ихъ и бросила на тундрѣ, а сама разбѣжалась; самоѣды нашли этихъ казаковъ нагихъ и голодныхъ и привезли въ Носовой городокъ. Другая же партія торговыхъ людей прибыла въ Березовъ и воевода, взявъ съ нихъ пошлину, отпустилъ въ Пустозерскъ. Но далѣе онъ сообщалъ: «А пріѣзжаютъ пустозерцы въ березовскій уѣздъ по вся годы многіе люди и ходятъ Печорою рѣкою въ судѣхъ съ великими товары... подъ камень въ Роговой городокъ и тутъ они осенѣютъ; а какъ дорога (зимняя) станетъ, и къ нимъ пріѣзжаютъ самоядь ихъ знакомцы и други и у тѣхъ торговыхъ людей наймуются и товары ихъ возятъ по тундрамъ къ ясашной

---

[1]) Ibid., стр. 1094.

кунной самояди, а иные многіе свои товары мѣняютъ въ Роговомъ городкѣ...» Вслѣдствіе этого, продолжалъ тотъ-же воевода, не только въ десятинной пошлинѣ бываетъ убыль, но и недоборъ въ ясакѣ, потому что торговые люди мѣняютъ свои товары на мягкую рухлядь прежде сбора съ самоѣдовъ государева ясака. Получивъ эту воеводскую отписку, правительство приказало, чтобы торговые и промышленные люди исключительно торговали въ Березовѣ, на гостинномъ дворѣ съ платой десятой пошлины и притомъ не прежде начинали торговлю, какъ будетъ собранъ съ инородцевъ ясакъ [1]). Но трудно было заставить русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей подчиниться этому распоряженію. Имъ легко было обходить и Обдорскій городъ и Березовъ: доплывъ до устья Соби, они входили въ Обь и затѣмъ направляли свой путь куда угодно, и въ Мангазею и въ Тобольскъ, не будучи замѣченными ни изъ Обдора, ни изъ Березова, и тѣмъ путемъ же возвращались на Русь. Правда, въ царствованіе Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова при устьѣ Оби была застава и объѣхать послѣднюю было очень трудно, но она скоро была уничтожена и торговымъ людямъ открылся свободный путь. Но при Михаилѣ Ѳедоровичѣ правительство хорошо разузнало о тѣхъ обходахъ, которые дѣлаютъ русскіе люди, чтобы съ своихъ товаровъ не платить никакихъ пошлинъ и потому въ 1618 году велѣно тобольскому воеводѣ возобновить Собскую заставу и ежегодно посылать туда на лѣтнее время по нѣскольку человѣкъ служилыхъ людей и цѣловальника для сбора пошлины съ торговыхъ, промышленныхъ и всякихъ проѣзжихъ людей [2]).

Собская застава поставлена была не при самомъ устьѣ рѣки Соби, а нѣсколько выше онаго. Почти противъ этой заставы на правой сторонѣ устья Оби, при рѣкѣ Полуѣ, еще въ царствованіе Ѳедора Ивановича построенъ былъ острожекъ Обдорскъ, или Носовой городокъ. Онъ назначался, собственно, для сбора ясака съ самоѣдовъ и остяковъ, которые въ извѣстное время приходили въ этотъ городокъ и приносили ясакъ.

---

[1]) Р. И. Б., т. II, № 77.

[2]) Р. И. Б., т. II, № 256, стр. 1076.

Поэтому и здѣсь, какъ и на Собской заставѣ, до самаго конца царствованія Михаила Ѳедоровича не было постояннаго населенія, а жили временно служилые люди, присылаемые то изъ Тобольска, то изъ Березова. Эти же служилые люди собирали и пошлину съ русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Но такъ какъ служилые люди были неопытны въ оцѣнкѣ товаровъ—«таможенное дѣло, говорили они, намъ не за обычай»—то при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Обдорскъ, какъ и на Собскую заставу, начали посылать сначала цѣловальниковъ изъ посадскихъ людей, а съ 1635 г. таможенныхъ головъ [1]).

Благодаря Собской и Обдорской заставамъ, русскимъ людямъ было уже совершенно невозможно тайно пробраться въ Мангазею и обратно на Русь чрезъ камень: въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, т. е. когда возможенъ былъ водный путь, на этихъ двухъ заставахъ сторожили таможенные головы, а по окольнымъ мѣстамъ съ тою же цѣлью послѣдніе разсылали служилыхъ людей. Въ другое же время путь здѣсь былъ невозможенъ. Въ одномъ наказѣ собскимъ и обдорскимъ головамъ говорится: «жить имъ на тѣхъ заставахъ не многое время—всего три мѣсяца—іюнь, іюль и августъ, а больше того жить тамъ нечего, потому что торговымъ и промышленнымъ и всякимъ людямъ мимо Обдора и Собскаго устья послѣ Семена дня въ осень и во всю зиму и весной ѣздить нельзя: то мѣсто пустое и въ сибирскіе города въ то время тою дорогою никто не ѣздитъ» [2]). Но существовалъ въ березовскомъ уѣздѣ еще третій путь изъ Руси въ Сибирь—югорскій, который изъ за Уральскаго хребта выходилъ на рѣку Киртасъ, притокъ Сыгвы. Этимъ путемъ легко было обойти Березовъ и Собскую и Обдорскую заставы: спустившись по Сыгвѣ въ Сосву, русскіе купцы и промышленники вмѣсто того, чтобы плыть по Сосвѣ къ Березову, выплывали изъ Сосвы въ самую южную протоку, которая соединяла Обь съ Сосвою. Эта протока, называвшаяся «Ияспаловой», отстояла отъ Березова южнѣе верстъ на 80, а потому изъ этого города было невозможно услѣдить

---

[1]) А. М. Ю., Сиб. Пр. Ст., № 6106/62, лл. 5—6, см. «Докладъ государю».

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., № 6106/22, л. 76.

за проѣзжими по югорскому пути. Послѣ возобновленія Собской заставы русскіе торговые, промышленные и бѣглые люди пользовались этимъ путемъ и для въѣзда въ Сибирь и обратно. Кажется московское правительство долго не знало объ обходѣ русскими людьми своихъ сибирскихъ таможенныхъ заставъ черезъ «Ияспалову протоку», по крайней мѣрѣ оно долгое время не принимало противъ этого обхода никакихъ мѣръ. Только во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳедоровича тобольскіе и березовскіе воеводы начали сюда посылать въ лѣтнее время служилыхъ людей для наблюденія за проѣзжими людьми по указанному пути. Застава, основанная здѣсь, называлась «Киртасской», вѣроятно, потому, что въ то время въ началѣ XVII вѣка верхняя часть Сосвы называлась «Киртасъ», а не Рѣжма, какъ въ концѣ XVII вѣка. На это указываетъ слѣдующее мѣсто изъ «памяти», данной тобольскимъ воеводой таможеннымъ березовскимъ головамъ: «посылать имъ изъ Березова въ березовскій уѣздъ вверхъ рѣки Сосвы, выше Ияспаловы протоки, которая пала изъ Оби въ рѣку Сосву, на рѣку Киртасъ, а пріѣхавъ на протокъ рѣки Сосвы и на рѣку Киртасъ, велѣть поставить на тѣхъ рѣкахъ заставу служилыхъ людей, которымъ стеречь проѣзжающихъ изъ Мангазеи, Сургута, Томскаго города и другихъ сибирскихъ городовъ торговыхъ и промышленныхъ людей, чтобы мимо заставы никто и никуда не проѣхалъ бы». Трудно предположить, чтобы въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду та рѣчка «Киртасъ», которая чрезъ «Сыкырью» сливается съ Сыгвой: она слишкомъ далеко отстоитъ отъ Березова.

Та же «память» предписываетъ служилымъ людямъ, которые будутъ на этой заставѣ, осматривать у всякихъ проѣзжихъ людей мягкую рухлядь по ихъ проѣзжимъ грамотамъ и, если найдется мягкая рухлядь сверхъ такихъ грамотъ, а торговые люди захотятъ торговать на Сосвѣ и на Киртасѣ, то брать съ купцовъ десятую пошлину, и въ этомъ мѣстѣ «памяти» рѣка Киртасъ ставится на ряду съ Сосвой [1]).

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6106/62, л. 266, см. «Память таможеннымъ и заставнымъ головамъ...»

Такимъ образомъ въ березовскомъ уѣздѣ устроено четыре заставы для борьбы съ торговыми, промышленными и другими людьми проѣзжими. Теперь московское правительство могло быть спокойнымъ относительно сбора пошлинъ въ таможенныхъ мѣстахъ: миновать указанныя заставы, основанныя на трехъ сибирскихъ дорогахъ, а другихъ не существовало, не было никакой возможности. Таможенные головы надѣлены были большими полномочіями въ таможенномъ дѣлѣ и въ то же время за малѣйшія злоупотребленія подвергались жестокой отвѣтственности. Вотъ почему посадскіе люди, изъ которыхъ выбирались головы, съ неохотой принимаютъ таможенные посты и постоянно жалуются на тяжесть этой обязанности. Конечно, злоупотребленія бывали, но тѣмъ не менѣе съ устройствомъ заставы и съ учрежденіемъ таможенныхъ головъ на Соби и Обдорѣ, съ 1635 года сборы пошлинъ въ березовскомъ уѣздѣ, по сознанію самого правительства, значительно увеличились, а «книги таможеннаго сбору» показываютъ намъ, что эти сборы доходили до крупныхъ суммъ.

Нужно замѣтить, что Березовъ и Собская застава были такими же важными торговыми центрами, какъ и Тобольскъ. Сюда лѣтомъ прибывало множество русскихъ купцовъ, или ихъ прикащиковъ для мѣновой торговли съ остяками, вогулами и самоѣдами; при этомъ одни останавливались на Собской заставѣ и здѣсь размѣнивались товарами съ инородцами, другіе отправлялись для той же цѣли въ Березовъ, въ Обдорскъ и въ Мангазею. Торговля въ этихъ мѣстахъ несравненно болѣе доставляла барышей русскимъ людямъ, чѣмъ въ Тобольскѣ, гдѣ имъ, какъ я упоминалъ, приходилось болѣе покупать, чѣмъ продавать; здѣсь они сбывали инородцамъ разныя дешевыя вещи русскаго издѣлія и даже поношенные порты и рубахи, а взамѣнъ получали соболей и бобровъ. Конечно не для однихъ инородцевъ русскіе купцы привозили свои товары, но и для русскихъ служилыхъ людей, жившихъ въ сибирскихъ городахъ и острожкахъ. Чтобы имѣть понятіе о предметахъ русской торговли, сообщимъ здѣсь изъ собской и киртасской таможенныхъ книгъ названія нѣкоторыхъ товаровъ: мѣдные котлы, пуговицы, булавки, колокольчики, чарки, солонки, перстни, оловян-

ныя блюда и пуговицы, желѣзные наконечники для стрѣлъ, топоры, сковороды, сукна англійскія и сермяжныя, полотно ярославское, зипуны и кафтаны, рубахи мужскія и женскія, шитыя золотомъ, сапоги мужскіе и женскіе сафьяновые и телячьи, рукавицы, подошвы, башмаки, чулки, пояса шелковые и гарусные, шубы бараньи, зеркала, струны, огнивы, масло коровье, медъ, воскъ, ладонъ, прядь неводная, веревки, нитки, писчая бумага, порохъ, свѣчи, мыло костромское, сахаръ, пряники и пр. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ, по тогдашнему времени, стоили довольно дорого, напр., кафтанъ «изъ добраго англійскаго сукна съ золотыми снурками» оцѣненъ таможеннымъ головой въ 5 р., а за эти деньги можно было тогда купить пять лошадей; сковорода цѣнилась въ 50 к., пудъ мѣди въ котлахъ 10 руб., десть писчей бумаги 24 к. Другіе товары поражаютъ своей дешевизной: фунтъ коровьяго масла 4 к., аршинъ тонкаго ярославскаго полотна 6 к., семь женскихъ рубахъ поношенныхъ 11 коп. и т. п. Со всѣхъ этихъ товаровъ на Собской, Киртасской и Обдорской заставахъ взималась государева пошлина—десятая, если товары продавались на заставѣ и проѣзжая (4 к. съ рубля), если купцы везли свои товары въ Березовъ или въ Мангазею. Пошлина здѣсь собиралась преимущественно деньгами, но встрѣчаются примѣры и довольно частые, что брали и натурой.

Вслѣдствіе этого иногда попадаются довольно курьёзныя отмѣтки таможенныхъ головъ: «взята на Государя десятая пошлина собачьяго корма» *). Что въ данномъ случаѣ пошлина взята натурою, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; ибо, когда пошлина съ товаровъ взималась деньгами, то послѣ поименованія товара и оцѣнки онаго таможенный голова отмѣчалъ: «взята на Государя десятая пошлина съ того товара» 3 алтына, или 5 денегъ и т. п. Изъ таможенныхъ книгъ видно, что платежъ пошлины натурою или деньгами исключительно зависѣлъ отъ владѣльца товара: чѣмъ хотѣлъ онъ, тѣмъ и платилъ. Поэтому въ государевой казнѣ собиралось множество

*) *Примѣч.* Эта пошлина взята съ промышленника, который везъ кормъ «для промышленныхъ собакъ».

товаровъ и самыхъ разнообразныхъ: соболи, бобры, кафтаны, сапоги, поношенныя рубахи, собачій кормъ, оловянныя и мѣдныя пуговицы и пр. Теперь спрашивается, куда дѣвались подобные товары, какое изъ нихъ дѣлалось употребленіе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ самыя опредѣленныя указанія: только мягкая рухлядь отсылалась въ Москву, всѣ-же другіе товары или распродавались тѣми-же таможенными головами и цѣловальниками, или же ими уплачивалось жалованье служилымъ людямъ. Какъ ни мелки были пошлины, взимаемыя на Обдорской, Собской и Киртасской заставахъ, тѣмъ не менѣе въ теченіи лѣта ихъ собиралось на значительную сумму, особенно со времени учрежденія на этихъ заставахъ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ: въ 1625 г. на первыхъ двухъ заставахъ собрано всякихъ пошлинъ на 404 р. 39 к. [1]), но въ 1641 г. уже собрано на 950 р. 3 к. [2]). Къ сожалѣнію мы не можемъ точно опредѣлить сумму пошлинъ, собираемыхъ въ теченіи лѣта на заставѣ Киртасской; мы видѣли только одну таможенную книгу съ этой заставы, да и та на столько ветха, что трудно было читать оную, а тѣмъ болѣе сосчитывать по ней пошлины; при томъ же половина этого документа совсѣмъ уничтожена. Впрочемъ почти навѣрное можно опредѣлить, что сумма пошлинъ съ Киртасской заставы не превышала 50 рублей: изъ прочитанной нами части упомянутаго документа видно, что на этой заставѣ русскіе купцы не останавливались для торговли, а проѣзжали далѣе въ Березовъ и въ Мангазею: вслѣдствіе этого съ нихъ здѣсь взималась только проѣзжая или печатная (съ проѣзжихъ грамотъ) и головная пошлина, которыя не могли составить значительную сумму [3]).

Березовская таможня собирала еще болѣе пошлинъ, чѣмъ Собская и Обдорская, и къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича этотъ сборъ значительно увеличился. Такъ въ 1625 г. въ Березовѣ собрано всякихъ пошлинъ на 653 р., въ 1629 г.

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 8.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 142 лл. 1—259.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 142, л. 262.

1814 р., въ 1643 г. болѣе двухъ тысячъ рублей. Другія денежныя статьи доходовъ города Березова были незначительны: такихъ доходовъ собиралось въ годъ рублей на 50, на 100 не болѣе. Что же касается расходовъ въ этомъ городѣ, то они хоть и были значительны, тѣмъ не менѣе въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича съ излишкомъ покрывались, мѣстными денежными средствами, даже помимо ясака. Главная статья расходовъ въ Березовѣ, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ, это хлѣбное и денежное жалованье ружникамъ, оброчникамъ и служилымъ людямъ. Съ 1628 года и до конца обозрѣваемаго нами періода хлѣбнаго жалованья ежегодно выходило нѣсколько болѣе 3000 четвертей, а денежнаго отъ 1350 р. и до 1500 р. Но несомнѣнно, что ранѣе этого времени того и другого жалованья выплачивалось гораздо болѣе, потому что число служилыхъ людей съ 1628 г. въ Березовѣ значительно уменьшилось [1]).

Но мягкой рухляди—ясака и поминковъ—съ инородцевъ березовскаго уѣзда всегда собиралось на большія по тому времени суммы: въ 1628 году собрано на 3,887 рублей, въ слѣдующемъ году на 3,654 рублей, въ 1643 году на 1,552 рубля [2]).

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., книги №№ 17, 18, 42 и 43; Ст. № 6063/19 л. 67.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., книги №№ 19, 20 и 163.

ГЛАВА VIII.

Въ предшествующихъ главахъ, насколько позволялъ намъ матеріалъ, мы обозрѣли заселеніе нѣкоторой части Сибири до 1645 года. Изъ этого обозрѣнія видно, что въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, послѣ завоеванія этой страны, въ ней возникло семь русскихъ городовъ, нѣсколько острожковъ, заставъ, слободъ, селъ и сотни деревень; русскія поселенія сначала появились по главнымъ рѣкамъ, текущимъ въ передней Сибири: по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Иртышу, Оби, а потомъ и по ихъ притокамъ. О постепенности заселенія, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи: русскіе города и разныхъ типовъ поселки появились почти одновременно на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ. На упомянутыхъ главныхъ сибирскихъ рѣкахъ, въ мѣстахъ, которыя болѣе или менѣе были заселены туземцами, или мѣстахъ стратегическихъ основывался русскій городъ, а около него возникали и русскія деревни: постепенность въ заселеніи можно наблюдать только въ колонизаціи уѣзда извѣстнаго города, но не относительно всего покореннаго края. Мы видѣли также, что количество русскаго населенія далеко не соотвѣтствовало обширности занятой имъ территоріи; оно было даже ничтожно сравнительно съ громаднымъ пространствомъ завоеванной страны. Но тѣмъ не менѣе русскаго населенія къ концу обозрѣваемаго нами періода всетаки было вдвое болѣе, чѣмъ туземнаго, инородческаго: въ 1645 году въ семи уѣздахъ количество русскихъ людей простиралось до восьми тысячъ семействъ, а инородцевъ не было и пяти тысячъ. Важно то, что русской колонизаціи открылись

теперь просторъ и безопасность; теперь переселенцы изъ европейской Руси могли найдти за Уральскимъ хребтомъ временный пріютъ и пропитаніе, а потому въ слѣдующій періодъ число оныхъ должно значительно увеличиться.

Послѣ этого естественнымъ является вопросъ, какимъ образомъ заселялась Сибирь, какими путями проникнуло туда русское населеніе и каково было положеніе русскихъ и не русскихъ переселенцевъ въ этой громадной окраинѣ московскаго государства? Изслѣдованіе этихъ вопросовъ и будетъ составлять предметъ настоящей главы нашего сочиненія.

Заселеніе Сибири, какъ и другихъ окраинъ русскаго государства, было двоякаго вида—правительственное и вольно-народное. Съ самаго утвержденія русскаго владычества въ Сибири московское правительство переселяло туда русскихъ и не русскихъ людей то «по прибору», то «по указу». Первыми, конечно, насельниками покореннаго края были тѣ служилые люди, которые и завоевали его. Воеводы и головы, назначенные на службу въ Сибирь, сами или черезъ другихъ правительственныхъ агентовъ набирали войско отчасти изъ служилаго класса, а отчасти изъ разныхъ вольныхъ «охочихъ людей»; каждую экспедицію сопровождали духовенство, а иногда и посадскіе люди и крестьяне -тоже «прибранные», а иногда и ссыльные. Начальныя лица, совершивъ походъ, т. е. покоривши инородцевъ извѣстной мѣстности и построивши тамъ городъ, черезъ годъ или два возвращались обратно на Русь; ихъ смѣнялъ новый штатъ, но остальной составъ экспедиціи водворялся въ Сибири въ новопостроенномъ городѣ. Едва только эти новые жители покореннаго края поставятъ свои дворы, какъ бьютъ челомъ государю, чтобы къ нимъ были переведены изъ Руси ихъ семейства, а боярскія дѣти, духовныя лица, разные подъячіе, такимъ-же образомъ выписывали и своихъ крѣпостныхъ людей. Такъ что уже во второй годъ существованія города русскихъ жителей въ немъ было достаточное количество. Но, какъ мы упоминали въ предшествующихъ главахъ, не всѣ они оставались жить въ городѣ, а многіе селились на своихъ пашняхъ и такимъ образомъ начиналось заселеніе уѣзда. При обозрѣніи городовъ мы уже касались самаго контингента перво-

начальнаго населенія каждаго города и указывали на то, что городское населеніе вначалѣ было вмѣстѣ съ тѣмъ и уѣзднымъ. И впослѣдствіи московское правительство тѣми же способами, т. е. «по прибору» и «по указу» засѣляло» дальнюю государеву вотчину», переселяло туда духовенство, служилыхъ людей и крестьянъ. Сибирь особенно нуждалась въ священникахъ и сибирскіе митрополиты постоянно били челомъ государю о присылкѣ «поповъ» въ этотъ край; но охотниковъ находилось немного. Мы упоминали, что вмѣстѣ съ первымъ сибирскимъ архіепископомъ Кипріаномъ отправилось нѣсколько бѣлыхъ и черныхъ поповъ, прибранныхъ большею частью въ самой Москвѣ. Этотъ «приборъ» былъ не совсѣмъ удаченъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что бѣлые попы скорѣе по указу переселились въ Сибирь, чѣмъ по доброй волѣ. Уже въ 1622 г. Кипріанъ писалъ Михаилу Ѳедоровичу и святѣйшему патріарху Филарету, что «тѣ попы ключарь Иванъ съ товарищами съ нимъ, съ архіепископомъ, въ соборѣ въ церковныхъ службахъ быть не хотятъ и въ церкви не служатъ и его ни въ чемъ не слушаютъ, да кромѣ того составляютъ на него ропотъ многой и государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья не взяли и живутъ самовольствомъ». Между тѣмъ это жалованье было достаточное и на него можно было жить безбѣдно: напр., протопопъ получалъ въ годъ денегъ 25 р. и разнаго хлѣба 60 четвертей, протодьяконъ—15 р. и хлѣба, 36 ч., а священники по 10 р. и по 26 ч. хлѣба, т. е. эти духовныя лица «верстались» такимъ окладомъ, который получали только служилые люди высшей «статьи» [1]). Но они все-таки не были довольны своимъ положеніемъ и въ томъ же 1622 г. «самовольствомъ побѣжали въ Москву». На дорогѣ ихъ задержали и по государеву указу возвратили въ Тобольскъ. Изъ грамоты Кипріана отъ 1623 г. видно однако, что и послѣ этого они не хотѣли служить и не брали жалованья: «намъ-де за церковную службу», говорили эти попы архіепископу, «приняться нельзя, потому что доброхоты ихъ пишутъ изъ Москвы, что имъ однолично вскорѣ быть на Москвѣ по прежнему». Само собой

[1]) А М.. Ю. Свб. Пр. Разб. Столб.

понятно, что при добровольномъ переселеніи этихъ духовныхъ лицъ невозможно было бы ожидать съ ихъ стороны такого упорства. Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ Филаретъ, получивъ вышеупомянутыя грамоты отъ Кипріана, указали: «тѣхъ бездѣльниковъ и воровъ поповъ за ихъ воровство и ослушаніе..... разослать изъ Тобольска въ дальніе сибирскіе города въ Мулгазею (Мангазея), въ Кетскій и Кузнецкій острожки порознь тотчасъ безсрочно и быти имъ въ тѣхъ городахъ въ рядовыхъ попахъ» [1]). Но этотъ указъ не былъ исполненъ; замѣнить этихъ поповъ было некѣмъ, а между тѣмъ они, вѣроятно, испугавшись еще болѣе далекаго заточенія, помирились съ своимъ положеніемъ, приняли государево жалованье и начали отправлять свои обязанности. Они жили въ Тобольскѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ это видно изъ ихъ челобитной къ этому государю о прибавкѣ имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

Затѣмъ каждый новый архіепископъ при своемъ отправленіи на тобольскую каѳедру прибиралъ черныхъ и бѣлыхъ поповъ и тоже, вѣроятно, при приборѣ не всегда сообразовался съ доброю волей послѣднихъ, а пользовался содѣйствіемъ высшихъ властей. Нѣкоторые документы свидѣтельствуютъ, что посылка духовныхъ лицъ въ Сибирь была въ нѣкоторомъ родѣ повинностью для духовнаго сословія, точно также какъ для служилыхъ людей и крестьянъ извѣстной области посылка туда же своихъ собратій — казаковъ, стрѣльцовъ и «пашенныхъ людей». Напр., въ 1635 году Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ архіепископу вологодскому и великопермскому Варлааму выбрать въ его архіепископіи въ Тобольскъ къ соборной церкви и въ другіе сибирскіе города архимандрита, пять черныхъ поповъ и 10 или 12 бѣлыхъ. При этомъ предписывалось выбирать черныхъ и бѣлыхъ поповъ «людей добрыхъ, крѣпкожительныхъ, духовныхъ учителей, которые бъ были по преданію и по правиламъ святыхъ апостоловъ и св. отецъ, а не бражниковъ». Но прошло нѣсколько времени и отъ Варлаама никакого извѣстія объ этомъ дѣлѣ не приходило въ Москву.

---

[1]) А. М. И. Д. Порт. Милл. № 541, кн. 1.

Тогда послана была новая подтвердительная грамота, чтобы онъ поспѣшилъ приборомъ и при этомъ дѣлался выговоръ за нерадѣніе. Но архіепископъ былъ не виноватъ: не смотря на то, что «посадскіе и волостные попы учинили межъ себя дать подмогу тѣмъ попамъ, которые согласятся ѣхать въ Сибирь, по 30 и 40 рублей, многіе попы для такого дальняго проѣзду разбѣжались, не желая оставлять своихъ домовъ». Узнавъ объ этомъ, государь указалъ Варлааму объявить: «кто въ Сибирь выбраны будутъ, тѣмъ дано будетъ на подъемъ жалованья изъ нашей казны, подможныхъ денегъ на платье и на харчи архимандриту по 40 р., протопопу 35 р., чернымъ и бѣлымъ попамъ по 30 р. человѣку, да кромѣ того казенный кормъ въ дорогѣ и казенныя подводы имъ и подъ ихъ женъ, дѣтей и работниковъ...» Эта казенная «подмога» однако не исключала той, которую обѣщали дать посадскіе и волостные попы бѣлымъ попамъ, а монастыри чернымъ попамъ (по 20 р.), и стало быть переселенцы въ Сибирь получали подъемныхъ по 60 руб. Эта сумма по тому времени составляла капиталъ. Только послѣ этого вызвалось нѣсколько лицъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства отправиться въ Сибирь. Изъ списка этихъ переселенцевъ видно, что въ вологодской епархіи прибраны: архимандритъ, протопопъ, 5 бѣлыхъ поповъ и 3 черныхъ. Съ бѣлыми попами ѣхали ихъ жены и дѣти, разные свойственники и работники, съ архимандритомъ—келейники, да 4 человѣка людей, съ черными попами ихъ братья, племянники и нѣсколько людей—всѣхъ переселенцевъ отправлялось въ Сибирь 60 человѣкъ. Кромѣ того въ самой Москвѣ «написались своею волею черныхъ два попа, да бѣлыхъ поповъ 6 человѣкъ» [1]). Но не смотря на то, что въ Сибирь правительство отправляло поповъ цѣлыми партіями. въ нихъ все-таки постоянно чувствовался недостатокъ. Въ 1638 году третій сибирскій архіепископъ Нектарій жаловался царю: «въ Сибири теперь черными попами стала скудость великая—въ Тобольскѣ и во всемъ городѣ и въ монастырѣ и у меня только одинъ черный попъ, да и тотъ отецъ мнѣ духовный, а въ городахъ

---

[1]) Р. И. Б. т. II, № 164.

Мангазеѣ, Пелымѣ, Кузнецкѣ и въ новыхъ монастыряхъ, что вновь строятся, нѣтъ ни одного чернаго попа, и тѣхъ людей, которые желаютъ постричься, некому постричь, и постоянно бьютъ мнѣ челомъ о черныхъ попахъ» [1]). Изъ другихъ челобитій сибирскихъ архіепископовъ видно, что такая «скудость великая» была и на бѣлыхъ поповъ. Причина этого недостатка въ священническомъ чинѣ очевидна. Немногіе добровольно соглашались оставить родину, друзей и родственниковъ, чтобы отправиться въ мало извѣстный и далекій край, а тѣ изъ священниковъ, которые и переселились въ Сибирь, при первой возможности старались возвратиться назадъ. И сами они и ихъ «доброхоты» постоянно били челомъ царю и патріарху о возвращеніи на родину. Нѣкоторыя изъ этихъ челобитныхъ удовлетворялись, а тѣ священники, на чьи челобитныя въ Москвѣ не обращали вниманія, просто бѣгали изъ Сибири. Дѣло въ томъ, что жизнь въ Сибири въ то время не для всѣхъ была привлекательна. Чернымъ попамъ на Руси жилось хорошо и имъ не было нужды отъ хорошаго житья идти въ Сибирь и искать неизвѣстнаго. Что же касается бѣлыхъ поповъ, то хотя ихъ положеніе и на родинѣ было незавидное, тѣмъ не менѣе они не могли стремиться въ Сибирь, потому что тамъ жизнь бѣлаго духовенства была еще печальнѣе. Съ самаго пріѣзда въ Тобольскъ архіепископъ Кипріанъ начинаетъ жаловаться царю и патріарху на грубое къ себѣ отношеніе воеводъ и прочихъ служилыхъ сибирскихъ людей и «на жестокости», которыя причиняютъ послѣдніе бѣлому духовенству. По этимъ жалобамъ правительство посылаетъ сибирскимъ воеводамъ грозныя грамоты, но видно, что они не обращали никакого вниманія на эти грамоты, потому что и послѣ Кипріана, его преемники продолжаютъ жаловаться на то же самое и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. «Въ сибирскихъ городахъ», читаемъ въ этихъ архіепископскихъ жалобахъ, «твои государевы воеводы и приказные люди во всякія наши святительскія и духовныя дѣла и суды вступаются и церковниковъ поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, пономарей и всякихъ причетниковъ къ твоему государеву

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 9138/94.

всякому дѣлу и къ письму отъ твоего царскаго богомолья отъ Божіихъ церквей насильно берутъ, во всемъ ихъ судятъ и смиряютъ и отъ церквей Божіихъ отставляютъ и съ поповъ скуфьи снимаютъ, въ тюрьму сажаютъ и батогами бьютъ и побиваютъ;... въ Сибири же отъ Божіихъ церквей къ твоему государеву выдѣльному хлѣбу и къ письму берутъ поповъ, дьяконовъ, дьячковъ и пока, государь, тѣ выдѣльщики на тебя въ городахъ и въ слободахъ пятый снопъ выдѣлятъ и въ то время церкви стоятъ безъ пѣнія... и въ томъ попамъ... и причетникамъ въ Сибири отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей обида и притѣсненія великія» [1]). Отсюда понятно, почему попы, переселившіеся въ Сибирь, стремятся поскорѣе убѣжать оттуда и почему немногіе изъ нихъ добровольно вызываются на переселеніе, такъ какъ, очевидно, что разсказы о притѣсненіяхъ сибирскихъ воеводъ были всѣмъ извѣстны на Руси, какъ извѣстно и то, что защиты отъ этихъ притѣснителей трудно было тогда найдти. Изъ тамошнихъ же жителей тоже немногіе прельщались священническимъ чиномъ: «ставить въ попы некого», жалуется царю одинъ сибирскій архіепископъ, «потому что въ Сибири, государь, люди всѣ ссыльные и въ попы ставиться охотниковъ мало».

Какъ черныхъ и бѣлыхъ поповъ, такъ и служилыхъ людей правительство прибирало въ европейской Руси и отправляло на службу въ Сибирь. Мы могли бы указать множество случаевъ подобнаго переселенія, но чтобы не утомлять читателя подробностями, ограничимся только нѣкоторыми: такъ въ 1631 году въ поморскихъ городахъ было прибрано 500 человѣкъ казаковъ и стрѣльцовъ [2]), въ 1635 г. въ Устюгѣ Великомъ прибрано 50 чел. стрѣльцовъ отчасти изъ служилыхъ людей отъ отцовъ дѣтей, отъ дядей племянниковъ и т. п., а отчасти изъ вольныхъ, гулящихъ людей [3]). Обыкновенно этотъ приборъ совершался такимъ образомъ: сначала прибирался сотникъ, а этотъ прибиралъ въ свою сотню десятниковъ, а десятники—

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 184 и 477; А. М. Ю. Спб. Пр., Ст. № 6440/100.
[2]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 488 св. I.
[3]) А. М. И. Д. Приказныя дѣла № 76.

рядовыхъ казаковъ, или стрѣльцовъ. Десятники съ рядовыми служилыми людьми давали сотнику запись слѣдующаго содержанія: «Се азъ десятникъ N, да его десятка (NN).... поручились есмя промежъ себя всѣмъ десяткомъ, десятью человѣки, другъ по другъ у сотника (N) въ томъ: быти намъ на государевѣ службѣ въ городѣ (N) на житьѣ въ стрѣльцахъ (или казакахъ конныхъ или пѣшихъ) и государева служба служити, а не воровати, корчмы и блядни не держати, и зернью не играти, и не красти и не бѣжати, а кто изъ насъ изъ десяти человѣкъ сбѣжитъ и на насъ на порутчикахъ, на мнѣ на десяцкомъ и на товарищахъ моихъ, государево жалованье, денежное и хлѣбное, и пеня государева, а въ пенѣ, что государь укажетъ, и наши поручниковы головы въ его голову мѣсто. Нато послуси... NN» [1]). Прибранные такимъ образомъ служилые люди получали изъ казны подмогу (напр. десятникъ 2 р. 25 к., рядовые женатые по 2 р., а холостые по 1 р. 50 к.) и на казенныхъ подводахъ отправлялись въ Сибирь. Нерѣдко правительство переводило изъ Руси въ сибирскіе города казаковъ и стрѣльцовъ просто по государеву указу; въ такомъ случаѣ «съ переселенцевъ» записей не брали, но по прибытіи ихъ на мѣсто они должны были присягнуть въ томъ, что «пришли своими головами полное число, а въ ихъ мѣста за отцовъ дѣтей, за братію братьевъ, за дядей племянниковъ и наймитовъ нѣтъ ни одного человѣка» [2]).

Но какъ «приборные» служилые люди, такъ и «переведенцы» свое путешествіе въ Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами; для населенія тѣхъ областей, чрезъ которыя они проѣзжали, наступали тогда дни величайшихъ бѣдствій. Движеніе этихъ переселенцевъ напоминало русскимъ людямъ татарскихъ баскаковъ во времена монгольскаго ига, когда эти послѣдніе съ отрядами татаръ появлялись для сбора дани. Едва только дѣлалось извѣстнымъ приближеніе казаковъ и стрѣльцовъ къ городу или селу, какъ жители запирали дома, прятали женъ и дочерей, угоняли въ лѣса скотъ и съ ужасомъ ожидали этой

---

[1]) Р. И. Б. т. II № 53.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6111/67, л. 506.

орды. Вся забота населенія извѣстной области, въ которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы поскорѣе спровадить ихъ далѣе, избавиться отъ ихъ продолжительной стоянки: поэтому подводы, которыя жители должны были выставить подъ переселенцевъ по проѣзжимъ грамотамъ, приготовлялись заранѣе и по недѣлѣ и по двѣ ожидали своихъ пассажировъ на извѣстномъ мѣстѣ. Наконецъ орда прибывала, населеніе встрѣчало ее, поило и кормило, давало «поминки» натурой и деньгами въ видѣ откупа, словомъ дѣлало все для этихъ ужасныхъ гостей, лишь бы подешевле и поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться, но послѣднее не всегда удавалось: переселенцы не спѣшили, иногда жили на извѣстной стоянкѣ по недѣлѣ и болѣе и кутили столько и какъ имъ заблагоразсудится. Самый лучшій исходъ для населенія при отправкѣ переселенцевъ состоялъ въ томъ, если оно отдѣлывалось отъ нихъ только кормомъ, добровольными поминками и прибавкою нѣсколькихъ лишнихъ, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, подводъ; подобные проводы можно считать мирными, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; жители такимъ исходомъ были довольны, даже въ томъ случаѣ, если во время гостепріимства переселенцы позволяли себѣ небольшіе грабежи и разныя насилія. Мы говоримъ жители были довольны такими проводами именно потому, что въ большинствѣ случаевъ переселенія въ Сибирь служилыхъ людей сопровождались для нихъ несравненно худшими бѣдствіями. Для иллюстраціи мы приведемъ здѣсь нѣкоторые случаи иного рода проводовъ. Въ 1593 году «сынъ боярскій», читаемъ въ царской грамотѣ къ воеводѣ Горчакову, «съ атаманомъ и съ казаками ѣдучи въ Сибирь воровали; въ отчинѣ боярина Д. И. Годунова крестьянъ били и грабили, женъ крестьянскихъ соромотили, убили изъ пищали крестьянина, а у иныхъ многихъ крестьянъ животину коровъ, свиней побили и платье пограбили, да другіе боярскіе дѣти съ атаманомъ и казаками, которые отпущены изъ Москвы, по дорогѣ многихъ людей били и грабили и ямщикамъ за подводы прогоновъ не давали и пр.» [1]). Но иногда проходили въ

[1]) «Р. И. Б.», т. II, стр. 115 и 119.

Сибирь такія партіи служилыхъ людей, что опустошали цѣлые уѣзды, подобно тому, какъ дѣлали татары во время своихъ извѣстныхъ «наѣздовъ». Въ четвертой главѣ мы упоминали, что въ 1635 году по государеву указу переведено въ Тюмень 500 человѣкъ колмогорскихъ стрѣльцовъ; переходъ ихъ по русскимъ областямъ сопровождался страшными грабежами и разбоемъ. Это видно изъ разныхъ на нихъ челобитныхъ, поданныхъ царю въ томъ же 1635 году. «Бьютъ челомъ», читаемъ въ одной изъ нихъ, «сироты твои Соли-Вычегоцкій всеуѣздный земскій старостишка Васька Юрьевъ, да Соли жъ Вычегоцкой посадскіе земскіе и волостные цѣловальничешки и всеуѣздные посыльчишки во всѣхъ остальныхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто всего усольскаго уѣзда: въ нынѣшнемъ въ 1635 году въ Мартѣ ѣхали по твоему указу съ Колмогоръ мимо Соли Вычегоцкой Прохоръ Даниловъ, стрѣлецкій голова Андрей Кубасовъ, пять сотниковъ, да 500 человѣкъ колмогорскихъ стрѣльцовъ, а писано, государь, имъ по подорожнымъ Данилову три подводы, Кубасову четыре подводы, сотникамъ по три подводы, женатымъ стрѣльцамъ по двѣ подводы и холостымъ по одной. И мы, государь, по тѣмъ подорожнымъ собравъ всѣ подводы сполна—всего 950 подводъ, ждали ихъ, Данилова и голову Кубасова съ стрѣльцами у Соли, на посадѣ съ конями болѣе недѣли и подводы дали сполна противъ подорожныхъ, а какъ они прибыли, то начали старостишку Ваську, посадскихъ цѣловальниковъ и волостныхъ крестьянъ и земскаго дьячка во дворѣ бить и увѣчить на правежѣ ослопами на смерть и вымучили у насъ великіе поминки денегъ 220 руб.». Затѣмъ челобитчики пишутъ, что эти переведенцы не спѣшили брать подводы и для своей бездѣльной корысти прожили на посадѣ болѣе недѣли и во все это время били, держали на правежѣ, домы разорили и разграбили и множество лишнихъ подводъ доправили. Отъ этихъ непомѣрныхъ смертныхъ «правежей» упомянутые ямской староста, посадскіе и волостные цѣловальники и земскій дьячекъ нашли было себѣ убѣжище въ съѣзжей избѣ у воеводы Головачева, но тѣ-же стрѣльцы съ своими начальниками проникли и туда съ пищалями, саблями, шпагами и съ ослопами и опять ихъ били, а

воеводу ругали «всякими мат.... словесы». Такъ разбойничали эти «переведенцы» въ городѣ, гдѣ былъ воевода и у котораго, конечно, были служилые люди, то можно себѣ представить, что они позволяли себѣ по селамъ и деревнямъ, гдѣ жители рѣшительно не могли найти никакой защиты противъ этой разбойнической орды. 28 марта, говорится въ той же челобитной, голова, сотники и стрѣльцы выѣхали изъ Соли и въ усольскомъ уѣздѣ по деревнямъ били и мучили крестьянъ, забирали коровъ, овецъ, свиней и всякое имущество, ломали житницы и выбирали хлѣбъ, били и мучили проводниковъ и пр. И отъ тѣхъ грабежей и насильствъ волости усольскаго уѣзда запустѣли и крестьяне оскудѣли [1]). Другіе уѣзды также подверглись опустошенію. Одинъ изъ этой шайки, голова Даниловъ, о которомъ уже упоминалось въ предыдущей челобитной, впослѣдствіи доносилъ Михаилу Ѳедоровичу, что колмогорскіе стрѣльцы въ устюжскомъ уѣздѣ доправили на крестьянахъ рублей 300 и болѣе, да въ важскомъ уѣздѣ съ крестьянъ же взяли денегъ, а сколько не помнитъ. А когда я, писалъ тотъ же Даниловъ, началъ унимать ихъ отъ воровства, то «стрѣльцы скопясь съ товарищи учали меня лаять мат...., всякою неподобною лаею и хотѣли убить до смерти, а потомъ они поѣхали впередъ и по деревнямъ воровали, крестьянъ били и грабили» [2]). Самъ воевода сольвычегодскій Головачевъ, жалуясь царю на грабежи и разбои колмогорскихъ стрѣльцовъ, писалъ, что въ устюжскомъ уѣздѣ послѣдніе угнали болѣе 500 лошадей [3]). Вотъ что значили въ то время переселенія въ Сибирь служилыхъ людей! Мы упомянули здѣсь о случаяхъ грабежей и разбоевъ не единичныхъ, не исключительныхъ: въ сибирскомъ приказѣ намъ попадалось нѣсколько подобныхъ документовъ и съ почти тожественнымъ содержаніемъ; въ нѣкоторыхъ еще добавляется, что казаки или стрѣльцы по деревнямъ брали женъ и дочерей крестьянъ «на постель», а нѣкоторыхъ даже увозили съ собой въ Сибирь. По

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6148/104, лл. 2 и 4.

[2]) Ibid., л. 386 и 387.

[3]) Ibid, л. 1.

жалобамъ челобитчиковъ царь, обыкновенно, приказывалъ воеводѣ того сибирскаго города, куда переводились служилые люди, «сыскать накрѣпко и виновныхъ бить батогами, сажать въ тюрьму до указу, животы ихъ ограбить, а пущаго вора повѣсить». Само собою понятно, что подобные приказы сибирскій воевода, если бы и хотѣлъ, то не могъ исполнить! И въ самомъ дѣлѣ, грабили и разбойничали всѣ—и головы и сотники и рядовые служилые люди; такимъ образомъ воеводѣ приходилось или всѣхъ грабителей наказывать, на что у него не хватило бы силы, или, какъ обыкновенно это дѣлалось, онъ отписывалъ въ Москву, что «въ тюрьму виновныхъ по сыску сажалъ и изъ тюрьмы вынявъ кнутомъ билъ». Такъ отписывалъ и тюменскій воевода относительно колмогорскихъ стрѣльцовъ [1]).

Пашенныхъ крестьянъ также правительство переселяло въ Сибирь «по прибору» и «по указу». Прибирали (почти исключительно въ тѣхъ же поморскихъ городахъ) или здѣшніе правительственные агенты, или же воеводы присылали изъ Сибири для той же цѣли боярскихъ дѣтей, прикащиковъ и слободчиковъ; желающимъ переселиться въ Сибирь «на государеву пашню» обѣщались льгота на два, на три года и болѣе, подмога и ссуда въ разныхъ размѣрахъ. Иногда же правительство возлагало приборъ извѣстнаго количества крестьянъ на какую-нибудь область въ видѣ повинности. Напр. въ 1590 г. велѣно въ Соли-Вычегодской и въ уѣздѣ прибрать въ Сибирь пашенныхъ крестьянъ 30 семействъ и чтобъ у каждаго человѣка было: по три мерина добрыхъ, по три коровы, по двѣ козы, по три свиньи, по пяти овецъ, по два гуся, по пяти куръ, по двѣ утки, хлѣба на годъ, соха для пашни, сани, телѣга и «всякая житейская рухлядь». Въ такихъ случаяхъ сами жители области прибирали крестьянъ и сами давали «подмогу», разверстывая эту повинность «посошно», а потому прибранные такимъ образомъ крестьяне назывались «посошными». Упомянутымъ 30 крестьянамъ велѣно дать подмоги по 25 р. на семейство, но посадскіе и волостные люди соль-

---

[1]) Ibid., л. 388.

вычегодскіе дали имъ подмоги по 110 р., потому что, какъ говорили они, 25 рублями имъ подняться въ Сибирь невозможно. Но царь указалъ дать подъемныхъ денегъ по 50 р., а остальную собранную сумму зачесть на будущее время на тотъ же предметъ [1]). Отсюда можно видѣть, что правительство московское заботилось о томъ, чтобы крестьяне переселялись въ Сибирь съ полнымъ хозяйствомъ: на 50 р. въ то время можно было купить все то, что долженъ былъ имѣть, по указанію правительства, каждый прибранный крестьянинъ въ сольвычегодской области. Но бывали примѣры, что такіе посошные крестьяне получали подъемныхъ денегъ по 135 руб. [2]).

Равнымъ образомъ и тѣ крестьяне, которые переводились въ Сибирь «по указу», получали достаточную помощь отъ правительства. «По указу» переводились или изъ дворцовыхъ селъ, или разные преступники; первые относились къ разряду «переведенцевъ» и о тѣхъ мы упоминали въ предшествующихъ главахъ, а вторые къ рязряду ссыльныхъ. Объ этихъ послѣднихъ мы намѣрены здѣсь сказать нѣсколько подробнѣе съ тою цѣлью, чтобы вообще выяснить колонизаціонное значеніе для Сибири ссылки. Но прежде всего считаемъ нужнымъ привести здѣсь взгляды на этотъ предметъ нѣкоторыхъ сибирскихъ писателей. Н. Яндринцевъ, повидимому, спеціально занимавшійся вопросомъ о значеніи ссылки, въ своихъ статьяхъ «Историческіе очерки русской ссылки» и «Колонизаціонное значеніе русской ссылки» дѣлаетъ слѣдующія заключенія: «Мѣра эта (т. е. ссылка) у древнихъ русскихъ царей была чисто административной и почти всегда сопровождалась заточеніемъ на мѣстѣ ссылки». «Хотя мы видимъ въ концѣ XVII вѣка начало колонизаціонныхъ стремленій,—такъ какъ уже въ указахъ Алексѣя Михайловича приказывается сосланныхъ преступниковъ устроять съ женами и дѣтьми на пашни, давая имъ ссуды и всякія угодья на пропитаніе,—но никакихъ свѣдѣній объ этомъ заселеніи мы нигдѣ не встрѣчаемъ: извѣстенъ только одинъ фактъ, что ссыльныхъ опре-

[1]) А. А. Э. т. 1 № 349.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Разб. Ст.

дѣляли на работы въ Тюмени» .... «Ссыльные на мѣстѣ ссылки содержались въ заточеніи». «Хотя ссылка по прежнему носитъ карательный характеръ, но при Петрѣ I мы встрѣчаемъ уже ясныя стремленія утилизировать ее: на преступниковъ начинаютъ смотрѣть, какъ на даровую рабочую силу....» «Колонизаціонное значеніе ссылки было слабо» .... «Ссыльные не входили», продолжаетъ Яндринцевъ, «однако здѣсь (въ Сибири) въ число свободнаго населенія; первоначально ихъ содержали въ тюрьмахъ и подъ конвоемъ употребляли на общественныя работы» [1]). Вслѣдъ за Яндринцевымъ тоже о значеніи ссылки въ Сибирь повторяетъ и И. Щегловъ въ «Хронологическомъ перечнѣ важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири». Здѣсь онъ говоритъ: «Ссылка въ Сибирь въ первое время не имѣла значенія заселенія страны, но ею правительство хотѣло избавиться отъ людей безпокойныхъ или опасныхъ, которыхъ не хотѣло подвергать смертной казни. По этому самому въ первое время ссылались преимущественно люди значительные и государственные» [2]). Этотъ взглядъ на значеніе ссылки совершенно не вѣренъ: на самомъ дѣлѣ въ теченіе всего XVII в. было наоборотъ, т. е. московское правительство почти всегда приказываетъ сибирскимъ воеводамъ или верстать ссыльныхъ въ службу, или устроять на пашни и въ очень рѣдкихъ случаяхъ ссыльные запирались въ тюрьмы на мѣстѣ ссылки. Да иначе и быть не могло. Московскіе цари, ~~какъ мы видѣли~~, были слишкомъ разсчетливы, чтобы сотни преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, держать въ заточеніи въ тюрьмахъ и кормить ихъ даромъ. Если они утилизировали такіе предметы своего хозяйства, какъ мякину, ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которыхъ цѣнность нельзя выразить никакою монетою, если, наконецъ, они собирали десятину съ «собачьяго корма», привозимаго въ Сибирь промышленниками для своихъ «промышленныхъ собакъ», или десятину съ поношенныхъ рубахъ и штановъ, ввозимыхъ русскими торговыми людьми, какъ предметы торговли съ остяка-

---

[1]) Дѣло. 1870 г. № 10 страницы 208, 211, 221; № 12 стр. 3.

[2]) «Хронол. перечень...» стр. 59. Ирк. 1883 г.

ми и вогулами, то трудно допустить, чтобы такіе разсчетливые хозяева, какими были всегда наши московскіе цари, не воспользовались дешевымъ трудомъ ссыльныхъ при своей хозяйственной дѣятельности въ «дальной сибирской вотчинѣ», въ которой еще такъ мало было населенія. Даже для такихъ преступниковъ, какъ государственные измѣнники, разбойники и душегубцы, которыхъ правительство приказывало сибирскимъ воеводамъ «заключать въ тюрьму», это тюремное заточеніе продолжалось годъ, два года и рѣдко болѣе, а потомъ служилые люди верстались въ службу и государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, а крестьяне сажались на государеву пашню и притомъ получали отъ казны подмогу и ссуду, какъ и приборные изъ гулящихъ людей. Мало того, царь Алексѣй Михайловичъ приказываетъ одному сибирскому воеводѣ «верстать въ службу на выбылыя мѣста не гулящихъ людей, а ссыльныхъ, чтобъ въ нашемъ годовомъ жалованьѣ лишнихъ расходовъ не было» [1]). Чтобы не быть голословнымъ, мы постараемся подтвердить наше мнѣніе о значеніи ссылки множествомъ фактовъ. Мы просмотрѣли въ архивахъ «М. И. Д.» и «М. Ю. въ сибирскомъ приказѣ» и въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ историческихъ актовъ до 200 царскихъ грамотъ къ сибирскимъ воеводамъ о ссыльныхъ въ періодъ отъ 1593 и до 1645 г. и весь этотъ обширный матеріалъ привелъ насъ къ заключенію, что московское правительство прежде всего смотрѣло на ссылку въ Сибирь, какъ на средство заселенія этого края. Въ обозрѣваемый нами періодъ заселенія Сибири всего сослано около 1,500 человѣкъ *), не считая женъ и дѣтей и разныхъ свойственниковъ. Изъ нихъ не русскихъ подданныхъ около 650 человѣкъ; подъ этого рода ссыльными мы разумѣемъ, во-первыхъ, тѣхъ людей изъ непріятельскихъ армій, «которые иманы на бою и въ языцѣхъ» и во-вторыхъ, иноземцевъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ и сбѣжавшихъ во вре-

---

[1]) Д. к. А. И. т. II № 63.

*) *Примѣч.* Въ это число мы не включаемъ опальныхъ государственныхъ людей, которыхъ правительство ссылало въ Сибирь на житье, какъ людей почему-нибудь ему опасныхъ или непріятныхъ, какъ напр. ссылка Борисомъ Годуновымъ Романовыхъ и тому подобныхъ.

мя войны къ непріятелю и потомъ захваченныхъ въ плѣнъ. Между этими военно-плѣнными были поляки, литвины, нѣмцы «цесарской земли», нѣмцы ливонскіе и шведскіе, латыши, черкасы, одинъ «французенинъ». Изъ русскихъ подданныхъ сослано въ это же время около 850 человѣкъ, изъ нихъ до сотни семействъ инородческаго происхожденія, 366 человѣкъ черкасъ, а остальные ссыльные, судя по ихъ мѣсту жительства, принадлежатъ къ великорусскому племени. Считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что если мы опредѣляемъ число ссыльныхъ людей отъ 1593 г. до 1645 г. въ 1,500 человѣкъ, то разумѣемъ только тѣхъ ссыльныхъ, царскія грамоты о которыхъ мы имѣли въ рукахъ, а на самомъ дѣлѣ, конечно, число ссыльныхъ за этотъ періодъ было гораздо болѣе: многія грамоты о нихъ намъ не попались подъ руку и еще большее количество оныхъ, вѣроятно, не сохранилось до насъ. Точную цыфру ссыльныхъ мы можемъ указать только за десятилѣтній періодъ отъ 1614 г. до 1624 г., именно за это время сослано въ Сибирь 560 человѣкъ *).

Теперь разсмотримъ на самыхъ фактахъ вопросъ о ссылкѣ и о положеніи ссыльныхъ въ Сибири. При обозрѣніи первоначальнаго заселенія города Пелыма мы уже упоминали, что въ 1593 году вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ отправлено нѣсколько десятковъ русскихъ семей, которыхъ велѣно посадить на пашню. Изъ наказа этому воеводѣ собственно не видно, ссылались ли эти люди въ качествѣ ссыльныхъ, какъ преступники, или только какъ «переведенцы» переселялись на житье въ Сибирь. Но относительно девяти семей каргопольцевъ мы навѣрное знаемъ, что они принадлежали къ первому роду переселенцевъ. Они, какъ видно изъ ихъ челобитной, въ 1586

*) *Примѣч.* О ссыльныхъ за этотъ періодъ мы имѣемъ всѣ царскія грамоты. Нужно замѣтить, что о всѣхъ ссыльныхъ въ Сибирь посылались царскія грамоты тобольскимъ воеводамъ и эти грамоты воеводы списывали въ особую книгу. Одна изъ такихъ то книгъ, заключающая въ себѣ болѣе ста грамотъ, сохранилась до нашего времени и находится въ А. М. И. Д. въ портфеляхъ Миллера. Это «Списокъ съ государевыхъ.... Михаила Ѳедоровича грамотъ, каковы присланы въ Тобольскъ въ прошлыхъ отъ 122 до 132 гг. о опальныхъ людяхъ, которые по государеву указу присланы въ Сибирь»... См. № 541 кн. № 1.

году посланы изъ Москвы въ Каргополь, какъ опальные, а потомъ оттуда въ 1593 году сосланы въ Пелымъ. Такимъ образомъ, этихъ людей мы можемъ считать первыми ссыльными въ Сибирь съ цѣлью заселенія этого края; а черезъ годъ или черезъ два туда же сосланы 30 семействъ угличанъ и эти послѣдніе также устроены на пашню. Въ предшествующихъ главахъ мы также упоминали, что нѣкоторыя сибирскія слободы заселялись ссыльными, нѣсколько такихъ людей были первоначальными насельниками города Тары и пр. Но, такъ сказать, систематически московскіе цари начинаютъ пользоваться разнаго рода преступниками для заселенія Сибири только со времени Михаила Ѳедоровича, и ссылка съ этою цѣлью постепенно все болѣе и болѣе усиливается въ теченіе всего XVII вѣка. Обратимъ сначала вниманіе на ссылку военноплѣнныхъ или вообще не русскихъ подданныхъ и посмотримъ, какое значеніе они имѣли въ дѣлѣ заселенія сибирскаго края. Въ 1614 году сосланы полякъ Ядровскій, литвины Гронскій и Чанскій и всѣмъ имъ велѣно служить въ разныхъ сибирскихъ городахъ на ряду съ прежними иноземцами; въ томъ же году посланы въ Тобольскъ измѣнники литовскіе люди два человѣка и одинъ пахолокъ и велѣно ихъ «посадить въ крѣпкую тюрьму и беречь накрѣпко, чтобы они никуда не ушли..., а на кормъ имъ давать по двѣ деньги человѣку на день...»; въ томъ же году посланъ въ Тобольскъ Сава «Ѳрянчюженинъ», а «велѣно ему служить съ литвою вмѣстѣ и изъ города никуда его не отпускать, чтобы онъ съ кѣмъ сговорясь не убѣжалъ и былъ бы у васъ всегда въ лицахъ». Но этотъ ссыльный принялъ православіе, навсегда остался жить въ Сибири и дослужился до боярскихъ дѣтей; помимо службы онъ занимался хлѣбопашествомъ, строилъ деревни и одну изъ нихъ пожертвовалъ въ тобольскій Успенскій монастырь. Въ 1615 г. сосланы въ Тобольскъ ротмистръ литовскій Павелъ Качинскій, а въ 1617 г. 60 литовскихъ пахолковъ и велѣно ихъ «раздать пашеннымъ крестьянамъ для пашеннаго науку». Черезъ два года Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ тобольскому воеводѣ всѣхъ этихъ пахолковъ во главѣ ротмистра Качинскаго возвратить въ Москву для размѣна съ поляками плѣнными. На это требованіе тобольскій воевода отвѣ-

чалъ: «19 человѣкъ, будучи посланы въ Томскъ на пашню, на дорогѣ перебили служилыхъ людей, съ которыми были отправлены, захватили государеву казну и убѣжали за камень; ротмистръ умеръ, 23 пахолка пересылаетъ на Русь, а остальные 17 человѣкъ крестились (т. е. приняли православіе) и бьютъ челомъ, чтобы имъ остаться въ Сибири на государевой службѣ. Въ 1617 году послано въ Тобольскъ двѣ большихъ партіи литовскихъ пахолковъ: одна въ 99, а другая въ 75 человѣкъ, и всѣхъ ихъ велѣно устроить на пашню, гдѣ пригоже. Въ 1622 г. сосланы въ Тобольскъ иноземцы: «шведъ Павликъ, а русское имя Дмитрій, нѣмчинъ цесарской земли Карбаимъ, а русское имя Лаврентій»; имъ велѣно служить вмѣстѣ съ иноземцами и поверстать ихъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. Въ томъ же году изъ Кирилова монастыря посланы въ Тобольскъ: нѣмецъ Анца Локманъ, да нѣмецкій попъ Матюшка и велѣно того и другаго поверстать въ службу и дать денежное и хлѣбное жалованье наравнѣ съ другими служилыми иноземцами. Всего не русскихъ подданныхъ съ 1614 по 1624 г. сослано 319 человѣкъ, изъ нихъ нѣкоторые съ женами и дѣтьми.

Затѣмъ укажемъ за тотъ же періодъ на нѣсколько фактовъ ссылки въ Сибирь малороссіанъ или черкасъ. Въ 1614 г. посланъ на житье въ Тобольскъ черкашенинъ Пронка и велѣно ему служить съ литвою и дать денежное и хлѣбное жалованье; въ 1618 г. сосланъ въ Томскъ атаманъ запорожскихъ черкасъ Михалко Скиба и велѣно его поверстать на службу «съ кѣмъ въ версту» и дать жалованье. Въ 1619 г. алатырскій воевода доносилъ въ Москву, «что присланные въ Алатырь 50 человѣкъ выѣзшихъ запорожскихъ черкасъ ходятъ въ городѣ со всякимъ боемъ и чинятъ великій задоръ, а по которымъ дворамъ они стоятъ и тѣ дворники приходятъ къ нему и говорятъ, что тѣ черкасы похваляются всякимъ лихимъ злымъ умышленіемъ и выпрашиваютъ, сколь далече къ Дону, а къ Алатырю прилегла степь, дикое поле, а тѣ черкасы всѣ конны и лошади у нихъ добры, а Алатырскій городъ безлюденъ и алатырскіе козаки всѣ на государевой службѣ»... Получивъ это донесеніе, Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ

выбрать изъ тѣхъ черкасъ 40 человѣкъ и въ сопровожденія русскихъ служилыхъ людей отправить въ Тобольскъ, а тобольскому воеводѣ послана грамота о томъ, чтобы этихъ черкасъ поверстать въ службу въ пѣшіе казаки и дать денежное и хлѣбное жалованье наравнѣ съ послѣдними. Нѣсколько черкасъ, «которыхъ за измѣну довелось казнить смертью, а государь пожаловалъ, отдалъ имъ жизнь» въ 1623 и 1624 г. сосланы въ Сибирь и ихъ «велѣно устроить на пашню и дать подмогу для пашеннаго заводу»; всѣхъ черкасъ за это десятилѣтіе сослано въ Сибирь 76 человѣкъ.

За тотъ же періодъ русскихъ людей сослано въ разныя мѣста Сибири 165 человѣкъ: между ними встрѣчаются воеводы, князья, дьячки, стрѣльцы, боярскія дѣти, разные мастера, посадскіе люди и крестьяне разныхъ состояній. Въ 1615 г. сосланы боярскія дѣти Максимъ Трубчаниновъ и Михаилъ Ушаковъ; имъ велѣно служить въ боярскихъ же дѣтяхъ и дать жалованья по 10 р. денегъ, по 9 ч. хлѣба, ржи по четверти, тоже крупъ и толокна и по 3 п. соли. Въ разныхъ документахъ они упоминаются даже въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича. Въ 1618 г. сосланы въ Тобольскъ, Тару, Тюмень и Томскъ 11 человѣкъ русскихъ людей, которые были въ плѣну у литовцевъ; ихъ велѣно раздать пашеннымъ крестьянамъ «для пашеннаго науку» или «подъ наукъ», поить и кормить хлѣбомъ до тѣхъ поръ, пока они научатся пахать; въ слѣдующемъ году такихъ же русскихъ людей сослано въ разныя мѣста Сибири 12 человѣкъ и также велѣно ихъ устроить на пашню и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и вышеупомянутыхъ. Въ 1621 г. сосланъ атаманъ казачій Митька: «а довелся тотъ Митька, говорится въ царской грамотѣ, за измѣну смертной казни, но мы его помиловали, смертную казнь ему отдали, велѣли послать его на житье въ Сибирь и устроить въ службу, въ какую пригодится». Въ томъ же году сосланы люди боярскіе 3 человѣка и казакъ и велѣно ихъ устроить въ пашенные крестьяне и «дать всякаго пашеннаго заводу». Въ 1623 г. сосланы два брата Прасовѣтскихъ изъ Ярославля; имъ велѣно поставить дворъ и двѣ избы, чтобы они никуда не выходили и ни съ кѣмъ не разговаривали.

Въ слѣдующемъ году сосланы посадскіе люди 7 человѣкъ съ женами и дѣтьми, нѣсколько крестьянъ, казаковъ, стрѣльцовъ и бѣглыхъ людей, тоже съ женами и дѣтьми и всѣхъ велѣно въ разныхъ мѣстахъ устроить на пашню и дать «подмогу» для перваго хозяйственнаго обзаведенія [1]). Изъ всѣхъ 560 человѣкъ, сосланныхъ съ 1614 г. по 1624 г., устроено на службу 169 ч., на пашню 348 ч., въ посадскіе 2 ч., заключено въ тюрьму 19 ч. и послано «на житье безъ съѣзду» 22 человѣка. Въ послѣдующее время ссылка въ Сибирь годъ отъ году усиливается: ссылаются военноплѣнные и преступники, ссылаются одиночками, небольшими партіями и цѣлыми массами. Такъ 1633 г. сослано двѣ партіи военноплѣнныхъ: одна въ 73 человѣка, а другая въ 83; первую велѣно устроить на пашню, а вторую поверстать въ службу [2]). Въ томъ же году сослано въ Сибирь два старца изъ Соловецкаго монастыря. На этихъ чернецовъ игуменъ жаловался, «что одинъ чернецъ новокрещенецъ полякъ живетъ въ монастырѣ самовольствомъ, безчинство и воровство чинитъ многое, а унять его монастырскимъ смиреніемъ невозможно; другой же говорилъ: «что де въ иноческій чинъ постриженъ, а до постриженія въ православную вѣру нигдѣ не крещенъ». Тотъ и другой сосланы въ сибирскіе монастыри, но ихъ велѣно устроить царскимъ жалованьемъ, какъ и прочую братію [3]). Въ 1634 г. сосланы шляхтичи 14 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году 140 иноземцевъ и всѣхъ ихъ въ разныхъ городахъ Сибири поверстали въ службу [4]). Въ 1640 г. сосланъ въ Верхотурье стрѣлецъ съ женой; не смотря на то, что онъ обвиненъ въ торговлѣ табакомъ и въ разбоѣ, государь пожаловалъ, велѣлъ ему быть въ пашенныхъ крестьянахъ. Около же этого времени сосланы въ Сибирь бѣлгородскіе измѣнники черкасы съ женами и дѣтьми—всего 179 человѣкъ. Въ 1635 г. сосланы въ Сибирь на пашню крестьяне смоленскаго и ярославскаго уѣздовъ—

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія о ссыльныхъ мы заимствовали изъ «Списка государевыхъ грамотъ... объ опальныхъ»... Портф. Милл. № 541.

[2]) Р. И. Б. т. II № 153.

[3]) Ibid., стр. 526.

[4]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6306/262, л. 307; Р. И. Б. т. II № 182.

104 человѣка; въ томъ же году сосланы 11 человѣкъ черкасъ съ женами и дѣтьми за то, что «въ Путивлѣ воровали и въ порубѣжныхъ дѣлахъ ссору чинили и людей побивали до смерти» и ихъ велѣно устроить на пашню [1]).

Приведенныхъ фактовъ вполнѣ достаточно, чтобы имѣть вѣрное понятіе о значеніи ссылки для Сибири: она давала этому краю значительный контингентъ населенія. Правда, не всѣ ссыльные доходили до мѣста назначенія. Хотя они отправлялись большею частью скованными и всегда подъ значительнымъ конвоемъ изъ казаковъ и стрѣльцовъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось бѣжать еще до перехода чрезъ Уральскій хребетъ. Правительство всегда жестоко наказывало конвойныхъ, если они упускали кого-нибудь изъ ссыльныхъ: приказывало сибирскимъ воеводамъ такихъ виновныхъ «бить кнутомъ нещадно, сажать въ тюрьму и ограблять ихъ животы». Случалось иногда, что ссыльные изъ военноплѣнныхъ и черкасъ, у которыхъ рѣдко отбиралось оружіе при ссылкѣ, вступали на дорогѣ въ глухихъ мѣстахъ въ кровопролитный бой съ конвоемъ, при чемъ нѣкоторые погибали въ этомъ бою, а инымъ удавалось бѣжать. Но рѣдко проходили большія партіи ссыльныхъ безъ того, чтобы они не разграбили нѣсколько селеній, чрезъ которыя имъ приходилось идти въ Сибирь; жалобы на грабежи и разбои ссыльныхъ были довольно часты, а иногда и сами провожатые принимали въ этомъ участіе; особенно буйствами по пути въ Сибирь отличались черкасы. Мы выше упомянули, что около 1640 года послано въ ссылку 179 человѣкъ черкасъ. Не смотря на то, что ихъ сопровождало 80 человѣкъ стрѣльцовъ, они свой путь сопровождали грабежами и убійствами, а кромѣ того, какъ доносилъ воевода, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ убѣжали, оставивъ женъ и дѣтей. Изъ Сибири также многимъ удавалось бѣжать; бѣгство оттуда не представляло особенныхъ затрудненій, но, вѣроятно, немногимъ приходилось добѣжать до родины. Такъ въ 1621 г. ссыльные черкасы, будучи отправлены тюменскимъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6141/97; въ этомъ столбцѣ заключается множество грамотъ о ссыльныхъ въ Сибирь, а также и въ книгѣ подъ № 11.

воеводою за солью на Ямышево озеро, измѣнили царю, какъ доносилъ воевода, и убѣжали къ калмыкамъ. Эти бѣглецы, вѣроятно, принадлежали къ той партіи черкасъ, которые въ 1619 году сосланы въ Сибирь изъ Алатыря. Изъ такого же «солянаго похода» бѣжали неизвѣстно куда часть тѣхъ иноземцевъ, которые сосланы въ числѣ 140 ч. въ 1635 году. Но вотъ интересный случай бѣгства 30 чел. ссыльныхъ и довольно подробно описанный въ разныхъ воеводскихъ отпискахъ. Въ 1620 году тобольскій воевода на нѣсколькихъ судахъ отправилъ хлѣбные запасы въ городъ Томскъ съ 18 человѣками казаковъ во главѣ Первушки Шершня, сосланныхъ въ Сибирь въ 1619 году и 19 литовскими пахолками изъ тѣхъ 60, которые сосланы въ 1617 году, а сопровождать этихъ ссыльныхъ назначено нѣсколько томскихъ казаковъ. Вслѣдъ за тѣмъ воевода послалъ въ городъ Томскъ тоже съ томскими служилыми людьми 560 руб. денегъ. «Но 23 іюля, доносилъ этотъ воевода Михаилу Ѳедоровичу, прибѣжалъ въ Тобольскъ томскій казакъ и сказалъ, что онъ наѣхалъ при устьяхъ Иртыша ладьи съ хлѣбомъ, да на тѣхъ ладьяхъ двѣ женки, которые ему сообщили: «Шершень съ товарищами и литовскими людьми перебили томскихъ казаковъ, а затѣмъ дождавшись тѣхъ служилыхъ людей, которые везли въ Томскъ деньги, тоже перебили и, захвативъ государеву казну, побѣжали внизъ по Оби чрезъ камень». Узнавъ объ этомъ погромѣ, тобольскій воевода немедленно послалъ приказъ воеводѣ въ Березовъ, чтобы онъ нарядилъ служилыхъ березовскихъ людей и волостныхъ остяковъ и велѣлъ имъ «на собскомъ устьѣ и по рѣкамъ и волокамъ дорогу перенять и чинить поискъ надъ бѣглецами, сколько Богъ помочи подастъ». Но перенять бѣглецовъ не удалось: послѣдніе благополучно выплыли въ Собь, здѣсь напали на торговыхъ людей, плывшихъ на двухъ стругахъ, отняли у нихъ 180 р. денегъ и 20 золотниковъ жемчугу. Служилые березовскіе люди далѣе не преслѣдовали бѣглецовъ потому, какъ видно изъ одной отписки тобольскаго воеводы, что сами въ одномъ мѣстѣ на Соби напали на русскихъ купцовъ, принялись грабить послѣднихъ и тѣмъ дали возможность бѣглецамъ переправиться черезъ камень; только тобольскій во-

ярскій сынъ Третьякъ Юрловъ съ пятью казаками послѣдовалъ за ними чрезъ Уральскій хребетъ. Но, спрашивается, куда же бѣжали эти ссыльные? Изъ ихъ показаній оказывается, что они направили свой путь въ Литву, путь длинный, простиравшійся на нѣсколько тысячъ верстъ. Они плыли обыкновенной собской дорогою, т. е. изъ Соби черезъ волокъ въ рѣчку Елецъ, въ рѣчку Усу и по ней въ Печору. Первая опасность угрожала имъ въ слободѣ Ижемской, находившейся при рѣкѣ Ижмѣ, недалеко отъ впаденія этой рѣки въ Печору. Здѣсь случайно въ это время былъ пустозерскій воевода Павелъ Акинфовъ съ 20 пустозерскими стрѣльцами. Но бѣглецы нашли у него отличный пріемъ: онъ ихъ напоилъ и накормилъ, продалъ нѣсколько скляницъ вина и даже парилъ въ банѣ. Впослѣдствіи этотъ воевода объяснялъ, что онъ оказалъ такое гостепріимство бѣглецамъ по незнанію: на вопросъ его «куда они идутъ и за какимъ дѣломъ», бѣглецы отвѣчали, что они томскіе казаки и идутъ къ государю съ великимъ дѣломъ «на спѣхъ». Но ижемскіе мужики говорили Третьяку Юрлову, когда послѣдній прибылъ въ Ижемскую слободу: «воры Шершень съ товарищами, собравъ межъ себя денегъ 50 руб., дали воеводѣ Акинфову, чтобъ онъ пропустилъ дальше». Показанія послѣднихъ, вѣроятно, справедливы. Когда Третьякъ Юрловъ объяснилъ пустозерскому воеводѣ, что это за люди и просилъ его отправить немедленно за ними въ погоню служилыхъ людей, то воевода отвѣчалъ: «такъ хотя де они и воры и намъ-де до нихъ какое дѣло, куда-де они пошли, туды и пойди....». Мало того, онъ даже насильно продержалъ у себя Юрлова два дня и тѣмъ не далъ ему возможности во-время предупредить относительно ссыльныхъ воеводу города Яренска. Между тѣмъ бѣглецы по р. Ижмѣ спустились въ рѣчку Ухту и черезъ «вымскій волокъ» достигли рѣки Выми. Тутъ на пути ихъ находилась слобода «Весляная», въ которой они, «накупивъ хлѣба и всякихъ харчей», поплыли далѣе по Выми, спустились по ней въ рѣку Вычегду и благополучно миновали городъ Яренскъ. Впослѣдствіи яренскіе воевода, староста и цѣловальники разсказывали: «проѣхали тѣ воры Яренскій городъ въ половину дни и они видѣли бѣглецовъ и разспрашивали, что они за лю-

ди, и куды они идутъ», а они отвѣчали: «а вамъ де какое дѣло, что они за люди и куда идутъ». Вышеупомянутый Третьякъ Юрловъ самъ прекратилъ погоню, а приказалъ преслѣдовать бѣглецовъ тобольскому казаку Тимошкѣ. Этотъ Тимошка прибылъ въ Яренскъ и узналъ, что уже нѣсколько дней прошло, какъ воры проплыли мимо города, а на его вопросъ, почему воевода не преслѣдуетъ ихъ, послѣдній сказалъ: «служилыхъ-де людей у меня нѣтъ, послать за тѣми ворами было некого, а земскихъ людей онъ ни на какія службы не посылаетъ». Но Тимошка все-таки продолжалъ преслѣдованіе. Онъ надѣялся, что въ Сольвычегодскѣ воровъ задержать, но надежды его оказались тщетны. Недалеко отъ этого города, не доходя до Коряжемскаго монастыря, бѣглецы остановились на одномъ островѣ и намѣревались ночью проплыть Сольвычегодскъ. Но тутъ отъ нихъ убѣжали два казака и это заставило бѣглецовъ оставить стоянку и продолжать путь мимо города днемъ, разсчитывая, что они могутъ проплыть Сольвычегодскъ прежде, чѣмъ тѣ казаки дадутъ о нихъ вѣсть Сольвычегодскому воеводѣ. Дѣйствительно, имъ удалось миновать опасность, которая ожидала ихъ въ Сольвычегодскѣ, но не потому, что убѣжавшіе отъ нихъ казаки во-время не прибыли въ этотъ городъ, а благодаря тому, что Сольвычегодскій воевода Аргамаковъ не обратилъ должнаго вниманія на принесенную ему вѣсть о бѣглецахъ. Тимошка разсказывалъ о поведеніи воеводы Аргамакова слѣдующее: «тѣ казаки прибѣжали къ Соли напередъ воровъ и сказывали воеводѣ, что бѣгутъ мимо города измѣнники казаки и литва, погромя государеву казну и побивъ служилыхъ людей и онъ бы велѣлъ ихъ перенимать, а воевода, видя въ тѣ поры, какъ они ѣхали мимо города, надъ ними поиска не учинилъ, а какъ проѣхали, то онъ послалъ за ними въ погоню березовскаго бѣглаго казака и съ нимъ 50 человѣкъ людей». Но и эта погоня не имѣла успѣха и скоро возвратилась. Ссыльные, выплывъ изъ Вычегды въ Двину, поплыли внизъ по этой рѣкѣ, но «не доѣзжая Емецкаго острожка (недалеко отъ Холмогоръ) вышли на берегъ, суды свои испросѣкли и пошли пѣши возлѣ рѣчки Емцы на Мехренгу». Здѣсь бѣглецы потерпѣли первый погромъ: на нихъ напали крестьяне, убили пять

человѣкъ и четырехъ взяли въ плѣнъ. «Послѣ этого погрому», говорится въ одной воеводской отпискѣ, «воры ушли на Владиславской волокъ, а съ волока на рѣку Онѣгу, а этой рѣкою шли вверхъ къ Каргополю и идучи имали вожи и пытали того, чтобъ имъ пройти въ Литву». Но тутъ между ними открылась измѣна: одинъ казакъ отсталъ отъ своей шайки, прибѣжалъ въ деревню каргопольскаго уѣзда и сообщилъ крестьянамъ о бѣгствѣ ссыльныхъ; въ тоже время убѣжалъ отъ нихъ проводникъ и далъ вѣсть о нихъ каргопольскому воеводѣ. По этимъ вѣстямъ бросились за бѣглецами многіе крестьяне и 50 человѣкъ каргопольскихъ стрѣльцовъ и настигли ихъ въ лѣсу въ Волковской волости: здѣсь во время боя поймано 6 казаковъ и литовскихъ людей 4 человѣка, а 7 человѣкъ успѣли было скрыться, хотя и не надолго: въ двинскомъ уѣздѣ снова напали на нихъ мехренгскіе «погонщики» и убили трехъ человѣкъ, но четыре человѣка. во главѣ Шершня, все-таки убѣжали и скрылись отъ преслѣдователей [1]). Что сталось съ послѣдними, неизвѣстно.

Этотъ случай бѣгства изъ Сибири мы разсказали съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ трудно было московскому правительству удержать на мѣстѣ ссыльныхъ изъ служилыхъ людей, хотя мѣста ссыльныхъ были и слишкомъ отдаленныя: при первой возможности многіе изъ нихъ бросали службу и бѣгали на родину. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что сибирскіе воеводы держали ссыльныхъ на свободѣ и поручали имъ многія службы: отправляли ссыльныхъ изъ русскихъ и изъ военноплѣнныхъ иноземцевъ съ хлѣбными запасами въ разные сибирскіе города, за солью на Ямышево озеро и даже въ походы противъ сибирскихъ инородцевъ. Затѣмъ многіе изъ ссыльныхъ военноплѣнныхъ даже добровольно оставались на вѣчное житье въ Сибири. Въ такихъ случаяхъ католики и протестанты принимали православіе, женились на русскихъ женщинахъ и Сибирь дѣлалась для нихъ вторымъ отечествомъ; а такъ какъ большинство изъ этого рода ссыльныхъ были люди грамотные и сравнительно развитые, то скоро они дослу-

[1]) А. М. И. Д. Порт. Миллера, № 541, кн. 1.

живались до сотниковъ, атамановъ и головъ; имъ поручались даже такія важныя обязанности, какъ «письмо и дозоръ» сибирскихъ городовъ и уѣздовъ: дозорщики Богданъ Аршинскій, Савва Французенинъ, Янъ Павлоцкій, о которыхъ мы упоминали, были изъ ссыльныхъ военноплѣнныхъ. Большинство боярскихъ дѣтей въ Сибири при Михаилѣ Ѳедоровичѣ тоже были изъ такихъ ссыльныхъ. Около 1630 г. этотъ государь даже указалъ, чтобы «всѣ ссыльные изъ иноземцевъ, которые примутъ православную вѣру, верстались въ боярскія дѣти» [1]). А списки служилыхъ людей въ разныхъ сибирскихъ городахъ показываютъ, что такихъ, «новокрещенцевъ» *) было очень много.

Что же касается русскихъ ссыльныхъ, то послѣдніе между сибирскимъ населеніемъ во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳедоровича составляли значительный процентъ. Въ Сибирь посылались не одни только дѣйствительные преступники, но ни въ чемъ неповинныя ихъ жены и дѣти; а если преступникомъ былъ глава дома, то вмѣстѣ съ нимъ иногда ссылался въ Сибирь и весь домъ, т. е. и племянники, братья, зятья и пр.: въ другихъ случаяхъ за домохозяиномъ послѣдніе отправлялись въ ссылку добровольно. Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы можемъ судить объ этомъ по царскимъ грамотамъ, просмотрѣннымъ нами, сначала ссылался преступникъ, а потомъ послѣдній, устроившись на мѣстѣ ссылки, т. е. поставивши дворъ, билъ челомъ государю о томъ, чтобы къ нему было переведено его семейство. При этомъ иногда оказывалось, что жены и дѣти ссыльнаго уже были въ холопствѣ у разныхъ лицъ и даже насильственно закабалены. Напр., въ 1639 г. сослано 11 человѣкъ, но эти ссыльные изъ Сибири били челомъ: «какъ-де ихъ изъ путивльской тюрьмы отпустили въ Сибирь, и въ то время подъячій и дѣти боярскіе женъ и дѣтей взяли насильствомъ въ холопство..... чтобъ государь велѣлъ сыскать и прислать къ нимъ въ Сибирь, чтобъ имъ съ женами и дѣтьми въ разлукѣ не быть» [2]). Имущества «животы»

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6306/2, л. 307.

*) *Примѣч.* «Новокрещенцами» въ Сибири назывались какъ инородцы принявшіе крещеніе, такъ и иноземцы перешедшіе въ православіе.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст., № 6141/37, л. 90.

ссыльныхъ или пересылались вмѣстѣ съ ними, или же впослѣдствіи само правительство продавало ихъ и пересылало деньги въ Сибирь. Вотъ одна изъ древнѣйшихъ царскихъ грамотъ, по которой можно судить о цѣнности «животовъ» ссыльныхъ. «Отъ царя Бориса Ѳ. всея Р. въ Сибирь въ Тарской городъ воеводѣ нашему Якову И. Старкову, да головамъ П. В. Павлову и Ѳ. П. Рябилину. По нашему указу посланы на Тару въ пашенные люди латыши Васька Петровъ, Ивашка Якубовъ, лазунчикъ Индрикъ Матцуевъ, да Семіоновы бѣглые крестьяне Шарапко съ женою и дѣтьми, Ѳѳонкина жена Будликовскаго Марѳица съ сыномъ съ Кирсанкомъ, да Ѳѳонкиныхъ животовъ Будликовскаго сыскано и послано на Тару на 23 р., на 28 алтынъ, на полторы деньги, да Ѳѳонкинъ же меринъ продать, а что на немъ возьмутъ и тѣ деньги послать на Тару же, да Ондрюшкиныхъ животовъ Суворова, который посланъ прежъ сего на Тару сыскано и продано на 2 р., полпята алтына и тѣ деньги по тожъ посланы съ ними жъ вмѣстѣ. А какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и тѣ пашенные люди пріѣдутъ и вы бъ имъ пашню велѣли пахати съ пашенными крестьяны вмѣстѣ, и наши имъ лошади, чѣмъ имъ пахать и хлѣбъ на семя и рожь и овесъ давали по нашему указу и запасъ имъ изъ нашихъ житницъ давали, смотря по ихъ нужамъ и по семьямъ, чѣмъ имъ до нашего хлѣба прокормиться, чтобы съ голоду не померли..... Писано въ Москвѣ 7108 г. (1600 г.) апр. 15 д.» [1]). Но каково бы ни было имущество ссыльныхъ, всегда они пересылались на казенный счетъ, т. е. имъ и ихъ семействамъ давались казенныя подводы и деньги на кормъ до самаго мѣста ссылки. Конечно этотъ кормъ былъ не изобильный: мужу и женѣ въ день выдавалось по 3 деньги, а дѣтямъ по 2 д., при этомъ безразлично къ какому бы классу общества не принадлежали ссыльные; только людямъ важнымъ давалось по гривнѣ на день, а казакамъ, стрѣльцамъ, посадскимъ и крестьянамъ былъ одинаковый кормъ. Въ 1635 г. напр. послано изъ Москвы въ Тобольскъ 7 партій ссыльныхъ изъ служилыхъ, посадскихъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11 л. 19.

людей и крестьянъ—всего около 25 человѣкъ съ женами и дѣтьми и на всѣхъ выдано на кормъ до мѣста ссылки 35 р. 70 к. [1]). Въ рѣдкихъ царскихъ грамотахъ указывается преступленіе, за которое постигала преступника ссылка; до уложенія Алексѣя Михайловича и до указа 1653 г. ссылка еще не входила въ кодексъ русскихъ законовъ, какъ наказаніе за извѣстное преступленіе [2]). Но de facto московскіе цари начали ссылать въ Сибирь преступниковъ уже съ 1593 г. и можно сказать, что до Алексѣя Михайловича правительство московское смотрѣло на ссылку не столько, какъ на наказаніе, сколько какъ на средство заселенія новопокореннаго края. Не рѣдкость встрѣтить въ грамотахъ Михаила Ѳедоровича, что ссылается «разбойникъ» и «душегубецъ», у котораго на родинѣ, какъ говорится, ни кола-ни двора, за его преступленіе по тогдашнимъ законамъ слѣдовало казнить, а между тѣмъ царь ссылаетъ его въ Сибирь и велитъ воеводѣ или поверстать на службу и дать царское и денежное и хлѣбное жалованье наравнѣ съ другими рядовыми служилыми людьми или устроить въ пашенные крестьяне, причемъ надѣляетъ его значительнымъ кускомъ земли, велитъ дать ему денегъ для перваго хозяйственнаго обзаведенія и выдавать «мѣсячину» изъ царскихъ житницъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ имѣть хлѣбъ съ своей пашни, а первыя сѣмена на эту пашню тоже ссыльный получаетъ изъ царскихъ житницъ. Развѣ это de facto можно считать наказаніемъ для тяжкаго преступника?! Къ тому же ссыльный, который верстался въ служилые или пашенные люди, пользовался личною свободой и всѣми правами присвоенными его состоянію; онъ былъ не свободенъ только въ томъ, чтобы не служить службу, или не пахать государеву пашню. Правда, за ссыльными, особенно военноплѣнными, царь приказывалъ въ городахъ воеводамъ, а въ деревняхъ крестьянамъ «смотрѣть за ними крѣпко, чтобъ не сбѣжали», но дѣйствительнаго надзора быть не могло, если ссыльный не запирался въ тюрьму, или не заковывался въ кандалы. Еще можно себѣ представить,

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 190.

[2]) П. С. З. т. I гл. XIX, § 13; № 105, стр. 301.

въ чемъ заключался этотъ надзоръ въ городѣ, но спрашивается, какимъ могъ быть стражемъ крестьянинъ въ деревнѣ надъ тѣмъ ссыльнымъ, который у него поселился? А между тѣмъ, несомнѣнно, что большинство ссыльныхъ устроялось въ уѣздѣ, въ деревняхъ на пашняхъ; ибо правительство болѣе нуждалось въ пашенныхъ людяхъ, чѣмъ въ служилыхъ. Мы выше видѣли, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ цѣлыми десятками ссылались въ Сибирь литовскіе пахолки и русскіе люди, которые были въ плѣну у литовскихъ людей, и большинство такихъ ссыльныхъ поступало въ руки крестьянъ, а имъ «велѣть», говорится въ царскихъ грамотахъ, «беречь накрѣпко, чтобъ отнюдь тѣ литовскіе или русскіе люди никуда не ушли и жили у тѣхъ пашенныхъ крестьянъ безъ съѣзду». Конечно въ данномъ случаѣ фактическаго надзора не было никакого; «беречь накрѣпко» — это только фраза, и если она употребляется относительно всѣхъ ссыльныхъ такого рода, то потому, что вообще всѣ грамоты о ссыльныхъ писались по одному шаблону. Эта фраза имѣетъ тотъ же смыслъ или вѣрнѣе никакого, какъ и выраженія въ жалобахъ посадскихъ людей и крестьянъ на воеводу, что онъ «побиваетъ всѣхъ до смерти и мы бѣдныя сироты всѣ разбрелись врозь». Нельзя также представлять, что эти ссыльные «литовскіе и русскіе люди» всегда жили во дворѣ крестьянина; нѣтъ, они жили только до тѣхъ поръ, пока не поставятъ свой дворъ. Затѣмъ они нѣкоторое время живутъ за крестьянами въ качествѣ половниковъ, два или три года «по уговору», а когда «уговоръ» кончится, они дѣлаются совершенно самостоятельными хозяевами, или если желаютъ, поступаютъ по своему выбору къ другому крестьянину въ половники. Замѣтимъ кстати, что нѣкоторые ссыльные, какъ и добровольные переселенцы, поступаютъ въ половники даже къ тѣмъ пашеннымъ или оброчнымъ крестьянамъ, которые сами живутъ въ половникахъ у какихъ-нибудь крестьянъ. Далѣе мы упоминали, что нѣкоторыхъ ссыльныхъ приказывается воеводамъ заключать въ тюрьмы, но подобное заключеніе продолжалось не долго даже для самыхъ тяжелыхъ преступниковъ. Напр., въ 1623 г. въ мартѣ мѣсяцѣ сосланы въ Тобольскъ «разбойники Захарко да Степанко Кашпиревы и велѣли по-

садить въ крѣпкія тюрьмы и беречь накрѣпко, чтобы они изъ тюремъ не вырѣзались и дурна надъ собою никакого не учинили» [1]). Но въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого же года Михаилъ Ѳедоровичъ уже пожаловалъ, велѣлъ «тѣхъ разбойниковъ Кашпиревыхъ изъ тюрьмы выпустить и поверстать денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ» [2]). Въ 1622 г. посланы въ Сибирь колодники 8 человѣкъ бѣглые люди боярина Д. М. Пожарскаго и велѣно ихъ посадить въ крѣпкія тюрьмы, а черезъ годъ уже велѣно устроить этихъ колодниковъ на пашню и «дать имъ всякій пашенный заводъ».

Нѣкоторые изъ ссыльныхъ русскихъ служилыхъ людей черезъ годъ, или черезъ два, выслуживались даже въ боярскія дѣти и исполняли важныя порученія. Напр., въ 1622 г. сосланъ въ Туринскій городъ Михайло Тюхинъ, но въ слѣдующемъ царь пожаловалъ его, велѣлъ служить ему въ боярскихъ дѣтяхъ [3]), а въ 1624 г. онъ, по указу государеву, дѣлалъ «письмо и дозоръ» города Верхотурья и его уѣзда.

Всѣ вышеприведенные факты ясно показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣли московскіе цари, по крайней мѣрѣ до половины XVII в., на ссылку и на ссыльныхъ; они придавали этой мѣрѣ большое колонизаціонное значеніе. Въ короткое время была завоевана обширнѣйшая страна, но чтобы съ успѣхомъ можно было эксплоатировать эту «дальнюю государеву вотчину», нужно было заселить ее. И вотъ съ этою цѣлью московскіе цари прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ: то переводятъ или прибираютъ служилыхъ людей изъ городовъ европейской Руси, то переводятъ пашенныхъ крестьянъ изъ своихъ дворцовыхъ селъ, или прибираютъ ихъ изъ черносошныхъ. Но вѣдь дворцовые крестьяне нужны и въ европейской Руси, «приборъ» дорого стоитъ, то не лучше-ли заселить Сибирь преступниками? Преступниковъ много: казнить ихъ—нѣтъ никакой пользы, держать въ тюрьмахъ—ихъ нужно кормить, а это убыточно, оставлять ихъ безъ наказанія—увеличится ко-

---

[1]) А. М. И. Д. Порт. Милл., кн. № 1, грам. № 87.
[2]) Ibid., см. грам. № 93.
[3]) Ibid. См. грам. № 86.

личество преступленій и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится опасность для общества. А между тѣмъ перевезти преступника въ Сибирь стоитъ дешево: отъ Москвы до Тобольска на прокормъ семейства, состоящаго изъ мужа, жены и трехъ дѣтей, правительство выдавало только 3 р. 60 к., да при этомъ еще наказывало провожатымъ везти скорѣй, нигдѣ не останавливаясь, «чтобъ не было убытка государевой казнѣ». Равнымъ образомъ и «устроить на пашню» преступника стоило гораздо дешевле, чѣмъ вольнаго гулящаго человѣка, потому что первому можно дать «подмоги на пашенный заводъ» по своему усмотрѣнію, а второму--всегда «по уговору». Совершенно несправедливо утвержденіе Яндринцева, что будто бы «ссылка у насъ, какъ и вездѣ въ тѣ времена, когда правосудіе имѣло въ виду исключительно кару преступника,—примѣнялась какъ суровое наказаніе и всегда сопровождалась тяжкими работами, а иногда и тюремнымъ заключеніемъ» [1]). Это онъ говоритъ относительно XVII в.; на самомъ же дѣлѣ московскіе цари, особенно въ обозрѣваемый нами періодъ, имѣли далеко не такой взглядъ на ссылку. Мы уже говорили, что тюремному заключенію въ Сибири ссыльные подвергались очень рѣдко: изъ 560 человѣкъ, сосланныхъ съ 1614 г. по 1624 г., посажено въ тюрьму только 19, да и то на короткое время. Расходныя книги сибирскихъ городовъ показываютъ, что вообще тюремныхъ сидѣльцевъ было мало: на это ясно указываетъ ничтожная сумма денежныхъ расходовъ на этихъ лицъ—всего въ годъ 15 и 20 р. и рѣдко болѣе. Затѣмъ изъ «присяжныхъ книгъ» городовъ Верхотурья и Пелыма видно, что ссыльныхъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ первомъ городѣ былъ одинъ, а во второмъ ни одного. Это значитъ, что ссыльные въ этихъ городахъ всѣ устроены или въ службу, или на пашню. Затѣмъ, работа ссыльныхъ заключалась—служилыхъ въ службѣ, пашенныхъ людей въ обработкѣ государевой пашни; первые служили за денежное и хлѣбное жалованье, какъ и не ссыльные служилые люди, вторые за обработку государевой пашни пользовались землею и притомъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ «пере-

---

[1]) Дѣло 1870 г., № 12, стр. 1.

веденцы» и «приборные» крестьяне. Мы рѣшительно не знаемъ случая, чтобы въ обозрѣваемый нами періодъ на преступниковъ, устроенныхъ въ Сибири на службу или на пашню, возлагались большія работы, чѣмъ на другихъ служилыхъ, или пашенныхъ людей. Вообще ссылка въ Сибирь въ XVII вѣкѣ не была такою карою, какою она стала въ XVIII вѣкѣ; эта мѣра дѣлается болѣе тяжелою для преступниковъ со второй половины, или даже съ конца царствованія Алексѣя Михайловича, когда ссыльные, бросивъ службу или пашню, начали составлять большія шайки и заниматься разбоемъ. Только послѣ этого московское правительство начало строже относиться къ ссыльнымъ тяжкимъ преступникамъ и запирать ихъ въ тюрьмы на мѣстѣ ссылки. А до того времени ссылка имѣла характеръ преимущественно колонизаціонный, или выражаясь частнѣе, для преступника она была смягчающимъ наказаніемъ и исправительною мѣрою, а въ отношеніи Сибири средствомъ заселенія. Но мы должны еще обратить вниманіе на то, что ссылались въ Сибирь не одни преступники, а и «русскіе люди, которые были въ плѣну у людей литовскихъ», но потомъ или выкуплены были правительствомъ, или вымѣнены, или же наконецъ просто во время военныхъ дѣйствій по вторженіи въ непріятельскую землю освобождены изъ плѣна. Вопросъ другой, достойны ли они были ссылки въ Сибирь, но во всякомъ случаѣ на ссылку этихъ людей нельзя смотрѣть, какъ на наказаніе, потому что они не совершали никакого преступленія, а исключительно, какъ на средство заселенія новопокореннаго края. Вообще изъ всего видно, что московскіе цари во что бы то ни стало хотѣли заселить далекую свою вотчину и для этого прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ средствамъ. Конечно, не одни только экономическіе разсчеты побуждали ихъ стремиться къ этой цѣли, но и сознаніе, что только съ усиленіемъ русскаго элемента въ Сибири начнется обрусеніе инородцевъ этого края и вмѣстѣ съ тѣмъ замиреніе его.

До сего времени мы говорили исключительно о правительственной колонизаціи Сибири; теперь посмотримъ, что́ дала за то же время этой странѣ вольная, народная колонизація. Конечно, Россія не была въ отношеніи Сибири такимъ источни-

комъ населенія, какъ З. Европа въ отношеніи Америки; аналогія въ данномъ случаѣ невозможна, хотя къ ней и прибѣгаютъ нѣкоторые писатели. «Черезъ два года», читаемъ въ статьѣ «Сибирь на юбилеѣ», «послѣ покоренія Сибири Ермакомъ, въ 1584 г. Вальтеръ Ралей сдѣлалъ первую попытку колонизаціи Сѣверной Америки. Теперь черезъ 300 л. въ Соединенныхъ Штатахъ 50.000.000 жителей, а въ Сибири нѣтъ и 5.000.000...» [1]). Авторъ этой аналогіи, какъ видно, совсѣмъ опустилъ изъ виду количество населенія въ самомъ московскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и въ послѣдующее время и отношеніе этого количества къ территоріи. Россія сама какъ въ прежнее время, такъ и теперь, сравнительно съ Западной Европой была слабо населена: Америка отъ послѣдней, можно сказать, получала избытокъ населенія, а Сибирь на что могла разсчитывать?! Развѣ окраины московскаго государства, помимо Сибири, не представляли въ теченіе долгаго времени полнаго простора вольной русской колонизаціи? Очевидно, авторъ упомянутой статьи сравниваетъ совершенно несравнимыя вещи.

При обозрѣніи заселенія сибирскихъ городовъ, слободъ и волостей мы не разъ упоминали о томъ, что, такъ называемые, вольные, охочіе гулящіе люди служили въ Сибири контингентомъ для набора казаковъ, стрѣльцовъ, бѣломѣстныхъ казаковъ, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ. Теперь спрашивается, съ какого времени этотъ людъ началъ появляться въ Сибири и какъ было велико число его въ общей суммѣ населенія этой страны въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича? Прежде всего замѣтимъ, что изъ документовъ, въ которыхъ говорится о приборѣ воеводами, или приказчиками изъ гулящихъ людей въ служилые или пашенные люди, не видно, къ какому разряду нужно отнести эту вольницу, къ свободному ли русскому населенію, или тяглому. Въ Сибири гулящими вольными людьми назывались тѣ крестьяне, которые пришли туда, но еще не успѣли пристроиться къ какому-нибудь общественному классу и не были еще ни чьими ни половниками, ни захребетниками. Правительство московское постоянно на-

---

[1]) Дѣло 1882 г. Іюнь стр. 21.

казываетъ воеводамъ, чтобы они прибирали въ служилые или пашенные люди изъ вольныхъ, не тяглыхъ людей. И воеводы отписываютъ, что они прибрали столько-то человѣкъ изъ гулящихъ людей. Но дѣло въ томъ, имѣлъ-ли воевода возможность узнать, кто къ нему явился на призывъ свободный-ли, или тяглый человѣкъ? Положимъ даже, что такимъ средствомъ для него могла служить «проѣзжая грамота», можетъ быть подобныхъ грамотъ не выдавалось на Руси людямъ тяглымъ. Но вѣдь могли проходить въ Сибирь и не тяглые люди безъ «проѣзжихъ листовъ», заставы было обходить легко, а плата за эти листы, хотя и ничтожная, но тѣмъ не менѣе для крестьянъ имѣла значеніе; по крайней мѣрѣ они постоянно бьютъ челомъ о невзиманіи съ нихъ проѣзжихъ пошлинъ. Словомъ каждый пробравшійся въ Сибирь для воеводъ и приказчиковъ былъ гулящимъ человѣкомъ, и они на самомъ дѣлѣ «при приборѣ» никогда не сообразовались съ тѣмъ положеніемъ, какое онъ имѣлъ на родинѣ; вся ихъ задача состояла въ томъ, чтобы какъ можно болѣе прибрать крестьянъ на государеву пашню и тѣмъ показать свое «радѣніе о государевой пользѣ»; а это радѣніе особенно цѣнилось московскими царями: посадскій человѣкъ, прибравшій десятка три или четыре крестьянъ на государеву пашню въ Сибири, жаловался въ приказчики пашенныхъ крестьянъ въ какую-нибудь слободу или волость и даже заносился въ списки боярскихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого какъ воеводы, такъ и «слободчики» не только прибирали въ пашенные крестьяне завѣдомо тяглыхъ людей, прибывшихъ изъ Руси, но даже переманивали въ населяемую ими слободу крестьянъ, уже устроившихся въ Сибири и получившихъ изъ казны подмогу и ссуду, лишь бы заявить свою службу. Можно даже утвердительно сказать, что перебѣжчиками въ Сибирь были преимущественно тяглые и разнаго рода холопы: законъ Ѳедора Ивановича о прикрѣпленіи крестьянъ, несомнѣнно, сослужилъ большую службу Сибири, и многихъ холоповъ заставилъ бѣжать отъ своихъ господъ за камень, гдѣ не только трудно было найдти ихъ, но даже невозможно, потому что сибирскіе воеводы скрывали такихъ бѣглыхъ людей. Да и само московское правительство смотрѣло сквозь пальцы на эту не-

легальную колонизацію Сибири и если по челобитью владѣльцевъ и приказывало воеводамъ содѣйствовать послѣднимъ въ отысканіи холоповъ, то только для того, чтобы удовлетворить челобитчиковъ. Нужно также замѣтить, что свободнымъ, вольнымъ людямъ въ сущности не было и надобности бѣгать въ Сибирь: если они хотѣли туда переселиться, то имъ стоило только заявить о своемъ желаніи и тогда къ ихъ услугамъ и казенныя подводы и даже казенный кормъ до мѣста переселенія. Но такихъ добровольныхъ переселенцевъ въ обозрѣваемый нами періодъ было очень мало. Сибирь въ понятіи народномъ не была еще тогда «обѣтованной землей», не была еще страной, гдѣ текутъ «молочныя рѣки съ кисельными берегами». Это видно изъ многихъ фактовъ. Такъ, въ 1609 г. царь Василій Ивановичъ указалъ пермскому воеводѣ прибрать изъ охочихъ людей въ пелымскій уѣздъ, въ Таборинскую слободу на пашню пашенныхъ крестьянъ человѣкъ пятьдесятъ или сто, но изъ отписки воеводы видно, что не смотря на всѣ его старанія вызвались переселиться въ Сибирь только четыре человѣка; между тѣмъ царь приказывалъ: «въ Перми и у Соли и въ уѣздахъ по торгамъ и по малымъ торжкамъ, кликать биричамъ не одинъ день и сказывать подмогу, и льготы давать на годъ, на два и больше, смотря по пустотѣ...» Также мало нашлось охочихъ людей переселиться въ Сибирь и тогда, когда заселялась Гаринская слобода. Вотъ еще фактъ: въ 1631 г. Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ воеводѣ Григорію Шестакову прибрать въ Вологдѣ, Тотьмѣ, Устюгѣ-Великомъ, Сольвычегодскѣ 500 человѣкъ казаковъ и 150 «женокъ», но онъ доносилъ, что могъ прибрать только 150 казаковъ и 5 «женокъ» [1]). Словомъ, Сибирь еще пугала русскихъ крестьянъ и немногіе изъ вольныхъ людей бросали родину и пускались за камень, въ неизвѣстную даль; если экономическая нужда и побуждала такихъ крестьянъ закабалить себя, то это они могли сдѣлать и въ европейской Руси, тѣмъ болѣе, что богатые монастыри давали еще больше льготныхъ годовъ, чѣмъ государь. Хотя и несомнѣнно, что переходили въ Си-

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 478, св. 1.

бирь и вольные люди, переходили сами, помимо прибора и тамъ уже прибирались воеводами и слободчиками и сажались на пашню. На это указываютъ проѣзжія грамоты, выдаваемыя сибирскими воеводами «новоприбраннымъ» крестьянамъ, которые отправлялись изъ Сибири на Русь за своими женами, дѣтьми, братьями, сестрами и другими свойственниками. Изъ этихъ же грамотъ видно, что вольные люди сначала переходили въ Сибирь одни безъ семействъ и потомъ уже нашедши хорошее мѣсто для поселенія и устроившись на государевой пашнѣ, отправлялись на родину за своими свойственниками. Проѣзжая грамота писалась такимъ образомъ: «по государеву указу въ сибирскихъ городахъ и на Руси воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, гдѣ берутъ на государя проѣзжую пошлину, а у пашеннаго крестьянина (имя), какъ онъ пойдетъ къ Руси и съ Руси назадъ въ Сибирь съ него и съ его семьи для его бѣдности и для устрою и для новой селидьбы проѣзжихъ пошлинъ брать и задерживать его нигдѣ не велѣть для того, чтобы ему на весну въ Сибирь къ государевой пашни поспѣть» [1]). Очевидно, что подобныя грамоты давались только вольнымъ людямъ, которые имѣли право жить, гдѣ имъ заблагоразсудится и куда они могли свободно переводить свои семейства, но ни въ какомъ случаѣ разнаго рода бѣглымъ людямъ, которые и не осмѣлились бы изъ Сибири отправиться на Русь, потому что проѣзжая грамота и не спасла бы ихъ отъ задержанія. Но послѣдняго рода гулящихъ людей въ Сибири было несравненно болѣе, чѣмъ первыхъ. Съ самаго начала заселенія Сибири, туда разными способами переходили тяглые люди, разнаго рода холопы, бросавшіе своихъ владѣльцевъ, воры и разбойники, бѣгавшіе отъ наказанія. На это указываютъ не только факты, но и отзывы сибирскихъ воеводъ о составѣ сибирскаго населенія: «все мужики схожіе изъ разныхъ городовъ», замѣчаютъ они, «отъ всякаго воровства бѣгаючи». Кажется, первое указаніе на бѣгство въ Сибирь такихъ людей мы встрѣчаемъ въ наказѣ воеводѣ Горчакову, данномъ въ 1593 г. Изъ этого документа видно, что съ ка-

---

[1]) А. М. И. Д. Порт. Милл., № 478, св. 2 № 18 и др.

заками, отправившимися въ Сибирь для постройки города Пелыма и на службу, «побѣжали изъ Москвы окольничаго А. П. Клешнина люди Кудеярко Ивановъ, да Васька Севастьяновъ» [1]). Затѣмъ, вѣроятно, не проходило ни одной посылки служилыхъ людей изъ Руси въ Сибирь по разнымъ случаямъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не сбѣжало нѣсколько человѣкъ; не мало указаній и на то, что эти служилые люди сами «подговаривали» ѣхать съ ними дѣвокъ, бабъ, холоповъ, ярыжныхъ и т. п.

По мѣрѣ знакомства съ Сибирью бѣгство туда все болѣе и болѣе усиливалось; съ проложеніемъ новой дороги и съ основаніемъ Верхотурья открылся болѣе удобный и болѣе близкій путь за камень. Мы уже упоминали, что даже въ первые годы существованія Верхотурья количество гулящихъ людей въ немъ было достаточно, а потомъ все болѣе и болѣе этого люда увеличивалось: въ 164⁵/₆ г. присягали Алексѣю Михайловичу 617 человѣкъ.

Изъ Верхотурья гулящіе люди подвигались далѣе—въ Туринскъ, Тюмень, Тобольскъ и даже проникали въ Тару и Енисейскъ; они большею частью бѣгали въ Сибирь одиночками, но случалось и цѣлыми семьями. Отъ этого бѣгства особенно страдали вотчины Строгановыхъ; эти купцы, столь много оказавшіе помощи Ермаку для завоеванія Сибирскаго царства, вѣроятно и первые начали расплачиваться за это завоеваніе: ихъ крестьяне бѣгали въ Сибирь не съ пустыми руками, а уводили вмѣстѣ съ собою и скотъ. Въ портфеляхъ Миллера намъ попался чрезвычайно интересный документъ, касающійся этого предмета. Въ 1620 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ туринскому воеводѣ Д. И. Милославскому грамоту, въ которой читаемъ слѣдующее: «Билъ намъ челомъ Максимъ Строгановъ и сказалъ: бѣгаютъ-де изъ его вотчинъ крестьяне его и бобыли, взявъ у его людей, деньги и хлѣбъ въ подмогу на пашню, въ варничный промыслъ, въ дрова, въ рогожи и во всякія издѣлія, въ наши сибирскіе города на Верхотурье, въ туринскій острогъ, на Тюмень и въ Тобольскъ и лошадей и всякій скотъ за собою отъ него свозятъ, а провожаютъ-де

[1]) Р. И. Б. т. II, № 56, ст. 120.

тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ и бобылей до сибирскихъ городовъ лѣсомъ ясачные татары и вогулы, которые живутъ по рѣкамъ около его вотчинъ. А берутъ-де татары и вогулы за то провожанье у тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, что́ послѣдніе сносятъ деньги и скотъ себѣ и тѣми животами корыстуются, а ему отъ того происходятъ убытки великіе». Затѣмъ Строгановъ жалуется, что изъ сибирскихъ городовъ, изъ Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска воеводы и всякіе приказные люди тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ и бобылей безъ указа не выдаютъ, а тѣмъ его людямъ, которыхъ онъ посылаетъ въ погоню за бѣглецами, вслѣдствіе «поклеповъ» послѣднихъ, дѣлаютъ въ сибирскихъ городахъ «убытки и продажи великіе». Изъ перечисленія Строгановымъ бѣглыхъ его крестьянъ и бобылей оказывается, что сбѣжали 9 человѣкъ съ женами и дѣтьми. Это не первый случай бѣгства его людей въ Сибирь: изъ той же челобитной видно, что и прежде изъ строгановскихъ вотчинъ бѣгали крестьяне и бобыли, бѣгали со всѣмъ имуществомъ, но прежде воеводы выдавали такихъ бѣглецовъ. По этой челобитной Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ указъ туринскому воеводѣ и, вѣроятно, другимъ сибирскимъ воеводамъ, чтобы онъ, какъ придутъ къ нему строгановскіе люди, поставилъ ихъ предъ собою съ бѣглыми крестьянами и бобылями «съ очей на очи и въ крестьянствѣ и въ побѣгѣ и въ животахъ судилъ и сыскивалъ накрѣпко за Максимомъ ли Строгановымъ... они жили и въ Туринскій острогъ изъ за него ли пришли и сколь давно кто пришелъ, а будетъ до пряма сыщется, что тѣ крестьяне нынѣ въ Туринскѣ и его старинные люди и вышли въ Сибирь не больше пяти лѣтъ и ты-бъ тѣхъ крестьянъ и бобылей со всѣми животами велѣлъ отдать Максимовымъ людямъ, которыхъ онъ пришлетъ съ этой нашей грамотой, да и впредь бы его Максимовыхъ бѣглыхъ крестьянъ велѣлъ сыскивать и выдавать, а ясачнымъ людямъ сдѣлать заказъ, чтобы они не подговаривали и въ сибирскіе города не провожали....» [1]). Намъ не извѣстно, удалось ли Максиму Строганову найти своихъ бѣглыхъ крестьянъ и чѣмъ кончился судъ

[1]) А. М. И. Д. Портф. Милл., № 477, тетр. 2 № 5.

туринскаго воеводы по поводу этихъ бѣглецовъ, но мы здѣсь укажемъ только на трудность для воеводы исполненія царскаго указа. Дѣло въ томъ, что если упомянутые 9 семействъ уже сѣли на государеву пашню, то они вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ казны подмогу и ссуду—не менѣе 10 р. на человѣка, а времени для устройства въ Сибири у нихъ было достаточно: пока Строгановъ написалъ челобитную въ Москву и изъ Москвы пришелъ указъ туринскому воеводѣ, навѣрно прошло нѣсколько мѣсяцевъ и за это время бѣглые могли совершенно устроиться. Теперь спрашивается, кто же долженъ вознаградить казну за убытки, происшедшіе отъ выдачи подмоги и ссуды строгановскимъ крестьянамъ, если послѣдніе будутъ возвращены ихъ владѣльцамъ? Конечно, воевода и приказные люди, которые посадили на государеву пашню бѣглыхъ крестьянъ, такъ какъ имъ всегда строго запрещалось «прибирать» на службу и на пашню такихъ людей; значитъ, они являются отвѣтственными лицами, а съ нихъ только и можно было взыскать эти убытки, а съ крестьянъ трудно ожидать возвращенія подмоги и ссуды. Такъ неужели воевода и приказные люди наложатъ руки на свой карманъ?! Навѣрно они или скроютъ крестьянъ такъ, что сыщики строгановскіе и не найдутъ ихъ во-время, или поведутъ судъ такимъ образомъ, что бѣглые крестьяне будутъ оправданы. Въ документахъ мы не нашли ни малѣйшихъ указаній ни на то, чтобы воеводы платились за незаконный приборъ крестьянъ на государеву пашню, ни на то, чтобы когда-нибудь подмога и ссуда пропадали даромъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда сами «новоприбранные», получивъ деньги, «на пашенный заводъ» скрывались въ Сибири или убѣгали за камень. Да и въ томъ случаѣ, если бы воевода захотѣлъ вести судъ добросовѣстно, то врядъ ли сыщикамъ удалось бы найти бѣглецовъ и поставить ихъ передъ воеводой «съ очей на очи». Вѣдь всѣ бѣглые крестьяне, будь они тяглые, разнаго рода холопы и даже преступники, бѣжавшіе въ Сибирь отъ наказанія, устраивались или въ государевы пашенные крестьяне или поступали въ качествѣ половниковъ и захребетниковъ въ монастыри, къ служилымъ, посадскимъ и пашеннымъ людямъ и всѣ, принявшіе ихъ, заинтересованы

были въ судьбѣ этихъ бѣглыхъ и имъ не было никакого разсчета ни указывать на мѣсто жительства бѣглецовъ, ни выдавать ихъ. Для примѣра, какъ вообще трудно было сыскивать бѣглыхъ людей, мы укажемъ на слѣдующій случай. Въ 1632 году верхотурскій воевода по приказу тобольскаго воеводы послалъ въ невьянскую и тагильскія волости письменнаго голову, боярскаго сына и подъячаго «пересмотрѣть по росписи крестьянъ этихъ волостей и сыскивать про бѣглыхъ людей, про ихъ женъ и дѣтей и животы.... «И тагильскіе и невьянскіе крестьяне», отписывалъ воевода въ Москву, «пришедъ къ нимъ на дворъ сказали, что старостъ и цѣловальниковъ имъ для сыску не дадутъ, что сыскивать-де у нихъ про бѣглыхъ крестьянъ не про кого и нечего, бѣглыхъ-де крестьянъ у нихъ нѣтъ и лаяли ихъ ма..... и хотѣли побить....». Такъ крестьяне относились къ письменному головѣ и боярскому сыну, присланныхъ для сыску самимъ воеводой, то что-же они могли отвѣтить строгановскимъ сыщикамъ?! Словомъ, кто успѣлъ перевалить за Уральскій хребетъ, того трудно было найти, не только частному человѣку, но и самому правительству. Всѣ перебѣжавшіе въ Сибирь причислялись къ разряду гулящихъ и служили и правительству, монастырямъ и частнымъ лицамъ контингентомъ для набора годовыхъ лѣтнихъ и поденныхъ ярыжныхъ людей, для набора казаковъ, стрѣльцовъ, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ.

Теперь посмотримъ, въ чемъ состоялъ «приборъ» и какъ вообще эти гулящіе, вольные люди устраивались въ Сибири. Несомнѣнно, большинство перебѣжчиковъ приходили въ Сибирь одиночками и такіе большею частію или занимались поденною работою, или нанимались въ работники на извѣстное время; поэтому они преимущественно жили въ городахъ, предпочитали продавать свой трудъ только на-время—на лѣто, на зиму или на цѣлый годъ; мѣсто ихъ не привязывало: они то служили въ Верхотурьѣ, то переходили въ Туринскъ и другіе сибирскіе города. Мы упоминали, что гулящихъ людей всегда было болѣе въ Верхотурьѣ, чѣмъ въ другихъ сибирскихъ городахъ, но были года, когда и въ немъ проживало такихъ людей гораздо менѣе, чѣмъ напр. въ Тобольскѣ и да-

же Тарѣ; объ этомъ можно судить по количеству собраннаго съ нихъ оброка: въ иной годъ въ какомъ-нибудь городѣ взято съ гулящихъ ярыжныхъ людей оброчныхъ денегъ 100 р., а въ слѣдующій годъ напр. только 10 р. Это былъ людъ кочевой и посадить его на пашню было трудно; можно только развѣ привлечь большею подмогою, ссудою и льготными годами. Въ 1646 г. по указу Алексѣя Михайловича тобольскій воевода приказалъ было всѣхъ гулящихъ людей переписать и посадить на государеву пашню, но они, прослышавъ объ этомъ, немедленно разбѣжались: одни, доносилъ въ Москву воевода, убѣжали изъ Тобольска въ верхніе сибирскіе города, а другіе побѣжали даже на Русь. Относительно же тѣхъ, которые остались въ городѣ, переписчики говорили: «что тѣ люди наги и босы и многіе изъ нихъ бражники и зерники, кормятся работою и порукъ на себя не даютъ». Послѣ этого неудачнаго опыта насильственнаго обращенія гулящихъ людей въ пашенные крестьяне Алексѣй Михайловичъ указалъ, чтобы впредь ихъ противъ воли на пашню не сажать [1]). Другіе гулящіе люди поступали въ захребетники, половники, а болѣе «семьянистые» садились или на пашню, или на оброкъ и при этомъ безразлично, къ кому бы они не садились, но всѣмъ давали на себя уговорную запись. Правительство кромѣ того требовало отъ гулящаго человѣка поручителей въ томъ, что онъ не сбѣжитъ, будетъ пахать государеву пашню въ извѣстномъ мѣстѣ, давать поборы денегъ и дѣлать всякія издѣлія съ другими крестьянами вмѣстѣ. Въ случаѣ же бѣгства за все отвѣчали поручители: «а пеня, говорится въ поручной записи, что государь укажетъ и государева пашня» т. е. если «новоприборный» сбѣжитъ, то поручители должны нести на себѣ всѣ казенные убытки, происшедшіе отъ этого бѣгства и пахать ту долю пашни, на которой сидѣлъ бѣглецъ. Изъ этого видно, что отвѣтственность поручителей предъ правительствомъ была большая, но тѣмъ не менѣе гулящимъ людямъ, кажется, найти поручителей было легко, по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы дѣло «прибора» останавливалось за отсут-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6308/264.

ствіемъ ихъ: въ воеводскихъ отпискахъ очень часто приходится читать, что прибрать некого, гулящихъ охочихъ людей нѣтъ, но никогда намъ не встрѣчалось замѣчанія воеводы о томъ, что нѣтъ поручителей. И это понятно: поручителями были преимущественно тѣ крестьяне, которые обработывали ту-же государеву пашню, на которую садился и гулящій человѣкъ, напр., если послѣдній садился въ верхот. уѣздѣ на государеву тагильскую пашню, то за него и ручались крестьяне тагильской волости, если на подгороднюю, то—крестьяне подгородней волости: а для крестьянъ былъ разсчетъ, чтобы ихъ было болѣе, потому что тогда несравненно легче «тянуть всякія государевы издѣлія». Но не понятно, имѣя въ виду частые побѣги, какъ осмѣливались ручаться за гулящихъ людей, которые садились на государеву пашню, казаки, стрѣльцы и посадскіе люди: послѣднимъ разсчета не могло быть никакого, а между тѣмъ «вся пеня и государева пашня на томъ изъ порутчиковъ, кой изъ насъ на лицо» *).

Когда количество пашенныхъ крестьянъ было достаточно, Михаилъ Ѳедоровичъ разрѣшилъ сибирскимъ воеводамъ принимать гулящихъ людей на оброкъ: оброчные государевой пашни не пахали, а давали въ казну извѣстное количество

*) *Примѣч.* Для образца выписываемъ здѣсь одну поручную запись верхотурскихъ крестьянъ подгородней волости и верхотурскаго стрѣльца по крестьянинѣ, который садился на государеву подгороднюю пашню «Се язъ Борисъ Кипріяновъ, сынъ Урановъ, да язъ Иванъ Матвѣевъ, сынъ Старовъ и т. д. (всего 12 человѣкъ)... верхотурскіе пашенные крестьяне, да язъ Осипъ Юрьевъ Сумароковъ верхотурскій стрѣлецъ поручились есми на Верхотурье по верхотурскомъ по пашенномъ крестьянинѣ по Петрѣ Ивановѣ, сыне Звигостевѣ въ томъ, что ему Петру за нашею порукою пахать государевы пашни осмина на подгородной пашне и всякіе мірскіе подѣлки дѣлать и въ поборы деньги давать, изъ Верхотурья не збѣжать и государевы пашни не запустить. А будетъ тотъ Петръ за нашею порукою не учнетъ пахать государевы пашни осмины на подгородной пашне и всякихъ мірскихъ подѣлокъ дѣлать, и въ поборы денегъ давать, и съ Верхотурья сбѣжитъ, и государеву пашню запуститъ и въ томъ на насъ на порутчиковъ пеня государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руссіи, а пеня что государь укажетъ и пашня государева, а кой у насъ порутчикомъ въ лицахъ, на то и пеня государева и порука вся и пашня государева, а на томъ послухъ Пахомъ Михайловъ, сынъ Салдинской, дьячекъ церковный, а запись порушную писалъ на Верхотурье Семейка Андреевъ, сынъ Путинцовъ лѣта 7131 году іюля 2 дня». (А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Ст.).

четвертей разнаго хлѣба соотвѣтственно величинѣ того земельнаго участка, который они пахали на себя, но и они также представляли за себя поручителей.

Другіе гулящіе люди садились на монастырскую пашню или въ качествѣ половниковъ, или бобылей; при этомъ одни за пользованіе монастырской землей платили монастырю денежный оброкъ за десятину по 50 к. или по рублю, а другіе давали «выдѣльной пятый снопъ со ржи, со пшеницы, со вса и съ ячменя «измолотя привозить въ монастырскія житницы». Кромѣ того, оброчные крестьяне обязывались: «около пашенъ и поскотинъ огородъ городить вмѣстѣ съ другими крестьянами, да поставить на монастырской землѣ дворъ, избу, клеть и овинъ, а если кто не захочетъ жить за монастыремъ, то тому до этихъ построекъ дѣла нѣтъ», т. е. они остаются въ пользу монастыря. Къ тому же обязывались и пашенные крестьяне, только они должны еще давать монастырю поборы, а монастырь долженъ «ссужать сѣмянами». Тѣ и другіе обязывались «дѣлать всякія издѣлія, что строитель съ братіей повелятъ безъ ослушанія и безъ огульства, никакимъ воровствомъ не воровать, зернью и карты не играть, блядни и корчмы не держать», а «за воровство» монастырю давалось право «смирять всякимъ монастырскимъ смиреніемъ смотря по винѣ». Въ свою очередь строитель съ братіей обязывались «отъ государевыхъ издѣлій и оброковъ и отъ всякаго насильства стороннихъ людей оборонять». Нужно также замѣтить, что какъ оброчные, такъ и пашенные крестьяне садились на монастырской землѣ или на срокъ—на опредѣленное количество лѣтъ, на пять или на десять,—или же на столько времени, насколько «похочетъ жить» и въ этомъ смыслѣ они давали монастырю запись *). Но на дѣлѣ всѣ тѣ, которые дали на себя

*) *Примѣч.* Приведемъ здѣсь для образца двѣ записи Невьянскому Богоявленскому монастырю—одну оброчнаго крестьянина, а другую пашеннаго.

№ 1) «Се язъ Иванъ Тимофѣевъ сынъ, родомъ пѣнежанинъ далъ есмѣ сию запись на себя въ Богоявленскомъ монастыре, строителю старцу Елисѣю, келарю старцу Ефрему, казначею старцу Варламу и всей братіи въ томъ, что мнѣ Ивану за Богоявленскимъ монастыремъ быть въ бобыляхъ, въ оброкъ, съ нынѣшняго 1643 г. апр. 30 числа. А жить мнѣ Ивану на ихъ монастырской землѣ дворомъ своимъ,

запись, навсегда оставались за монастыремъ, если только кому не удавалось бѣжать, потому что иначе трудно было избавиться отъ монастыря, какъ должнику отъ ловкаго ростовщика. Средствомъ удержанія крестьянъ была «кабала въ хлѣбѣ и въ деньгахъ». Въ Сибирь приходили крестьяне большею частію бѣдные и всѣ они нуждались въ средствахъ для заведе-

---

пахать земля монастырская добрая, рожь и яровой хлѣбъ сѣять, поскольку десятинъ почну на годъ сѣять ржи, на годъ давать со ржи, зъ десятины по полтинѣ, сколько годовъ почну жить. А около пашенъ и поскотины огородъ городить вмѣстѣ со крестьяны, да поставить мнѣ Ивану на ихъ монастырской землѣ дворъ, изба да клѣть и овинъ по силѣ своей, а двора и избы и овина и клѣти не поставлю и на мнѣ взять строителю съ братіей за дворовое поставленіе пять рублевъ денегъ въ казну. А никакимъ воровствомъ не воровать, зерью и карты не играть и блядни и корчмы не держать, а за воровство меня смирять всякимъ монастырскимъ смиреніемъ смотря по винѣ; а имъ строителю и всей братіи меня отъ государевыхъ издѣлій и отъ оброковъ и отъ всякаго насильства стороннихъ людей оборонять, а не похощу въ монастырѣ жить и мнѣ Ивану до двора и до избы и до клѣти и до овина дѣла нѣтъ, и что озими посѣяно будетъ въ землѣ, дѣла нѣтъ; въ томъ на себя строителю зъ братіей и запись далъ. На то послухъ Ѳедоръ Дмитріевъ, запись писалъ монастырскій дьячекъ Якунка Гавриловъ лѣта 1643 г. (А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Ст. № 14, № 5).

№ 2) «Се язъ Павелъ Осиповъ, сынъ Пустозерецъ далъ есмя сию на себя запись въ Невьянскомъ Богоявленскомъ монастырѣ строителю старцу Протасію, да келарю старцу Никодиму, казначею старцу Павлу и всей братіи въ томъ: жить мнѣ Павлу за Богоявленскимъ монастыремъ во крестьянѣхъ, пахать земля монастырская добрая десять лѣтъ изъ пятаго снопа съ нынѣшняго 1643 г. апрѣля 23 числа до сроку до 1653 г. апрѣля 23 числа. А что Богъ подастъ въ ту десять лѣтъ ржи и ярового хлѣба, и мнѣ Павлу давать выдѣльной пятый снопъ со ржи, и со пшеницы, и со вса, и съ ячменя, измолотя не стравяча..... привозить въ монастырскіе житницы. И огородъ около пашенъ поскотинъ и всякие монастырские здѣлья и поборы тянуть съ крестьяны вмѣсте, что строитель и братья повелятъ безъ ослушанья и безъ огульства. И никакимъ воровствомъ не воровать, зерью и карты не играть, и блядни и корчмы не держать, а за воровство меня смирять всякимъ монастырскимъ смиреніемъ. А дворъ и изба полутрети сажени, да противъ избы клѣть дву саженъ ручныхъ наготово поставить. А не доживъ до сроку, не похощу за монастыремъ жить, или не доживъ до сроку збѣжу и на мнѣ Павлѣ или на женѣ или на дѣтехъ моихъ строителю съ братіей взять ряду пять рублевъ и сносъ и волокиту и всякие убытки, а сѣменами меня Павла строителю збратіей ссужать. А доживъ до сроку, а послѣ сроку не похощу въ монастырѣ жить и пойду изъ монастыря вонъ и строителю збратіей взять дворъ весь сполна. А гдѣ ся запись лежетъ, тутъ по ней судъ и правежъ, а хто съ сею записью станетъ, тотъ по ней истецъ. А на то послухъ Данило Никифоровъ, а запись писалъ дьячекъ Якунка Гаврилковъ лѣта 1643 г. апрѣля 23 дня». (А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Ст. № 14).

нія хозяйства; монастыри, какъ видно изъ документовъ, охотно давали въ долгъ деньги всѣмъ тѣмъ гулящимъ людямъ, которые селились на ихъ землѣ. Не было, кажется, ни одного монастырскаго крестьянина или крестьянина «Дома Софіи Пр. Бож.», чтобы на немъ не было кабалы строителя съ братіей, или архіепископа. Напр., въ 1623 г. за тобольскимъ архіепископскимъ домомъ было 153 крестьянина и на всѣхъ ихъ были кабальныя записи, а нѣкоторые крестьяне, которые нуждались въ большей суммѣ, давали кабалу на себя, на жену и дѣтей. Денежная сумма, которою ссужались крестьяне, была разная: въ кабальныхъ записяхъ архіепископа Кипріана самая меньшая кабала 1 р., большая 33 р., а большая часть крестьянъ кабалилась въ 5, 6 и 8 рубляхъ и въ нѣсколькихъ четвертяхъ хлѣба [1]). Что отъ этой кабалы трудно было избавиться, такъ это видно напр. изъ того, что архіепископъ Макарій по пріѣздѣ въ Тобольскъ «взялъ по старымъ кабаламъ денегъ 1405 р., ржи 136 ч., ярицы 20 ч., муки 50 ч.», но при немъ на тѣхъ же крестьянахъ оставалась такая же кабала, то есть и онъ ссужалъ ихъ деньгами и хлѣбомъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что Сибирь заселялась различнымъ образомъ: то правительство разными способами водворяло тамъ русскіе и не русскіе народные элементы, то русскіе люди сами переходили туда для поселенія. Въ началѣ этой главы мы указали на цифру населенія въ 1645 году въ семи сибирскихъ уѣздахъ; эта цифра только приблизительно вѣрная, а на самомъ дѣлѣ количество населенія было нѣсколько бо́льше. Несомнѣнно, что не всѣ переселенцы попали въ документы, на основаніи которыхъ мы опредѣляли ихъ количество въ разныхъ мѣстахъ поселеній: переписчики, пожалуй, легко и точно могли опредѣлять число жителей извѣстнаго сибирскаго города, но имъ трудно было узнать о всѣхъ насельникахъ его уѣзда, какъ бы они внимательно не относились къ своимъ обязанностямъ. Одни переселенцы сами по многимъ причинамъ должны были отъ нихъ скрываться, другихъ скрывали въ своихъ деревняхъ крестьяне, служилые и посадскіе люди, а есть даже

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., кн. № 7.

указаніе на то, что и сами воеводы и переписчики были заинтересованы въ укрывательствѣ и городскихъ и уѣздныхъ жителей. Просматривая дозорныя книги сибирскихъ городовъ и ихъ уѣздовъ, мы не разъ наталкивались на такого рода несообразности: переписчикъ напр. пишетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ находится деревня крестьянина посадскаго или служилаго человѣка, «дворовъ въ ней одинъ, людей тожъ, а тотъ Семейка или «Ивашка», кому принадлежитъ этотъ дворъ, пашетъ доброй земли семь четей въ полѣ..., но ни слова не говоритъ ни о дѣтяхъ, ни о братьяхъ, ни о половникахъ, ни о захребетникахъ. Спрашивается: возможно-ли, чтобы одинъ человѣкъ въ состояніи былъ обработывать такое количество земли?! Нельзя думать, что переписчикъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ упомянуть только о домохозяинѣ,—нѣтъ, на немъ лежала обязанность записать всѣхъ работниковъ дома. Относительно другихъ деревень переписчики это дѣлаютъ, не только записываютъ половниковъ и захребетниковъ, но и дѣтей и разныхъ свойственниковъ? у одного напр. домохозяина, читаемъ въ дозорной книгѣ, живетъ зять съ братомъ своимъ, у другаго половникъ или сынъ 15 лѣтъ, «а въ пашню онъ поспѣлъ». Отсюда очевидно, или переписчикъ скрылъ въ первой деревнѣ другихъ членовъ дома, или самъ домохозяинъ. Вслѣдствіе этого въ спискахъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ встрѣчаешь такого рода невѣроятныя цифры: въ извѣстной слободѣ или волости 50 человѣкъ, а дѣтей у нихъ, братіи, племянниковъ 30. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что переселявшіеся въ Сибирь большею частію были люди безсемейные или малосемейные, но тѣмъ не менѣе у тѣхъ, которые рѣшались заниматься хлѣбопашествомъ самостоятельно, навѣрное долженъ быть хотя одинъ работникъ, а между тѣмъ у многихъ хлѣбопашцевъ по «дозорнымъ книгамъ» и по «спискамъ» мы не встрѣчаемъ ни братьевъ, ни другихъ свойственниковъ, ни взрослыхъ дѣтей, ни половниковъ, ни захребетниковъ. Это обстоятельство можно только тѣмъ объяснить, что переписи были не полны, другіе работники дома были въ нихъ пропущены. Да и само московское правительство сознавало, что количество населенія въ Сибири, извѣстное ему по разнымъ спискамъ, ниже дѣйствительности, что часть его скры-

вали воеводы изъ корыстныхъ цѣлей. Это будетъ очевидно изъ слѣдующаго документа. Въ 1646 г. Алексѣй Михайловичъ писалъ тобольскому воеводѣ: «вѣдомо учинилось, что въ прошлыхъ годахъ съ Руси изъ поморскихъ городовъ, съ Устюга-Великаго, отъ Соли-Вычегодцкой... и изъ иныхъ русскихъ городовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ сошли въ Сибирь посадскіе люди и многіе пашенные крестьяне съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ, отъ хлѣбнаго недороду и отъ бѣдности, съ женами и съ дѣтьми; а въ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ тѣ прихожія люди учали жить въ архіепископскихъ слободахъ и за монастырями въ закладчикахъ, а иные на церковныхъ земляхъ и за дѣтьми боярскими, за подъячими и за всякими служилыми людьми на пашняхъ во крестьянахъ и въ половникахъ, а иныя живутъ на посадахъ и въ уѣздахъ межъ посадскими людьми и у пашенныхъ крестьянъ и ямскихъ охотниковъ въ захребетникахъ и денежнаго хлѣбнаго оброка въ государеву казну не платятъ, а прежніе воеводы о томъ не радѣя такихъ прихожихъ людей въ Сибири не выискивали, въ посадскіе люди и въ пашенные и въ оброчные крестьяне не строили, и ихъ укрывали, а иные брали у нихъ отъ того посулы» [1]). А что правительство имѣло основаніе обвинять сибирскихъ воеводъ въ укрывательствѣ крестьянъ съ корыстною цѣлью, на это указываетъ дѣло о бѣгствѣ туринскихъ крестьянъ, которое мы видѣли въ «Сибирскомъ приказѣ» и которое заключается въ слѣдующемъ. Въ 1632 году туринскій воевода Гурій Волынцевъ отписывалъ, что на туринскихъ пашенныхъ крестьянъ онъ прибавить государевой пашни не можетъ, такъ какъ изъ нихъ 24 человѣка сбѣжало неизвѣстно куда. Но въ слѣдующемъ году онъ умеръ и на его мѣсто назначенъ Михаилъ Тюхинъ, тотъ самый, который лѣтъ десять тому назадъ присланъ въ Сибирь «въ колодникахъ». Ему велѣно, между прочимъ, сыскать тѣхъ бѣглецовъ, и этотъ колодникъ оказался честнѣе своего предшественника. «На сыску», какъ доносилъ онъ тобольскому воеводѣ, «старосты и цѣловальники по государеву крѣстному цѣлованію, показали, что изъ тѣхъ 24 че-

---

[1]) Доп. къ А. И., т. III, № 14.

ловѣкъ, которыхъ Волынцевъ написалъ въ бѣглецахъ, одинъ умеръ, другой былъ отпущенъ на богомолье къ Соловецкимъ чудотворцамъ, четыре сбѣжало, а остальные никуда не бѣгали; какъ прежде, такъ и теперь живутъ въ своихъ деревняхъ и пашутъ государеву пашню». «И то, государь», отписывалъ тобольскій воевода къ Михаилу Ѳедоровичу, «дѣлалось все понаровкою воеводы Гурья Волынцева, который не радѣя о твоемъ государевомъ дѣлѣ, наровилъ крестьянамъ для своей бездѣльной корысти» [1].

Что же касается этнографическаго состава сибирскаго населенія въ обозрѣваемый нами періодъ, то оно, помимо туземцевъ, представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло изъ нѣмцевъ австрійскихъ и ливонскихъ, шведовъ, поляковъ, литовцевъ, латышей, мордвы, черемисъ, русскихъ и даже французовъ: эта пестрота особенно замѣтна въ Тобольскѣ. Но само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало къ русскому народу и преимущественно къ жителямъ сѣверныхъ губерній. Въ спискахъ служилыхъ, посадскихъ людей и крестьянъ чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить «калужанина», «путивльца», «рыленина», да и то большею частью изъ ссыльныхъ, а остальные насельники переведены или перешли изъ такъ называемыхъ поморскихъ городовъ Устюга-Великаго, Сольвычегодцка, Каргополя, Холмогоръ, Вятки и т. п. Гулящіе люди въ Сибири были исключительно изъ этихъ городовъ; напр. изъ 617 человѣкъ, присягавшихъ въ Верхотурьѣ царю Алексѣю Михайловичу, половина была родомъ «устюжанъ», значительная часть «сольвычегодцевъ» и «пѣнежанъ», а другіе были: «вятчане», «соликамцы», «кайгородцы», «важеняне», «вычегджане» и т. п.

Теперь коснемся управленія Сибири, экономическаго и нравственнаго состоянія ея первыхъ насельниковъ. Съ самаго начала завоеванія Сибирь находилась въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа, потомъ нѣкоторое время сибирскими дѣлами завѣдывали дьяки, а въ 1599 г. царь Борисъ Ѳедоровичъ указалъ вѣдать новопокоренный край въ «Казанскомъ и Мещерскомъ Дворцѣ». При этомъ «Дворцѣ», вѣроятно, въ самомъ началѣ

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6078/34, л.л. 11, 12, 13 и др.

царствованія Михаила Ѳедоровича учреждено особое отдѣленіе подъ именемъ «Сибирскаго Приказа», которое спеціально вѣдало дѣлами Сибири; по крайней мѣрѣ древнѣйшій документъ, который упоминаетъ о существованіи этого Приказа, относится къ 1614 г. Такъ въ наказѣ, данномъ въ этомъ году воеводѣ Лутохину, говорится, чтобы онъ «присылалъ всякія отписки дьякамъ приказа Казанскаго и Мещерскаго Дворца и Сибирскаго Приказа» [1]). Въ другихъ подобныхъ документахъ, писанныхъ и въ 1614 г. и послѣ до 1637 г., хотя упоминается только одинъ «Казанскій и Мещерскій Дворецъ», но тѣмъ не менѣе «Сибирскій Приказъ» продолжалъ существовать, какъ отдѣленіе при этомъ Дворцѣ, и всѣ воеводскія отписки изъ Сибири присылались именно сюда. На это указываютъ нѣкоторыя царскія грамоты къ тобольскому воеводѣ, писанныя послѣ пожара, бывшаго въ Казанскомъ Дворцѣ въ 1626 г., когда сгорѣлъ весь архивъ «Сибирскаго Приказа»: въ этихъ грамотахъ по поводу ли челобитья какого-нибудь сибирскаго монастыря о дачѣ земли, или по поводу напр. назначенія въ 1635 г. таможенныхъ головъ на Собскую заставу читаемъ, «что въ Москвѣ не изъ чего выписать, потому что въ прошломъ 1626 г. всякія дѣла въ Сибирскомъ Приказѣ погорѣли». Но этотъ приказъ долгое время не имѣлъ особаго начальника, а имъ завѣдывало то-же самое лицо, которое стояло и во главѣ «Казанскаго и Мещерскаго Дворца»: только въ 1637 году эти учрежденія были раздѣлены и «Сибирскій Приказъ» сдѣлался самостоятельнымъ, а первымъ его начальникомъ былъ Борисъ Михайловичъ Лыковъ, тотъ же самый, который до того времени стоялъ во главѣ «Казанскаго Дворца». Изъ «Сибирскаго Приказа», какъ прежде изъ «Казанскаго и Мещерскаго Дворца», исходили всѣ высшія распоряженія, касающіяся Сибири, а равнымъ образомъ въ эти учрежденія посылались всякія отписки сибирскихъ воеводъ и челобитья разныхъ лицъ. Начальники этихъ приказовъ съ своими товарищами рѣшали всякія дѣла, относящіяся до «дальной государевой вотчины», а въ случаѣ дѣлъ важныхъ, которыя они сами не мог-

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11. л. 145.

ли «вершить», докладывали государю; они же принимали сибирскій ясакъ и завѣдывали его продажей.

Высшее областное управленіе всею Сибирью до 1629 г. сосредоточивалось въ рукахъ тобольскихъ воеводъ, а съ этого года томскіе воеводы «учали сидѣть своимъ столомъ», сдѣлались независимыми отъ Тобольска и Сибирь раздѣлилась на два «разряда»: тобольскій и томскій. Къ первому разряду принадлежали всѣ города, объ основаніи и заселеніи которыхъ мы говорили въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи, а также Сургутъ и Мангазея, а ко второму остальная Сибирь. Въ частности, во главѣ каждаго города и уѣзда находился воевода, какъ высшій администраторъ и судья. Въ чемъ собственно состояла зависимость воеводъ городовъ, напр. тобольскаго разряда отъ воеводы тобольскаго, довольно трудно опредѣлить, если взять во вниманіе, что каждый воевода совершенно самостоятельно сносился съ центральнымъ учрежденіемъ по управленію Сибирью и самостоятельно управлялъ своимъ уѣздомъ. Можно только указать на нѣкоторыя черты этой зависимости: тобольскій воевода каждому другому воеводѣ своего разряда напр. могъ дѣлать замѣчанія, заставить его исполнить какое-нибудь свое распоряженіе и требовать отписокъ по разнымъ дѣламъ, касающимся управленія его уѣзда: тобольскому же воеводѣ со всѣхъ городовъ присылались разныя приходорасходныя и ясачныя книги. Особенно важная зависимость частныхъ воеводъ отъ тобольскаго заключалась въ томъ, что они не имѣли права безъ разрѣшенія тобольскаго воеводы посылать служилыхъ людей противъ непріятеля, даже въ томъ случаѣ, если непріятель вторгался въ ихъ уѣзды. Какъ это не странно, но на самомъ дѣлѣ было такъ; въ этомъ убѣждаютъ насъ многіе документы. Мы уже упоминали о страшномъ опустошеніи тюменскаго уѣзда въ 1634 г. калмыками и кучумовыми внучатами; это опустошеніе непріятели могли произвести только потому, что тюменскій воевода «не свѣстяся» съ тобольскимъ воеводой не смѣлъ выслать противъ нихъ своихъ служилыхъ людей, а пока вѣсть о нападеніи враговъ доходила до Тобольска и пока тобольскій воевода дѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе, какъ враги уже успѣвали пограбить, набрать плѣн-

никовъ и съ своею добычею скрыться въ необозримыхъ степяхъ. Такимъ образомъ, зависимость въ данномъ случаѣ отъ тобольскаго воеводы приносила существенное зло: это зло хорошо сознавали тюменскіе служилые люди и указывали на него московскому правительству, но тѣмъ не менѣе послѣднее не рѣшилось измѣнить своихъ прежнихъ распоряженій. Такъ въ 1636 г., послѣ упомянутаго опустошенія тюменскаго уѣзда калмыками и кучумовыми внучатами, тюменскіе служилые люди и юртовскіе служилые татары послали Михаилу Ѳедоровичу челобитную, въ которой писали: «приходятъ подъ Тюмень и въ тюменскій уѣздъ калмыцкіе воинскіе люди и измѣнники сибирскіе татары и тюменскихъ служилыхъ и уѣздныхъ ясачныхъ людей побиваютъ и въ полонъ берутъ, а съ Тюмени воеводы, не свѣстясь съ тобольскими воеводами, противъ тѣхъ калмыцкихъ людей посылать ихъ служилыхъ людей не смѣютъ и пока тюменскіе воеводы съ тобольскими воеводами сошлются и въ то время калмыцкіе воинскіе люди, повоевавъ Тюмень и тюменскій уѣздъ, уходятъ въ свою калмыцкую землю». Въ заключеніе этой челобитной служилые люди и юртовскіе служилые татары просили Михаила Ѳедоровича, что если впередъ придутъ калмыки и измѣнники татары войною, а тобольскіе служилые люди къ нимъ на помощь не поспѣютъ, то разрѣшить тюменскому воеводѣ посылать ихъ однихъ противъ непріятеля. Подобную же челобитную отправили и тюменскіе посадскіе люди и крестьяне и въ ней просили о томъ же разрѣшеніи. На эти просьбы Михаилъ Ѳедоровичъ отвѣчалъ отказомъ, а по прежнему приказывалъ тюменскому воеводѣ, въ случаѣ нападенія враговъ, жить «на Тюмени съ великимъ береженіемъ, по городу и острогу учинить крѣпкіе караулы», немедленно давать знать о нападеніи тобольскому воеводѣ, а какъ тобольскіе служилые люди придутъ, то общими силами «промышлять» надъ непріятелемъ [1]). Еще можно было бы найти смыслъ въ подобномъ распоряженіи, если бы въ Тюмени было мало войска, но мы знаемъ, что въ 1636 г. въ этомъ городѣ находилось разныхъ служилыхъ людей болѣе 800 чело-

---

[1]) Р. И. Б. т. II № 159; А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6111/67 лл. 37, 182 и др.

вѣкъ; съ этимъ войскомъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, можно было съ успѣхомъ отразить самаго многочисленнаго непріятеля. Въ наказахъ тарскимъ воеводамъ также предписывалось, въ случаяхъ нападенія враговъ, давать знать объ этомъ въ Тобольскъ и только когда придутъ тобольскіе служилые люди «чинить промыселъ надъ непріятелемъ, сколько Богъ помочи подастъ», хотя отъ Тобольска до Тары было 12 дней пути.

Въ своемъ уѣздѣ по дѣламъ управленія, суда и хозяйства каждый воевода имѣлъ большія полномочія. Особенно въ первое время, когда права и обязанности воеводъ не были строго опредѣлены и когда имъ предписывалось «дѣлать всякія дѣла по своему высмотру и какъ Богъ на душу положитъ»....; воевода творилъ судъ и расправу, собиралъ всякія пошлины съ торговыхъ и промышленныхъ людей, собиралъ съ инородцевъ ясакъ, налагалъ на жителей оброки и разныя повинности по своему усмотрѣнію и вообще былъ полновластнымъ хозяиномъ. Но по мѣрѣ того, какъ предъ правительствомъ раскрывались злоупотребленія сибирскихъ воеводъ, положеніе ихъ все болѣе и болѣе стѣснялось и кругъ ихъ обязанностей былъ значительно ограниченъ. Особенно широкое поле для злоупотребленій представлялось сибирскимъ воеводамъ при сборѣ всякаго рода пошлинъ; торговые и промышленные люди отъ этихъ злоупотребленій жестоко страдали и постоянно жаловались правительству на воеводскія притѣсненія. Но въ 1623 г. тобольскій воевода отнялъ у нихъ право сбора всякихъ пошлинъ и возложилъ эту обязанность на таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ. Трудно сказать, выиграли ли торговые и промышленные люди отъ этого распоряженія или нѣтъ, покрайнѣй мѣрѣ они болѣе были довольны головами, чѣмъ воеводами; это видно изъ того, что въ тѣхъ отдаленныхъ сибирскихъ городахъ напр. въ Енисейскѣ, гдѣ еще по прежнему воеводы вѣдали торговыхъ и промышленныхъ людей «въ проѣздѣ и пошлинахъ», послѣдніе просили Михаила Ѳедоровича объ установленіи и тамъ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ.

И во многихъ другихъ отношеніяхъ сибирскіе воеводы были стѣснены. Такъ въ прежнее время они брали съ собою сво-

ихъ друзей и родственниковъ и давали имъ въ Сибири разныя должности: одни назначались приказчиками надъ пашенными крестьянами, другимъ поручалось собирать ясакъ съ инородцевъ, или завѣдывать выдѣломъ «посошнаго хлѣба» и т. п.; всѣ эти лица и сами наживались при исполненіи своихъ обязанностей и дѣлились незаконными поборами съ своими покровителями воеводами. Но правительство провѣдало объ этомъ и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ воеводамъ было строго запрещено назначать на какую-нибудь должность своихъ друзей и родственниковъ. Затѣмъ стало извѣстно, что сибирскіе воеводы занимаются въ Сибири торговлей, скупаютъ у инородцевъ дорогихъ соболей, бобровъ и чернобурыхъ лисицъ и тайно эту «мягкую рухлядь» провозятъ на Русь. Правительство и это имъ запретило; въ наказахъ имъ предписывалось подъ страхомъ опалы и казни ни покупать, ни продавать мягкой рухляди; всѣ предметы необходимости для себя и для своихъ людей дозволялось покупать исключительно на торговомъ рынкѣ и всякую куплю записывать у таможенныхъ головъ въ таможенныя книги. Но и въ такихъ случаяхъ воеводы умѣли извлечь выгоду изъ своего положенія и на совершенно законномъ основаніи, при соблюденіи всѣхъ требованій наказа, вели выгодную торговлю. Въ Сибири напр. цѣна на хлѣбъ всегда стояла довольно высокая; воеводы имѣли право покупать хлѣбъ, какъ предметъ необходимости для себя и для своихъ дворовыхъ людей, но они закупали его громадное количество и затѣмъ чрезъ своихъ друзей и знакомыхъ перепродавали этотъ товаръ по самой высшей цѣнѣ всякимъ торговымъ и проѣзжимъ людямъ, инородцамъ и даже служилымъ людямъ; располагая деньгами, они могли сдѣлаться монополистами въ хлѣбной торговлѣ. Однако и объ этомъ узнало правительство и поэтому въ воеводскихъ наказахъ, относящихся къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича, мы уже встрѣчаемъ опредѣленныя указанія на количество хлѣба, которое воевода имѣлъ право купить на рынкѣ. Такъ въ наказѣ Бобрищеву-Пушкину, назначенному въ 1643 г. воеводой въ Тюмень, предписывалось ему въ теченіи года купить хлѣба только 160 четвертей, по четыре четверти на человѣка, «а

больше того отнють ни у кого и нигдѣ въ сибирскихъ городахъ не покупать и ту куплю записывать въ таможенныя книги». Изъ этого же наказа видно, съ какимъ множествомъ людей воеводы отправлялись въ Сибирь: Бобрищевъ-Пушкинъ повезъ съ собою 40 человѣкъ, а съ тобольскими воеводами отправлялось родственниковъ и дворовыхъ людей по 60 и 70 человѣкъ [1]). Но всѣ эти стѣснительныя мѣры и угрозы «жестокою опалою и казнію» мало достигали своей цѣли: дѣйствительный контроль за дѣйствіями сибирскихъ воеводъ былъ невозможенъ; они имѣли много средствъ обходить наказы и во всякомъ дѣлѣ злоупотреблять своею властью. Да и само правительство понимало, что пресѣчь злоупотребленія сибирскихъ воеводъ оно не въ силахъ, смотрѣло на нихъ какъ на хищниковъ и грабителей и этотъ взглядъ ясно высказывало въ своихъ наказахъ. Каждый воевода по пріѣздѣ въ Сибирь на мѣсто службы долженъ былъ собрать въ съѣзжую избу служилыхъ и не служилыхъ людей, русскихъ и инородцевъ и сказать имъ по наказу приблизительно такъ: «вотъ, молъ, прежній воевода дѣлалъ все не по государеву наказу, а самовольствомъ, творилъ кривой судъ, бралъ взятки, причинялъ убытки и насилія, а теперь этого не будетъ: въ немъ всѣ найдутъ праведнаго судью и заступника и всѣ будутъ жить въ довольствѣ, покоѣ и тишинѣ». Но являлся новый воевода и тоже обязанъ былъ говорить про своего предшественника. Такъ въ 1631 г. Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ воеводамъ князю Никитѣ Борятинскому и Константину Сытову быть на службѣ въ Сибири въ Тарскомъ городѣ на мѣсто воеводъ князя Ѳедора Волконскаго и Исаака Баилова. А пріѣхавъ въ Тару, читаемъ въ наказѣ, данномъ имъ, они прежде всего должны были вызвать въ городъ ясачныхъ людей, человѣка по два отъ каждой волости, принять ихъ въ съѣзжей избѣ и самимъ быть въ то время и служилымъ людямъ въ цвѣтномъ платьѣ и съ оружіемъ. Когда же ясачные люди сойдутся, то сказать имъ отъ царя Михаила Ѳедоровича такое жалованное слово: «прежъ сего имъ въ Тарскомъ городѣ отъ воеводъ, отъ головъ

---

[1]) А. М. И. Д. Портф. Милл. № 541, тетр. 5, стр. 51.

и отъ приказныхъ людей, отъ боярскихъ дѣтей, отъ казаковъ, отъ стрѣльцовъ и отъ ихъ братіи новокрещенныхъ..... было небреженіе, налоги и продажи великіе...., брали съ нихъ ясакъ съ прибавкою, не по государеву указу, и тѣмъ сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда прямово не давали и сами воеводы дѣлали имъ продажи и убытки, брали поминки и посулы.... и теперь, государь, во всемъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ давать судъ праведный, сыскивать накрѣпко, дѣлать имъ расправу и оборону отъ русскихъ и всякихъ людей, и во всемъ велѣлъ ихъ беречь, чтобъ имъ насильства, убытковъ и продажъ ни отъ кого не было и они бъ уѣздные люди были въ его царскомъ жалованьѣ, во всемъ покоѣ и тишинѣ безъ всякаго сомнѣнія» [1]). Такой нелестный отзывъ настоящіе воеводы должны были по государеву наказу дать о своихъ предшественникахъ! Но въ 1633 г. Михаилъ Ѳедоровичъ назначилъ въ Тару новыхъ воеводъ, князя Ѳедора Бѣльскаго и Неупокоя Кокошкина и они обязаны были сдѣлать такой же отзывъ про бывшихъ воеводъ, Борятинскаго и Сытова. Только Бѣльскій и Кокошкинъ по наказу должны были напередъ собрать въ съѣзжую избу торговыхъ и промышленныхъ людей «верховскихъ городовъ» и сказать имъ: «прежъ сего воеводы дѣлали имъ продажи, обиды и тѣсноты великія... ихъ нуждъ не разсматривали, управы межъ нихъ прямой не творили, посулы и поминки у нихъ брали и ихъ продавали....» А потомъ велѣно имъ собрать инородцевъ и говорить имъ про прежнихъ воеводъ тоже самое, что послѣдніе говорили про своихъ предшественниковъ [2]). Наказы другимъ воеводамъ, въ какой сибирскій городъ они не назначались бы, имѣлъ тожественное содержаніе. Такъ что инородцы и русскіе люди напередъ знали, что новые воеводы собрали ихъ въ съѣзжую избу только для

---

[1]) Пол. Соб. Зак. т. III, стр. 552. Въ этомъ документѣ годы обозначены невѣрно; нужно читать не 7119 лѣто (1611 г.), а 7139-е, (1631 г.) и въ срединѣ этого документа не 7117 лѣто, а 7137-е ибо воеводы, которымъ данъ этотъ наказъ, именно въ 1631 г. отправились въ Тару,—тобольскій воевода Ѳедоръ Телятевскій, съ которымъ тарскимъ воеводамъ предписывалось ссылаться, также именно въ это время былъ въ Тобольскѣ.

[2]) Ibid., стр. 566.

того, чтобы поносить предъ ними своихъ предшественниковъ, какъ знали и то, что и новое начальство будетъ съ ними поступать нисколько не лучше стараго: взятки, продажи, кривой судъ и разнаго рода насилія будутъ и отъ новыхъ воеводъ.

И если московское правительство и сибирскіе жители имѣли такой мрачный взглядъ на воеводъ и ихъ товарищей, то они были совершенно правы; не только жалобы, но и слѣдственныя дѣла по нимъ вполнѣ оправдываютъ этотъ взглядъ. Уже на пути въ Сибирь воеводы и ихъ товарищи своими дѣйствіями показывали, какими они будутъ администраторами и судьями на мѣстахъ службы. Русское населеніе, чрезъ которое лежалъ путь сибирскихъ правительственныхъ агентовъ, жестоко страдало отъ нихъ; ихъ шествіе въ Сибирь сопровождалось правежами, поборами, грабежами и разными насиліями въ родѣ тѣхъ, какіе позволяли себѣ каргопольскіе стрѣльцы и другіе служилые люди. Кажется не проходило ни одной компаніи воеводъ и ихъ товарищей, чтобы потомъ мѣстное населеніе не жаловалось царю на ея беззаконія: напр., въ 1635 г. чрезъ Пермь Великую прошло нѣсколько такихъ компаній и на всѣхъ ихъ поступили отъ мѣстныхъ жителей челобитныя Михаилу Ѳедоровичу. Пожалуй этимъ челобитнымъ можно и не довѣрять, такъ какъ онѣ большею частью составлялись не столько по самымъ обстоятельствамъ дѣла, вызвавшаго жалобу, сколько вообще по установившейся формѣ челобитья; притомъ московскій человѣкъ не любилъ, такъ сказать, жаловаться немного, въ мѣру, а если вздумалъ писать жалобу, то ужъ такую, чтобы у царя государя при чтеніи ея волосъ дыбомъ сталъ. Поэтому мы не будемъ судить о беззаконіяхъ воеводъ, проходившихъ чрезъ Пермь Великую въ 1635 г., по жалобамъ самихъ пострадавшихъ, а обратимся къ другаго рода документамъ, напр., къ донесеніямъ воеводъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ сибирскіе воеводы производили грабежи и насилія и слѣдственнымъ дѣламъ по челобитнымъ на нихъ посадскихъ людей и крестьянъ. Такъ напр. устюжскій воевода съ товарищами отправилъ слѣдующее донесеніе Михаилу Ѳедоровичу. «Въ нынѣшнемъ 1635 г. въ Февралѣ и Мартѣ», писалъ онъ, «ѣхали по твоему указу въ сибирскіе города воеводы и дворяне—князь Михайло

Темкинъ Ростовскій, стольникъ Иванъ Ромодановскій, князь Ѳедоръ Борятинскій, Борисъ Пушкинъ, Иванъ Яропкинъ, князь Данило Гагаринъ, князь Андрей Волконскій, Григорій Кафтыревъ, Яковъ Уваровъ и стрѣлецкій голова Михайло Дурной. И будучи, государь, въ устюжскомъ уѣздѣ, на Сухонѣ, на Бобровскомъ ямѣ, князь М. Ростовскій доправилъ на бобровскомъ старостѣ сверхъ подорожной, указныхъ 20 подводъ, лишнихъ 16 подводъ.... да его Михаиловы люди по его же велѣнію доправили денегъ и корму на 2 р., 18 а. 4 д.; твой стольникъ И. Ромодановскій на томъ же старостѣ доправилъ сверхъ подорожной, указныхъ 20 подводъ, лишнихъ 15 подводъ, а его люди доправили харчи на 24 а. 4. д.; князь Ѳ. Борятинскій доправилъ сверхъ подорожной, указныхъ 30 подводъ, одну подводу и его люди доправили 9 а. 4 д.....; Михайло Дурной на томъ же старостѣ доправилъ лишнихъ подводъ 5, денегъ себѣ 12 р., да люди его доправили 2 р. 4 а....» и т. д. Словомъ всѣ вышеупомянутыя лица взяли лишнія подводы и доправили денегъ или себѣ, или своимъ людямъ; по подорожнымъ они имѣли право на 171 подводу, а взяли 235. Старостѣ боровскому пришлось уплатить за лишнія подводы 50 р. денегъ, да деньгами взяли воеводы и ихъ люди 18 р. 3 к. Такимъ образомъ проводы воеводъ стоили одному яму 68 р., суммѣ по тому времени значительной. Такія же беззаконія позволяли себѣ сибирскіе воеводы и на другихъ ямахъ. Но само собою понятно, что эти грабители причиняли населенію, чрезъ которое проѣзжали, не одинъ только матеріальный ущербъ; воевода устюжскій хотя и упоминаетъ въ своемъ донесеніи, что воеводы и ихъ люди «правили» лишнія подводы и вымогали деньги «насильствомъ», но онъ умалчиваетъ о томъ, въ чемъ именно выражались эти насилія. На это мы найдемъ указанія въ слѣдственномъ дѣлѣ, которое производилось по государеву указу. Вотъ что доносили Михаилу Ѳедоровичу напр. о Ростовскомъ Кирилко Супоневъ и Анисимко Ильинъ, которымъ велѣно «сыскать накрѣпко» о беззаконіяхъ сибирскихъ воеводъ. «Въ прошломъ, государь, въ 1635 г. 14 д. во второмъ часу ночи князь Михайло Ростовскій, ѣдучи на службу въ Сибирь (въ Тобольскъ), велѣлъ своимъ людямъ на Устюгѣ Вели-

комъ у посадскихъ людей ворота ломать, у избъ и у клѣтей двери высѣкать, и ихъ посадскихъ людей и матерей ихъ, и женъ и дѣтей велѣлъ бить чеканами, обухами и плетьми, а животы ихъ грабить, и отъ того насильства и бою произошелъ шумъ, крикъ и всполохъ, и начали бить въ колокола и т. д.» [1]).

Если воеводы такъ разбойничали въ Европейской Руси, то можно себѣ представить, что они дѣлали, перевалившись за Уральскій хребетъ, какими они были «праведными судіями» на службѣ въ Сибири! Тутъ они и ихъ товарищи еще грабили населеніе съ опасеніемъ, знали, что на каждое ихъ беззаконеніе будетъ жалоба царю и будетъ производиться слѣдствіе, а въ Сибири? Оттуда не скоро могли дойти до Москвы эти жалобы, пока судъ да дѣло, то про жалобы и забудутъ. Правда, и сибиряки, какъ и всѣ подданные московскаго царя, пользовались драгоцѣннымъ правомъ челобитья отъ отдѣльныхъ лицъ, отъ цѣлаго класса, или отъ цѣлой области на всякаго воеводу, на всякое должностное лицо, жаловаться на всякую съ ихъ стороны несправедливость. Эти жалобы обыкновенно подавались новымъ воеводамъ при смѣнѣ ими старыхъ и хотя смѣна производилась чрезъ каждые два года и стало-быть жаловаться можно было еще во-время, но дѣло въ томъ, что отъ этихъ жалобъ было мало толку. Новые воеводы принимали челобитныя и отсылали ихъ въ Приказъ, а когда старые воеводы возвращались изъ Сибири въ Москву, то по тѣмъ челобитнымъ производился надъ ними судъ; тогда начиналась московская волокита и дѣло, по крайней мѣрѣ для челобитчиковъ, кончалось ничѣмъ. Мы не нашли въ документахъ ни одного указанія на то, чтобы сибирскіе челобитчики получали вознагражденіе за понесенные ими убытки вслѣдствіе воеводскихъ беззаконій. Такой исходъ жалобъ хорошо знали сибирскіе воеводы и ихъ товарищи, а потому имъ нечего было особенно опасаться челобитныхъ. Они дѣйствительно пользовались своею властію «по своему высмотру» какъ предписывалъ имъ наказъ, а злоупотребляли ею столько, сколько хотѣли и въ большинствѣ случаевъ безнаказанно. Въ «Сибирскомъ Приказѣ» мы

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Столб. № 6148/104 л.л. 47—50, 424—426.

просмотрѣли множество жалобъ на воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, жалобъ отъ сибирскихъ архіепископовъ, монаховъ, бѣлаго духовенства, разныхъ служилыхъ людей, посадскихъ, ямщиковъ, крестьянъ и инородцевъ—жалобъ самыхъ разнообразныхъ и относящихся къ разнымъ временамъ, просмотрѣли много слѣдственныхъ по нимъ дѣлъ и весь этотъ матеріалъ привелъ насъ къ заключенію, что жаловаться на сибирскихъ воеводъ и ихъ товарищей было совершенно безполезно; жалобы эти нисколько не вразумляли ихъ и они изъ года въ годъ повторяли одни и тѣже беззаконія надъ сибирскимъ населеніемъ. Послѣднему, поэтому, оставалось только или «брести врозь», или терпѣть; сибирякъ могъ только сказать: «до Бога высоко, а до царя далеко», а потому нужно терпѣть.

Мы упоминали, что какія бы не предпринимали московскіе цари мѣры съ цѣлью пресѣченія беззаконій сибирскихъ воеводъ, но послѣдніе всегда умѣли обходить ихъ, или даже просто не обращали на нихъ никакого вниманія. Болѣе или менѣе дѣйствительная мѣра, а во всякомъ случаѣ оригинальная, состояла въ томъ, чтобы поставить воеводъ и другихъ приказныхъ людей въ такія условія, при которыхъ нажива, обогащеніе въ Сибири были бы для нихъ безполезными. Имъ дозволялось вывезти изъ Сибири имущества только на опредѣленную сумму, напр. воеводѣ большого города на 500 р., товарищу его и дьякамъ, а также воеводамъ малаго города только на триста рублей и т. д. Остальное же имущество, если они везли, считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ царскую казну. Эта мѣра была обставлена такимъ образомъ. При выѣздѣ изъ Москвы въ Сибирь все имущество лица, получившаго напр. мѣсто воеводы, самымъ тщательнымъ образомъ осматривалось въ Приказѣ; это имущество оцѣнивалось и цѣнность онаго записывалась въ проѣзжую грамоту, которую получало означенное лицо. Но воеводы могли эту мѣру обходить тѣмъ, что занимали у родственниковъ и знакомыхъ извѣстную сумму денегъ, лишь бы только показать въ Приказѣ, какъ свое имущество, а при выѣздѣ изъ Москвы возвращали. Узнавъ объ этомъ, правительство приказало верхотурскимъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ осматривать на заставѣ, которую нельзя

было миновать, имущество всѣхъ проѣзжихъ, не исключая воеводъ и другихъ служилыхъ людей. И если напр. воевода показывалъ имущества на меньшую сумму, чѣмъ значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной ему въ Москвѣ изъ Приказа, то это означало фальшь и у него отбиралось въ царскую казну все имущество. Такимъ образомъ, всякій воевода являлся въ Сибирь съ имуществомъ, извѣстнымъ правительству. Такая же процедура производилась надъ всѣми служилыми людьми и при выѣздѣ ихъ изъ Сибири въ Москву. Наказъ верхотурскому таможенному головѣ Данилу Обросьеву, данный въ 1635 г., предписывалъ держаться слѣдующихъ правилъ. «А какъ сибирскіе прежніе воеводы, дьяки, письменные головы поѣдутъ изъ сибирскихъ городовъ къ Москвѣ, или напередъ себя отпустятъ женъ и дѣтей, племянниковъ и людей своихъ, или поѣдутъ торговые, промышленные и всякіе служилые люди, и ему (таможенному головѣ) быть тогда на заставѣ съ цѣловальниками и служилыми людьми день и ночь безпрестанно; а ниже Верхотурья, на сибирской дорогѣ, верстахъ въ пяти или въ шести, смотря по тамошнему дѣлу, поставить караулъ изъ добрыхъ служилыхъ людей, человѣка по два или по три и цѣловальника. Когда же воеводы и ихъ дѣти..... пріѣдутъ на тотъ караулъ, то служилымъ людямъ и цѣловальнику провожать ихъ до Верхотурья, до заставы, гдѣ долженъ быть таможенный голова,— провожать съ тою цѣлію, чтобы тѣ воеводы, ихъ дѣти, братья, племянники и люди....., ѣдучи къ заставѣ, дорогою въ селахъ и деревняхъ не приставали, мягкой рухляди ни у кого не оставляли и не продавали и не прятали.... и никакими иными дорогами большую заставу не объѣзжали». Наконецъ, проѣзжіе люди прибывали на заставу; что же потомъ долженъ былъ дѣлать таможенный голова? Ему вмѣнялось въ обязанность осматривать мягкую рухлядь «въ возахъ, сундукахъ въ коробьяхъ, въ сумкахъ, чемоданахъ, въ платьяхъ, въ постеляхъ, въ подушкахъ, въ винныхъ бочкахъ, во всякихъ запасахъ, въ печеныхъ хлѣбахъ.... обыскивать мужской и женскій полъ не боясь и не страшась никого ни въ чемъ, чтобъ въ пазухахъ, въ штанахъ и въ зашитомъ платьѣ отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили..., а что найдутъ, то брать на

государя...» Воеводамъ позволялось вывезть изъ Сибири только «шубы двѣ или три лисьихъ красныхъ или куньихъ или бѣльихъ». Но воеводы и другіе служилые люди пріобрѣтенную въ Сибири дорогую мягкую рухлядь пересылали чрезъ торговыхъ и промышленныхъ людей, а чтобы послѣдніе не обманули, не утаили её у себя, брали съ нихъ заемныя кабалы на сумму, равную цѣнности передаваемой имъ мягкой рухляди. Поэтому воеводамъ и другимъ приказнымъ людямъ строго запрещалось брать въ Сибири съ кого-нибудь заемныя кабалы, или другіе какіе-нибудь крѣпостные акты; эти документы были недѣйствительны и по нимъ невозможно было взыскивать. Въ то-же время объявлено было торговымъ и промышленнымъ людямъ, что если кто-нибудь изъ нихъ, подъ какимъ-нибудь видомъ, провезетъ воеводскую мягкую рухлядь и объ этомъ узнаетъ правительство, то они отвѣчали тогда всѣмъ своимъ имуществомъ, да кромѣ того такихъ виновныхъ велѣно бить кнутомъ «нещадно» и сажать въ тюрьму [1]). Упомянутый наказъ касается, главнымъ образомъ, мягкой рухляди и довольно глухо говоритъ о деньгахъ. Хотя и въ немъ предписывается таможенному головѣ обыскивать у воеводъ и другихъ приказныхъ людей деньги, но ничего не говорится о суммѣ, какую они могли провезти съ собой на Русь. А изъ одного доклада Михаилу Ѳедоровичу, сдѣланнаго нѣсколько позже написанія того наказа, видно, что этимъ наказомъ Данило Обросьевъ даже не уполномочивался обыскивать деньги у воеводъ и ихъ товарищей. «По твоему государеву указу, читаемъ въ этомъ докладѣ, велѣно таможеннымъ головамъ на заставахъ у сибирскихъ воеводъ, письменныхъ головъ.... обыскивать соболей, лисицъ, а что у нихъ мягкой рухляди найдутъ велѣно брать на государя все безъ остатка... А о томъ, чтобъ у сибирскихъ воеводъ, у дьяковъ, у письменныхъ головъ и у ихъ дѣтей и племянниковъ и у ихъ людей обыскивать денегъ, которые они повезутъ съ собою изъ Сибири, государева указа нѣтъ и у таможенныхъ головъ о томъ не написано...» Данило Обросьевъ въ своей отпискѣ къ государю также говоритъ, что «въ на-

---

[1]) А. И. т. III, № 184.

казѣ, каковъ мнѣ сиротѣ твоему данъ, поскольку твоимъ государевымъ сибирскимъ воеводамъ и товарищамъ ихъ и дьякамъ и письменнымъ головамъ возить съ собою денегъ не написано....» «Между тѣмъ», говорится въ вышеупомянутомъ докладѣ, «по временамъ въ Сибири мягкая рухлядь цѣнится дороже, чѣмъ въ Москвѣ, и тогда торговые и промышленные люди мягкую рухлядь изъ Сибири не вывозятъ, а продаютъ тамъ-же, въ сибирскихъ городахъ, потому что имъ такъ прибыльнѣе. А со стороны сибирскихъ воеводъ и ихъ товарищей тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать, что они мягкую рухлядь продаютъ въ Сибири, такъ какъ у нихъ денегъ обыскивать не велѣно. И если у нихъ на заставахъ объявятся большія суммы денегъ, рублей по 300, 400, 500, 600 и по 1000 и больше, то очевидно, что у нихъ тѣ деньги сибирскій нажитокъ на мягкой рухляди....» Вслѣдствіе этого доклада Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ: «сибирскимъ воеводамъ тобольскому и томскому возить съ собою изъ Сибири денегъ по 500 р., а товарищамъ ихъ и дьякамъ и письменнымъ головамъ съ братіей, съ дѣтьми, съ племянниками и съ людьми по 300 р., а что у нихъ сверхъ того объявится, то брать на государя...» Соотвѣтственно этому постановленію посланы таможеннымъ головамъ верхотурскому и березовскому дополнительныя таможенныя правила; ими предписывалось обыскивать деньги у воеводъ и другихъ приказныхъ людей, и у ихъ женъ, дѣтей... также тщательно, какъ и мягкую рухлядь [1]).

Трудно сказать, на сколько эта мѣра достигала своей цѣли, на сколько она могла ослабить страсть сибирскихъ воеводъ къ наживѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить ихъ злоупотребленія. Конечно, эта мѣра могла принести значительную пользу и государевой казнѣ и сибирскому населенію, если бы только таможенные головы точно и добросовѣстно исполняли таможенныя правила. Они пользовались значительными полномочіями; къ ихъ услугамъ предоставлены были всѣ служилые люди города; воеводы также должны были всѣми зависящими отъ нихъ средствами содѣйствовать имъ при исполненіи ими

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6106/62 лл. 5—7, 74—79, 221—222 и др.

своихъ обязанностей. Головамъ предписывалось дѣйствовать «крѣпко и безстрашно, не боясь никакихъ угрозъ; если воевода или дьякъ, или кто-нибудь другой начнутъ грозить какими поклепами, или исками, имъ того отнюдь не страшиться..., а осматривать и обыскивать накрѣпко». Далѣе мы знаемъ, что воеводамъ и ихъ товарищамъ разрѣшалось изъ Сибири вывезть опредѣленную сумму денегъ, именно столько, сколько имъ стоило «подняться» въ Сибирь и прожить на мѣстахъ службы въ продолженіи двухъ лѣтъ. Теперь, если они были увѣрены, что имъ не удастся провести нисколько драгоцѣнныхъ сибирскихъ мѣховъ и денегъ не свыше означенной суммы, то зачѣмъ и и наживаться въ Сибири? А какъ нажива была главнымъ источникомъ всякихъ злоупотребленій властью, то спрашивается, не должна ли вышеупомянутая мѣра и облегчить положеніе сибирскаго населенія? Мы не погрѣшимъ противъ истины, если будемъ отвѣчать на эти вопросы болѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Прежде всего замѣтимъ, что общая сумма, которую воеводы и ихъ товарищи могли нажить въ Сибири, въ въ извѣстномъ уѣздѣ была слишкомъ высокая, чтобы населеніе этого уѣзда не почувствовало тяжести отъ этой наживы. Затѣмъ трудно было разсчитывать на добросовѣстность таможенныхъ головъ при исполненіи ими установленныхъ таможенныхъ правилъ, когда они сами мало были обезпечены правительствомъ. Они назначались изъ посадскихъ и торговыхъ людей и въ продолженіи своей двухлѣтней службы на таможенномъ посту не имѣли права заниматься торговлей, а денежное и хлѣбное жалованье было ничтожно, чтобы имъ можно было покрыть убытки, которые они могли потерпѣть отъ прекращенія торговли. Поэтому посадскіе люди жалуются царю, что они «отъ той таможенной службы животы свои распродали и задолжали великими долгами». Такъ могли жаловаться, очевидно, только тѣ, кто исполнялъ таможенную службу добросовѣстно, кто въ состояніи былъ терять свое ради «государевой прибыли». Но такихъ немного можно было найти, а съ большинствомъ таможенныхъ головъ воеводамъ и ихъ товарищамъ легко было войти въ сдѣлку, подѣлиться частью своей наживы, чтобы благополучно провести чрезъ заставу

то, что́ они имѣли сверхъ проѣзжей грамоты. Наконецъ, и послѣ 1635 г. сибирскіе воеводы остаются такими же хищниками, какъ и прежде: инородцы жалуются, что они берутъ лишній ясакъ, торговые люди жалуются на разныя воеводскія прижимки, которыя заставляютъ ихъ давать имъ взятки; по прежнему воеводы при посылкѣ ли служилыхъ людей за солью на Ямышево озеро, или за сборомъ ясака въ отдаленныя инородческія волости, даютъ имъ деньги, чтобы они закупали у инородцевъ лучшихъ соболей и чернобурыхъ лисицъ; у одного тарскаго воеводы, какъ отписывалъ въ Москву тобольскій воевода, въ числѣ торговыхъ проѣзжихъ людей оказались его дворовые люди. И само правительство по прежнему подозрительно относится къ добросовѣстности сибирскихъ воеводъ, дьяковъ и письменныхъ головъ и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ говоритъ объ ихъ хищности. «Вѣдомо намъ стало», читаемъ въ одной грамотѣ Михаила Ѳедоровича къ тобольскому воеводѣ, писанной въ 1636 г., «что сибирскіе воеводы и дьяки и письменные головы возятъ съ Москвы и съ иныхъ городовъ многіе меды и вина и всякіе запасы, и товары сверхъ своихъ обиходовъ для торговли и для бездѣльныхъ своихъ прибытковъ, а будучи въ сибирскихъ городахъ продаютъ тѣ товары на деньги или мѣняютъ на соболи, на лисицы и иную мяхкую рухлядь, выкупаютъ и берутъ насильствомъ мягкую рухлядь у ясачныхъ, промышленныхъ и торговыхъ людей; въ Приказѣ Казанскаго Дворца въ нашей казнѣ доброй мягкой рухляди въ присылкѣ изъ сибирскихъ городовъ не объявляется, тогда какъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ на гостинныхъ дворахъ у торговыхъ и промышленныхъ людей объявляются многіе добрые соболи и лисицы, и очевидно, что та добрая мягкая рухлядь—сибирскихъ воеводъ, дьяковъ и письменныхъ головъ». Изъ всего этого слѣдуетъ, что, не смотря на строгія таможенныя правила, воеводы и ихъ товарищи всетаки находили возможнымъ вывозить изъ Сибири драгоцѣнные мѣха, а тѣмъ болѣе они могли провозить деньги. Учрежденіе таможенныхъ головъ, безъ сомнѣнія, значительно увеличило таможенные сборы на сибирскихъ заставахъ, но мало мѣшало воеводамъ и ихъ товарищамъ провозить большее количество

имущества, чѣмъ то, которое означалось въ ихъ проѣзжихъ грамотахъ. Стало-быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, принятыя правительствомъ мѣры не могли пресѣчь злоупотребленія воеводъ, дьяковъ и письменныхъ головъ и не могли облегчить состояніе сибирскаго населенія.

Теперь обратимъ вниманіе на положеніе въ Сибири ея первыхъ насельниковъ, каждаго общественнаго класса. Несомнѣнно, что служилые люди—боярскія дѣти, казаки и стрѣльцы и вообще государевы холопы могли жить состоятельно въ Сибири и особенно до уложенія Сулешова. Они получали изъ казны денежное и хлѣбное жалованье, занимались хлѣбопашествомъ и торговлей; сборы ясака съ инородцевъ, таможенныхъ, проѣзжихъ и другихъ пошлинъ съ торговыхъ и промышленныхъ людей могли доставлять имъ значительную наживу. Правда, денежное и хлѣбное жалованье было всегда небольшое; коргопольскіе стрѣльцы даже жаловались, что они его получаютъ въ Сибири менѣе, чѣмъ на Руси; семейному человѣку невозможно было имъ прокормиться *). Со времени Сулешова служилые люди лишились нѣкоторыхъ привиллегій и обязанностей, которыя давали имъ возможность злоупотреблять своимъ положеніемъ и наживаться. Имъ строго было запрещено заниматься торговлей и промыслами; съ учрежденіемъ головъ и цѣловальниковъ они, какъ и воеводы, перестали вѣдать сборы разныхъ пошлинъ. Инородцы все чаще и чаще начинаютъ приносить ясакъ сами и только въ отдаленныя и ма-

---

*) *Примѣч.* Изъ «окладныхъ книгъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья» видно, что служилые люди получали слѣдующій годовой окладъ:

	Денегъ.	Ржи.	Овса.
Атаманы и головы . . .	25 р.	25 ч.	25 ч.
Сотники	12 „	12 „	12 „
Десятники	$5^1/_2$ „	$5^1/_2$ „	$4^1/_2$ „
Рядовые	5 „	5 „	4 „
Боярскія дѣти	10 „	10 „	10 „

При этомъ нужно замѣтить, что холостые рядовые служилые люди получали нѣсколько менѣе жалованья, чѣмъ женатые; иногда новоприборные получали менѣе денегъ или хлѣба, чѣмъ старые; боярскія дѣли и начальники служилыхъ людей тоже иногда получали неодинаковое жалованье, а смотря по службѣ, или личнымъ отличіямъ.

ло покорныя инородческія волости служилые люди еще посылаются для сбора ясака. Прежде они могли извлекать значительныя выгоды изъ занятія хлѣбопашествомъ: они занимали лучшіе участки земли, обработывали свои пашни съ помощію половниковъ, ярыжныхъ людей и ясырей и за пользованіе землей не платили въ казну выдѣльнаго снопа. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали довольно значительные посѣвы, а такъ какъ хлѣбъ въ Сибири былъ дорогъ, то они отъ продажи его могли имѣть хорошій заработокъ. Затѣмъ всѣ служилые люди косили значительное количество сѣна, а это указываетъ на то, что они имѣли много скота. Но по уложенію Сулешова и они обязаны были платить выдѣльной снопъ, впрочемъ не пятый, какъ монастыри, посадскіе и ружники, а только десятый; при чемъ тѣ служилые люди, которые обработывали 5, 6 и 10 десятинъ, совсѣмъ лишались хлѣбнаго жалованья, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ даже уменьшалось имъ и денежное жалованье; тѣ же служилые люди, которые присѣвали менѣе означеннаго количества земли, хотя и получали хлѣбное жалованье, но по усмотрѣнію воеводъ оно убавлялось и иногда до половины. Тѣмъ не менѣе, и послѣ уложенія Сулешова, служилые люди въ Сибири не могли пожаловаться на свое положеніе. Кромѣ хлѣбопашества, скотоводства и казеннаго жалованья, самая ихъ служба давала имъ возможность легко наживаться: во время походовъ на инородцевъ они грабили побѣжденныхъ, захватывали ихъ въ плѣнъ и затѣмъ продавали; послѣ каждаго удачнаго похода царь жаловалъ ихъ, приказывалъ воеводамъ выдавать имъ награды по 50 к. на человѣка. Рядовые служилые люди имѣли право совершать безпошлинно куплю и продажу на сумму до пяти рублей; это право для нихъ было очень важнымъ, потому что открывало имъ возможность торговли разными предметами и на большую сумму. Но самое главное въ положеніи служилаго человѣка это то, что онъ несравненно менѣе могъ страдать отъ воеводскихъ злоупотребленій, чѣмъ, напр. посадскіе и крестьяне, такъ какъ онъ былъ избавленъ отъ разныхъ поборовъ и издѣлій на государя. Притомъ же служилый человѣкъ и въ себѣ самомъ и въ своихъ товарищахъ по службѣ имѣлъ болѣе средствъ защиты противъ всякой несправед-

ливости воеводы, чѣмъ другіе классы общества въ Сибири. Наконецъ служилые люди каждаго сибирскаго города по крайней мѣрѣ въ годъ раза по два бывали въ Москвѣ и могли жаловаться на своего воеводу правительству и ихъ жалоба была, конечно, дѣйствительнѣй, чѣмъ посадскихъ людей и крестьянъ, да и самая возможность для служилыхъ людей жаловаться въ Москвѣ должна была заставлять воеводъ относиться къ нимъ осмотрительнѣй. Впрочемъ, сибирскіе воеводы иногда не щадили и служилыхъ людей: заставляли ихъ участвовать въ нѣкоторыхъ «государевыхъ издѣліяхъ», обсчитывали при выдачѣ жалованья, отнимали у нихъ въ свою пользу особенно цѣнные мѣха и т. п. Вообще воеводы не пропускали случая поживиться на счетъ кого-бы то ни было, а старались извлекать выгоду изъ каждаго подходящаго обстоятельства. Напр. въ 1639 г. служилые люди Тобольска и Березова, посылаемые изъ этихъ городовъ на временную службу въ отдаленныя мѣста Сибири, били челомъ Михаилу Ѳедоровичу «о жалованьѣ на матерей, женъ и дѣтей», такъ какъ при тѣхъ посылкахъ имъ приходилось жить на два дома и такая жизнь обходилась имъ дороже. Государь отдѣльнаго жалованья не пожаловалъ, но приказалъ тобольскому и березовскому воеводамъ выдавать $^2/_3$ оклада денежнаго и хлѣбнаго жалованья тѣмъ семейнымъ людямъ, которые будутъ посланы на службу на продолжительное время на рѣку Лену или въ какое-нибудь другое отдаленное мѣсто, а остальную треть жалованья оставлять для ихъ матерей, женъ и дѣтей. Хотя это распоряженіе довольно ясно и опредѣленно указывало тѣхъ лицъ, которыхъ оно касалось, именно семейныхъ служилыхъ людей, но воеводы не преминули эксплоатировать его въ свою пользу: они стали выдавать $^2/_3$ оклада денежнаго и хлѣбнаго жалованья и холостымъ, у которыхъ не было никакой семьи, а остальную треть клали въ свои карманы. Пока эти служилые люди узнали въ чемъ дѣло, почему имъ воеводы даютъ не полный окладъ, да пока написали жалобу царю, прошло долгое время. Изъ грамоты Алексѣя Михайловича къ тобольскому воеводѣ узнаемъ, что тобольскіе и березовскіе служилые люди безсемейные, будучи на службѣ въ ленскомъ и якутскомъ

острогахъ, получали по $^2/_3$ оклада съ 1639 г. и по 1647 г. Очевидно, что въ теченіи этого времени воеводы удержали въ свою пользу не малую сумму. Только Алексѣй Михайловичъ въ 1647 г. приказалъ «накрѣпко сыскать, почему тѣмъ служилымъ людямъ не выдавалось полныхъ окладовъ денежнаго, хлѣбнаго и соляного жалованья и будетъ за вины ихъ, то за какія....» Неизвѣстно чѣмъ это дѣло кончилось; можно только сказать, что должны еще пройти цѣлые годы, прежде чѣмъ оно разъяснится для правительства и челобитчики получатъ отвѣтъ на свои челобитныя. Тогдашнему тобольскому воеводѣ велѣно изъ приходо-расходныхъ книгъ «выписать подлинно кому имя немъ тѣмъ служилымъ людямъ давано не сполна въ Березовѣ и Тобольскѣ денежное, хлѣбное и соляное жалованье съ 1639 г. по 1647 г.» и эту выпись переслать въ якутскій и ленскій острожки, а воеводамъ этихъ острожковъ посланы отъ Алексѣя Михайловича грамоты, чтобы они свѣрили эти выписи съ своими приходо-расходными книгами и тоже «подлинно сыскали служилыми, торговыми, промышленными и всякими людьми за что ленскимъ и якутскимъ служилымъ людямъ посыланнымъ изъ Тобольска и Березова не давано полныхъ окладовъ...», а затѣмъ все это дѣло переслать въ Москву въ Сибирскій Приказъ [1]). По этому поводу обиженные служилые люди могли только замѣтить, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ по ихъ челобитной «сыскивается накрѣпко и подлинно».

Далеко не такъ удовлетворительно было положеніе посадскихъ людей въ Сибири, какъ служилыхъ. Въ предшествующихъ главахъ мы видѣли, что всѣ посадскіе люди занимались торговлей, промыслами и хлѣбопашествомъ. Можно сказать, что до 1620 годовъ и они не могли жаловаться на свое положеніе: оброку они не платили, съ торговли и промысловъ пошлинъ не давали, съ ихъ пашенъ «пятиннаго снопа» не выдѣлялось. Правда, посадскіе люди въ каждомъ сибирскомъ городѣ всегда несли много разныхъ государевыхъ службъ, однако тѣ привиллегіи, которыми они пользовались, вполнѣ могли вознаграждать ихъ трудъ. Но въ 1621 г. посадскіе люди были об-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № $^{6129}/_{85}$ лл. 26—28.

ложены оброкомъ отъ 3 р. и до 30 к. «смотря по семьянистости и по прожиточности», а со времени Сулешова съ ихъ пашенъ стали брать выдѣльной пятый снопъ, съ торговли и промысловъ брать пошлины. Между тѣмъ ихъ служба не только не уменьшалась, но даже увеличилась: съ 1623 г. на заставахъ и таможняхъ начали учреждаться цѣловальники и таможенные головы, а эти должностныя лица назначались, за рѣдкими исключеніями, исключительно изъ посадскихъ людей. А какъ тяжело отзывались государевы службы на посадскихъ людяхъ, объ этомъ можно судить по ихъ жалобамъ и по донесеніямъ сибирскихъ воеводъ. Со второй половины царствованія Михаила Ѳедоровича все чаще и чаще попадаются въ архивѣ Сибирскаго Приказа челобитныя царю посадскихъ людей на то, что они «отъ тѣхъ государевыхъ службъ обнищали, задолжали великими долгами, торговъ и промысловъ своихъ отбыли...» Въ чемъ состояли эти службы и какъ они были тяжелы—это будетъ видно изъ слѣдующей отписки тобольскаго воеводы въ 1641 г. Прежде всего онъ упоминаетъ о томъ, что изъ 88 тобольскихъ посадскихъ людей на нынѣшній годъ осталось только 56 человѣкъ, а 14 ч. заложилось за архіепископа и 18 ч. разбѣжались, не оставивъ ни женъ, ни дѣтей. «Оставшіеся же посадскіе люди по вся годы бываютъ въ государевыхъ службахъ: въ тобольской таможнѣ два человѣка, въ Обдорѣ въ цѣловальникахъ 7 ч., въ Мангазеѣ въ цѣловальникахъ 1 ч., а служатъ въ цѣловальникахъ года по три и больше. Да въ годовыхъ службахъ на Тюмени, Туринскѣ, Пелымѣ въ таможенныхъ головахъ 3 человѣка, въ Сургутѣ въ таможенныхъ цѣловальникахъ 1 ч., въ тобольской ясачной казнѣ, у хлѣбныхъ запасахъ, у соли, у пушечныхъ и судовыхъ запасахъ 5 чел., въ земскихъ старостахъ, у государевой бани, у корчемной выемки, на архіепископскомъ дворѣ у духовныхъ дѣлъ и у тюремъ въ цѣловальникахъ 6 человѣкъ. Въ полгодовыхъ службахъ: въ тобольскомъ уѣздѣ для выдѣлу хлѣба и для закупки хлѣбныхъ запасовъ въ Устюгѣ В., въ Тюмени и туринскомъ острогѣ 7 человѣкъ. Да въ мелкихъ государевыхъ службахъ бываютъ мѣсяца по два и по три: въ кошутской волости для сбора хлѣба съ ясачныхъ людей, для рыб-

ныхъ ловель, для караула въ Тобольскѣ ясачныхъ людей, на заставахъ въ тобольскомъ уѣздѣ, на колмацкомъ дворѣ для сбору сѣнныхъ пошлинъ 14 человѣкъ. И всего, государь, по твоимъ службамъ бываетъ 46 человѣкъ и за тѣми службами остается только десять человѣкъ и тѣ, государь, живутъ безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ: въ съѣзжей избѣ принимаютъ и цѣнятъ мягкую рухлядь отъ ясачныхъ людей и купленую рухлядь разбираютъ и цѣнятъ...» Кромѣ всѣхъ тѣхъ службъ, по донесеніи того же воеводы, тобольскіе посадскіе люди ежегодно платятъ въ казну оброку 88 р. 27 к. [1]). Отсюда понятно, почему посадскіе люди «отбыли своихъ торговъ и промысловъ», имъ не было времени заниматься своими личными дѣлами, они постоянно находились на государевыхъ службахъ. Посадскіе люди другихъ сибирскихъ городовъ, хотя и не несли столько службъ какъ тобольскіе, но тѣмъ не менѣе и на ихъ долю приходилось много тягостей и они постоянно жалуются на свое нищенское положеніе. Самые денежные оброки, которыми они облагались «по прожиточности», свидѣтельствуютъ объ ихъ нищетѣ: напр., въ 1641 г. въ Туринскѣ было посадскихъ людей 31 человѣкъ и всѣ они отнесены воеводой къ самой низшей «статьи», то есть платили годоваго оброка только по 10 алтынъ. Конечно, на самомъ дѣлѣ имъ приходилось платить больше, но это потому, что они отвѣчали въ платежѣ оброка за мертвыхъ и бѣглыхъ. Послѣдняго рода повинность, вытекающая изъ поручительства другъ за друга, тяжело ложилась на обществѣ посадскихъ людей: умеръ ли кто, или убѣжалъ, или инымъ какимъ путемъ выбылъ изъ этого общества, а оставшіеся должны нести за него оброкъ и его долю повинностей до тѣхъ поръ, пока государь освободитъ ихъ отъ этой тягости *). Эта повинность тѣмъ тяжелѣе от-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6132 88 л. 512.

*) *Примѣч.* Считаемъ нужнымъ замѣтить при этомъ, что имущество бѣглеца или умершаго, не оставившаго послѣ себя наслѣдниковъ, дѣлалось достояніемъ общества посадскихъ людей и иногда отъ продажи его послѣдніе выручали порядочную сумму. Напр., въ 1635 г. тобольскіе посадскіе люди продали деревню бывшаго своего товарища Прокофія Кожевника тобольскому знаменскому монастырю за 20 р. Подъ этой деревней было нѣсколько четей распашной и пере-

зывалась, чѣмъ малочисленнѣе было общество, а въ сибирскихъ городахъ, какъ мы видѣли, посадскихъ людей было очень мало. Въ 1641 г. туринскіе посадскіе люди жаловались, что изъ ихъ среды съ 1637 г. по 1639 г. выбыло девять человѣкъ: семь человѣкъ умерло, одинъ сбѣжалъ и одинъ поставленъ въ дьяконы, женъ и дѣтей у нихъ не осталось, а за всѣхъ тѣхъ выбывшихъ они платятъ оброкъ. Поэтому они просили освободить ихъ отъ платы за бѣглыхъ и мертвыхъ, такъ какъ вслѣдствіе этой платы и многихъ государевыхъ службъ они совершенно обнищали. И воевода туринскій писалъ въ Москву, что туринскіе посадскіе люди и «свои то денежные оброки платятъ съ великою нуждою, потому что все люди бѣдные, а тѣмъ болѣе имъ нельзя нести тягости за мертвыхъ и бѣглыхъ; да кромѣ того они же служатъ многія государевы службы—годовыя и отъѣзжія». Воеводскія злоупотребленія также не мало увеличивали тягость посадскихъ людей. Изъ той же челобитной туринскихъ посадскихъ людей видно, что ихъ воевода разрѣшилъ дѣтямъ посадскаго человѣка Ивана Коркина записаться въ ямщики. Правда, онъ имѣлъ на это право; царскія грамоты о приборѣ ямщиковъ прямо указывали, чтобъ прибрать ямщиковъ, какъ изъ гулящихъ людей, такъ и изъ посадскихъ. Но въ данномъ случаѣ онъ долженъ былъ бы сообразоваться съ состояніемъ туринскаго посада и зажиточностію тѣхъ посадскихъ людей, которые изъявили желаніе записаться въ ямщики. Оказывается, что эти Коркины были самыми зажиточными людьми изъ всего туринскаго посада; отецъ ихъ Иванъ Коркинъ жилъ на посадѣ, платилъ денежный годовой оброкъ въ 3 р. и давалъ много выдѣльного хлѣба. «А какъ тотъ Иванъ», жаловались туринскіе посадскіе люди, «умеръ и дѣти его при прежнемъ воеводѣ въ 1631 г. изъ посадскихъ людей выпущены въ ямскіе охотники» [1]). Конечно, воевода хорошо понималъ, что выпустить изъ посада человѣка

ложной земли и сѣнные покосы, да въ деревни дворъ съ избой и погребомъ, противъ двора житница и баня, а въ полѣ срубы овинные. Эту продажу, какъ видно изъ запродажной записи, совершали 48 посадскихъ людей во главѣ своего старосты. (См. А. М. Ю. Сиб. Пр. книга № 151 лл. 25—27).

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6151/107 лл. 19—26.

первой статьи нисколько не соотвѣтствовало «государевой прибыли» и что для туринскаго посада это будетъ тяжелый ударъ, а если онъ разрѣшилъ Коркинымъ записаться въ ямщики, то не иначе какъ за взятку. Верхотурскій воевода Ѳ. Бояшевъ въ томъ же въ 1631 году поступилъ еще возмутительнѣе съ своимъ посадомъ и еще равнодушнѣе отнесся къ государевой прибыли, о которой онъ долженъ былъ, по наказу, прежде всего заботиться: Изъ донесенія тобольскаго воеводы въ 1633 г. видно, что этотъ Бояшевъ пять человѣкъ верхотурскихъ посадскихъ людей, по ихъ челобитью, безъ государева указа, записалъ въ пашенные крестьяне и далъ льготу, подмогу и ссуду, какъ бы гулящимъ людямъ. По произведенному слѣдствію оказалось, что эти посадскіе люди были очень прожиточны: помимо денежнаго оброка, они платили въ государеву казну съ своихъ пашенъ выдѣльного хлѣба—ржи и овса ежегодно 110 четвертей. Между тѣмъ записавшись въ пашенные крестьяне, они освобождались отъ оброка, отъ выдѣльного снопа, отъ всякихъ повинностей, которыя несли посадскіе люди, да кромѣ того получили льготу въ государевой пашнѣ на три года, подмогу и ссуду по 4 р. 50 к. на человѣка, а по минованіи льготныхъ лѣтъ должны были обработать на государя въ годъ каждый только по полудесятинѣ въ поле... [1]). Такимъ образомъ пять человѣкъ посадскихъ людей. сдѣлавшихся по милости воеводы пашенными крестьянами, въ теченіи трехъ лѣтъ не давали ни оброка, ни выдѣльного хлѣба и не пахали государевой пашни. Легко разсчитать какой убытокъ отъ этого поступка воеводы потерпѣла государева казна. Судя по количеству выдѣльного хлѣба, упомянутые посадскіе люди принадлежали къ высшей статьи, то есть платили ежегодно денежнаго оброка по 3 р. и сталобыть за три года государева казна лишилась оброчныхъ денегъ 45 р., да плюсъ подмога и ссуда 22 р. 50 к., итого: денегъ $67^1/_2$ р. и выдѣльного хлѣба 330 четвертей. Такую потерю должна была понести государева казна ради того, что чрезъ три года новоприборные пашенные крестьяне будутъ пахать государевой пашни $2^1/_2$ де-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6078/34 лл. 54—57.

сятины; но имъ не пришлось пахать: по челобитью верхотурскихъ посадскихъ людей они снова были обращены въ прежнее состояніе. Этотъ случай особенно ясно показываетъ къ какимъ средствамъ наживы прибѣгали сибирскіе воеводы; вѣдь, само собою понятно, что Бояшевъ оказалъ такую услугу посадскимъ людямъ не даромъ: они охотно могли уплатить ему по крайней мѣрѣ половину того, что обязаны были дать въ государеву казну. Но не говоря уже о государевой прибыли, беззаконеніе упомянутаго воеводы причиняло большой ущербъ и верхотурскимъ посадскимъ людямъ: они сразу лишились пяти своихъ членовъ, а потому тягость разныхъ государевыхъ службъ, лежащихъ на нихъ, должна значительно увеличиться.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сибирскіе посадскіе люди, при ихъ малочисленности въ каждомъ городѣ и при многочисленности государевыхъ службъ, мало имѣли времени заниматься торговлею и промыслами и они справедливо жаловались, что «торговъ и промысловъ своихъ отбыли». Но государевы службы не могли особенно мѣшать посадскимъ людямъ заниматься хлѣбопашествомъ и мы видѣли, что всѣ они распахивали значительное количество земли и косили много сѣна, а это указываетъ на ихъ широкую сельско-хозяйственную дѣятельность. Изъ дозорныхъ книгъ $162^3/_4$ гг. видно, что нѣкоторые посадскіе люди ежегодно обработывали по 60 ч. въ полѣ и косили по 500 копенъ сѣна. Эти случаи, конечно, рѣдкіе, но большинство обработывало не менѣе 10 ч. въ полѣ, хотя встрѣчаются и такіе посадскіе люди—вѣроятно малосемейные и бѣдные.—которые распахивали только по 3 ч. въ полѣ... Можно даже сказать, что сельское хозяйство со второй четверти XVII в. составляло главное занятіе сибирскихъ посадскихъ людей въ «пашенныхъ» городахъ и доставляло главныя средства къ жизни. И это понятно почему. Въ Сибири въ такихъ городахъ, какъ Верхотурье, Туринскъ, Тюменъ и Тобольскъ только промыслы могли доставлять посадскимъ людямъ выгоды, а не торговля, потому что сибирскому населенію разные предметы необходимости доставляли главнымъ образомъ пріѣзжіе изъ Руси торговые люди и торговля всякими русскими товарами находилась въ рукахъ не мѣстныхъ торговыхъ людей. Что же

касается промысловъ, то выгоднымъ промысломъ въ тогдашнее время былъ только звѣринный, добыча соболей, бобровъ, черно-бурыхъ лисицъ и другихъ дорогихъ звѣрей, но этихъ звѣрей въ уѣздахъ указанныхъ городовъ было сравнительно мало, да притомъ же въ этомъ промыслѣ посадскимъ людямъ могли составить сильную конкурренцію крестьяне и особенно инородцы. Значитъ, ради добычи дорогихъ звѣрей, нужно было отправляться въ болѣе отдаленныя мѣста, но этого посадскіе люди не могли дѣлать, такъ какъ они постоянно заняты были разными государевыми службами, которыя приковывали ихъ къ мѣсту. Въ силу этихъ обстоятельствъ посадскимъ людямъ оставалось одно—заняться земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но для этихъ занятій требовалось много рабочихъ рукъ, а мы знаемъ, что какъ посадскіе, такъ и другіе первые насельники Сибири были большею частію малосемейные или совсѣмъ безсемейные люди, то поэтому спрашивается, какъ они могли успѣшно заниматься сельскимъ хозяйствомъ? На этотъ вопросъ отвѣтить легко: несомнѣнно, что у всѣхъ посадскихъ людей были захребетники, половники и наймиты изъ гулящихъ людей и ссыльныхъ людей. Нѣкоторые посадскіе люди еще на Руси, при переселеніи въ Сибирь, приговаривали себѣ въ половники крестьянъ на извѣстные сроки на 5 и на 10 лѣтъ и брали съ нихъ въ этомъ смыслѣ записи; затѣмъ гулящіе и ссыльные люди то поступали въ половники, то жили у посадскихъ людей въ качествѣ годовыхъ или лѣтнихъ наймитовъ. Наконецъ, у нѣкоторыхъ посадскихъ людей мы встрѣчаемъ крѣпостныхъ людей, напр. въ тюменской дозорной книгѣ читаемъ: «Деревня при Турѣ посадскаго человѣка Тарутина, а въ ней дворъ, въ которомъ живетъ его племянникъ и два человѣка крѣпостныхъ людей Максимка Самсоновъ, да Ивашка Савельевъ, пашни доброй земли 20 ч., переложной земли 2 ч. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ на 100 коп.» Такимъ образомъ, занятію посадскихъ людей сельскимъ хозяйствомъ не могли мѣшать государевы службы: они обрабатывали свои пашни при посредствѣ дѣтей, свойственниковъ, половниковъ и т. д. Вѣроятно также, что лѣтомъ посадскіе люди были болѣе свободны отъ государевыхъ службъ и сами

могли заниматься своимъ деревенскимъ хозяйствомъ; такъ воеводы «пашенныхъ» городовъ доносятъ въ Москву, что «лѣтомъ городъ совершенно пустѣетъ, потому что всѣ городскіе жильцы и служилые и посадскіе люди, и крестьяне живутъ по своимъ деревнямъ, на своихъ пашняхъ...» Что же касается вопроса насколько процвѣтало хлѣбопашество и скотоводство у посадскихъ людей, то относительно результатовъ жатвы можно судить по количеству выдѣльного хлѣба въ государеву казну; этотъ выдѣлъ свидѣтельствуетъ, что посадскіе люди собирали съ своихъ пашенъ достаточное количество разныхъ хлѣбовъ—ржи, овса, пшеницы и т. п. Относительно же скотоводства мы можемъ замѣтить, что рогатаго скота было достаточно у всѣхъ сибирскихъ жителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовался недостатокъ въ лошадяхъ; видно, что русская лошадь еще не акклиматизировалась въ Сибири, а потому конскій падежъ бывалъ почти ежегодно и притомъ во всѣхъ уѣздахъ. Мы, собственно, не имѣемъ прямыхъ указаній на количество скота у посадскихъ людей; объ этомъ мы можемъ судить: а) по количеству заготовляемаго ими на зиму сѣна и это количество было у всѣхъ довольно большое и б) по количеству скота у ихъ половниковъ. Напр., въ тобольскихъ дозорныхъ книгахъ читаемъ: «деревня при рѣкѣ Кундускѣ Ивашки Коровина..... а у него живетъ половникъ N, у котораго скота 2 коровы. 2 быка, да 2 теляти»... «У Бориски Балина половникъ N, а у него скота 5 коровъ, 3 быка большихъ, 2 жеребенка, да 2 теляти...» У другихъ половниковъ было нѣсколько болѣе скота, а у иныхъ значительно менѣе, но все-таки по этому количеству скота у половниковъ посадскихъ людей мы можемъ судить, что у самихъ посадскихъ его было гораздо больше.

Крестьянское населеніе Сибири можно раздѣлить на три разряда: а) крестьянъ государевыхъ, б) крестьянъ владѣльческихъ и в) крестьянъ половниковъ, захребетниковъ и бобылей. Въ первое время, почти до конца первой четверти XVII вѣка, государевы крестьяне всѣ были пашенные, то есть пахали государеву пашню, но потомъ, когда пашенныхъ крестьянъ прибрано было достаточное количество, то государь разрѣшилъ нѣ-

которымъ старымъ пашеннымъ крестьянамъ, преимущественно городскимъ, выходить на оброкъ, разрѣшилъ также воеводамъ, прикащикамъ и слободчикамъ прямо прибирать на оброкъ крестьянъ изъ гулящихъ людей. Мы уже говорили, что каждый крестьянинъ садился на государеву землю по уговору, въ уговорной записи точно опредѣлялось—какую долю пашни онъ будетъ обработывать на государя, или сколько будетъ платить оброчнаго хлѣба и соотвѣтственно этому: а) получалъ подмогу и ссуду изъ государевой казны и б) получалъ право на владѣніе извѣстнымъ участкомъ земли и льготные годы, въ теченіи которыхъ онъ не несъ никакихъ обязанностей за пользованіе землей. Собственно такія опредѣленія изданы были только Сулешовымъ въ 162$^{3}/_{4}$ гг., а до того времени крестьянинъ на себя пахалъ земли сколько хотѣлъ, а на государя «смотря по семьянистости и зажиточности». Теперь спрашивается, въ чемъ же состояли обязанности государевыхъ крестьянъ по уложенію Сулешова? Эти обязанности исключительно вытекали изъ права владѣнія государевой землей: кто болѣе несетъ обязанностей въ пользу государя, тотъ и можетъ пользоваться большимъ участкомъ земли и наоборотъ. Но такъ какъ цѣнность земельнаго участка зависитъ сколько отъ его величины, столько же и отъ качества почвы, то Сулешовъ въ своемъ уложеніи старался соразмѣрить обязанности крестьянъ съ тѣмъ и другимъ, хотя, какъ увидимъ, сдѣлалъ это болѣе «по своему высмотру» чѣмъ по дѣйствительному качеству почвы въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Въ туринскомъ, тюменскомъ уѣздахъ величина выти положена одинаковая, именно 20 ч. въ полѣ, а въ дву потомужъ или 30 десятинъ въ трехъ поляхъ. За пользованіе вытью земли въ этихъ уѣздахъ пашенный крестьянинъ обработывалъ на государя по 2$^{1}/_{4}$ десятины въ полѣ..., а оброчный крестьянинъ за тотъ участокъ земли платилъ въ государеву казну 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса, да «за сѣнныя укосы и всякія издѣлія» по 5 четвертей ржи, или овса. Въ уѣздахъ тобольскомъ, пелымскомъ и верхотурскомъ въ выть положено по 25 ч. въ полѣ, но за пользованіе вытью земли пашенные крестьяне тѣхъ уѣздовъ пахали на государя не одинаковое количество десятинъ

и оброчные платили не одинаковое количество хлѣба: въ верхотурскомъ уѣздѣ за выть они обработывали государевыхъ десятинъ 2, а въ тобольскомъ и пелымскомъ $2^1/_4$ дес.; оброчнаго хлѣба верхотурскіе крестьяне платили столько же, сколько въ туринскомъ и тюменскомъ, а въ тобольскомъ «смотря по зажиточности и семьянистости», напр., 1-й статьи платили 61 четверть разнаго хлѣба, а 2-й 47 четвертей. Затѣмъ въ верхотурскомъ, туринскомъ и тюменскомъ пашенные крестьяне съ десятины, обработываемой ими государевой пашни, косили на государя по 2 копны сѣна, а въ тобольскомъ по 6 копенъ; государевы издѣлія верхотурскіе, туринскіе и тюменскіе пашенные крестьяне несли натурою, а тобольскіе платили за нихъ деньгами по рублю въ годъ. Наконецъ, за государеву солому, мякину и ухоботье крестьяне тобольскаго уѣзда обязаны были платить по 17 копѣекъ, а крестьяне другихъ уѣздовъ были избавлены отъ этой обязательности: они могли покупать государеву мякину, могли и не покупать.

Намъ трудно судить о достоинствѣ уложенія Сулешова, потому что мы не вполнѣ ясно понимаемъ тѣ основанія, которыми онъ руководился при его составленіи. Съ перваго взгляда кажется, что это уложеніе поражаетъ своею несообразностью, особенно если имѣть въ виду только качество почвы въ разныхъ уѣздахъ. Напр., въ тобольскомъ уѣздѣ и самимъ Сулешовымъ и другими воеводами земля по качеству считалась «среднею», а въ верхотурскомъ «доброю», а между тѣмъ тобольскій крестьянинъ за пользованіе вытью земли обработывалъ на государя $2^1/_4$ дес. въ полѣ..., а верхотурскій только 2 дес., за сѣнные покосы первый съ десятины косилъ на государя 6 копенъ, а второй только 2. На самомъ же дѣлѣ подобная несправедливость только кажущаяся. Тутъ очевидно Сулешовъ имѣлъ въ виду не одну почву, а и государевы издѣлія: тобольскій крестьянинъ былъ избавленъ отъ нихъ за денежный оброкъ въ одинъ рубль, а верхотурскій крестьянинъ несъ ихъ натурою; но мы скоро увидимъ, что эти «издѣлія» составляли для крестьянина самую тяжелую обязанность и навѣрно верхотурскій крестьянинъ согласился бы заплатить за нихъ въ пять разъ больше, чѣмъ тобольскій, лишь бы только

отъ нихъ избавиться. Но въ другихъ случаяхъ Сулешовъ въ своемъ уложеніи, несомнѣнно, допустилъ несообразности, напр., въ отношеніи пелымскаго уѣзда, гдѣ крестьянинъ поставленъ въ самыя худшія условія, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ. Затѣмъ, разсматривая это уложеніе въ отношеніи уѣздовъ верхотурскаго и тюменскаго, также замѣтимъ несообразность; почва въ этихъ уѣздахъ въ разныхъ мѣстахъ была разная по качеству, но тюменскій крестьянинъ, гдѣ бы онъ не жилъ, несъ гораздо тяжелѣй обязанность, чѣмъ верхотурскій: первый за пользованіе 20 ч. обработывалъ на государя $2^1/_4$ дес., а верхотурскій, за пользованіе 25 четями, только 2 дес. Но при этомъ нужно еще имѣть въ виду, что въ верхотурскомъ уѣздѣ государева десятина равнялась 2400 кв. саж., а въ тюменскомъ была болѣе почти на 400 кв. саж. Это очевидно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1625 г. Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ верхотурскому воеводѣ «десятину мѣрить вдоль по 80 саж., а поперегъ 30 саж.»; такъ, впрочемъ, мѣрили и раньше [1]. А въ 1640 г. велѣно тюменскому воеводѣ мѣрить государевы десятины новою саженью, чтобъ десятина была «въ длинникѣ 85 саж. и 5 арш., а въ поперечникѣ 30 саж. и 6 аршинъ», значитъ въ тюменской десятинѣ по новой мѣрѣ должно было быть болѣе 2773 кв. саж. Правда, новою саженью не пришлось мѣрить: тюменскіе крестьяне, узнавъ про новую мѣру земли, подняли бунтъ и заявили, что новыхъ государевыхъ десятинъ пахать не будутъ. Тогда тобольскій воевода приказалъ тюменскому, чтобъ «новыя десятины рѣзать старою саженью, какова была на Тюмени старая сажень, чтобъ новыя десятины съ прежними были равныя и между крестьянами смуты бъ не было». Но тюменскіе крестьяне слишкомъ погорячились и не хотѣли узнать въ чемъ дѣло. Изъ отписки тюменскаго воеводы въ Тобольскъ оказывается, что новыя десятины были бы менѣе старыхъ, потому что «новая сажень старой государевой сажени меньше тремя вершки съ четвертью вершкомъ» [2]. Намъ не пришлось найти указанія на величину государевой деся-

---

[1]) А. И. т. III стр. 226.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Миллера № 545 стр. 5.

тины въ тобольскомъ уѣздѣ, но въ пелымскомъ она равнялась 3200 кв. саж., именно въ длинникѣ было 80 саж., а въ поперечникѣ 40 саж. [1]). Этого-то обстоятельства—величины государевой десятины, Сулешовъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду при составленіи своего уложенія, а между тѣмъ оно много значило для крестьянина.

Впрочемъ, на практикѣ это уложеніе точно не соблюдалось ни правительствомъ, ни крестьянами и особенно пашенными. На практикѣ «пашенное государево дѣло» велось такимъ образомъ. Положимъ нѣсколько крестьянъ сѣло въ верхотурскомъ уѣздѣ на государеву пашню съ обязательствомъ пахать ежегодно десятину въ полѣ и, значитъ, каждый изъ нихъ получалъ право на владѣніе участкомъ земли въ $12^1/_2$ ч. въ полѣ. По минованіи льготныхъ лѣтъ они никогда, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко, въ первый же годъ не пахали цѣлую десятину въ полѣ (т. е. двѣ десятины—одну подъ озимое, а другую подъ яровое), а $^2/_3$ или $^1/_2$ десятины въ полѣ. Затѣмъ имъ постепенно прибавлялось государевой пашни, «смотря по семьянистости и зажиточности», и наконецъ чрезъ нѣсколько лѣтъ эти крестьяне, какъ можно видѣть изъ «списковъ пашенныхъ крестьянъ и государевой пашни», сѣвшіе на десятину, пахали на государя уже двѣ десятины въ полѣ... Правда, за этотъ трудъ они теперь могли владѣть цѣлою вытью земли, но этого было имъ не нужно, потому что силъ не хватало, чтобы имѣть возможность эксплоатировать такой участокъ земли. И вотъ крестьяне жалуются, что «на нихъ накидываютъ лишнія десятины, сверхъ уложенія Сулешова, да еще они же пашутъ міромъ за бѣглыхъ и мертвыхъ». Случалось и наоборотъ; напр. по дозору письменнаго головы Баскакова оказалось, что «тюменскіе пашенные крестьяне, сверхъ уложенія Сулешова пашутъ на себя лишку 403 чети» и тогда воевода напомнилъ крестьянамъ уложеніе Сулешова и велѣлъ имъ «за ту лишнюю собинную пашню пахать на государя 45 дес. въ полѣ» [2]). Изъ этого слѣдуетъ, что правительство и крестьяне вспоми-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 5; см. въ концѣ дозор. книги пелымскаго уѣзда 1625 г., а также въ порт. Милл. № 478 св. № 69.

[2]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 545, тетр. 5 стр. 103.

нали объ уложеніи Сулешова только тогда, когда это было выгодно для той, или другой стороны. Но несомнѣнно, что уложеніе этого боярина, какъ мы упоминали выше, имѣло большое вліяніе на развитіе хлѣбопашества въ Сибири: не только годъ отъ году начала увеличиваться государева пашня, но и «собинная». Уже въ первый годъ, послѣ уложенія Сулешова въ верхотурскомъ уѣздѣ обработано государевой пашни на 56 десятинъ въ полѣ... болѣе прежняго [1]), въ тобольскомъ болѣе прежняго на $1^1/_4$ дес. въ полѣ.. [2]): только въ туринскомъ уѣздѣ крестьянамъ пришлось вспахать государевыхъ десятинъ по уложенію Сулешова менѣе на $1^1/_4$ дес. въ полѣ, чѣмъ до него [3]).

Что же касается вопроса, насколько труды государевыхъ крестьянъ въ Сибири соотвѣтствовали вознагражденію ихъ въ видѣ земельнаго участка, то, не принимая пока въ расчетъ разныхъ издѣлій и поборовъ, отношеніе труда крестьянина, затрачиваемаго имъ на обработку «собинной пашни», къ труду на государеву пашню, можно выразить цифрами приблизительно такимъ образомъ: въ верхотурскомъ уѣздѣ какъ 6 : 1, а въ туринскомъ и тюменскомъ какъ $4^1/_2$: 1. Но если взять во вниманіе, что въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ почва по качеству считалась выше, чѣмъ въ первомъ, то отношеніе, выражаемое приведенными цифрами, можно перевести на болѣе понятную форму: крестьяне за право владѣнія государевой землей платили государю пятый снопъ. По крайней мѣрѣ это будетъ справедливо въ отношеніи той нормы повинностей, которую хотѣлъ установить Сулешовъ. Мы такъ разсуждаемъ теоретически на основаніи историческихъ данныхъ, но въ документахъ отчасти находимъ и прямыя на это указанія. Прежде всего замѣтимъ, что количество оброчнаго хлѣба, уплачиваемое оброчными крестьянами за пользованіе вытью земли, именно приноровлено къ сбору «пятиннаго хлѣба или снопа». Напр., въ верхотурскомъ уѣздѣ, при хорошемъ урожаѣ, оброчный кресть-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 5 л. 263—264.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1207 л. 105.
[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 5 л. 647.

янинъ давалъ государю $^1/_5$ или $^1/_6$ долю урожая съ десятины, въ туринскомъ и тюменскомъ нѣсколько болѣе того. Но несомнѣнно, что для правительства было все равно—вспашетъ ли, напр., верхотурскій крестьянинъ государевой пашни въ годъ десятину ржи и десятину овса, или вмѣсто этого уплатитъ въ годъ 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса; «въ томъ прибыли и убыли для государевой казны нѣтъ», замѣчаетъ тобольскій воевода. Затѣмъ иногда въ документахъ встрѣчаемъ выраженіе: «собрано пятиннаго хлѣба съ крестьянъ» столько-то, вмѣсто «собрано оброчнаго хлѣба»... Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что по уложенію Сулешова крестьяне пашенныхъ городовъ за право владѣнія участкомъ земли (распаханной) платили столько же, сколько посадскіе и монастыри (если послѣдніе не пользовались привиллегіей», т. е. пятый снопъ, или $^1/_5$ долю урожая съ десятины *). Интересно было-бы сравнить повинности государевыхъ сибирскихъ крестьянъ съ повинностями крестьянъ въ дворцовыхъ селахъ европейской Руси, но мы не имѣемъ для этого данныхъ. Можно только сказать, что въ Сибири выть была больше и стало-быть положеніе пашеннаго крестьянина было выходнѣе; относительно оброчныхъ крестьянъ можно было сдѣлать болѣе опредѣленное сравненіе, если бы мы знали точно—чему равняется та четверть, которою измѣрялся оброкъ въ европейской Руси. Мы знаемъ, что въ Сибири было въ употребленіи двѣ четверти: «торговая» и «государева», послѣдняя иначе называлась «медяная осмина». При покупкѣ ли хлѣба у торговыхъ людей въ государевы житницы, при выдачѣ ли сѣмянъ на государевы десятины (ржи на десятину 2 ч., овса 4 ч.), или хлѣбнаго жалованья служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, всегда употреблялась государева казенная четверть. Поэтому и мы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ приходилось упоминать объ этой сыпной мѣрѣ, исключительно разумѣемъ государеву казенную четверть. Она равнялась четыремъ нашимъ мѣрамъ

*) *Примѣч.* Хотя въ цар. гр. къ верхот. воеводѣ сказано: «выдѣлять съ добраго хлѣба четвертый снопъ, а съ средняго пятый снопъ, а худаго хлѣба шестой снопъ», но на самомъ дѣлѣ въ верхотурскомъ уѣздѣ всегда брался пятый снопъ, за исключеніемъ, конечно, неурожайныхъ годовъ.

или $^1/_2$ нашей четверти, которая равняется тогдашней торговой *).

Вообще ни обработка государевой пашни, ни оброкъ сами по себѣ не могли быть тяжелыми повинностями для крестьянина, а значительный участокъ земли и разныя угодья, подмога и ссуда деньгами изъ государевой казны давали ему возможность завести на новомъ мѣстѣ прекрасное хозяйство. И послѣ правительство не оставляло крестьянина безъ помощи: случались годы неурожайные, такъ что крестьяне собраннымъ хлѣбомъ не могли прокормиться до новины, а иногда и сѣмянъ не оставалось на посѣвъ, тогда они бьютъ челомъ государю о помощи и государь приказываетъ воеводѣ выдать имъ хлѣба на «ѣмена и семена, смотря по нуждѣ»; въ Сибири очень часто бывалъ конскій падежъ и крестьяне оставались безъ лошадей и въ этомъ случаѣ государь являлся на помощь и, по челобитью крестьянъ, приказывалъ воеводѣ или ссудить имъ денегъ на покупку лошадей, или онъ самъ долженъ купить ихъ и роздать крестьянамъ. Затѣмъ мы уже упоминали, что, послѣ опустошенія калмыками крестьянскихъ деревень и слободъ въ туринскомъ и тюменскомъ уѣздахъ, государь указалъ тобольскому воеводѣ выдать пострадавшимъ крестьянамъ значительную сумму денегъ. Много можно было бы привести и другихъ подобныхъ случаевъ въ доказательство того, что государь относился къ крестьянамъ далекой своей вотчины, какъ прекрасный домохозяинъ къ своему хозяйству. Но тѣмъ не менѣе положеніе государевыхъ крестьянъ въ Сибири, и особенно пашенныхъ, въ обозрѣваемый нами періодъ было очень тяжелое, хотя, конечно, не всѣхъ и не во всѣхъ мѣстахъ. Это зависѣло отъ многихъ обстоятельствъ и прежде всего отъ малосемейности. Немногіе переселялись въ Сибирь, имѣя взрослыхъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ или другихъ свойственниковъ, а большинство были людьми малосемейными или совсѣмъ оди-

*) *Примѣч.* Что же касается вѣса казенной государевой четверти въ Сибири, то это зависѣло отъ качества урожая; поэтому житничный цѣловальникъ опредѣляетъ казенную четверть иногда въ пять пудовъ, иногда 5 п. 26 ф., а чаще въ 4 п. 32 фунта.

нокими: въ донесеніяхъ воеводъ изъ разныхъ сибирскихъ уѣздовъ очень часто можно встрѣтить, что «умеръ или сбѣжалъ такой-то и такой-то пашенный крестьянинъ, а женъ и дѣтей не оставили и пашни, которыя они пахали, положить не на кого». Вслѣдствіе этой малосемейности сибирскій крестьянинъ, хотя и имѣлъ значительное количество земли въ своемъ распоряженіи, но мало имѣлъ рабочихъ рукъ, чтобы всю ее засѣять и вообще обработать. Къ тому же онъ долженъ прежде всего управиться съ государевой пашней; пашеннымъ прикащикамъ строго наказывалось смотрѣть, чтобы «крестьяне пахали, сѣяли, косили и убирали государевъ хлѣбъ напередъ своей крестьянской пашни, да смотрѣть, чтобы и свою пашню крестьяне пахали во время»... Но вопросъ въ томъ, имѣетъ ли крестьянинъ столько рабочихъ рукъ, чтобы во время вспахать и посѣять и государеву и свою пашни, а отъ этой своевременности зависитъ урожай года. Положимъ, что каждый крестьянинъ, садившійся на государеву пашню, долженъ былъ напередъ знать всѣ обязанности, которыя онъ принималъ на себя, и долженъ сообразоваться съ своими силами, чтобы вести самостоятельное хозяйство и если ихъ мало, то жить до поры до времени въ захребетникахъ или въ половникахъ... Но подобныя соображенія иногда мало помогали. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ многихъ крестьянъ, которые садятся на одну четверть десятины, а иные даже на одну восьмую долю государевой десятины. Но каждый прикащикъ предъ воеводой, а воевода предъ государемъ стараются выслужиться, показать, что они заботятся о государевой прибыли и потому ежегодно «накидываютъ» на слободу или волость по нѣскольку десятинъ государевой пашни, чтобъ донести, куда слѣдуетъ, «а нынѣ предъ прошлымъ годомъ государевыхъ десятинъ прибыло столько-то... а прежніе воеводы о твоей государевой пашни не радѣли»... Вслѣдствіе такихъ прибавокъ, или, какъ выражаются крестьяне въ своихъ челобитныхъ, «воеводскихъ накидокъ», сѣвшій на одну четверть, чрезъ годъ уже пахалъ на государя $^1/_3$ дес., а пріѣхалъ новый воевода и этотъ что-нибудь прибавитъ; между тѣмъ рабочія силы у крестьянина пока оставались тѣже... Съ перваго взгля-

да кажется, что эти прибавки 5, 10 или 15 десятинъ на слободу или цѣлую волость слишкомъ немногимъ увеличатъ трудъ каждаго отдѣльно крестьянина, тѣмъ болѣе, что ни самъ воевода, или прикащикъ раскладываетъ прибавочную пашню между крестьянами, а ихъ же братія, выбранные ими самими «окладчики», и которые, конечно, при раскладкѣ сообразуются съ зажиточностью и семейнымъ положеніемъ своихъ товарищей и не прибавятъ пашни безсильнымъ и бѣднымъ... Все это такъ, но дѣло въ томъ, что прибавки были часты, а иногда велики и окладчикамъ приходилось уже прибавлять на всѣхъ. Такъ крестьяне верхотурскаго уѣзда тагильской волости въ 1632 г. жаловались Михаилу Ѳедоровичу, «что въ 1623 г. они обработывали государевой пашни 34 десятины въ полѣ, а по уложенію Сулешова въ 1624 г. на нихъ прибавлено 16 дес., затѣмъ при князѣ Гагаринѣ прибавлено 6 дес., сынъ боярскій Шульгинъ прибавилъ 4 дес., при воеводѣ Плещеевѣ 6 дес., въ 1631 г. прибавлено 13 дес. и въ 1632 г. 8 десятинъ въ полѣ»... Правда, и число дворовъ въ тагильской волости къ 1632 г. увеличилось вдвое, но многіе крестьяне были новоприборные, пользовались еще льготою и стало быть раскладка прибавленныхъ десятинъ ихъ не касалась, а только старыхъ пашенныхъ крестьянъ. Да и изъ челобитной тагильскихъ крестьянъ видно, что именно прибавлено на старыхъ, которые уже пахали на государя по десятинѣ. «Въ прошлыхъ годахъ», писали они, «какъ ихъ прибирали на Тигилѣ, имъ давано подмоги по 12 р. на десятину, а потомъ прибавили еще по десятинѣ, но подмоги не давано...» [1]). На крестьянъ другихъ волостей также прибавляли, напр. въ 1633 г. на оброчныхъ крестьянъ верхотурскаго уѣзда (на 7 чел.) прибавлено оброчнаго хлѣба 49 ч. ржи и овса, на подгородних 10½ дес. въ полѣ..., на невьянскихъ 21⅓ дес.; на крестьянъ туринскаго уѣзда прибавлено 26 дес. въ полѣ... [2]). Вслѣдствіе такихъ несоразмѣрныхъ прибавокъ нѣкоторые крестьяне бросаютъ пашни и бѣгаютъ изъ Сибири, а оставшимся становится чрезъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6076/32 л. 160 и 165.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6078/34 л. 66 и др.

это еще тяжелѣе: «а мы», жалуются крестьяне, «за тѣхъ бѣглыхъ пашемъ міромъ...». Притомъ же иные крестьяне бѣгали и не отъ прибавокъ, а просто отъ лѣности и нежеланія жить въ Сибири. Они брали подмогу и ссуду изъ государевой казны по 10 и 15 рублей и въ томъ же году скрывались «безвѣстно куда»: [1]) иные проживали по 3 и 4 года, а потомъ, когда миновали льготные годы и нужно было обработывать государеву пашню, они закладывали, или продавали свое хозяйство и земельные участки и убѣгали на Русь. Въ 1633 г. верхотурскій воевода доносилъ въ Москву, «что пашенные крестьяне свои данныя пашенныя земли и сѣнные покосы дѣтямъ боярскимъ и межъ себя продаютъ и закладываютъ и, продавъ свои земли, бѣгаютъ и твоя государева десятинная пашня лежитъ впустѣ...» [2]). Однако не всегда оставалась «впустѣ»; у бѣглецовъ были поручители и послѣдніе обязаны были за нихъ пахать ихъ долю государевой пашни. Правда нѣкоторые воеводы собственною властью избавляли крестьянъ отъ обработки за бѣглецовъ и мертвыхъ государевыхъ десятинъ, но другіе, какъ часто жаловались крестьяне, безъ государева указа этого сдѣлать не смѣютъ и они пашутъ за мертвыхъ и бѣглыхъ.... Иногда и само московское правительство не вѣдало, что творило и своими распоряженіями разстроивало хозяйство сибирскихъ крестьянъ. Когда стали основываться слободы на Ницѣ, Нейвѣ и въ другихъ мѣстахъ, то оно въ 1630 г. приказало сибирскимъ воеводамъ и пашеннымъ прикащикамъ, чтобы они призывали въ эти слободы крестьянъ на льготу не только изъ гулящихъ людей, но и изъ старыхъ пашенныхъ крестьянъ отъ отцевъ дѣтей, отъ братіи братію, отъ дядей племянниковъ и въ то-же время требовало, чтобы они на зажиточныхъ и многосемейныхъ прибавили государевой пашни. Узнавъ объ этомъ, дѣти, племянники и братія оставляли свои семейства, брали изъ казны подмогу и ссуду на цѣлую десятину и переселялись изъ туринскаго въ верхотурскій уѣздъ, или же на другія мѣста въ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6111/67 л. 462—3.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6138/94 л. 537.

предѣлахъ своего уѣзда. Слѣдствіемъ этого было то, что новоприборные, не будучи въ состояніи обработать на государя принятую ими на себя долю пашни, скоро убѣгали, а старые крестьяне изъ многосемейныхъ дѣлались одинокими; да кромѣ того на этихъ послѣднихъ, въ силу вышеупомянутаго распоряженія, воеводы прибавили государевой пашни. Такимъ образомъ, разстройство хозяйствъ даже у зажиточныхъ крестьянъ было неизбѣжное. Пока тобольскій воевода именно въ 1633 г. разъяснилъ правительству безсмысленность его распоряженія, многіе крестьяне уже лишились своихъ работниковъ. Вслѣдствіе этого донесенія воеводы, изъ Москвы въ томъ же году посланъ указъ, которымъ прежнее распоряженіе отмѣнялось и дѣлалось новое, можетъ быть, еще глупѣе стараго, именно этимъ указомъ разрѣшалось старымъ крестьянамъ цѣлыми дворами выходить на оброкъ, или на государеву пашню въ новыя слободы, если только они найдутъ гулящихъ людей и посадятъ на свои жеребьи. На это тобольскій воевода отвѣчаетъ: «велѣно намъ отпускать такихъ крестьянъ безъ задержанія и въ твоихъ, государь, въ Ньянской и Ницынской слободахъ старые крестьяне свои жеребьи мечутъ, а тѣхъ новыхъ крестьянъ въ тягло и въ пашню и во всякія твои издѣлія не будетъ и твоя пашня будетъ съ убылью; и о томъ, государь, какъ укажешь: старыхъ крестьянъ, со старыхъ жеребьевъ на новыя мѣста выпускать ли, или нѣтъ». Это замѣчаніе принято правительствомъ во вниманіе и сибирскимъ воеводамъ разосланъ новый указъ, которымъ строжайше запрещалось «изъ селъ и слободъ со старыхъ жеребьевъ выпускать крестьянъ на новыя мѣста» и велѣно прибирать въ новыя слободы только изъ гулящихъ людей, а на старыхъ зажиточныхъ и многосемейныхъ прибавлять государевой пашни. Однако мы видимъ, что и послѣ послѣдняго указа воеводы и прикащики за взятки позволяютъ старымъ крестьянамъ выходить на оброкъ и на пашню въ новыя слободы, даже даютъ имъ льготы и подмогу, а на ихъ мѣста сажаютъ людей гулящихъ, которые, конечно, не въ состояніи были замѣнить старыхъ крестьянъ ни въ обработкѣ государевой пашни, ни въ разныхъ «издѣліяхъ». Разъ правительство сдѣлало ошибку, оно уже не мо-

жетъ исправить ее однимъ указомъ и злоупотребленія этою ошибкою со стороны воеводъ и прикащиковъ продолжаютъ существовать еще цѣлые годы. На это указываютъ подтвердительныя грамоты Михаила Ѳедоровича въ 1639 и 1643 гг. [1]). Тяжело также отзывались на крестьянахъ «томскія и енесейскія посылки». Въ 1632 г. велѣно было воеводамъ пашенныхъ городовъ тобольскаго разряда выбрать крестьянъ добрыхъ, зажиточныхъ и семьянистовъ сто человѣкъ и послать ихъ въ Томскъ и въ остроги томскаго разряда. Этотъ указъ произвелъ страшное волненіе среди сибирскихъ крестьянъ и это волненіе будетъ понятно, если взять во вниманіе, что большинство изъ нихъ только недавно поселились на новыхъ мѣстахъ и едва только они обжились, насидѣли себѣ гнѣзда, какъ ихъ снова заставляютъ перекочевывать за тысячи верстъ въ мѣста имъ совершенно неизвѣстныя. И вотъ верхотурскій воевода доноситъ въ Москву, что посланный имъ боярскій сынъ для прибора крестьянъ сказалъ, «что съ Тагила и съ Невьи сбѣжало крестьянъ къ Руси 20 человѣкъ и иные хотѣли бѣжать, да онъ уговорилъ ихъ, чтобъ ссылки не боялись и жили-бъ до государева указу на своихъ старыхъ мѣстахъ по прежнему...» а прикащикъ невьянской волости писалъ тому же воеводѣ, что изъ одной его волости сбѣжало 40 человѣкъ отъ той томской посылки и отъ прибавочной пашни, да и остальные бредутъ врознь [2]). Правда, «по сыску» оказалось, что сбѣжало въ десять разъ меньше, чѣмъ доносили прикащики, что послѣдніе «своровали, сами велѣли крестьянамъ разойтись отъ томской посылки по инымъ деревнямъ», но тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, нѣсколько человѣкъ, испугавшись далекаго путешествія, убѣжали на Русь, а каждое бѣгство, какъ мы уже говорили, неизбѣжно ухудшало положеніе оставшихся крестьянъ [3]). Не смотря на грозныя вѣсти изъ Верхотурья по поводу томской посылки, правительство все-таки требовало исполненія указа и въ слѣ-

---

1) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. 6138/94 лл. 331—346; А. И. т. III № 211 и 221.
2) А. И. т. III № 172.
3) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6078/34 л. 27...

дующемъ году, дѣйствительно, прибрано въ верхотурскомъ и туринскомъ уѣздахъ нѣсколько десятковъ семействъ крестьянъ и отправлено въ Томскъ и въ нѣкоторые остроги томскаго разряда.

Но какъ ни тяжела была государева пашня вслѣдствіе несоразмѣрныхъ ея прибавокъ или отъ пахоты за бѣглыхъ и мертвыхъ, какъ ни гибельно иногда отзывались на хозяйствѣ сибирскаго крестьянина нѣкоторыя неразумныя распоряженія правительства, со всѣмъ этимъ онъ могъ бы еще управиться, если бы его не одолѣвали, такъ называемыя, «государевы разныя издѣлія». Тѣ натуральныя повинности, которыя разумѣются подъ этимъ выраженіемъ перечислить невозможно—это заняло бы слишкомъ много мѣста. Мы уже указывали на тѣ издѣлія, которыя несли крестьяне подгородней волости верхотурскаго уѣзда, но и всѣ другіе сибирскіе пашенные государевы крестьяне были ими обязаны. Теперь мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ и объяснимъ въ чемъ собственно заключалась тяжесть этихъ издѣлій и какъ онѣ вредно отражались на крестьянскомъ хозяйствѣ. Изъ множества крестьянскихъ челобитныхъ видно, что крестьяне почти круглый годъ работали на государя; отъ издѣлій ихъ не освобождали даже въ страдную пору. Воеводы мало сообразовались съ малочисленностію крестьянъ, съ ихъ силами, съ временемъ года, съ погодой,—заставляли ихъ дѣлать то одно, то другое и иногда одновременно, такъ что у иныхъ крестьянъ малосемейныхъ за этими издѣліями мало оставалось времени для работъ по своему домохозяйству. Напр., туринскіе крестьяне въ 1632 году жаловались государю: «какъ мы сироты твои десятинный хлѣбъ пожали, посвозили и въ скирды поклали, то воевода заставилъ насъ старую тюрьму поправлять и около тюрьмы тынъ ставить; да въ тоже время велѣлъ намъ на твои десятины навозъ возить, а какъ навозъ возили велѣлъ намъ же молотить десятинный хлѣбъ: да въ тожъ время на гостинномъ дворѣ мы рубили избу и поставили совсѣмъ наготово, да поставили наготово на воеводскомъ дворѣ горницу, да избу...» Какія же послѣдствія этихъ работъ? Въ концѣ челобитной тѣ-же крестьяне замѣчаютъ: «и за тѣми великими издѣліями нашъ хлѣбъ на полѣ застоялся, осыпался и мышь поѣла и мы сироты твои остались безъ хлѣба и безъ сѣмянъ...»

Изъ этого замѣчанія видно, что упомянутыя работы крестьяне отправляли въ концѣ лѣта, а слѣдующія издѣлія, вѣроятно, относятся уже къ осеннему времени. «Да насъ же», читаемъ въ другой челобитной туринскихъ крестьянъ, «воевода заставляетъ ежегодно дѣлать крупу и толокно по тысячи четвертей и больше, на мельницахъ рожь молоть тоже по тысячи четвертей и больше, да мы же кроемъ амбары и гостинный дворъ и т. д.». Зимою крестьяне тоже не оставались безъ дѣла: «да мы же», жалуются крестьяне, «въ лютые морозы возили бревна въ 4 саж. длины и 6 и 7 вершковъ толщины по четыре бревна съ десятины, пятисаженныхъ бревенъ по пяти съ десятины, двухъ-саженныхъ по пяти бревенъ съ десятины и всѣхъ тѣхъ бревенъ срубили и свезли три тысячи, да свезли 800 тесницъ трехъ-саженныхъ, а въ великій постъ острогъ ставили, обрубы рубили и навозомъ насыпали, лады дѣлали, вяслецы вѣшали и пр. и отъ тѣхъ издѣлій, государь, отъ бревенной возки остались безъ коней, потому что возили съ великою нуждой и пашни теперь пахать не на чемъ...» Къ этому нужно добавить, что на крестьянахъ лежала обязанность «солоды растить, дрова возить, сѣно косить и возить, вѣники дѣлать, лыки драть, хмѣль собирать, рыбу ловить и т. п.» [1]).

Но изъ всѣхъ издѣлій самымъ тяжелымъ было «судовое дѣло». Хотя во всѣхъ сибирскихъ городахъ поселены были плотники, но послѣднихъ всегда было столь ничтожное число, что они не въ состояніи были управиться «съ судовымъ дѣломъ» и эта повинность возлагалась на служилыхъ и посадскихъ людей, на ямщиковъ, но преимущественно на крестьянъ. Такъ какъ хлѣбъ изъ европейской Руси на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ прежде всего свозился въ городъ Верхотурье, то здѣсь всегда требовалось громадное число судовъ для перевоза этого хлѣба въ другіе сибирскіе города. Поэтому Борисъ Годуновъ хотѣлъ было устроить въ верхотурскомъ уѣздѣ особую плотническую слободу, ибо временная посылка плотниковъ изъ поморскихъ городовъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр., Ст. № 6078/34, лл. 1—5; Ст. № 6138/94, л. 154; А. И., т. III № 209.

въ Сибирь во-первыхъ стоила дорого, а во-вторыхъ вызывала постоянныя жалобы отъ населенія этихъ городовъ «на плотническое дѣло». Въ 1603 г. этотъ государь, посылая 80 человѣкъ плотниковъ въ Верхотурье, приказывалъ верхотурскому воеводѣ, чтобы онъ человѣкъ 50 изъ нихъ поселилъ при р. Турѣ, ниже Ямашева юрта [1]). Но неизвѣстно почему только этотъ указъ не былъ исполненъ и особенной плотнической слободы не было устроено: верхотурскіе плотники, число которыхъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича никогда не превышало 15 человѣкъ, жили по дворамъ въ самомъ Верхотурьѣ и судовое дѣло не было ихъ единственною обязанностію, а они плотничали все, что приказывалъ воевода. Поэтому одни плотники не могли приготовить необходимое количество судовъ и воеводы въ помощь имъ наряжали для этого дѣла всякихъ верхотурскихъ жильцовъ. Сначала постройка судовъ производилась преимущественно въ Верхотурьѣ и отсюда ихъ разсылали уже въ Туринскъ и Тюменъ. Такъ, въ началѣ 1606 г. туринскіе и тюменскіе ямщики били челомъ первому самозванцу о томъ, что у нихъ судовъ нѣтъ и гонять нечѣмъ и просили, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ прислать суда изъ Верхотурья [2]). Но по мѣрѣ развитія хлѣбопашества въ уѣздахъ: верхотурскомъ, тюменскомъ и туринскомъ, привозъ хлѣба въ Сибирь изъ европейской Руси уменьшался; во вторую половину царствованія Михаила Ѳедоровича эти уѣзды, какъ мы видѣли, доставляли уже массу хлѣба въ другіе сибирскіе города, такъ называемые, «непашенные». Поэтому и въ Туринскѣ и въ Тюмени потребность въ судахъ значительно увеличилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась необходимость завести судовое дѣло и въ этихъ городахъ. А такъ какъ и здѣсь настоящихъ плотниковъ было очень мало, то дѣлать суда правительство заставляло служилыхъ людей, посадскихъ, ямщиковъ, крестьянъ и даже гулящихъ людей. Но все-таки главная судовая верфь по прежнему находилась подъ горо-

---

[1]) А. И. т. II № 40.

[2]) А. М. Ю. Дѣла верхот. у. суда № 126, см. грамоту царя отъ 1606 г. февр. 7 дня.

домъ Верхотурьемъ и постройка судовъ производилась здѣсь не только мѣстными жителями, но иногда для этой цѣли присылались сюда плотники изъ туринскаго и тюменскаго уѣздовъ. Затѣмъ казенныя суда строились въ селѣ Тагильскомъ, а съ 1641 г. и въ деревнѣ Меркушиной, стоящей при рѣкѣ Турѣ, ниже отъ города Верхотурья на 70 тогдашнихъ верстъ. И кажется, что въ эту послѣднюю деревню скоро былъ перенесенъ и центръ судостроительства изъ самаго города. Еще въ 1639 году тобольскій воевода писалъ въ Москву, что изъ Верхотурья сплавлять хлѣбъ на большихъ судахъ довольно затруднительно вслѣдствіе многихъ мелей на рѣкѣ Турѣ, находящихся между этимъ городомъ и деревней Меркушиной, тогда какъ отъ этой деревни Тура становится глубже, мелей нѣтъ и здѣсь есть большіе лѣса, изъ которыхъ можно дѣлать государевы суда и житницы [1]). По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что при деревнѣ Меркушиной строились преимущественно суда большаго типа, такъ называемыя «кочи». Замѣтимъ также, что основаніе здѣсь судостроительства способствовало быстрому развитію этой деревни и она скоро сдѣлалась селомъ.

Мы выше замѣтили, что судовое дѣло было самою тяжелою повинностію для жителей Сибири. Эта повинность при Михаилѣ Ѳедоровичѣ отправлялась двоякимъ образомъ: или по государеву указу какой-нибудь городъ и его уѣздъ обязаны были въ опредѣленное время доставить извѣстное количество судовъ, или просто сибирскіе воеводы заставляли строить государевы суда самихъ жителей своего уѣзда. Въ томъ и другомъ случаѣ правительство оплачивало эту повинность, какъ и всякое «государево издѣліе», но только по самой низкой цѣнѣ, напр.: за дощаникъ платило 15 р., а за кочу 25, тогда какъ частныя лица въ то-же время платили за суда перваго типа по 35 и по 40 рублей, второго же по 50 и по 60 рублей; точно также правительство расплачивалось и съ плотниками [2]). Насколько тяжела была судовая повинность, объ этомъ можно судить и по многимъ жалобамъ служилыхъ людей, посадскихъ,

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6132/88 л. 553.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6127/83 л. 157.

ямскихъ охотниковъ, крестьянъ и гулящихъ людей, а равнымъ образомъ и по донесеніямъ сибирскихъ воеводъ. Такъ, въ 1640 году туринскіе служилые люди, посадскіе, ямщики и пашенные крестьяне жаловались Михаилу Ѳедоровичу: «по твоему государеву указу велѣно на насъ накинуть въ Туринскомъ дѣлать суды—12 дощаниковъ большихъ и малыхъ, а денегъ изъ казны дана цѣна малая: отъ малыхъ дощаниковъ 15 р. и отъ большихъ 25, а мы давали за тѣ суда—за малыя по 35 и по 40 р., а за большія по 50 и по 60 р. и отъ того мы задолжали великими долгами и многіе изъ насъ разбрелись врознь; да на насъ же воевода доправилъ большимъ правежомъ 10 человѣкъ плотниковъ и послалъ къ судовому дѣлу въ Верхотурье, а мы тѣмъ плотникамъ сверхъ указной цѣны дали по 15 и по 20 рублей, потому что на Верхотурье судовой лѣсъ отъ рѣки удалѣлъ и вывозка дорога; и отъ того судового дѣла, государь, многіе изъ насъ бредутъ врознь и Туринской городишка сталъ пустѣть...» [1]). Изъ нѣкоторыхъ документовъ видно, что судовое дѣло возлагалось даже на оброчныхъ крестьянъ, хотя эти послѣдніе, какъ мы упоминали, за пять четвертей ржи избавлялись отъ всякихъ другихъ государевыхъ издѣлій. Напр. въ 1639 г. ирбитскіе оброчные крестьяне жаловались государю: «наложилъ на насъ воевода сдѣлать дощаникъ въ 9 печатныхъ саженъ, а намъ такого судоваго лѣса добыть негдѣ, потому что у насъ мѣсто степное и что отъ Верхотурья удалѣло верстъ на 300...» [2]). Тяжесть судоваго дѣла увеличивалась еще отъ того, что воеводы иногда заставляли дѣлать суда людей неумѣющихъ плотничать, и притомъ не смотря ни «на страдную пору», ни «на жестокіе холода». Это «издѣліе» особенно давало сибирскимъ воеводамъ наживаться: они сгоняли на судовыя верфи людей вольныхъ, гулящихъ, не смотря на то, что эти послѣдніе по своему положенію не обязаны были нести какихъ бы то ни было государевыхъ издѣлій, тогда какъ настоящихъ плотниковъ, которые преимущественно занимались судостроительствомъ, воеводы

---

1) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6138/94 лл. 151—152.
2) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6139/94 л. 437.

за взятки избавляли. Въ 1639 г. 17 человѣкъ туринскихъ и 7 человѣкъ тюменскихъ гулящихъ людей послали Михаилу Ѳедоровичу слѣдующую челобитную. «Присланы мы, государь, изъ Туринска и Тюмени на Верхотурье къ судовому дѣлу, а мы сироты твои нигдѣ судовъ не дѣлывали и въ этомъ дѣлѣ ничего не знаемъ. Посланы мы воеводами вмѣсто плотниковъ насильно, за приставами, а за насъ никто въ судовомъ дѣлѣ не ручается, потому что мы люди гулящіе изъ разныхъ городовъ и живемъ въ Сибири только по полугода, а иные по 10 недѣль; въ Туринскѣ же и въ Тюмени, государь, есть плотники, которые всякія суда дѣлать горазды и люди полные, зажиточные, но воеводы тѣхъ плотниковъ не посылаютъ къ твоему судовому дѣлу, наровя имъ, чтобы они дѣлали суда торговымъ людямъ». Въ заключеніе этой челобитной гулящіе люди жаловались, что «за то судовое дѣло насъ сиротъ твоихъ били на правежѣ нещадно и бросили въ тюрьму, а тюрьма земляная и мы оцынжали и перепухли отъ голода; прокормить же насъ некому, потому что на Верхотурье въ лѣтнее время городскихъ людей мало и мы, государь, помираемъ голодною смертію, а нѣкоторые уже умерли...» [1]). И подобныхъ челобитныхъ намъ приходилось встрѣчать много и притомъ отъ всякаго чина людей. Да и сами нѣкоторые сибирскіе воеводы сознавали, что судовое дѣло есть самая тяжелая повинность и отъ ней болѣе всего бѣгали сибирскіе жители, а иные даже лишали себя жизни. Туринскій воевода доносилъ въ Москву, что многіе изъ тѣхъ плотниковъ, которыхъ онъ выбралъ къ судовому дѣлу, «давились и рѣзались до смерти отъ того судоваго дѣла..» [2]). Верхотурскій воевода писалъ, что на Верхотурьѣ строили суда 57 человѣкъ стрѣльцовъ, пашенныхъ крестьянъ и ямскихъ охотниковъ и изъ нихъ «отъ того судоваго дѣла 8 человѣкъ сбѣжало, 7 умерло, одинъ постригся въ монахи и два удавилось...» [3]). Конечно не каждый годъ одинаково сибирское населеніе страдало отъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6138/94 лл. 78 и 79.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6127/67 л. 593.
[3]) Ibid. л. 630.

судовой повинности: бывали года, когда правительство менѣе нуждалось въ судахъ и тогда эта повинность была не такъ обременительною, или по крайней мѣрѣ переносилась легче. Но тѣмъ не менѣе суда строились ежегодно и населеніе Сибири всегда болѣе или менѣе участвовало въ судостроительствѣ то личнымъ трудомъ, то деньгами. А какъ была велика въ Сибири потребность въ судахъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Напр., въ 1639 г. подъ Верхотурьемъ было сдѣлано—103 дощаника, 2 кочи и 7 лодокъ, но уже въ слѣдующемъ году верхотурскій воевода доносилъ въ Москву, что государевыхъ запасовъ изъ Верхотурья сплавить въ другіе сибирскіе города не на чѣмъ: хлѣба скопилось много, а судовъ готовыхъ очень мало. Изъ этой же отписки видно, что въ 1640 г. назначено къ отправкѣ изъ государевыхъ верхотурскихъ житницъ покупного, выдѣльного и десятиннаго (съ государевой пашни) разнаго хлѣба 48,417 четвертей. И если, пишетъ воевода, положить на дощаникъ по 300 четвертей, то нужно будетъ дощаниковъ 161 [1]). Но это, конечно, не все количество хлѣба, которое требовалось въ разные сибирскіе города: по смѣтѣ тобольскаго воеводы «всего хлѣба на жалованіе служилымъ людямъ, ружникамъ, оброчникамъ и на разные неокладные расходы въ города тобольскаго и томскаго разрядовъ въ 1640 г. нужно было около 80,000 четвертей» [2]). А такъ какъ изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ въ обозрѣваемое нами время только Верхотурье, Туринскъ и Тюмень не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, то стало-быть ежегодно сплавлялось по рѣкѣ Турѣ сотни тысячъ пудовъ одного хлѣба; а для этой операціи нужно было имѣть и соотвѣтственное количество судовъ. Да къ этому нужно будетъ добавить, что суда еще требовались подъ соль, на подъемъ служилыхъ людей и для разной ямской гоньбы. Отсюда понятно, почему жители верхотурскіе, туринскіе и тюменскіе постоянно жалуются, что «они ежегодно мучатся надъ тѣмъ судовымъ дѣломъ».

Другіе классы сибирскаго общества могли легче переносить

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6138/94; Ст. № 6127/67 л. 635.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6127/83 л. 226.

судовую повинность именно потому, что они были избавлены отъ множества другихъ «государевыхъ издѣлій», тогда какъ пашенныхъ крестьянъ она въ высшей степени обременяла: они почти круглый годъ такъ или иначе работали на государя и затрачивали на всякія издѣлія такую массу труда, что имъ мало оставалось времени на работы по собственному хозяйству. Ко всѣмъ упомянутымъ повинностямъ нужно еще прибавить разные денежные поборы: нужно-ли построить новый гостинный дворъ, амбары, житницы, дворъ на пріѣздъ инородцевъ и т. п., а крестьяне не только должны были возить лѣсъ на эти постройки, но съ нихъ еще собирали и деньги на тотъ же предметъ. Конечно, всѣ эти «государевы издѣлія» и «денежные поборы» съ увеличеніемъ крестьянскаго населенія въ Сибири не такъ будутъ тяжело отзываться, когда можно будетъ раскладывать ихъ на большее число людей, но въ обозрѣваемый нами періодъ они дѣлали положеніе крестьянъ невыносимымъ и заставляли ихъ «бѣжать врозь». Изъ «списковъ пашенныхъ государевыхъ крестьянъ» видно, что послѣдніе бѣгали ежегодно и притомъ изъ всѣхъ уѣздовъ и изъ всѣхъ волостей. Одни крестьяне бѣжали въ поморскіе города, другіе «пропали безвѣстно», а приблизительно съ 1628 года они все чаще и чаще начинаютъ бѣгать чрезъ тагильскій волокъ на Чусовую, а оттуда вѣроятно на Волгу. Воеводы ежегодно посылаютъ тоже крестьянъ въ поморскіе города для отыскиванія бѣглецовъ; оттуда еще удавалось сыщикамъ возвратить ихъ на мѣсто жительства, но тѣ, которые бѣжали чрезъ тагильскій волокъ, пропадали безслѣдно.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что и между сибирскими крестьянами и пашенными и оброчными мы встрѣчаемъ семейства очень зажиточныя: они владѣютъ значительными участками земли, десятинъ по 50 и по 70, дѣлаютъ ежегодно на «собинныхъ пашняхъ» большіе присѣвы разнаго хлѣба и косятъ по сту и по триста копенъ сѣна; иные пашенные крестьяне обработываютъ на государя по 3 десятины въ полѣ..., а оброчные платятъ въ казну хлѣба четвертей по сту и по 120. Это, очевидно, больше-семейные люди: къ нимъ идутъ другіе крестьяне въ захребетники и половники. Кромѣ того у одного встрѣчаешь

«купленого человѣка родомъ колмакъ» или родомъ «нагаетинъ»; у другаго живутъ какіе-то «покормленики» по одному и по два человѣка. Или напр. въ дозорной книгѣ тюменскаго уѣзда читаемъ: «Деревня при р. Кармакѣ крестьянъ Тренки и Поздѣйки Букиныхъ, а у нихъ крѣпостныхъ людей три человѣка: Гришка, да Русанко, да Ивашко; пашни паханой доброй земли 25 четей, да перелогу 7 ч. въ полѣ, а въ дву потомужъ, да у нихъ же подъ деревнею мельница мутовка, да у деревни сѣна на 50 копенъ..» [1]).

Въ отношеніи ближайшаго управленія и суда государевы крестьяне были подчинены прикащику. Прикащикъ въ слободѣ, или волости имѣлъ такое же значеніе, какое воевода въ городѣ и въ уѣздѣ: обязанности этихъ должностныхъ лицъ по своему характеру были почти одинаковы, и наказы, опредѣлявшіе власть и кругъ обязанностей воеводъ и прикащиковъ, въ большинствѣ пунктовъ буквально сходны. Какъ воеводѣ, такъ и прикащику предписывается: «дѣлать всякія государевы дѣла по наказамъ и грамотамъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже, чтобъ государю прибыль учинить, а людямъ тягости не навесть». Поэтому и злоупотребленія прикащиковъ были такія же, какъ и воеводскія, и жалобы крестьянскія на своихъ ближайшихъ начальниковъ пишутся въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и на воеводъ; только, конечно, управу на прикащиковъ крестьянамъ найдти было несравненно легче, чѣмъ на воеводу, потому что эту управу могъ дать воевода, тогда какъ на воеводу только государь. Новый прикащикъ, назначенный воеводой въ слободу или волость, прежде всего долженъ былъ учесть стараго точно также, какъ это дѣлали новые воеводы при смѣнѣ старыхъ. Затѣмъ ему предписывалось: «будучи на службѣ крестьянъ и всякихъ людей во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ, судить въ пяти рубляхъ, а больше того не судить, а съ приставными памятями и челобитными истца и отвѣтчика отсылать къ воеводѣ; собирать пошлины съ дѣлъ судныхъ, съ купли и продажи и съ проѣзжихъ людей, вести приходорасходныя книги; призывать крестьянъ на государеву

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 5 лл. 506—507, 508.

пашню или на оброкъ и давать изъ государевой казны ссуду и подмогу, отъ обидъ и отъ насильства стороннихъ людей крестьянъ оберегать, и самому крестьянамъ налоговъ, убытковъ, продажъ и насильствъ никакихъ не дѣлать, а поступать во всемъ по наказу и по воеводскимъ памятямъ; смотрѣть, чтобъ крестьяне изъ слободы, или волости безъ спросу никуда не выѣзжали, не воровали и не грабили, въ зернь и въ карты не играли, корчмы и бл.... у себя не держали; смотрѣть, чтобъ пашенные крестьяне пахали, сѣяли и убирали государевы пашни во время и напередъ своихъ крестьянскихъ пашенъ; смотрѣть, чтобъ государевъ хлѣбъ собирали съ великимъ береженьемъ, въ скирды и въ одонья клали высуша гораздо, чтобъ молотили хлѣбъ и изъ ухоботья и мякины зерно вывѣивали до чиста, а обмолотя, велѣть привозить въ житницы и сдать цѣловальникамъ; смотрѣть, чтобъ крестьяне сѣмянной хлѣбъ на государевы пашни высѣвали сполна, на десятину ржи по двѣ четверти, а овса по 4 ч., чтобъ крестьяне государевъ хлѣбъ лошадьми не травили и не крали; солому, ухоботье и мякину продавать и деньги въ книги писать порознь, по статьямъ; отъ калмыцкихъ и отъ всякихъ воинскихъ людей жить съ великимъ береженьемъ, а какъ только будутъ вѣсти про непріятеля, то писать объ этомъ въ городъ къ воеводѣ и другимъ прикащикамъ въ слободы, а крестьянамъ съ женами и дѣтьми и съ имуществомъ велѣть бѣжать въ крѣпкое мѣсто и пр.» [1]). Такимъ образомъ кругъ обязанностей прикащиковъ былъ довольно обширный и для всякаго рода злоупотребленій имъ открывался широкій просторъ. Но особенно прикащики злоупотребляли своею властію при сборѣ пошлинъ: торговые и всякіе проѣзжіе люди, а также и крестьяне постоянно жаловались на нихъ, что «они берутъ пошлины лишнія, цѣнятъ всякіе товары не прямою цѣною, а дороже и тѣмъ сами корыстуются...», то есть дѣлали то-же самое, что и воеводы, когда въ городахъ и на заставахъ не было еще таможенныхъ головъ. Правительство обратило вниманіе на эти жалобы и дозволило

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 478 св. 76; А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6306/262 л. 50.

крестьянамъ нѣкоторыхъ слободъ изъ своей среды выбирать цѣловальниковъ, которые вѣдали бы всякія пошлины, и тѣмъ значительно ограничило кругъ обязанностей прикащиковъ и лишило ихъ возможности самой легкой наживы. Изъ другихъ выборныхъ лицъ въ слободахъ и въ волостяхъ встрѣчаются старосты и десятскіе, но они играли только полицейскую роль и были помощниками прикащиковъ въ надзорѣ за поведеніемъ крестьянъ; имъ предписывается: «беречь крестьянъ отъ побѣгу и отъ всякаго воровства» [1]).

Таково было положеніе въ Сибири государевыхъ крестьянъ. Что же касается крестьянъ владѣльческихъ, то о нихъ мы имѣемъ мало свѣдѣній, да ихъ и немного было въ описываемое нами время. Можемъ здѣсь отмѣтить только слѣдующее явленіе. Нѣкоторые владѣльцы напр. боярскія дѣти, или подъячіе, переселившись въ Сибирь съ своими холопами, даютъ послѣднимъ отпускныя, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они пробыли въ ихъ деревняхъ по нѣскольку лѣтъ въ качествѣ половниковъ, по пять, по шесть лѣтъ, смотря по уговору. Намъ кажется, что къ этому акту благодѣянія владѣльцы были просто вынуждаемы тамошними условіями жизни. При дороговизнѣ хлѣба кормить холоповъ было убыточно, а на ихъ работы на пашняхъ не всегда можно было надѣяться: при первомъ неудовольствіи на своего господина каждый холопъ легко можетъ убѣжать, а искать его было совершенно безполезно. Между тѣмъ отпущенный холопъ, сѣвши на пашню своего прежняго господина въ качествѣ половника, самъ заинтересовывался въ веденіи хозяйства, потому что, когда кончатся срочные годы. то онъ по уговорной записи имѣлъ право на хлѣбъ и скотъ, который наживетъ за время половничества.

Относительно монастырскихъ и архіепископскихъ крестьянъ можно смѣло сказать, что ихъ положеніе было гораздо лучше государевыхъ уже по одному тому, что они были несравненно менѣе обременены разными издѣліями и денежными поборами. Мы въ данномъ случаѣ, собственно, разумѣемъ крестьянъ тобольскаго Знаменскаго монастыря и софійскаго архіепископ-

---

[1]) А. И. т. III № 172.

скаго дома, потому что другіе сибирскіе монастыри въ обозрѣваемое нами время большею частію обработывали свои пашни сами, или сажали на нихъ половниковъ, а крестьянъ у нихъ было слишкомъ ничтожное число, человѣка по два по пять не болѣе, да и то часто бѣгали, такъ что въ извѣстный годъ монастырь имѣетъ нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, а въ слѣдующемъ году уже ни одного двора. Но тобольскій Знаменскій монастырь и домъ «Софіи Прем. Бож.», какъ мы видѣли, имѣли достаточное количество крестьянъ и о послѣднихъ мы болѣе имѣемъ и свѣдѣній. Оброчные крестьяне какъ Знаменскаго монастыря, такъ и архіепископскаго дома, были большею частію люди малосемейные, а потому и бѣдные: объ этомъ можно судить по количеству обработываемой ими пашни: они пашутъ по 2 ч. въ полѣ и рѣдко по 3 ч.; а судя по ничтожному количеству собираемаго ими сѣна, можно думать, что они имѣли и мало скота. Но пашенные крестьяне жили несравненно зажиточнѣе: они пахали minimum по 7 ч. въ полѣ и косили по 50 к. сѣна, а нѣкоторые изъ нихъ пахали по 20 ч. въ полѣ, а сѣна косили по 100 и болѣе копенъ. Вообще за богатымъ монастыремъ сибирскимъ крестьянамъ жить было гораздо выгоднѣе, чѣмъ за государемъ, или служилыми людьми; это ясно можно видѣть по даннымъ, касающимся половниковъ тобольскаго Знаменскаго монастыря. Прежде всего замѣтимъ, что происхожденіе этихъ половниковъ было разное: про одного говорится въ дозорныхъ книгахъ, что онъ пріѣхалъ изъ Руси въ Сибирь по проѣзжей монастырской грамотѣ, то есть онъ былъ прибранъ въ половники еще на Руси; другой по переселеніи въ Сибирь нѣкоторое время жилъ въ наймитахъ у служилыхъ или посадскихъ людей, а потомъ поступилъ въ половники къ Знаменскому монастырю; третій былъ приговоренъ въ половники какимъ-нибудь подъячимъ или боярскимъ сыномъ еще на Руси, но монастырь его выкупилъ за 15 или 17 рублей и посадилъ на свою пашню тоже въ половники и пр. Но всѣ эти половники навсегда остаются жить за монастыремъ: жили отцы до самой смерти, лѣтъ по 20 и по 30, а потомъ живутъ и дѣти на тѣхъ же условіяхъ, то есть въ качествѣ половниковъ. Мы не видѣли ни одного случая, чтобы мона-

Отлично или сѣнного?

стырскій половникъ переселялся на пашню къ какому-нибудь другому владѣльцу, между тѣмъ какъ половники служилыхъ людей, посадскихъ и крестьянъ едва только отживутъ срочные годы—лѣтъ 5 или 6, какъ уже переходятъ на пашню монастырскую. Даже отпущенные холопы, проживши въ половникахъ у своего прежняго господина срочные годы, забираютъ нажитой скотъ и переселяются въ монастырскія деревни. Отсюда само собою очевидно, что за монастыремъ было жить гораздо лучше, чѣмъ за какимъ-нибудь другимъ владѣльцемъ. Половники Знаменскаго тобольскаго монастыря, хотя пашутъ на себя незначительное количество земли—четей по 5, по 12 не болѣе, но почти всѣ они имѣютъ достаточное количество скота и преимущественно рогатаго, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли по 2 лошади, по 4 быка, по 4 дойныхъ коровы, по нѣсколько телятъ и свиней. Къ этому нужно еще добавить, что многіе монастырскіе половники имѣютъ своихъ половниковъ по одному и по два человѣка.

Въ заключеніи этой главы намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о нравственномъ состояніи первыхъ насельниковъ Сибири. Занимающимся отечественною исторіей хорошо извѣстна грамота патріарха Филарета къ первому сибирскому архіеп. Кипріану, въ которой онъ самыми мрачными красками описываетъ нравы сибирскаго общества, но кажется никому неизвѣстно то, что эта грамота написана не по разсказамъ «воеводъ и приказныхъ людей, которые преже сего бывали въ Сибири», какъ говорится въ этомъ документѣ, и которымъ можно было бы и не вѣрить, а на основаніи донесенія самого архіепископа Кипріана и, можетъ быть, есть только переписка части донесенія послѣдняго. Поэтому упомянутый документъ имѣетъ несравненно большее историческое значеніе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, и факты крайней безнравственности сибирскаго населенія, записанные въ немъ, заслуживаютъ полнѣйшаго вѣроятія. Къ сожалѣнію самой грамоты Кипріана къ государю и патріарху до насъ не сохранилось, но что она существовала и была писана ранѣе грамоты къ нему Филарета, въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся: о ней упоминается въ грамотахъ Михаила Ѳедоровича

къ воеводамъ тобольскому и березовскому и въ одной отпискѣ воеводы тобольскаго Матвѣя Годунова къ воеводѣ пелымскому. А если патріархъ Филаретъ въ своей грамотѣ пишетъ, что онъ якобы узналъ о безнравственномъ состояніи сибирскаго общества изъ разсказовъ воеводъ и приказныхъ людей и упрекаетъ въ ней Кипріана за то, что послѣдній ему «о томъ ни о чемъ не пишетъ», то этого, вѣроятно, хотѣлъ самъ Кипріанъ, чтобы не ожесточить противъ себя воеводъ и служилыхъ людей, которыхъ его донесеніе главнымъ образомъ касается.

Какія же свѣдѣнія о нравахъ сибиряковъ сообщаетъ намъ грамота патріарха? Она, прежде всего, указываетъ на то, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не по-христіански, не по преданіямъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ, а по своей волѣ, по своимъ скверным похотямъ: многіе русскіе люди и иноземцы, принявшіе православіе, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, а ѣдятъ мясо и «всякія скверны» вмѣстѣ съ татарами, остяками и вогулами. Затѣмъ упомянутая грамота отмѣчаетъ факты крайне отвратительнаго половаго разврата, господствовавшаго какъ среди свѣтскаго общества, такъ и въ сибирскихъ монастыряхъ: многіе православные люди живутъ съ некрещенными инородками, какъ бы съ своими женами и дѣтей съ ними приживаютъ: иные женятся на сестрахъ двоюродныхъ и родныхъ, на дочеряхъ своихъ, «блудомъ посягаютъ» на своихъ матерей и дочерей «чего, говорится въ грамотѣ, и въ поганыхъ и не знающихъ Бога не обрѣтается, о чемъ не только писать, но и слышать гнустно». Изъ этого же документа видно, что многіе служилые люди, отправляясь по дѣламъ службы въ Москву или въ другіе города, закладываютъ своихъ женъ на сроки, а тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, живутъ съ ними и «блудъ творятъ беззазорно» до тѣхъ поръ, пока мужья ихъ не выкупятъ. Если же по истеченіи срока мужья не выкупятъ заложенныхъ своихъ женъ, то кредиторы продаютъ послѣднихъ «на воровство и на работу всякимъ людямъ». Нѣкоторые же «бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства берутъ къ себѣ насильно и у мужей работныхъ людей отнимаютъ женъ и

держатъ у себя для воровства и крѣпости на нихъ воровскіе берутъ заочно; а тѣ люди бѣгаютъ, у которыхъ женъ поотнимаютъ, отдаются въ холопи, въ неволю всякимъ людямъ и женятся на иныхъ женахъ, а отнятыхъ женъ выдаютъ за другихъ мужей или продаютъ, или отдаютъ въ закладъ и въ холопи всякимъ людямъ. А попы сибирскихъ городовъ, черные и бѣлые, не только такія беззаконенія не запрещаютъ, но и говорятъ молитвы, а иныхъ вѣнчаютъ безъ знаменъ, не по христіанскому закону». Монастыри также вели соблазнительную жизнь. Мы упоминали, что первоначально, до пріѣзда Кипріана въ Сибирь, монахи и монахини жили вмѣстѣ въ одномъ и томъ же монастырѣ. Поэтому въ сибирскихъ монастыряхъ царилъ полнѣйшій развратъ: монахини развратничали и съ монахами и съ мірскими людьми. Многіе монахи и монахини снимали съ себя чернецкое платье и жили въ однихъ домахъ съ мірскими людьми и въ своей жизни ничѣмъ не рознились отъ этихъ послѣднихъ. Далѣе патріархъ пишетъ, что служилые люди, когда пріѣзжаютъ въ Москву съ государевою денежною и соболиною казною, то подговариваютъ многихъ женокъ и дѣвокъ, привозятъ ихъ въ сибирскіе города и держатъ вмѣсто женъ, а иные продаютъ литовцамъ, нѣмцамъ и татарамъ. «А воеводы», читаемъ въ той же грамотѣ, «того не брегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства, беззаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ, покрывая ихъ для своей бездѣльной корысти, и иные же воеводы и сами такимъ ворамъ потакаютъ и попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ насильно...» [1]). Но этого мало, сами воеводы подавали примѣръ къ разврату и творили всякія беззаконія. Про нарымскаго воеводу тобольскій воевода писалъ въ Туринскъ, что «онъ женъ служилыхъ людей бралъ насильно къ себѣ на постель, а когда мужья ихъ хотѣли писать на него грамоту и обратились съ этою цѣлію къ своему попу, то воевода билъ кнутомъ и попа и служилыхъ людей...» [2]).

Такова была печальная картина нравственнаго состоянія

---

[1]) Сиб. Госуд. Гр. и Дог. ч. III № 60.

[2]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 477 св. 3.

сибирскаго общества до открытія въ Сибири архіепископской каѳедры. Многія другія данныя вообще указываютъ на паденіе религіознаго чувства у русскихъ людей, переселившихся за Уральскій хребетъ, а такъ какъ религія для мало образованнаго человѣка служитъ главнымъ сдерживающимъ началомъ въ его страстяхъ, то при недостаткѣ религіозности, онъ уже не стѣсняется въ проявленіи своихъ дикихъ инстинктовъ и «творитъ», какъ говорится въ грамотѣ Филарета, «всякія беззаконія беззазорно». Такой упадокъ у сибиряка религіознаго чувства объясняется очень легко. Въ Сибири, особенно въ городахъ, лицомъ къ лицу столкнулись люди разныхъ національностей, разныхъ религій и разныхъ нравственныхъ понятій: тамъ были язычники, магометане, лютеране, католики и, наконецъ, русскіе православные; туда, какъ мы видѣли, ссылались плѣнные поляки, литовцы и нѣмцы, принимавшіе участіе въ смутной эпохѣ, а мы знаемъ, что въ эту ужасную эпоху не только наши враги, терзавшіе русскую землю, забыли Бога, для которыхъ не было ничего святаго и которые были болѣе похожи на звѣрей, чѣмъ на людей, но многіе и изъ русскихъ людей, малороссійскіе и донскіе казаки, вели себя не лучше враговъ. Многіе изъ этихъ изверговъ были плѣнены, сосланы въ Сибирь и поверстаны въ службу и такимъ образомъ вошли въ составъ сибирскаго населенія; туда же ссылались на службу и на пашню «воры», «разбойники», «душегубцы» и другіе преступники. И эта смѣсь элементовъ не могла не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ и на «приборныхъ», «переведенцахъ» и вольныхъ переселенцахъ изъ русскихъ людей, на ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ.

Очевидно, что съ такимъ развращеннымъ обществомъ архіепископу Кипріану трудно было бороться, научить его жить по заповѣдямъ Божіимъ и открытіе архіепископской каѳедры въ Тобольскѣ мало должно было повліять на нравственную сторону сибиряковъ. Патріархъ Филаретъ, отправляя въ Сибирь Кипріана, «заповѣдалъ ему достойно пасти словесное стадо, заботиться о чистотѣ вѣры завоевателей и русскихъ пришельцевъ, обращать ко Христу идолопоклонниковъ и магометанъ,

да проповѣдь слова Божія ростетъ и множится..» [1]). Но Кипріянъ, явившись на мѣсто службы, сразу долженъ былъ почувствовать себя одинокимъ въ дѣлѣ выполненія той высокой задачи, которую заповѣдалъ ему патріархъ; на тамошнее бѣлое духовенство онъ при своемъ служеніи не могъ разсчитывать: оно было и слишкомъ малочисленно и къ тому же распущенно не менѣе свѣтскаго общества; «бѣлые попы», говорится въ донесеніяхъ разныхъ сибирскихъ архіепископовъ,— «не учители, а бражники». Черныхъ поповъ было совсѣмъ мало, а монастыри служили примѣромъ разврата. Кипріанъ привезъ съ собою нѣсколько бѣлыхъ и черныхъ поповъ; первые должны были съ нимъ служить въ Тобольскѣ, а вторыхъ онъ послалъ въ разные сибирскіе монастыри. Но мы уже упоминали, что за люди были бѣлые попы, что они не только не хотѣли служить въ соборной тобольской церкви, но даже возстановляли противъ Кипріана тобольское сибирское населеніе. А относительно черныхъ поповъ Кипріанъ писалъ патріарху, «что ихъ не принимаютъ ни въ которыхъ городахъ». Нечего уже и говорить о томъ, что воеводы и вообще служилый классъ встрѣтили непривѣтливо пріѣздъ архіепископа и сразу стали къ нему во враждебное отношеніе. Они хорошо понимали, что Кипріанъ будетъ печальникомъ за всѣхъ обиженныхъ, будетъ писать патріарху и государю о всѣхъ ихъ беззаконіяхъ и его донесенія будутъ подѣйствительнѣй, чѣмъ жалобы посадскихъ людей, крестьянъ и инородцевъ. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Тобольскъ, по крайней мѣры не позже конца 1621 г., Кипріанъ написалъ грамоту государю и патріарху, въ которой онъ довольно подробно описывалъ нравы сибирскаго населенія, и указывалъ на тѣ препятствія, которыя онъ встрѣтилъ при своемъ служеніи со стороны служилаго класса. Кипріанъ пишетъ, «что когда онъ ѣхалъ въ Сибирь, то въ сибирскихъ городахъ видѣлъ многое нестроеніе...». Затѣмъ, перечисливъ всѣ тѣ беззаконія, которыя приводятся въ грамотѣ Филарета, Кипріанъ продолжаетъ: «Разные служилые люди приходятъ къ нему съ великимъ шумомъ и сказываютъ, что у нихъ есть го-

---

[1]) «Кипріанъ первый арх. тоб.» Стран. 1864 г. Авг.

сударева грамота дѣлать такъ, какъ они дѣлаютъ... не даютъ разводить незаконно сожительствующихъ, скрываютъ всякія вины беззаконниковъ и беззаконницъ.. въ монастыряхъ черпецы живутъ съ женами и онъ хотѣлъ развести ихъ и учинить наказаніе по правиламъ святыхъ отцовъ и за тѣхъ беззаконниковъ и беззаконницъ стоятъ всякихъ чиновъ люди..... что тѣхъ поповъ и игуменовъ, которыхъ онъ послалъ, въ города не принимаютъ ни въ которыхъ городахъ... что попы и мірскіе люди, которые пріѣзжаютъ въ Москву за церковнымъ строеніемъ, получивъ отъ государя то строеніе, пропиваютъ..» [1]). По поводу этого донесенія Кипріана и отъ Михаила Ѳедоровича посланы грамоты сибирскимъ воеводамъ и они составлены на основаніи тѣхъ же данныхъ, какъ и грамота Филарета. Такъ березовскому воеводѣ въ 1622 г. государь писалъ. «Вѣдомо намъ стало, что въ сибирскихъ городахъ служилые и всякихъ чиновъ люди учинили межъ собою совѣтъ въ духовныхъ дѣлахъ богомольца нашего архіепископа Кипріана и его дѣсятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходить не хотятъ, а научаютъ межъ себя на архіепископа служилыхъ и всякихъ чиновъ людей во всѣхъ сибирскихъ городахъ шумѣть, а вы воеводы имъ въ томъ потакаете... и во многихъ мѣстахъ Сибири нестроеніемъ воеводъ города развались... и въ пьянствахъ у васъ многіе люди бьются и рѣжутся до смерти, а вы про то не сыскиваете и т. д.» [2]).

Въ заключеніе своей грамоты патріархъ Филаретъ требовалъ, чтобы Кипріанъ прочиталъ её въ соборной тобольской церкви предъ воеводами, дѣтьми боярскими и всякими служилыми и жилецкими люди, а списки съ нея разослалъ во всѣ сибирскіе города, чтобъ эта грамота стала извѣстною всѣмъ; требовалъ также, чтобы онъ прислалъ въ Москву ту грамоту, на которую ссылались служилые люди и которая будто бы

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 184 см. отписку тоб. воеводы М. Годунова въ Пелымъ отъ 1622 г. Въ этомъ документѣ почти цѣликомъ приведена грамота Кипріана, а также говорится, что государь и патріархъ писали въ Сибирь по грамотѣ архіепископа.

[2]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 477 св. 6. Почти съ такимъ же содержаніемъ отправлена грамота и къ верхотур. воеводѣ. См. А. И. т. III № 113.

разрѣшала имъ «изъ иныхъ городовъ свозить женъ и дѣвицъ и съ ними жить по своей волѣ...». Кипріанъ исполнилъ распоряженіе патріарха—читалъ и разъяснялъ его грамоту въ Тобольскѣ, а разсылая съ нея списки въ другіе сибирскіе города, просилъ воеводъ собрать чрезъ биричей всякихъ чиновъ людей съ женами и дѣтьми и прочитать имъ грамоту святѣйшаго патріарха, «чтобъ они всякое богоненавистное и мерзкое дѣло покинули и жили бы по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ» [1]). Въ царскихъ грамотахъ, разосланныхъ 1622 г. ко всѣмъ сибирскимъ воеводамъ, также приказывалось, чтобы воеводы въ духовныя дѣла не вступались, слушали бы въ этихъ дѣлахъ архіепископа и его десятниковъ, а служилыхъ и всякихъ чиновъ людей унимали отъ всякаго беззаконія, тѣхъ же, которые не станутъ слушать въ духовныхъ дѣлахъ архіепископа или его десятниковъ, наказывать, смотря по винѣ. Но всѣ эти грамоты оставались мертвой буквой для воеводъ и разныхъ служилыхъ людей. И во время Кипріана и послѣ него архіепископскіе десятники жалуются, что воеводы и другіе приказные люди покрываютъ всякихъ беззаконниковъ и беззаконницъ и не даютъ имъ судить ихъ въ духовныхъ дѣлахъ, а люди всякихъ чиновъ, надѣясь на заступничество воеводъ, «живутъ блудно и творятъ всякія беззаконенія». Въ свою очередь воеводы доносятъ въ Москву, что эти десятники всякимъ уѣзднымъ и городскимъ людямъ дѣлаютъ притѣсненія и обиды, берутъ большія взятки и т. п. Столкновеніе между архіепископскими приказными людьми и воеводами были постоянныя. Кругъ обязанностей десятниковъ былъ обширный; дѣла, подлежащія ихъ вѣдѣнію, въ распущенномъ сибирскомъ обществѣ, можно сказать, возникали ежеминутно. Но городское населеніе уже привыкло по всѣмъ дѣламъ суда и управы обращаться къ воеводамъ и продолжало тоже дѣлать и при архіепископскихъ десятникахъ; воеводы не хотѣли поступиться своими правами и разбирали всякія дѣла. Кипріанъ въ своихъ грамотахъ къ сибирскимъ воеводамъ довольно подробно перечисляетъ всѣ тѣ дѣла, которыя

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 477; см. гр. Кипріана въ Епанчинъ къ воеводѣ.

должны были вѣдать его приказные люди, просить ихъ не вступаться въ эти дѣла, не стоять за преступниковъ и помогать десятникамъ въ томъ случаѣ, если преступники не захотятъ идти подъ ихъ судъ... [1]). Но на практикѣ выходило такъ, что каждый обращался туда, куда ему было выгоднѣй: истецъ шелъ за судомъ и управой къ десятнику, а отвѣтчикъ искалъ защиты у воеводы; слѣдствіемъ же этого было неизбѣжное столкновеніе между этими двумя властями. Словомъ между архіепископскими приказными людьми, какъ представителями церковной власти и сибирскими воеводами, какъ представителями свѣтской власти, установились самыя враждебныя отношенія и это не могло не отразиться печальнымъ образомъ на выполненіи архіепископомъ Кипріаномъ той высокой задачи, которую возложилъ на него патріархъ Филаретъ. И въ самомъ дѣлѣ: что могли сдѣлать архіепископскіе десятники и даже самъ архіепископъ, если имъ не помогала свѣтская власть, которая только одна и располагала матеріальной силой?! Напр. въ 1623 г. старицы тюменскаго женскаго монастыря жаловались архіепископскому десятнику на свою игуменью въ духовномъ дѣлѣ, что она «живетъ не по иноческому обѣщанію» и ссылались на одного ярыжку, какъ на свидѣтеля грѣшныхъ поступковъ игуменьи. Десятникъ потребовалъ къ допросу этого ярыжку, но послѣдній не захотѣлъ предъ нимъ дать никакихъ показаній, говоря, что онъ можетъ объявить про духовное дѣло игуменьи только самому архіепископу. Тогда десятникъ обратился къ воеводѣ съ тѣмъ, чтобы онъ посадилъ на-время ярыжку въ тюрьму, но воевода отказалъ ему въ этомъ [2]). Что значилъ послѣ этого судъ приказныхъ людей архіепископа?! И чѣмъ эти приказные строже относились къ своимъ обязанностямъ, тѣмъ населеніе болѣе ихъ ненавидѣло и на ихъ нравственный надзоръ не обращало никакого вниманія и продолжало жить также, какъ и жило прежде.

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 477 тет. I см. гр. Кипріана мангазейскому воеводѣ отъ 1 фев. 1624 г.

[2]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 477 тет. 6.

Кипріанъ скоро оставилъ тобольскую архіепископскую каѳедру и, вѣроятно, съ полнымъ сознаніемъ, что его заботы поднять нравственное состояніе сибирскаго населенія были совершенно безплодны. И дѣйствительно, чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только заглянуть въ документы, относящіеся къ послѣдующему времени.

Можно было бы привести множество фактовъ для характеристики низкаго нравственнаго состоянія сибирскаго населенія и особенно служилаго класса, но мы не считаемъ этого нужнымъ: новаго они даютъ намъ мало, и если-бы упоминать о нихъ, то это значило бы цѣликомъ повторять то, что́ мы уже видѣли въ грамотѣ Филарета и донесеніи Кипріана. Факты эти показываютъ, что въ Сибири продолжалъ царить самый отвратительный развратъ; монахи и монахини ведутъ мірскую жизнь; пьянство, игра въ зернь и карты сопровождаются драками и убійствами. Крестьяне жалуются на боярскихъ дѣтей, что послѣднія съ своими людьми выбываютъ изъ деревень и захватываютъ ихъ земли; дьякъ жалуется на воеводу, что онъ «билъ его, топталъ ногами и выдралъ бороду»; цѣловальники бьютъ челомъ государю, «что ихъ таможенный голова, пришедъ пьянъ, велѣлъ служилымъ людямъ разболочи до нага, билъ батогами на смерть и увѣчилъ на вѣкъ» за то, что они не хотѣли приложить своихъ рукъ къ таможенной книгѣ, которую онъ составилъ безъ ихъ участія; софійскій боярскій сынъ доносилъ въ Москву, что государевы деньги 900 р., которые посланы съ нимъ въ Тобольскъ, украли въ Тюмени; ямскіе охотники однажды жаловались, что изъ 100 р., выданныхъ имъ въ счетъ жалованья, 28 р. оказались поддѣльными, оловянными и т. п. [1]).

Какъ Кипріанъ, такъ и другіе сибирскіе архіепископы жалуются, что воеводы вмѣшиваются въ ихъ духовныя дѣла, покрываютъ беззаконниковъ и беззаконницъ, берутъ бѣлыхъ поповъ «для письма и выдѣлу», а церкви въ это время остаются безъ службы, люди помираютъ безъ крещенья и при-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Ст. № 6403/359; Ст. № 6130/86; Ст. № 6111/67; Разб. Ст. № 400.

частія, бьютъ бѣлыхъ поповъ батогами, сажаютъ въ тюрьмы и даже «отставляютъ отъ церквей Божіихъ». А о самыхъ бѣлыхъ попахъ архіепископъ Симеонъ въ 1653 году писалъ государю, что въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ «попы живутъ не чинно, пьютъ, бражничаютъ, священническая дѣйствуютъ иное не по преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, а по своему изволенію». Затѣмъ тотъ же архіепископъ доносилъ, что иные попы живутъ такъ далеко отъ Тобольска, что если ихъ вызывать «на смиреніе», то имъ проѣзду будетъ года по два и больше...» [1]). Да и сами архіепископы не всегда стояли на высотѣ своего сана и, кажется, болѣе заботились о матеріальныхъ дѣлахъ софійскаго дома, чѣмъ о своей паствѣ, о дѣлахъ духовныхъ. Иначе не было бы такихъ безобразій, какія мы встрѣчаемъ въ самомъ городѣ Тобольскѣ. Въ 1637 году попъ Григорій Пятка во главѣ своего прихода билъ челомъ государю: «въ 1613 г. въ Тобольскѣ воздвигнутъ храмъ во имя Всемилостивѣйшаго Спаса съ придѣломъ твоего государева ангела преподобнаго Михаила Милетскаго и подлѣ паперти того храма на могилахъ разными людьми поставлены полки, гдѣ продаютъ мясо и рыбу и отъ тѣхъ, государь, полокъ твоему богомолью великое утѣсненіе и во время службы отъ людскаго кричанья не слышно и самаго пѣнья, а отъ собакъ бываетъ великая скверна; мертвыхъ отъ тѣсноты погребать негдѣ, у архіепископскихъ воротъ положены многіе мертвые; да подлѣ паперти, государь, стояли двѣ полки и Ѳедька Казанецъ на мѣстѣ тѣхъ полокъ въ 1632 г. поставилъ двѣ лавки вплоть подлѣ папертной стѣны и тѣми лавками заставилъ многія могилы, а самая паперть отъ нихъ сгнила». Въ заключеніе этой челобитной челобитчики просили государя, чтобы онъ велѣлъ очистить паперть Всемил. Спаса отъ тѣхъ лавокъ и полокъ [2]). Этотъ фактъ важенъ въ томъ отношеніи, что не архіепископы тобольскіе позаботились объ уничтоженіи этихъ безобразій, которыя творились на ихъ глазахъ, а сами прихожане Спасской церкви и попъ. Таково-то было радѣніе

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6444/100 см. гр. къ Ал. Мих. въ 1653 г.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6111/67 л. 213.

о «духовныхъ дѣлахъ» сибирскихъ архіепископовъ. Да нѣкоторымъ изъ нихъ и времени не было для этихъ дѣлъ; мы видѣли какою страстью къ стяжанію отличались архіепископы Нектарій и Герасимъ! Какимъ могъ быть пастыремъ этотъ послѣдній, когда «отъ его архіепископскаго мученія» два человѣка удавилось?! Одинъ боярскій сынъ города Тобольска Ивашка Мильзинъ обвинялъ архіепископа Симеона въ возмутительномъ насиліи. Нужно замѣтить, что этотъ Мильзинъ служилъ у архіепископа Герасима въ дьячкахъ и вѣдалъ софійскихъ дворовыхъ людей. По смерти Герасима въ 1650 г. тобольскій воевода Шереметьевъ съ товарищами указалъ ему продолжать ту же службу до пріѣзда новаго архіепископа и, между прочимъ, вручилъ подъ росписку Мильзину 200 р. денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ жалованье софійскимъ дворовымъ людямъ на 1651 г. Мильзинъ, дѣйствительно, деньги роздалъ, «а для вѣры въ томъ взялъ съ софійскихъ людей росписку за ихъ руками». Но архіепископъ Симеонъ, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, призвалъ къ себѣ этого Мильзина и отнялъ у него росписку дворовыхъ людей, а этимъ послѣднимъ приказалъ взятыхъ ими денегъ въ государеву казну не платить и Мильзину не отдавать. «И за тѣ, государь, деньги у меня», жаловался Мильзинъ, «взятъ дворишко въ твою казну, да меня же держали на правежѣ 20 недѣль до тѣхъ поръ, пока добрые люди не выкупили. Да онъ же архіепископъ Симеонъ безъ твоего государева указу цѣлый годъ мучилъ меня въ цѣпи и въ желѣзахъ; а кто на меня наклеплетъ изъ его дворовыхъ людей и онъ безъ суда и сыску велитъ править и тѣмъ меня разорилъ со всѣми животишками...». Челобитчикъ наконецъ проситъ государя, чтобы онъ «указалъ его счесть по приходнымъ и расходнымъ книгамъ въ Тобольскѣ мимо архіепископа Симеона и его приказныхъ людей, кому ты государь укажешь» [1]).

Положимъ, какъ сейчасъ увидимъ, Ивашка Мильзинъ во многомъ былъ виновенъ противъ софійскаго дома и заслужи-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6444/100 см. челоб. къ Алек. Мих. 1653 г. Ивашки Мильзина.

валъ суроваго наказанія, но во всякомъ случаѣ тотъ способъ, который употребилъ Симеонъ, чтобы наказать его, совсѣмъ не приличенъ и особенно для высшаго представителя церкви. Въ свою очередь архіепископъ Симеонъ жаловался государю, что этотъ Мильзинъ, управляя софійскимъ домомъ въ продолженіи полутора года, совершенно его опустошилъ: «хлѣбъ всякій, медъ прѣсный и вино горячее, всякія питья и всякую посуду разносилъ къ себѣ и съ племенемъ и друзьями всякимъ софійскимъ добромъ дѣлился; да кромѣ того онъ приходилъ съ друзьями и съ племенемъ, съ женами во архіепископскій домъ, пили, ѣли и прохлаждались въ архіепископскихъ кельяхъ и вслѣдствіе этого такъ разорилъ софійскій домъ, что я, богомолецъ твой, по пріѣздѣ въ Тобольскъ не нашелъ никакой посуды ни въ кельяхъ, ни въ поварнѣ и нечѣмъ было воды зачерпнуть, а денегъ въ казнѣ не осталось ни одной деньги...» [1]).

Вообще нравы въ Сибири въ обозрѣваемое нами время были жестокіе и распущенность царила какъ въ мірѣ, такъ и въ монастыряхъ. Для характеристики нравовъ сибиряковъ мы приводили факты не исключительные, а обыкновенные, которые часто встрѣчаются въ документахъ. Однако здѣсь мы должны сдѣлать оговорку относительно крестьянскаго деревенскаго населенія: намъ очень мало попадалось изъ крестьянской жизни такихъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы объ особенно низкомъ нравственномъ уровнѣ крестьянъ, хотя между ними и было множество ссыльныхъ, разныхъ преступниковъ; мы не можемъ сказать, что и въ деревняхъ царили тѣ же пороки, какіе мы видѣли въ городахъ и монастыряхъ. Очень можетъ быть, что этихъ фактовъ не дошло до насъ, или просто они не попались намъ подъ руку, но мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство: въ смѣтныхъ книгахъ слободъ ежегодные доходы съ судныхъ дѣлъ показаны самые ничтожные—1 р., 2 р. и рѣдко 3 рубля, а въ нѣкоторыхъ слободахъ за иной годъ совсѣмъ судныхъ дѣлъ не было. Этотъ фактъ довольно краснорѣчиво говоритъ въ пользу крестьянъ; по крайней мѣрѣ можно сказать, что они между собою

---

[1]) Ibid. см. челобит. арх. Симеона къ Ал. Мих. въ 1653 г.

жили сравнительно мирно. Правда, мы упоминали выше, что напр. крестьяне Ницынской слободы убили своего прикащика, невьянскіе и тагильскіе крестьяне выходили противъ переписчиковъ и досмотрщиковъ съ луками и дубинами, иные берутъ изъ государевой казны подмогу и ссуду и убѣгаютъ съ государевой пашни. Но къ такимъ поступкамъ крестьяне иногда были просто винуждаемы. Напр., чѣмъ они могли отвѣтить на такое распоряженіе туринскаго воеводы Кафтырева: онъ велѣлъ не болѣе—не менѣе, какъ сжечь всю Ирбитскую слободу. Мы не знаемъ, какъ крестьяне этой слободы защищались противъ этого дикаго распоряженія воеводы, но только послѣднее не было приведено въ исполненіе.

ГЛАВА IX.

Послѣднюю главу нашего изслѣдованія, какъ и первую, мы посвящаемъ сибирскимъ инородцамъ. Мы знаемъ, что въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ русское господство (не упоминая о другихъ мѣстахъ Сибири) утвердилось надъ татарами, остяками, вогулами и самоѣдами, жившими въ предѣлахъ семи уѣздовъ: въ верхотурскомъ, туринскомъ, тюменскомъ, тобольскомъ, тарскомъ, пелымскомъ и березовскомъ; инородцы въ это короткое время были покорены и обязаны платить дань. Въ первой главѣ мы замѣтили, что инородцевъ не трудно было побѣждать и это понятно почему: русскіе завоеватели имѣли на своей сторонѣ храбрость, бо́льшую воинскую опытность, а главное огнестрѣльное оружіе, которое вначалѣ столько же пугало сибиряковъ, сколько и американцевъ при покореніи послѣднихъ испанцами. Правда, сибирскіе инородцы очень искусно стрѣляли изъ луковъ, но они боялись близко подходить къ русскимъ, опасаясь «грома и молніи», которые производили ихъ мушкеты и пушки; въ битвахъ они большею частію держали себя въ отдаленіи и потому ихъ стрѣлы не причиняли никакого вреда русскимъ войскамъ. На это ясно указываетъ такого рода фактъ: напр., воевода тобольскій доноситъ въ Москву, что онъ посылалъ противъ Кучума 300 или 400 человѣкъ войска, настигли кучумовыхъ людей въ такомъ мѣстѣ, множество татаръ побили, множество захватили въ плѣнъ, «а русскіе люди пришли всѣ Богъ далъ здорово», или одинъ убитъ или одинъ раненъ. Но тѣмъ не менѣе инородцы упорно отстаивали свою независимость и особенно тогда, когда у нихъ былъ

вождь, знаменитый Кучумъ; ихъ не легко было заставить покориться московской власти и обязать платить ясакъ московскому царю. Этимъ упорствомъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что, когда кончился періодъ завоеванія упомянутыхъ уѣздовъ, то въ нихъ инородцевъ осталось не болѣе 4000 человѣкъ взрослаго мужского пола, хотя несомнѣнно, что до похода Ермака ихъ было по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше. Да и послѣ завоеванія инородцы не разъ поднимали бунты съ цѣлью освободиться отъ русскаго ига и «быть себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ». Смутная на Руси эпоха представляла для этого самое удобное время. Михаилъ Ѳедоровичъ, отправляя своихъ пословъ Воейкова и Гордѣева въ Астрахань для принятія въ подданство одного татарскаго князька Касая, наказывалъ имъ, что, если Касай спроситъ про Сибирское царство, то сказать: «не только нынѣ, а коли была, за нашъ грѣхъ, и смута въ московскомъ государствѣ и Сибирское царство и тогда стояло ни чѣмъ непоколебимо» [1]. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не было такъ. Въ 1607 г. подняли бунтъ всѣ ясачные люди березовскаго уѣзда; во главѣ возстанія стали кодскіе остякскіе князья Алачевы-Игичеевы, не смотря на то, что они уже давно приняли христіанство и въ ихъ землѣ Кодѣ была ими основана церковь. Инородцы окружили городъ Березовъ въ такомъ большомъ числѣ, что березовскіе служилые люди, которыхъ въ это время было 323 человѣка, не осмѣлились выйти изъ города, чтобы отразить непріятеля. Но инородцы не умѣли брать русскихъ городовъ, а потому изъ ихъ возстаній ровно ничего не выходило, кромѣ гибели ихъ самихъ. Изъ одной челобитной къ государю березовскихъ служилыхъ людей видно, что, хотя они просидѣли въ осадѣ два мѣсяца, но тѣмъ не менѣе имъ вреда инородцы не причинили, а они «Божіею милостію многихъ измѣнниковъ переимали» и въ томъ числѣ кодскую княгиню Анну [2]. Однако бунтъ этимъ не кончился; онъ продолжался и въ слѣдующемъ году. А въ 1609 г. инородцы затѣвали произвести

---

[1]) А. И. Т. III № 289 стр. 409.
[2]) Р. И. Б. т. II, №№ 78 и 79.

общее возстаніе противъ русскаго господства въ Сибири: въ немъ должны были принять участіе вогулы и остяки березовскаго, пелымскаго, сургутскаго уѣздовъ и татары иртышскіе, а судя по нѣкоторымъ даннымъ, въ заговорѣ участвовали инородцы верхотурскіе, туринскіе и тюменскіе. Въ то же время тунгусы нападали на ясачныхъ людей кетскаго уѣзда и требовали, чтобы послѣдніе перестали платить ясакъ русскому царю, или, выражаясь иными словами, чтобъ тоже подняли бунтъ [1]). Томскіе воеводы доносили въ Москву: «въ 1607 г. учинилась болѣзнь тяжкая бесовскимъ недугомъ въ Томскомъ городѣ надъ служилыми людьми и надъ женками; и имъ сказали служилые люди, что новокрещенъ татаринъ Иванка ходитъ по татарскимъ юртамъ ворожить, и въ бубенъ бьетъ и шейтановъ призываетъ; а они-де въ съѣзжей избѣ предъ собою того Ивашка роспрашивали: кто ту тяжкую болѣзнь на русскихъ людей напустилъ? И Ивашка... сказалъ: напустили-де на русскихъ людей шейтановъ кузнецкіе и чулымскіе татары». Этимъ отвѣтомъ воеводы не могли удовольствоваться: имъ нужно было знать, для чего шайтаны напущены на русскихъ служилыхъ людей и потому подвергли того Ивашку пыткѣ. На пыткѣ онъ во-первыхъ, признался, что самъ шайтановъ напускалъ, по порученію кузнецкихъ и чулымскихъ татаръ, казака Логи съ товарищами и томскаго татарина Басандая, а во-вторыхъ, объяснилъ цѣль своихъ дѣйствій. Изъ его объясненія видно, что между инородцами кузнецкими, чулымскими и томскими было условлено, какъ только Ивашка напуститъ на русскихъ людей шайтановъ, то «въ тѣ поры приступать къ Томскому городу и къ острогамъ Кузнецкому и Чулымскому.... весною, какъ станетъ листъ разметываться» [2]). И дѣйствительно, томскіе воеводы о напущеніи на русскихъ людей шайтановъ доносили въ Москву въ концѣ 1608 г., а въ слѣдующемъ году одновременно подняли бунтъ татары томскаго и кузнецкаго округовъ.

Очень можетъ быть, что враждебныя дѣйствія тунгусовъ,

---

[1]) Ibid. № 89.
[2]) Ibid. № 82.

кузнецкихъ и томскихъ татаръ и не имѣли связи съ замыслами инородцевъ передней Сибири, но все-таки мы сочли нужнымъ упомянуть о нихъ, чтобы показать, что смута въ русскомъ государствѣ въ нач. XVII в. была не только въ европейской Руси, но и во всей Сибири, и что Михаилъ Ѳедоровичъ былъ неправъ, наказывая посламъ говорить Касаю, что будто бы Сибирское царство во время смутной эпохи стояло непоколебимо. Но обратимся къ вышеупомянутому заговору инородцевъ передней Сибири. Трудно повѣрить, а между тѣмъ несомнѣнно, что душою этого заговора была женщина, та-же кодская княгиня, которая бунтовала въ 1607 г. и за этотъ бунтъ уже отсидѣла въ березовской тюрьмѣ. Инородцы на этотъ разъ рѣшились заняться не осадой какого-нибудь Березова или Пелыма, а прямо идти войной противъ города Тобольска, противъ самаго центра русской власти въ передней Сибири и на его развалинахъ воскресить свою старую свободу. Это, конечно, была мечта и попытка къ ея осуществленію стоила бы очень дорого инородцамъ, но она существовала и этого достаточно, чтобы сказать, что въ «землѣ звѣрообразныхъ людей» независимость, свобода еще живо чувствовались въ нач. XVII вѣка; стремленіе «быть себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ» еще таилось въ сердцахъ сибирскихъ инородцевъ. Но одинъ случай раскрылъ всѣ ихъ замыслы, тайна ихъ обширнаго заговора сдѣлалась извѣстною русскимъ воеводамъ; послѣдніе вслѣдствіе этого приняли свои мѣры, а инородцы по тому же самому не рѣшились начать свои враждебныя дѣйствія. Нужно замѣтить, что сибирскіе инородцы, прежде чѣмъ начать какую-нибудь войну, уговаривались на счетъ общихъ и одновременныхъ дѣйствій оригинальнымъ способомъ: по ихъ юртамъ путешествовала «воинственная стрѣла» съ изображеніемъ шайтановъ, какъ символъ войны, и всѣ тѣ инородцы, которые соглашались принять участіе въ войнѣ, должны были поклясться надъ этой стрѣлой. Одна-то изъ такихъ стрѣлъ и попалась въ 1609 г. березовскому воеводѣ, а остякъ, который носилъ ее, подъ пыткой раскрылъ весь заговоръ. Воевода Степанъ Волынскій не замедлилъ увѣдомить объ этомъ обстоятельствѣ воеводъ пелымскаго и тобольскаго, а по-

слѣдній извѣстилъ и другихъ воеводъ съ приказаніемъ, «чтобъ жили въ острогахъ бережно и наблюдали за измѣной ясачныхъ людей». Объ открытіи заговора Волынскій писалъ слѣдующее: «25 іюня онъ послалъ казаковъ на Сосву для сбора государева ясака и тѣ казаки принесли въ съѣзжую избу стрѣлу, а на стрѣлѣ нарѣзаны одиннадцать шайтановъ и поперегъ шайтановъ рѣзано-жъ, а желѣзо терто. Остякъ, у котораго казаки взяли стрѣлу, на допросѣ показалъ: ту стрѣлу онъ возилъ на Сосву для измѣны государю; кодская княгиня Анна и ея новокрещенный братъ ѣздили къ сургутскимъ остякамъ и на устья Иртыша къ татарамъ и договорились всѣмъ идти войной подъ Тобольскъ, а эту стрѣлу послали съ нимъ на Сосву къ остякамъ» [1]).

Послѣ этого открытія инородцы уже не осмѣлились привести въ исполненіе свои замыслы относительно Тобольска, но враждебное настроеніе ихъ или «шатаніе», какъ доносили воеводы, продолжалось приблизительно до 1617 года и притомъ во всей передней Сибири. Думать, что эти замыслы, это «шатаніе» сибирскихъ туземцевъ не имѣло связи съ смутной эпохой на Руси и что совпаденіе этихъ фактовъ было случайное мы не имѣемъ основаній. Намъ извѣстно, что разные инородцы, жившіе по сю сторону Уральскаго хребта, несомнѣнно бунтовали вслѣдствіе смутной эпохи въ московскомъ государствѣ, а они имѣли самую тѣсную связь и съ инородцами сибирскими. Да и помимо этого послѣдніе хорошо могли знать о частыхъ перемѣнахъ царей на Руси и о разныхъ неустройствахъ, сопровождавшихъ эти перемѣны: они присягали Борису Годунову, скоро имъ велятъ присягать его сыну, затѣмъ Димитрію самозванцу, далѣе царю Василію Ивановичу.... Трудно предположить, чтобы ко всѣмъ этимъ неурядицамъ инородцы относились безучастно и не воспользовались ими для своего освобожденія отъ русскаго ига. Мы также скоро увидимъ, что побѣжденные не жили замкнутой жизнью отъ побѣдителей; общеніе между ними было довольно значительное: торговые лю-

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 477 св. 1, см. отписку березов. воеводы къ пелымскому въ 1609 г.

ди путешествовали по инородческимъ юртамъ съ своими товарами, крещенные инородцы жили въ русскихъ городахъ и несли государеву службу наравнѣ съ русскими служилыми людьми, да и некрещенные тоже служили; нѣкоторые инородцы, особенно ближайшіе къ городу, сами приносили ясакъ къ воеводамъ, закупали для своихъ потребностей разные предметы русской торговли и жили въ городахъ по нѣсколько дней. Само собою понятно, что при этихъ сношеніяхъ между русскими и инородцами заходила рѣчь о частыхъ перемѣнахъ царей и о московскихъ неурядицахъ, и эти бесѣды не могли пройти даромъ для инородцевъ. Настроеніе русскихъ людей въ смутныя времена было одинаково какъ въ Сибири, такъ и на Руси; русскіе сибиряки не держали языкъ за зубами и критически относились къ происходившимъ перемѣнамъ на московскомъ престолѣ. А если мы мало объ этомъ знаемъ, то потому только, что отъ того времени немного сохранилось документовъ, но и тѣ данныя, которыя дошли до насъ, довольно ясно свидѣтельствуютъ, что московская смута коснулась и сибиряковъ, и что послѣдніе также враждебно относились къ московскимъ царямъ, бывшимъ послѣ Ѳедора Ивановича—къ Борису, къ его сыну, къ царю Василію и, вѣроятно, съ такою же радостью встрѣтили вступленіе на престолъ Димитрія самозванца, какъ это было и на Руси. Напр., тобольскій воевода въ 1599 г. отправилъ царю Борису слѣдующее въ высшей степени откровенное донесеніе. «Русскіе люди», писалъ онъ, «говорятъ въ Тобольскѣ: какъ тому сидѣть на царскомъ престолѣ, кто сѣмена царскія перевелъ: убилъ царевича въ Угличѣ, а царя Ѳедора Ивановича задушилъ...» [1]. Если такъ русскіе люди относились къ Борису въ Тобольскѣ, гдѣ былъ бояринъ, то можно себѣ представить въ какихъ они выраженіяхъ отзывались о своемъ царѣ въ другихъ сибирскихъ городахъ! Изъ Томска воевода въ 1608 г. писалъ царю Василію Ивановичу, что «томскій казакъ Якушка Осокинъ про тебя государя говорилъ невмѣстимое слово, чего въ умѣ нельзя взять, что тебѣ государю не многолѣтствовать на царствѣ, а

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. 2 л. 131.

быть недолго на царствѣ..» [1]). Видно, что этотъ казакъ былъ очень проницателенъ и то, чего воеводѣ и «въ умъ нельзя было взять», исполнилось очень скоро—всего чрезъ два года послѣ предсказанія.

Всѣ эти рѣчи русскихъ людей, конечно, были вѣдомы сибирскимъ инородцамъ и изъ нихъ они легко могли заключить о тѣхъ неурядицахъ, которыя происходили въ царствѣ ихъ завоевателей. А сибирскіе инородцы далеко не были такъ просты, чтобы не воспользоваться московскими смутами и не попытать счастія свергнуть съ себя иноземное владычество. Вся ихъ бѣда заключалась въ малочисленности, разсѣянности на громадномъ пространствѣ и въ отсутствіи между ними единодушія. Въ противномъ же случаѣ они, хотя и не освободились бы отъ ига, но хлопотъ сибирскимъ воеводамъ причинили бы много. До покоренія русскими, находясь подъ властію мелкихъ князьковъ и мурзъ, сибирскіе инородцы вели между собою постоянную вражду и эта вражда продолжалась и подъ владычествомъ московскихъ царей. Русскіе воеводы прекрасно пользовались этою враждою, вооружали одного князька противъ другаго и сами вмѣшивались въ эти распри то съ цѣлью подчиненія «непокорныхъ землицъ», то ради своей «бездѣльной корысти». Такъ въ 1594 г. кодскій князь Игичей вмѣстѣ съ березовскимъ боярскимъ сыномъ Змѣевымъ сдѣлалъ большой набѣгъ на князя Большой Конды Агая и страшно опустошилъ его княжество: самъ Агай, его сынъ, дочь и братъ были плѣнены, имущество ихъ ограблено, много кондинскихъ ясачныхъ людей было перебито и много захвачено въ плѣнъ. Чтобы судить о зажиточности инородческихъ князьковъ, укажемъ здѣсь на имущество князя Агая, которое было послано березовскимъ воеводой въ Москву: «два вѣнчика серебряныхъ, завитца серебряна, ложка серебряна, двѣ цѣпочки серебряныхъ, чарка серебряна, 426 соболей, 13 лисицъ черныхъ, бурыхъ и красныхъ, 61 бобръ, 1000 бѣлокъ...» [2]). Конечно это только часть имущества князя Агая, а много всякаго добра,

---

[1]) Р. И. Б. т. II № 81.

[2]) Р. И. Б. т. II № 54.

вѣроятно, разошлось по рукамъ побѣдителей. И впослѣдствіи кодскій князь не разъ дѣлалъ набѣги на Б. Конду и всякій разъ опустошалъ её настолько, насколько хватало силы. Въ 1600 г. инородцы этой волости жаловались царю Борису: «въ прошломъ 1594 г. Иванъ Змѣевъ и князь Игичей напали на ихъ землю, юрты разорили, имущества разграбили, а женъ, дѣтей, родъ и племя ихъ взялъ къ себѣ князь Игичей; да у мурзы Курманака Игичей убилъ отца и мать его, а жену и дѣтей свезъ къ себѣ въ юрты, и нынѣ жены ихъ и дѣти, сестры, братья и племя служатъ у князя Игичея и его людей въ холопяхъ... и теперь люди Игичеевы приходятъ къ нимъ въ Конду, ихъ побиваютъ, женъ и дѣтей и людей берутъ къ себѣ въ юрты попрежнему въ холопи и юрты ихъ опустошаютъ...» [1]).

И этотъ примѣръ вражды между инородческими князьями не единственный: они то и дѣло ссорились между собою и дѣлали опустошительные набѣги другъ на друга. Понятно, что при такой враждѣ трудно было ожидать отъ сибирскихъ инородцевъ единодушной борьбы съ своими завоевателями, а если иногда они и уговаривались между собою на счетъ общихъ дѣйствій противъ русскаго владычества, то свои замыслы не умѣли привести въ исполненіе: то ихъ заговоръ обнаружитъ «воинственная стрѣла», то между самими инородцами найдутся измѣнники и раскроютъ глаза русскимъ воеводамъ на замыслы своихъ соплеменниковъ. Послѣ неудачной попытки въ 1609 г., тѣ-же инородцы хотѣли поднять общій бунтъ и въ 1612 г., но и на этотъ разъ ихъ враждебныя намѣренія стали извѣстны русскимъ воеводамъ прежде, чѣмъ они могли приступить къ дѣйствіямъ. Какъ видно изъ разныхъ документовъ, и въ этомъ году предполагалось общее возстаніе сибирскихъ инородцевъ, но одинъ изъ вогуловъ сначала случайно проговорился о своихъ замыслахъ, а потомъ и прямо разсказалъ пелымскому воеводѣ о готовящемся возмущеніи татаръ, вогуловъ и остяковъ противъ русскаго господства въ Сибири. Считаемъ здѣсь не лишнимъ указать на то, что замыслы свои въ 1612 г. инородцы прямо ставили въ связь съ смутной

---

[1]) Р. И. Б. т. II № 70.

эпохой на Руси. Такъ нѣкоторые пелымскіе вогулы на допросѣ говорили воеводѣ: «государя-де на Москвѣ нѣтъ, нынѣ-де въ Сибири одни воеводы, а русскихъ людей во всѣхъ сибирскихъ городахъ мало....» [1]). Какую же цѣль преслѣдовали инородцы, поднимая возстаніе тогда, когда на Руси не было царя? На этотъ вопросъ мы находимъ прямой отвѣтъ въ челобитной одного верхотурскаго казака, который «сыскивалъ про вогульскую измѣну». «Въ 1612 г., пишетъ онъ, какъ въ вогуличахъ была шатость и измѣна, хотѣли на наши сибирскіе города приходить войною, города сжечь, служилыхъ людей перебить, а умыслили чтобъ имъ быть себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ....» [2]).

Всѣ эти частные и общіе бунты инородцевъ показываютъ, что они еще не сжились съ русскимъ владычествомъ, что у нихъ еще живо было воспоминаніе о своемъ царствѣ и они стремились къ его возстановленію; смутная эпоха на Руси подавала имъ надежды на осуществленіе своихъ замысловъ. Но постоянныя неудачи, которыя сопровождали эти замыслы, должны были убѣдить инородцевъ, что борьба съ русскими завоевателями невозможна и что имъ остается только помириться съ своимъ положеніемъ. Затѣмъ съ усиленіемъ русскаго элемента въ Сибири инородцы, особенно служилые, все болѣе и болѣе освоиваются съ своими завоевателями, принимаютъ русскіе нравы и обычаи и начинаютъ смотрѣть на «Бѣлаго Царя» глазами русскихъ людей. «Шатаніе» инородцевъ передней Сибири, можно сказать, кончается съ смутной эпохою на Руси и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ если мы и встрѣчаемъ отдѣльныя вспышки инородцевъ, то послѣднія уже не имѣли политическаго характера, а въ нихъ только выражался протестъ противъ злоупотребленій воеводъ, служилыхъ людей, или были вынуждаемы тягостью ясачной подати.

Теперь обратимъ вниманіе на положеніе инородцевъ подъ русскимъ владычествомъ. Завоеватели не коснулись ни вѣры покоренныхъ, ни ихъ быта, оставили инородцевъ жить при

---

[1]) Р. И. Б. т. II № 100.

[2]) А. И. т. III № 1.

тѣхъ же порядкахъ, при которыхъ они жили и до завоеванія. Московское правительство строго запрещало русскимъ людямъ насильственно крестить инородцевъ и даже плѣнныхъ, приказываетъ прикащикамъ «ясачныхъ людей судомъ и управой ни въ какихъ дѣлахъ не вѣдать..». Этотъ судъ и управу попрежнему производили князья, мурзы и сотники на основаніи того права, которое господствовало у туземцовъ. Только въ дѣлахъ уголовныхъ, или въ дѣлахъ «смѣсныхъ», или когда сами инородцы обращались за судомъ и управой къ русскимъ воеводамъ, послѣдніе являлись судьями и притомъ въ дѣлахъ касающихся однихъ инородцевъ судили не на основаніи русскаго законодательства, а по обычаямъ туземнымъ; въ дѣлахъ же сомнительныхъ воеводы обращались за разрѣшеніемъ ихъ въ Москву. Приведемъ здѣсь нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ примѣровъ для поясненія этихъ замѣчаній. Въ 1625 г. туринскій татаринъ Ишмаметъ обратился съ такою жалобою на своего соплеменника Бекбердея. «Въ прошломъ въ 1624 г.», писалъ челобитчикъ, «мой братишка Боймамятко сосваталъ у того Бекбердея дочь Ляншую; а калыму мы дали, сирота твоя государева, съ братишкомъ тому Бекбердею три лошади..... цѣна 21 рубль; да бухарскую выбойчатую куртню, да полушелковый кушакъ... цѣна рубль, да орловое перье и 5 алтынъ денегъ; и братъ мой Боймамятко умеръ и тотъ Бекбердей дочери своей за моего братишка Тайтелю не даетъ, и калыму нашего назадъ не отдаетъ же, а дочь свою Ляншую просваталъ за верхотурскаго ясачнаго вогулетина Кузюкея; а по нашей, государь, по татарской и по вогульской вѣрѣ, какъ большой братъ умретъ и большого брата жену или невѣстку берутъ за себя меньшіе братья». На основаніи этого права челобитчикъ и просилъ государя, чтобъ онъ велѣлъ тому Бекбердею или возвратить калымъ или выдать дочь за меньшаго его брата [1]). Воевода туринскій затруднялся рѣшить это дѣло собственною властью и потому отослалъ жалобу Ишмамета въ Москву. Мы не знаемъ какой оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, но несомнѣнно, что онъ составленъ въ духѣ туземнаго инород-

[1]) Р. И. Б. т. II № 134.

ческаго права, то есть въ пользу Ишмамета. Это—дѣло гражданское, но и въ дѣлахъ уголовныхъ московское правительство становилось на точку зрѣнія инородцевъ и предписывало сибирскимъ воеводамъ поступать по обычаю послѣднихъ. Такъ напр. вогулы и остяки въ случаяхъ убійства или заставляли убійцу уплатить вознагражденіе родственникамъ убитаго или, если онъ не могъ этого сдѣлать, то выдавали его головою. Точно также рѣшали подобныя дѣла и русскіе воеводы. Только въ этихъ дѣлахъ самымъ существеннымъ образомъ замѣшивались матеріальные интересы русскаго царя, а потому убійца ясачнаго человѣка долженъ былъ отвѣчать и за эти интересы. Въ 1639 году одинъ вогулъ убилъ другого за то, что тотъ застрѣлилъ его собаку. Возникшее по этому поводу дѣло Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ воеводѣ рѣшить его такимъ образомъ: убійца, во-первыхъ, долженъ былъ заплатить «головного» родственникамъ убитаго 4 рубля, 4 алтына, во-вторыхъ, уплатить годовой ясакъ 9 соболей, цѣною въ 3 р. 12 а., и затѣмъ давать этотъ ясакъ въ государеву казну до тѣхъ поръ, пока «онъ не пріищетъ въ ясакъ гулящаго вогула на мѣсто убитаго». Преступникъ оставался на свободѣ, если онъ могъ представить за себя поруку, но упомянутый убійца сначала не нашелъ поручителей и потому воевода посадилъ его въ тюрьму. Но послѣднее случалось очень рѣдко: ясачнымъ людямъ не было никакого разсчета не ручаться за своего собрата. Дѣло въ томъ, что сибирскіе инородцы несли повинности за бѣглыхъ, мертвыхъ и вообще за выбылыхъ, какъ и русскіе люди. Поэтому еслибъ упомянутый убійца сидѣлъ въ тюрьмѣ, то имъ пришлось бы платить ясакъ и за убитаго и за самого убійцу—что, конечно, было слишкомъ невыгодно. Вотъ почему вогулы скоро одумались, соглашались убійцу взять на поруки и просили объ освобожденіи его изъ тюрьмы на томъ основаніи, что «за него некому промышлять ясакъ». Челобитная, конечно, была удовлетворена, какъ удовлетворялись и другія подобныя челобитныя, хотя бы онѣ касались не только убійцъ, но и измѣнниковъ государевыхъ [1]). Но бывали

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6132/88 л. 39; Ст. № 6111/67 л. 477.

однако случаи, когда ясачные люди скорѣе соглашались нести повинности за преступника, чѣмъ брать его на поруки; такъ они поступали съ людьми опасными, неисправимыми злодѣями. Въ 1632 году лозвинскій вогулъ Маметко убилъ одного ясачнаго человѣка, въ слѣдующемъ году другого. «И за то воровство», доносилъ воевода, что онъ убилъ двухъ ясачныхъ человѣкъ, «Маметко былъ битъ кнутомъ нещадно на козлѣ предъ многими ясачными людьми». Когда же воевода хотѣлъ отдать убійцу на поруки, чтобъ «ему впредь такимъ воровствомъ не воровать и ясачныхъ людей до смерти не убивать», то такой поруки не нашлось. Лозвинскіе вогулы заявили, что тотъ Маметко и послѣ убійства двухъ людей «грозится на нихъ ясачныхъ людей убійствомъ и они отъ него въ конецъ погибли и въ лѣсъ ходить не смѣютъ,. опасаясь отъ него убійства». Тогда воевода посадилъ Маметку въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока онъ дастъ за себя поручителей, но этотъ злодѣй скоро самъ себя зарѣзалъ ножемъ [1]).

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, какъ русское правительство относилось къ праву, господствовавшему у сибирскихъ инородцевъ; оно признавало его въ дѣлахъ гражданскихъ и въ дѣлахъ уголовныхъ. На то-же указываетъ и существовавшая торговля людьми между инородцами: эта торговля была совершенно свободна и русское правительство нисколько оную не преслѣдовало. Но вотъ интересный вопросъ: какъ русское правительство относилось къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ? Неужели оно смотрѣло снисходительно и на этотъ дикій обычай идолопоклонниковъ и не предпринимало никакихъ мѣръ къ его уничтоженію? На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя намъ удалось собрать, мы затрудняемся дать положительный отвѣтъ на поставленные вопросы. Пожалуй можно сказать, что сибирскіе идолопоклонники не имѣли свободы приносить людей въ жертву своимъ богамъ, или, какъ тогда говорилось «молить людей», правительство русское запрещало имъ это. Но въ то-же время, кажется, что таковое запрещеніе оставалось только на бумагѣ подобно тому, какъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6081/37 лл. 1—5, 110—113.

и запрещеніе русскимъ людямъ покупать инородцевъ. Намъ извѣстно, что вогулы и остяки, за немногими исключеніями, всѣ были язычники и во все обозрѣваемое нами время приносили человѣческія жертвы. Вѣроятно, для жертвоприношеній служили главнымъ образомъ плѣнники, но иногда инородцы цѣлымъ племенемъ, или племянною группою покупали людей для моленія, то у своей же братіи, то посылали за покупкою людей для той же цѣли къ инородцамъ, жившимъ по сю сторону Уральскаго хребта. Намъ кажется, что человѣческія жертвы своимъ богамъ сибирскіе инородцы приносили очень рѣдко, не болѣе одного раза въ годъ, и подобныя жертвоприношенія совершались у лиственницы и притомъ только осенью; по крайней мѣрѣ извѣстные намъ документы, касающіеся «моленія людей», относятся исключительно къ этому времени. Такъ въ сентябрѣ 1618 года верхокондинскіе вогулы Нуксыйко Кванинъ, Ебелко и Хрокумко пришли въ городъ Пелымъ и обратились къ воеводамъ Ивану Вельяминову и Григорію Орлову съ необыкновенною просьбой: они просили, чтобъ православные воеводы разрѣшили имъ убить человѣка для моленья «по ихъ бусурманской вѣрѣ у лиственницы». Воеводы, конечно, отказали. Но 2-го октября того же года пришелъ въ съѣзжую избу одинъ стрѣлецъ и объявилъ, что тѣ верхокондинскіе вогулы Ебелко съ товарищами «малого убили и у лиственницы молили въ юртахъ, отшедъ отъ города». По этому доносу немедленно произведено было слѣдствіе. «И мы», писали пелымскіе воеводы Михаилу Ѳедоровичу, «про то дѣло сыскивали до пряма пелымскими вогуличами и пелымскіе вогуличи Янъ Кисленской съ товарищами сказали, что тѣ верхокондинскіе вогуличи Ебелко съ товарищами насъ холопей твоихъ, государь, не послушали: малого убили и у лиственницы молили; и о тѣхъ, государь, верхокондинскихъ вогуличахъ въ ихъ непослушаньѣ, что велишь твой царскій указъ учинить...» [1]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отвѣта государя на этотъ вопросъ воеводы. Изъ приведеннаго документа можно заключить, что русское правительство не относилось равно-

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 478 тет. № 61.

душно къ «моленію людей» сибирскими идолопоклонниками, но въ то-же время, вѣроятно, и не строго преслѣдовало этотъ дикій ихъ обычай; въ противномъ случаѣ пелымскіе вогулы не осмѣлились бы обратиться къ воеводѣ за разрѣшеніемъ «убить малова и молить у лиственницы».

Теперь спрашивается, въ чемъ заключались повинности сибирскихъ инородцевъ въ отношеніи русскаго государя или государства? Съ самаго начала завоеванія Сибири русское правительство возлагаетъ разныя обязанности на покоренныхъ: однихъ приказываетъ воеводамъ «верстать въ служилые люди», другихъ заставляетъ пахать государеву пашню, на иныхъ возлагаетъ обязанность ямской службы и наконецъ массы инородцевъ «вся служба состояла въ томъ», какъ они сами говорили, «чтобъ платить государю ясакъ». Въ служилые люди верстались преимущественно татары и притомъ подгородніе и затѣмъ всѣ новокрещенцы. Христіанство начало распространяться между сибирскими инородцами очень рано послѣ ихъ покоренія: уже въ концѣ XVII вѣка новокрещенцы изъ татаръ, вогуловъ и остяковъ встрѣчаются во всѣхъ русскихъ городахъ. Конечно, не самая христіанская религія побуждала ихъ оставлять идолопоклонство, или магометанство, а прежде всего матеріальныя выгоды, сопряженныя съ принятіемъ христіанства. Въ то время не было еще миссіонеровъ, проповѣдниковъ слова Божія, а равнымъ образомъ не требовалось никакого подготовленія со стороны инородцевъ къ принятію крещенія: всякое миссіонерство замѣняло объявленіе воеводы—кто крестится, того государь поверстаетъ въ службу, пожалуетъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ и избавитъ отъ платежа ясака, а чтобы совершить крещеніе надъ инородцемъ, достаточно было только одного его желанія. Плѣнные князья и мурзы почти всѣ принимали христіанство и притомъ одни изъ нихъ послѣ крещенія оставались жить въ своихъ вотчинахъ, а другіе переселялись въ русскіе города и верстались въ боярскія дѣти: въ Пелымѣ въ 1624 г. было семь боярскихъ дѣтей и всѣ они были изъ инородческихъ князей; нѣсколько такого же происхожденія боярскихъ дѣтей было и въ Тобольскѣ. Они служили въ сотникахъ и даже въ головахъ у служилыхъ ино-

родцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ и получали такое же жалованье, какъ и русскіе люди, или иноземцы, нѣмцы и литовцы. Кромѣ того, всѣ инородцы при крещеніи получали подарки и по тому времени довольно значительные. Такъ въ 1603 году въ Верхотурьѣ крестились четыре вогула верхотурскаго уѣзда и воевода далъ имъ «ради крещенія» государева жалованья по два сукна середнихъ, по рубашкѣ, по сапогамъ и кромѣ того «кормъ до государева указа». Изъ этихъ новокрещенцевъ мурза и его братъ отправились въ Москву съ ясакомъ и тамъ получили: мурза пять рублей денегъ, сукно доброе, тафту добрую, а братъ его три рубля денегъ и сукно доброе; послѣднее жалованье, по государеву указу, дано и остальнымъ двумъ новокрещенцамъ, которые не ѣздили въ Москву. Всѣхъ ихъ велѣно поверстать въ стрѣльцы и давать годовое денежное и хлѣбное жалованье наравнѣ съ другими стрѣльцами [1]).

Новокрещенцы изъ инородцевъ были христіанами только по имени: не будучи подготовлены къ христіанству, они и послѣ крещенія оставались почти такими же язычниками, какими и были прежде. Но тѣмъ не менѣе самый фактъ принятія инородцами той вѣры, которую исповѣдывали и ихъ завоеватели, имѣлъ очень важное значеніе: единовѣріе болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, должно было сближать покоренныхъ съ побѣдителями, и это сближеніе вело къ усвоенію инородцами русскаго языка, русскихъ нравовъ и обычаевъ. Дѣти новокрещенцевъ уже болѣе были христіанами чѣмъ ихъ отцы и ихъ скорѣе можно назвать русскими, чѣмъ татарами, вогулами и остяками и особенно тѣхъ, которые жили въ русскихъ городахъ. А мы знаемъ, что рѣдкій изъ инородцевъ, принявшихъ крещеніе, оставался жить въ юртахъ; только князья и мурзы крещенные продолжали еще жить въ своихъ вотчинахъ, а простые или переселялись въ русскій городъ, или русскія деревни. Новокрещенцы говорили воеводамъ, «что имъ никакъ нельзя жить съ своей братіей, что они отъ своей вѣры отстали и ихъ въ свою землю не пустятъ, потому что крещены» [2]). Крещенные

---

[1]) А. И. т. II, № 43.

[2]) Р. И. б. т. II, № 83.

инородцы составляли особый разрядъ служилыхъ людей въ сибирскихъ городахъ и они писались въ особые списки; ихъ болѣе всего было въ Тобольскѣ: во-второй половинѣ царствованія Михаила Ѳедоровича число новокрещенцевъ преимущественно изъ татаръ въ этомъ городѣ простиралось до 35 человѣкъ, изъ нихъ 15 человѣкъ тобольскихъ уроженцевъ, то есть родившихся уже отъ христіанъ; надъ ними былъ даже особый атаманъ.

Положеніе служилыхъ новокрещенцевъ, такъ и служилыхъ юртовскихъ, некрещенныхъ инородцевъ, было несравненно лучше положенія пашенныхъ и ясачныхъ; по крайней мѣрѣ съ ихъ стороны рѣдко встрѣчаются жалобы. Во главѣ служилыхъ инородцевъ стояли головы или изъ русскихъ людей, или изъ новокрещенныхъ князей и мурзъ; этимъ головамъ наказъ предписывалъ: «судить и расправу чинить въ правду, поминковъ и посуловъ не брать, отъ русскихъ людей оберегать и ходить съ ними на измѣнниковъ, но въ большихъ судныхъ въ спорныхъ дѣлахъ докладывать воеводѣ...» [1]). Служилые инородцы не только менѣе испытывали притѣсненій отъ воеводъ и русскихъ служилыхъ людей, но даже и сами они притѣсняли свою братію ясачныхъ людей, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ жалобы этихъ послѣднихъ.

Что же касается положенія инородцевъ ясачныхъ и особенно пашенныхъ, то оно было въ высшей степени тяжелое. Мы видѣли, что число пашенныхъ инородцевъ было не велико; они пахали на государя почти столько же пашни, какъ и русскіе крестьяне, но эта повинность для нихъ была несравненно тяжелѣе, чѣмъ для русскихъ, потому что она была имъ «не за обычай». Жалобы отъ нихъ мы встрѣчаемъ постоянныя и притомъ во весь обозрѣваемый нами періодъ. Въ 1599 г. пашенные инородцы пелымскаго уѣзда жаловались, что «они ходячи за государевой пашней одеженку всю передрали, женишекъ и дѣтишекъ проѣли, волочатся въ наготѣ и босотѣ и помираютъ голодною смертію..» [2]). Они же и въ 1623 году

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11, л. 200; Ст. № 6306/262 л. 39.

[2]) Р. И. Б. т. II, стр. 146; А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 1 № 15.

били челомъ государю объ освобожденіи ихъ отъ пашни и замѣнѣ ея ясакомъ, а въ челобитной между прочимъ писали: «всѣхъ ихъ съ женами и дѣтьми до одного человѣка пристава выгоняютъ изъ юртъ на государеву пашню и юрты остаются пустые; накладываютъ на нихъ работы великія, не въ мѣру; за тою пашнею рыбы добыть не успѣваютъ и потому все лѣто съ женами и дѣтьми кормятся одною травою...» [1]. Вслѣдствіе тяжелыхъ работъ и скудости питанія между пашенными инородцами была большая смертность: въ 1632 г. въ пелымскомъ уѣздѣ такихъ людей было 70 человѣкъ, а къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича ихъ осталось только 33, а остальные, замѣчаетъ пелымскій воевода, умерли и на ихъ мѣсто на государеву пашню прибрать некого.

Если теперь обратимъ вниманіе на ясачныхъ инородцевъ, то можетъ быть ихъ положеніе было нѣсколько лучше пашенныхъ; мы думаемъ, что было нѣсколько лучше только потому, что пашенные инородцы постоянно бьютъ челомъ объ обращеніи ихъ въ людей ясачныхъ, о замѣнѣ пашни сборомъ съ нихъ ясака. Но, какъ сейчасъ увидимъ, и ясачные инородцы не могли не жаловаться на тяжесть своего положенія подъ русскимъ владычествомъ. Ясакъ собирался различно: то съ волости, то съ каждаго человѣка въ отдѣльности, а самоѣды платили ясачную подать по родамъ. Ясакомъ облагались инородцы мужского пола только съ 18 и до 50-лѣтняго возраста; старые же и увѣчные были освобождены отъ всякихъ повинностей. Въ первое время количество ясака не было точно опредѣлено; воеводѣ предписывалось собирать ясакъ, «смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ государевой казнѣ не было убыли, а землѣ тягости не навесть и людей ясачныхъ отъ государя не отогнать...». Поэтому послѣ покоренія какой-нибудь группы инородцевъ, воевода, освѣдомившись о ихъ числѣ, налагалъ на нихъ извѣстное количество ясачной подати; слѣдующій воевода при сборѣ ясака съ тѣхъ же инородцевъ уже руководился ясачными книгами своего предшественника и въ то же время заботился о приборѣ въ ясакъ молодыхъ инород-

[1]) А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 1 № 2.

цевъ, или вообще тѣхъ, которые почему-нибудь не были обложены ясакомъ прежнимъ воеводой. Каждому воеводѣ вмѣнялось въ обязанность ежегодно и «накрѣпко» сыскивать ясачныхъ людей, чтобъ «въ избылыхъ никого не было, сыскивать русскими и ясачными людьми»: первые должны показать о числѣ ясачныхъ людей въ извѣстной волости «по крестному цѣлованію», а вторые «по шерти», да для той же цѣли посылать боярскихъ дѣтей, которыя были бы добры и не воры.

Но по мѣрѣ ознакомленія съ числомъ ясачныхъ людей въ уѣздѣ и съ сборомъ ясака за прошлые годы правительство устанавливало болѣе опредѣленный размѣръ ясака съ каждаго ясачнаго человѣка, именно съ женатаго по 7 соболей, а съ холостаго по 5. Однако это опредѣленіе подати съ инородцевъ было далеко не точно и вызывало массу злоупотребленій со стороны воеводъ и давало возможность самимъ инородцамъ облегчать себя въ ясакѣ. Неточность или неопредѣленность заключалась во-первыхъ въ томъ, что инородцы выплачивали ясакъ не одними соболями, а и другими пушными звѣрями: бобрами карими и рыжими, лисицами черными, бурыми и красными, бѣлками, куницами, розсомахами и т. п., а во-вторыхъ, и цѣнность соболей была неодинакова: одинъ соболь стоилъ 15 копѣекъ, другой 50 к., а попадались соболи и по 8 рублей *). Поэтому въ первомъ случаѣ воеводамъ открывалась легкая возможность брать съ инородцевъ мѣховъ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало по окладу, а во-второмъ случаѣ инородцы приносили въ ясакъ «худыхъ соболей», а «добрыхъ» продавали торговымъ людямъ, потому что имъ разрѣшалось платить ясакъ такими соболями, «каковы соболи на промыслу добудутся». Соображаясь со всѣми этими обстоятельствами, правительство около 1626 года перевело ясачную подать на деньги: положено было брать «съ лучшихъ людей по 3 рубля и по $2^1/_2$ р., съ середнихъ по 2 р. и съ худыхъ по 1 р. 50 к. и по 1 р.», а съ новоприборныхъ въ первый годъ по 30 к.

*) *Примѣч.* Просмотрѣвъ нѣсколько приходорасходныхъ книгъ Казанскаго Приказа, гдѣ точно обозначалась цѣна каждаго «сорока» соболей, мы замѣтили, что въ царствованіе Михаила Ѳедоровича самая высшая цѣна «сорока» соболей была въ 300 рублей и самая низшая въ 5 р. 50 к.

и затѣмъ постепенно возвышать до полнаго оклада, такъ чтобы года въ три они «исполнились полнымъ окладомъ». Изъ этого видно, что ясачный налогъ самъ по себѣ былъ не великъ: инородцы уплачивали въ государеву казну столько же подати, сколько и русскіе посадскіе люди; только первые платили свою подать мѣхами, а вторые деньгами *). Но на самомъ дѣлѣ инородцамъ ежегодно приходилось уплачивать подати гораздо болѣе положеннаго оклада. Они вмѣстѣ съ ясакомъ еще приносили государю и воеводамъ, такъ называемые, «поминки», которые вначалѣ были просто подарками, но потомъ они сдѣлались настолько обязательными, что обратились въ особый налогъ—только этотъ налогъ платился не каждою платежною силою, а цѣлою волостью: эти поминки бывали разной цѣнности въ разныхъ уѣздахъ, но не менѣе 4 р. 50 к., именно въ 3 рубля государю и въ 1 р. 50 к. воеводамъ. Затѣмъ инородцы еще платили ясакъ за бѣглыхъ и мертвыхъ и иногда такого ясака имъ приходилось платить значительное количество. Напр., въ 1604 году татары Ялынской волости, тарскаго уѣзда, жаловались государю, что въ 1601 г. въ ихъ волости умерло 67 человѣкъ и за всѣхъ ихъ они платятъ ясакъ «и въ томъ ясакѣ они закабалили женъ и дѣтей своихъ, а дѣти умершихъ еще малы и ясака добыть не могутъ..» [1]). Этотъ примѣръ не единственный, а, напротивъ, совершенно заурядный: изъ ясачныхъ и изъ другихъ документовъ видно, что не было волости, не было года, когда бы инородцамъ не приходилось нести подать за выбылыхъ ясачныхъ людей. Правда, правительство по челобитью инородцевъ освобождало ихъ отъ этой подати, но это освобожденіе обставлено такими условіями, что на него ясачные люди скоро не могли разсчитывать; оно могло послѣдовать не ранѣе, какъ черезъ годъ, а въ уѣздахъ отдаленныхъ чрезъ два или чрезъ три года. Дѣло въ томъ, что сами воеводы своею собственною властью не смѣли освобождать инородцевъ отъ платежа ясака за бѣглыхъ, мертвыхъ

---

*) *Примѣч.* Только въ рѣдкихъ случаяхъ правительство разрѣшало воеводамъ взять ясакъ съ особенно бѣдныхъ инородцевъ деньгами, а не мѣхами.

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11 л. 79.

и увѣчныхъ, а только съ разрѣшенія правительства. Каждый воевода долженъ былъ собрать съ уѣзда minimum столько ясака, сколько его предшественникъ; но положимъ «въ ясачное время», то есть когда инородцы платили ясакъ, онъ узнавалъ, что нѣсколько человѣкъ въ извѣстной волости умерло или сбѣжало, или сдѣлались стары и увѣчны, и все-таки въ этотъ годъ волость должна уплатить столько же, сколько и въ предшествующій. Затѣмъ наказъ предписывалъ воеводѣ дать знать о выбылыхъ въ своемъ уѣздѣ тобольскому воеводѣ, а этотъ послѣдній, по полученіи такого донесенія, обязанъ былъ послать туда письменныхъ головъ «для сыску и досмотру сверхъ воеводскихъ сысковъ и досмотровъ». Если письменный голова подтверждалъ справедливость донесенія воеводы и челобитья ясачныхъ людей, тогда тобольскій воевода «сыски и досмотры» письменныхъ головъ вмѣстѣ съ челобитною посылалъ въ Москву къ государю. И только послѣ такой длинной процедуры «государь велитъ про такихъ (выбылыхъ) ясачныхъ людей учинить свой государевъ указъ» объ освобожденіи инородцевъ отъ платежа ясака за выбылыхъ [1]). Все это, конечно, «не такъ скоро дѣлалось, какъ говорилось», хотя воеводамъ и приказывалось доносить о выбылыхъ «не замотчавъ». А до тѣхъ поръ, пока не придетъ государевъ указъ, ясачные люди обязаны были платить за выбылыхъ. Ялынскіе татары, какъ мы упоминали, лишились 67 ясачныхъ людей въ 1601 году и конечно въ томъ же году объ этомъ узналъ воевода тарскій, но государевъ указъ объ освобожденіи татаръ Ялынской волости отъ платежа ясака за тѣхъ выбылыхъ посланъ только въ 1604 году и значитъ за все это время упомянутые татары платили значительно лишній ясакъ. Да и кромѣ того, если бы даже инородцы и не платили за выбылыхъ, то все-таки прямая ясачная подать на дѣлѣ всегда была выше узаконенной нормы. Когда установленъ денежный окладъ, то каждый ясачный человѣкъ обязанъ былъ приносить пушныхъ звѣрей столько, чтобы цѣнность этой мягкой рухляди равнялась 3 или $2^1/_2$ р., смотря по его зажиточности. Но цѣнили мѣха не сами инородцы,

---

[1]) П. Соб. З. т. III, стр. 556 и 557; Р. И. Б. т. II, стр. 538.

а воевода съ торговыми людьми и эта оцѣнка, конечно, была не въ пользу первыхъ. Наказъ предписывалъ воеводамъ цѣнить ясакъ «по прямой сибирской цѣнѣ», но такъ, чтобъ по московской прицѣнкѣ была государю прибыль», а въ противномъ случаѣ самъ воевода отвѣчалъ за эту прибыль. Напр., въ «приходной книгѣ Казанскаго Дворца» за 1628 годъ читаемъ слѣдующее: въ прошломъ въ 1627 г. березовскій воевода прислалъ ясакъ и въ массѣ мягкой рухляди, между прочимъ, была лисица, которую тотъ воевода оцѣнилъ въ 6 рублей, но въ Казанскомъ Приказѣ её оцѣнили только въ 3 рубля и потому съ воеводы велѣно доправить мягкой рухляди на 3 рубля. Но этотъ случай единственный! Напротивъ, каждый воевода старался цѣнить принесенный ясакъ какъ можно дешевле, во-первыхъ для того, чтобы показать свою службу, а во-вторыхъ и для того, чтобы кое-что и для себя изъ этого ясака можно было оставить. Просмотрѣвъ «ясачныя книги» за много лѣтъ и сравнивъ по нимъ оцѣнку сибирскую съ оцѣнкою московскою по «Приходнымъ книгамъ» Казанскаго и потомъ Сибирскаго Приказовъ, мы не нашли ни одного случая, чтобы московская цѣна всей мягкой рухляди, присланной изъ какого нибудь уѣзда, не превышала значительно сибирскую. Сибирскому воеводѣ правительство не дѣлало замѣчанія относительно оцѣнки имъ мягкой рухляди только въ томъ случаѣ, если по московской прицѣнкѣ напр. съ 500 руб. прибывало 100 р., но случалось и очень часто, что въ Москвѣ прибывало на 300 и 400 рублей съ 500 р.

Такимъ образомъ, если взять во вниманіе государевы и воеводскіе поминки, платежъ за выбылыхъ и затѣмъ не надлежащую оцѣнку мягкой рухляди, то окажется, что ясачный человѣкъ долженъ былъ уплачивать ясака по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе противъ положенной нормы. Какъ низко сибирскіе воеводы цѣнили мягкую рухлядь, приносимую инородцами въ уплату ясачной подати, можно судить по челобитной тарскихъ ясачныхъ людей. Въ 1626 году они жаловались: «у нихъ въ Тарѣ оцѣновщики цѣнятъ дешевою цѣною—красныхъ лисицъ и куницъ поголовно по 5 а. (15 к.), а гости и торговые люди покупаютъ у нихъ лисицу красную по 3 грив-

ны (30 к.), а куницу по полтинѣ» [1]). Подобныя жалобы заявляли инородцы всѣхъ уѣздовъ и заявляли очень часто. Вообще установленная около 1626 г. перемѣна въ способѣ оцѣнки ясачной подати (или окладъ ясака не соболями, а деньгами) оказалась не въ пользу ясачныхъ людей и вызвала съ ихъ стороны жалобные и правдивые протесты. Самую обстоятельную челобитную по этому поводу написали въ 1629 г. инородцы 12 волостей верхотурскаго уѣзда. «Въ прошлые годы», писали они, «платили мы твой государевъ ясакъ съ 9 волостей по пяти соболей съ человѣка, а съ двухъ волостей Уфимскихъ по пяти куницъ съ человѣка и съ Туринской волости—съ женатыхъ по 10 соболей и съ холостыхъ по 6 соболей съ человѣка, каковые соболи добудутся на промыслѣ; да твои государевы поминки платили тебѣ государю по пяти и по шести соболей съ волости, а воеводѣ по три соболя; да съ молодыхъ подрослей новинного брали по соболю, пока твоимъ ясакомъ исполнятся въ пять соболей, года въ три и четыре. Но въ прошломъ 1626 году по твоему государеву указу велѣно намъ сиротамъ твоимъ платить ясакъ, твои и воеводскіе поминки противъ денежнаго оклада и мы, государь, обложены тяжело: твой ясакъ положенъ на насъ съ человѣка противъ 2 р. 29 а. 3 д. И по тому окладу въ поминки и въ ясакъ выходитъ соболей по 10, по 12 и по 15 и мы сироты твои тѣхъ окладовъ сполна выплачивать не можемъ, потому что оцѣновщики соболей и всякихъ другихъ звѣрей цѣнятъ дешевою цѣною и въ твоей государевой казнѣ бываетъ прицѣнка большая. Да мы сироты твои платимъ ясакъ и поминки за старыхъ и увѣчныхъ и мертвыхъ противъ полнаго оклада. Вслѣдствіе всего этого мы обнищали и одолжали великими долгами, женишекъ и дѣтишекъ позакладывали...». Кромѣ того, въ той же челобитной верхотурскіе ясачные люди упоминаютъ, что теперь звѣрей стало меньше противъ прежняго, во многихъ ихъ старинныхъ вотчинахъ на Тагилѣ, на Невьѣ и на Ницѣ основаны русскія села и крестьяне выжигаютъ лѣса и выгоняютъ тѣмъ всякаго звѣря. Въ заключеніе своей челобитной инород-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11 л. 166.

цы просили у государя слѣдующихъ милостей: а) чтобы воеводы цѣнили ясакъ настоящею торговою цѣною; б) не требовали съ нихъ соболей съ пупками и хвостами и лисицъ съ передними лапами, потому что «пупки, хвосты и лапы», писали инородцы, «мы продаемъ торговымъ людямъ и на тѣ деньги покупаемъ хлѣбъ, одежу, топоры и стрѣлы, а другаго какого звѣря не случается продать—весь промыслъ идетъ въ ясакъ и въ поминки»; в) освободить ихъ отъ платежа десятой пошлины, когда они продаютъ «лосиныя и оленьи постели», и на тѣ деньги покупаютъ соболей, чтобы платить ясакъ, поминки и недоимки за прошлые годы; и г) освободить ихъ отъ платежа ясака и поминковъ за старыхъ, увѣчныхъ и мертвыхъ [1]).

Мы не знаемъ, какой данъ былъ отвѣтъ на эту челобитную отъ верхотурскихъ инородцевъ. По всей вѣроятности Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ воеводѣ: цѣнить ясакъ «по прямой торговой сибирской цѣнѣ», не брать съ челобитчиковъ въ теченіи нѣкотораго времени десятинной пошлины, не брать ясакъ съ мертвыхъ и увѣчныхъ. На большее же инородцы не могли разсчитывать. Но судя потому, что и впослѣдствіи подобныя челобитныя писались и отъ верхотурскихъ инородцевъ и отъ инородцевъ другихъ уѣздовъ, можно утверждать, что временныя облегченія мало улучшали положеніе ясачныхъ людей. Правительство никакими мѣрами не могло уничтожить злоупотребленій воеводъ, ясатчиковъ и грабежъ служилыхъ людей, а до тѣхъ поръ, пока эти бѣды существовали для инородцевъ, послѣдніе не могли исправно выплачивать ясакъ и не могли не жаловаться на тяжесть ясачной подати. За ними числились постоянныя недоимки и которыя, постепенно возрастая, доходили до очень крупныхъ суммъ. Московскіе цари иногда сразу освобождали всѣхъ инородцевъ отъ всѣхъ накопившихся за нѣсколько лѣтъ недоимокъ. Такъ Ѳедоръ Ивановичъ въ 1597 г. освободилъ отъ недоимокъ березовскихъ и пелымскихъ ясачныхъ людей, а Борисъ Годуновъ въ 1599 году не только освободилъ всѣхъ инородцевъ отъ недоимокъ, но «для царскаго вѣнца и многолѣтняго здравія» указалъ воеводамъ совсѣмъ не

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6112/68 лл. 36—40.

брать ясакъ со всѣхъ сибирскихъ людей въ 1600 году [1]). По поводу этого послѣдняго указа царя Бориса считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь о слѣдующемъ интересномъ фактѣ. Едва только инородцамъ было объявлено о царской милости, какъ между ними поднялось страшное волненіе: остяки, вогулы и татары отъ этой вѣсти пришли въ недоумѣніе и они начали смотрѣть на рѣдкое благодѣяніе царя, какъ на средство, которымъ онъ хочетъ ихъ обмануть для своихъ злыхъ намѣреній. На Годуновѣ какъ будто-бы лежало какое-то проклятіе, благодаря которому даже благо, дѣлаемое имъ людямъ, обращалось противъ него же. Въ Москвѣ онъ щедро помогъ бѣднымъ жителямъ построить хижины послѣ пожара, и что же? Начали говорить, что онъ самъ приказалъ зажечь Москву, чтобы имѣть возможность оказать благодѣянія пострадавшимъ и тѣмъ привлечь на свою сторону сердца послѣднихъ, а цѣль этой милости—довольно темная, будто-бы замять дѣло царевича. Нѣчто подобное случилось и въ Сибири. Узнавъ объ упомянутомъ указѣ Бориса Годунова, сибирскіе инородцы въ страшномъ волненіи спрашивали: почему съ нихъ не берутъ ясакъ, когда вся-то ихъ служба предъ государемъ состоитъ въ томъ, чтобы платить ясакъ?! Наконецъ, это свое недоумѣніе они разрѣшили такимъ образомъ: царь Борисъ хочетъ всѣхъ простыхъ людей послать на службу въ дальнія мѣста лѣтъ на семь, а лучшихъ людей и женъ въ то время насильно взять въ Москву [2]). Какъ бы то ни было, но благодѣяніе Бориса должно было значительно облегчить сибирскихъ инородцевъ. Къ тому же послѣ 1600 года онъ же велѣлъ воеводамъ брать ясакъ, сообразуясь съ силами ясачныхъ людей, «какъ будетъ можно, что людямъ тягости не навесть...» Однако, не смотря на всѣ эти льготы, недоимки на инородцахъ скоро опять появляются. Василій Ивановичъ въ 1607 году освободилъ инородцевъ тарскаго уѣзда, вѣроятно, и другихъ уѣздовъ отъ всѣхъ недоимокъ за прошлые годы. Вслѣдъ за-

---

[1]) А. М. И. Д. Пор. Милл. № 478 св. 5; Р. И. Б. т. II № 46; А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11 л. 63.

[2]) А. М. И. Д. Порт. ср. Милл., № 477, тетр. 1.

тѣмъ начинаются бунты инородцевъ; ясачной подати въ это время съ нихъ собиралось очень мало и вслѣдствіе этого недоимокъ накопилось великое множество. Напр., съ волостей Б. Конды и М. Конды въ теченіи трехъ лѣтъ съ 1615 г. по 1617 г. взято ясака только 80 соболей, вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ. [1]) Михаилъ Ѳедоровичъ кажется въ 1624 году, именно послѣ имянной переписи инородцевъ при Сулешовѣ, освободилъ ясачныхъ людей отъ всѣхъ недоимокъ за прошлые годы, но въ 1625 году на инородцахъ всѣхъ уѣздовъ опять числятся недоимки, а къ концу царствованія этого государя они достигаютъ уже до громадныхъ по тому времени суммъ. На тюменскихъ ясачныхъ людяхъ въ 1645 г. было недоимокъ болѣе, чѣмъ четыре тысячи рублей; съ инородцевъ тарскаго уѣзда въ одинъ 1628 годъ не добрано ясака на 1014 р. 24 а., а съ верхотурскаго уѣзда съ 1625 г. по 1633 г. не добрано на 665 р. 15 а. [2]).

Словомъ ясачныя книги показываютъ, что инородцы не за одинъ годъ не въ состояніи были уплатить всей ясачной подати и недоимки накоплялись на нихъ ежегодно. Между тѣмъ мы знаемъ, что сама по себѣ ясачная подать не могла быть особенно тяжелою: десять соболей семейный человѣкъ могъ легко добыть въ теченіи цѣлаго года, а если взять во вниманіе, что нѣкоторые соболи цѣнились по 3, по 5 рублей и дороже, то стало быть ясачный человѣкъ могъ и однимъ соболемъ заплатить всю ясачную подать. Чѣмъ же объяснить, послѣ этого, постоянныя недоимки съ сибирскихъ инородцевъ? Помимо тѣхъ причинъ, на которыя мы указали выше, кажется самою существенною причиною недоимокъ была та, на которую указываютъ сами инородцы въ своихъ жалобахъ—это грабежъ воеводъ и служилыхъ людей. Намъ пришлось просмотрѣть много жалобъ и всѣ онѣ свидѣтельствуютъ, что злоупотребленіямъ воеводъ и служилыхъ людей, посылаемыхъ въ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11, л. 106; А. М. И. Д. Портф. Милл. № 478, св. 68 см. отписки Вельяминова и ясач. книгу 1619 г.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Милл. № 541 св. 5; А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 17, л. 52; кн. № 11, л. 334; Р. И. Б., т. II № 156.

инородческія юрты то за сборомъ ясака, то по другимъ какимъ-нибудь дѣламъ, не было предѣловъ. Пелымскіе вогулы въ 1624 г. жалуются, что съ нихъ воевода беретъ ясака вмѣсто 5 по 10 соболей, а какъ они пойдутъ на промыслы, то воевода и служилые люди берутъ къ себѣ ихъ женъ и дѣтей. [1]) На нарымскаго воеводу остяки жаловались, что онъ беретъ ясакъ по 11 соболей, да еще беретъ посулы великіе; тотъ же воевода взялъ у нарымскаго князя сына въ холопи къ себѣ и князь принужденъ былъ выкупить сына соболями и лисицами на 100 рублей. «Велѣно намъ, говорятъ челобитчики, давать закладчиковъ (аманатовъ) съ середней статьи, а нарымскій воевода беретъ для своей бездѣльной корысти лучшихъ людей». Тобольскій воевода доносилъ про того же нарымскаго воеводу, что онъ побиваетъ остяковъ до смерти, а женъ и дочерей ихъ беретъ къ себѣ на постель [2]).

По челобитью ясачныхъ людей правительство назначало слѣдствія, но эти слѣдствія не къ чему не приводили и нисколько не умѣряли воеводскихъ злоупотребленій. Въ 1633 г. ясачные люди березовскаго уѣзда, одинъ русскій служилый человѣкъ и нѣсколько торговыхъ пріѣзжихъ людей подали челобитную на воеводу Алексѣя Плещеева. «Какъ пріѣхалъ на Березовъ воевода Плещеевъ», пишутъ они, «и отъ него ясачнымъ людямъ начались притѣсненія и насильства великія: у кого свѣдаетъ лисицу черную, или бобра чернаго, или соболя добраго и по нихъ посылаетъ служилыхъ людей и велитъ насильно привозить ихъ съ лисицами, бобрами и соболями къ себѣ на подворье и заставляетъ ясачныхъ людей продавать ему тѣхъ звѣрей дешевою цѣною—въ третъ цѣны и меньше..». Затѣмъ челобитчики подробно указываютъ на лицъ, пострадавшихъ отъ злоупотребленій воеводы. Они же жалуются и на служилыхъ людей, что послѣдніе, когда пріѣзжаютъ къ нимъ въ юрты за сборомъ ясака, то требуютъ съ каждаго ясачнаго человѣка большія поминки, а кто не дастъ, у того ясатчики цѣнятъ соболей, лисицъ и другихъ звѣрей въ половину цѣны

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6148/104 лл. 103—105.

[2]) А. М. И. Д. Пор. Милл. св. 3.

и дешевле. Тѣхъ же ясачныхъ людей, которые сами приносятъ ясакъ въ городъ, «воевода держитъ въ городѣ дней по 10 и больше для своей бездѣльной корысти, а живя въ городѣ они продаются и должаютъ великими долгами..». Кромѣ того, воевода отнимаетъ у инородцевъ ихъ рыбныя ловли, заставляетъ на себя «день и ночь» шить шубы, ловить рыбу и дѣлать всякія работы. «И отъ тѣхъ притѣсненій, насильствъ воеводы и служилыхъ людей, ясачные люди всѣхъ волостей обнищали, великими долгами задолжались, женъ и дѣтей попродавали, а иные позакладывали..». По указу государя тобольскій воевода отправилъ въ Березовъ письменнаго голову и подъячаго, чтобы послѣдніе по челобитью ясачныхъ людей «обыскивали большимъ повальнымъ обыскомъ попами и дьяконами по священству, боярскими дѣтьми, служилыми и торговыми людьми по крестному цѣлованью, а ясачными людьми по ихъ вѣрѣ, по шерти..». Но этотъ обыскъ произведенъ еще тогда, когда Плещеевъ былъ воеводой, а потому напередъ можно было предугадать, что показанія свидѣтелей не подтвердятъ обвиненій челобитчиковъ. И дѣйствительно, прочитавъ обыскныя рѣчи, мы замѣтили, что всѣ они клонятся въ пользу воеводы и служилыхъ людей. Всѣ допрошенные говорятъ одними и тѣми же словами и приводятъ по нѣкоторымъ случаямъ такія же объясненія, какъ и самъ Плещеевъ. Не говоря уже о служилыхъ людяхъ, даже сами инородцы ни въ чемъ не подтвердили вышеупомянутой челобитной. На вопросъ слѣдователей: берутъ ли съ нихъ взятки и лишній кормъ служилые люди при сборѣ ясака и цѣнятъ ли мягкую рухлядь въ половину цѣны и меньше..? инородцы Подгородней, Сосвинской и Куноватской волостей отвѣчаютъ: «имъ ясачнымъ людямъ отъ ясачныхъ сборщиковъ, отъ березовскихъ служилыхъ людей, тѣсноты и обидъ никакихъ не было, посуловъ, поминковъ и лишнихъ кормовъ они не берутъ, цѣнятъ мягкую рухлядь по прямой сибирской цѣнѣ, а если когда оцѣнятъ ниже, то воевода прибавляетъ цѣну». Держитъ ли воевода ясачныхъ людей дней по 10, когда они пріѣзжаютъ въ городъ съ ясакомъ, беретъ-ли взятки, заставляетъ-ли дешевою цѣною продавать дорогихъ соболей и отъ тѣхъ ли притѣсненій они продаютъ женъ и дѣ-

тей, или закладываютъ...? Инородцы отвѣчаютъ: «тѣсноты и обидъ отъ воеводы имъ не было никакихъ, судъ и сыскъ онъ даетъ прямой безъ задержки и безъ посуловъ, а если имъ случится пробыть въ городѣ дня два или три, то это они дѣлаютъ добровольно, закупая для себя у торговыхъ русскихъ людей хлѣбные запасы, ношенное платье и пр.; женъ и дѣтей продаютъ и закладываютъ не отъ воеводской изгони, а для бѣдности и голоду—продаютъ своихъ малыхъ ребятъ и дѣвокъ русскимъ людямъ и на тѣ деньги покупаютъ соболей для государева ясака, покупаютъ хлѣбъ, одежду, топоры, стрѣлы» и т. п.

Буквально то-же самое показываютъ и русскіе люди. Таковыя же объясненія далъ и самъ Плещеевъ и кромѣ того говорилъ, что «все воровство» затѣяли челобитчики по личной къ нему злобѣ. Напр., въ числѣ челобитчиковъ былъ остякъ новокрещенецъ Гришка; этотъ Гришка, по словамъ воеводы, «вѣры христіанской отбылъ, вѣруетъ въ ихъ остяцкую вѣру, молится шайтанамъ, участвуетъ въ остяцкихъ жертвахъ и сдѣлалъ онъ особо для себя двухъ деревянныхъ шайтановъ и имъ молится..». За это, говоритъ Плещеевъ, онъ посадилъ того Гришку въ тюрьму, а онъ на него подалъ челобитную вмѣстѣ съ другими «ворами» [1]).

Къ сожалѣнію, обыскныхъ рѣчей березовскаго духовенства и пріѣзжихъ торговыхъ людей въ томъ дѣлѣ, которое мы читали, нѣтъ, но по всей вѣроятности и ихъ показанія были въ пользу воеводы. Само собою понятно, что послѣ такого обыска челобитчики не нашли никакой управы ни на воеводу, ни на служилыхъ людей, которыхъ они обвиняли въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Но мы не можемъ сомнѣваться въ справедливости ихъ жалобъ. На это, между прочимъ, указываетъ во-первыхъ то, что всѣ свидѣтели говорятъ одно и тоже и одними и тѣми же словами—явный знакъ того, что они были подговорены воеводой, а во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы инородцы продавали или закладывали женъ и дѣтей ради государева ясака или ради покупки одежды и другихъ предме-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 60t0/36 лл. 1—213.

товъ необходимости. Въ березовскомъ уѣздѣ въ то время еще много было соболей и другихъ пушныхъ звѣрей и инородцы легко могли добыть ихъ столько, чтобы заплатить ими ясакъ и накупить себѣ того, въ чемъ они нуждались, не прибѣгая къ продажѣ малыхъ ребятъ и дѣвокъ. И если имъ приходилось продавать или закладывать женъ и дѣтей, то только потому, что они были вынуждаемы къ тому русскими воеводами и ясачниками. Сами челобитчики, между прочимъ, объясняютъ, почему ихъ обвиненія не подтверждались даже ихъ соплеменниками: «ясачные люди», говорятъ они въ той же челобитной, «застращены и челобитныхъ на воеводу писать не осмѣливаются».

Вообще положеніе ясачныхъ людей въ обозрѣваемый нами періодъ было тяжелое и эта тяжесть замѣтно отразилась на приростѣ инородческаго населенія. Мы упоминали въ первой главѣ, что въ началѣ XVII вѣка, или точнѣе въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича число всѣхъ инородцевъ въ семи уѣздахъ не превышало и 4000, а въ концѣ царствованія этого государя ихъ было только около 4500 человѣкъ. Изъ этого видно, что приростъ инородческаго населенія въ обозрѣваемый нами періодъ былъ очень слабый, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ мы замѣчаемъ даже убыль населенія: въ верхотурскомъ уѣздѣ въ ясачныхъ книгахъ число ясачныхъ людей показано въ 1626 году—296 человѣкъ, въ 1628 году—326, въ 1635 году—295, въ 1645 году (по присяжной книгѣ) 254 человѣка [1]), въ тарскомъ уѣздѣ самое большее число ясачныхъ людей показано въ ясачной книгѣ 1625 года, именно 831 человѣкъ, въ 1635 ихъ осталось только 612 ч., въ 1644 году ихъ было 684 человѣка, а съ служилыми около 740 человѣкъ [2]).

Помимо всякихъ другихъ причинъ слабость размноженія инородцевъ передней Сибири много зависѣла отъ недостатка женскаго пола, такъ что очень многимъ инородцамъ не на комъ было жениться и они цѣлую жизнь оставались холо-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 10, л. 103; кн. № 19, л. 423; кн. № 57, л. 96; кн. № 194.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 11, л. 214; кн. № 57, л. 276; кн. № 163.

стыми. Мы выше упоминали, что воеводы и служилые люди жили съ инородками какъ съ женами; они то отнимали женъ и дочерей у инородцевъ, то покупали ихъ. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемся съ такого рода фактомъ: умираетъ старый ясачный человѣкъ, а ни жены, ни дѣтей послѣ себя не оставляетъ. Если-бы этотъ фактъ былъ исключительный или рѣдкій, то мы могли бы еще предположить, что умершіе ясачные люди потому не оставили послѣ себя ни женъ, ни дѣтей, что послѣднія еще ранѣе ихъ умерли. Но документы приводятъ насъ къ иному заключенію, именно, что эти умершіе были просто не женаты. Обратимся напр. къ «имянному списку» ясачныхъ людей живыхъ и умершихъ въ тарскомъ уѣздѣ, относящемуся къ 1641 году, и посмотримъ на что онъ указываетъ [1]).

Волость Каурдацкая:	Общее число умершихъ.	Число умершихъ, у которыхъ не оставалось ни женъ, ни дѣтей.
Деревня Када	3	2
» Качеукъ	5	4
» 1-я Омштамакъ . .	4	4
» 2-я Омштамакъ . .	7	7
» Тепкашъ	6	6
» Икири	11	11
Людемакъ	8	8
и т. д.		
Волость Яртышъ:		
Деревня Верхній Тунусъ . .	4	4
» Текешъ	2	2
» Биргамакъ	9	9
и т. д.		

Всего въ 8 волостяхъ умершихъ 147 человѣкъ и изъ нихъ только у пяти человѣкъ остались жены и дѣти. Въ другихъ уѣздахъ хотя и не такое отношеніе между общимъ числомъ умершихъ и числомъ умершихъ, у которыхъ не осталось ни женъ, ни дѣтей какъ въ тарскомъ уѣздѣ, но и въ нихъ много умирало такихъ, у которыхъ не оставалось никакого потом-

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6147/103.

ства; напр., въ березовскомъ уѣздѣ въ 1641 году умерло 20 человѣкъ и не одинъ изъ нихъ не оставилъ послѣ себя ни жены, ни дѣтей [1]).

Въ заключеніи нашего изслѣдованія считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ между побѣдителями и покоренными и о вліяніи русскихъ на инородцевъ. Мы обозрѣваемъ первый и сравнительно небольшой періодъ, въ который русскіе только что покорили Сибирь и начали её заселять, когда большинство сибирскихъ инородцевъ еще не вполнѣ сжилось съ своими завоевателями, смотрятъ на нихъ дико и даже враждебно, когда русскій элементъ не проникъ еще во всѣ мѣста инородческихъ поселеній и не могъ еще оказать того вліянія на инородцевъ, къ которому способенъ русскій человѣкъ. Поэтому отношенія между завоевателями и покоренными еще не вполнѣ сложились и мы еще мало имѣемъ матеріала для характеристики нравственнаго вліянія русскихъ на инородцевъ. Но въ то-же время мы знаемъ, что нѣкоторые инородцы—новокрещенцы жили въ русскихъ городахъ, служилые инородцы жили подъ самымъ городомъ, юрты многихъ инородцевъ находились посреди русскихъ поселеній въ уѣздахъ, напр., по рѣкамъ Турѣ, Ницѣ, Тагилѣ, Иртышѣ и по другимъ. И значитъ въ этихъ мѣстахъ разныя жизненныя столкновенія между побѣдителями и побѣжденными должны быть частыми и не могли проходить безслѣдно, не отразиться даже въ этотъ короткій періодъ на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; тѣмъ болѣе, что уже народилось новое поколѣніе людей, происшедшее отъ смѣшенія русскихъ съ инородцами, поколѣніе, въ которомъ текла кровь и русская и инородческая.

Мы видѣли, что московское правительство очень внимательно относилось къ сибирскимъ инородцамъ, уважало ихъ туземное право и вѣру. Мы даже можемъ сказать, что московскіе цари относились къ инородцамъ несравненно гуманнѣе, чѣмъ къ своимъ русскимъ подданнымъ. Обратимъ, напр., вниманіе на такого рода фактъ: съ русскихъ людей подати со-

---

[1]) Ibid.

бирались посредствомъ правежа, за недоимки, за игру въ зернь или карты и за другіе проступки правительство приказывало «бить ихъ кнутомъ нещадно... чтобъ другимъ было не повадно»... А какъ воеводы по наказамъ должны были относиться къ инородцамъ—татарамъ, вогуламъ, остякамъ и тому подобнымъ подданнымъ русскаго царя? «Ясакъ и поминки съ ясачныхъ людей», наказывали цари воеводамъ, «брать смотря по людямъ и по промысламъ... съ старыхъ и увѣчныхъ совсѣмъ не брать, въ который годъ промыслы не удались, звѣря добыли мало, или которые ясачные люди были больные давать въ ясакѣ сроки насколько пригоже.... выбирать съ ясачныхъ людей мягкую рухлядь ласкою, а не жесточью и не правежемъ.... а правежемъ ясакъ и поминки не править, чтобы тѣмъ ясачныхъ людей отъ государева жалованья не отогнать и тѣмъ бы ихъ не оскорбить....». Правда, мы упоминали, что цари и къ русскимъ крестьянамъ, поселившимся въ Сибири, относились заботливо, оказывали имъ большую поддержку въ нуждѣ ихъ. Но тѣмъ не менѣе русскіе крестьяне не пользовались такими льготами, какъ инородцы; ихъ спины часто испытывали удары кнута и имъ не такъ легко обходились недоимки, какъ инородцамъ. Тѣлесное наказаніе могло оскорбить инородца, ну а русскаго человѣка? Неужели послѣдній былъ менѣе чувствителенъ къ подобному оскорбленію?! Напрасно сибирскіе воеводы вопіютъ противъ этой гуманности русскихъ царей въ отношеніи разныхъ вогуловъ, остяковъ и татаръ и доказываютъ всю непрактичность подобныхъ отношеній! «Намъ холопамъ твоимъ», государь, пишутъ они, «велѣно ясакъ и поминки съ ясачныхъ людей выбирать ласкою, а не жесточью и не правежемъ, а ясачные многіе люди живутъ межъ русскихъ людей и всякому русскому обычаю навычны и то имъ вѣдомо, что по твоему указу ясакъ и поминки править правежемъ не велѣно и они на твое жалованье надежны, а многіе ясачные люди соболей и лисицъ проигрываютъ въ зернь, а въ ясакъ не даютъ; сотниковъ и десятниковъ своихъ не слушаютъ, на лѣшіе промыслы проигрався зернію не ходятъ; да у нихъ же, государь, на зерни прожъ себя живетъ убойство...». Затѣмъ

воеводы доказываютъ, что если ясакъ правежемъ не нравить и за игру въ зернь не наказывать, то выбрать ясачную подать безъ недобору невозможно [1]). И тѣмъ не менѣе разрѣшенія на правежъ не послѣдовало и за игру въ зернь и за пьянство тѣлесно наказывать инородцевъ не велѣно. Возьмемъ другой фактъ: съ товаровъ русскихъ людей взималась десятая пошлина, а съ бухарцевъ только пять процентовъ. Между тѣмъ бухарцы, поселившіеся въ Тобольскѣ, Тарѣ и Тюмени, завладѣли въ этихъ городахъ всею торговлей, отъ нихъ русскіе люди въ дѣлахъ торговыхъ столько же терпѣли, сколько теперь во многихъ русскихъ городахъ отъ евреевъ. Мало того, русскіе люди, хотя и побѣдители, испытываютъ всякія насильства и притѣсненія отъ этихъ бухарцевъ: жители Тобольска жалуются государю, что какой-то «бухаретинъ Овенъ Бакѣевъ поставилъ къ нашей русской улицѣ свои юрты озорничествомъ и для своего покою наши хоромишки и банишки посломалъ...». Въ той же челобитной они жалуются и на тобольскихъ татаръ, которые, оставивъ свой татарскій городокъ, поставили 35 юртъ въ русской улицѣ и тѣмъ стѣснили русскихъ людей. Развѣ тобольскіе жители позволятъ себѣ такое самоуправство, какъ бухарцы? Нѣтъ, они просятъ государя, чтобъ онъ велѣлъ татарамъ перенести свои юрты въ ихъ татарскій городокъ, потому что по той улицѣ архіепископы ходятъ съ иконами и крестами въ Знаменскій монастырь, а священники ходятъ съ святыми Тайнами къ русскимъ людямъ и въ это время бываетъ отъ татаръ «всякая скверна» [2]). А если-бы русскіе люди позволили себѣ разорить татарскіе юрты, поставленные даже незаконно, то навѣрно велѣно было бы за ихъ самоуправство «бить кнутомъ нещадно». Между тѣмъ какъ бухаретинъ даже осмѣлился «для своего покою» въ русскомъ городѣ сломать русскіе «хоромишки и банишки». Осмѣлился, очевидно, потому, что пользовался привиллегіей обращаться съ нимъ «ласкою, а не жесточью». Можно было бы привести и другіе факты въ подтвержденіе

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6111/67 л. 502—503.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Столб.

той мысли, что русскіе цари относились очень снисходительно къ проступкамъ инородцевъ противъ русскихъ и что первые, пользуясь этимъ преимуществомъ, тамъ, гдѣ чувствовали на своей сторонѣ силу, безнаказанно притѣсняли своихъ побѣдителей. Но такое отношеніе русскихъ царей къ инородцамъ скоро вызывало къ нимъ со стороны послѣднихъ особенныя симпатіи; они жалуются на воеводъ и служилыхъ людей, а въ царяхъ видятъ только своихъ защитниковъ и покровителей, у которыхъ они могутъ найти правый судъ и расправу противъ притѣснителей. Словомъ, начинаютъ смотрѣть на «Бѣлаго Царя» глазами русскаго человѣка.

Затѣмъ мы видѣли, что воеводы и служилые люди страшно притѣсняли инородцевъ, но въ этомъ выражалась не племенная враждебность русскихъ людей къ инородцамъ, а алчность воеводъ и служилыхъ людей, злоупотребленія своей силой. Если теперь обратимъ вниманіе на взаимныя отношенія русскихъ инородцевъ въ уѣздѣ, то здѣсь замѣтимъ полнѣйшее общеніе между завоевателями и покоренными. Такъ какъ первыми насельниками Сибири были русскіе люди изъ сѣверныхъ областей, гдѣ они и прежде сталкивались съ разнаго происхожденія инородцами, то и поселившись за Уральскимъ хребтомъ имъ пришлось встрѣтиться уже съ знакомыми народностями, съ тѣми же остяками, вогулами и татарами, съ которыми они сталкивались въ разныхъ мѣстахъ и въ европейской Руси; языкъ, вѣра, нравы и обычаи этихъ инородцевъ давно извѣстны были русскимъ людямъ. Вслѣдствіе этого завоеватели не живутъ замкнуто отъ покоренныхъ: ни тѣ, ни другіе не чуждаются особенно другъ друга. Конечно враждебныя столкновенія на первыхъ порахъ были неизбѣжны, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскимъ людямъ пришлось селиться въ вотчинахъ инородцевъ. Такъ, мы видимъ, что жалуются на притѣсненія русскихъ крестьянъ вогулы Мулгайской и Верхотуринской волостей; жалуются инородцы туринскаго уѣзда на крестьянъ Ницынской, Чубаровой, Ирбитской и Киргинской слободъ. Въ 1639 г. и въ 1640 г. инородцы Тентюковой, Ермолаевой, Колмыковой, Кичубаевой, Зензяровой и Илчибаевой волостей отправили государю двѣ челобитныхъ, въ которыхъ

писали: «съ того времени, какъ въ 1600 году поставленъ Туринскій острогъ, мы жили въ покоѣ до 1622 года, но въ 1623 году въ нашихъ вотчинахъ по Ницѣ построена Чубарова слобода, въ 1632 г. Ирбитская, въ 1635 году Киргинская..... и русскіе крестьяне тѣхъ слободъ поселились дворами своими на нашихъ юртовскихъ земляхъ, пашенныя мѣста и сѣнные покосы у насъ отняли, лѣшихъ собакъ выбили, въ нашихъ угодьяхъ промышляютъ бобровъ, лисицъ и соболей, ловятъ въ рѣкахъ рыбу, въ нашихъ лѣсахъ ставятъ ослопы насильствомъ; вслѣдствіе этого мы обнищали и въ ясакѣ всякій годъ недоборъ..». Подобную же жалобу инородцы подали и на крестьянъ Ощепковой-Ницынской слободы. Затѣмъ инородцы всѣхъ уѣздовъ жалуются на русскихъ крестьянъ, что они выжигаютъ лѣса и огнемъ отгоняютъ всякихъ звѣрей [1]). Но эти поступки вовсе не свидѣтельствуютъ о враждебности русскихъ крестьянъ къ инородцамъ: имъ иначе и невозможно было поступать! Инородцы какъ туземцы занимали въ Сибири до покоренія ея русскими самыя лучшія мѣста: ихъ вотчины были раскинуты на громадномъ пространствѣ; такъ называемые «отъѣзжія угодья и бобровые гоны» находились иногда за 100 верстъ отъ ихъ юртъ. И понятно поэтому, что русскимъ людямъ неизбѣжно приходилось селиться на инородческихъ земляхъ и стѣснить инородцевъ въ ихъ привольной жизни. Мы выше упоминали, что Артемія Бабинова съ товарищами по челобитной туринскихъ инородцевъ государь приказалъ прогнать съ рѣки Ницы. Той же самой милости просили въ 1639 г. и въ 1640 г. инородцы и относительно крестьянъ Чубаровой, Ирбитской и другихъ слободъ по рѣкѣ Ницѣ. Туринскіе воеводы приняли ихъ сторону и отъ себя писали въ Москву, чтобы русскіе крестьяне этихъ слободъ были сведены и при этомъ ссылались на инцидентъ съ Бабиновымъ и на грамоту государя въ 1620 г. воеводѣ Милославскому, запрещавшую русскимъ людямъ селиться при рѣкѣ Ницѣ. Но чтобы имѣть правильное понятіе о значеніи упомянутыхъ челобитныхъ инородцевъ, нужно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Мы уже говори-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6132/88 лл. 795 до 831.

ли, что ницынскія слободы преимущественно были основаны изъ Верхотурья, хотя и въ туринскомъ уѣздѣ. Поэтому поднялся вопросъ о томъ, кому вѣдать эти слободы—верхотурскимъ ли воеводамъ, какъ основателямъ, или туринскимъ, такъ какъ слободы были основаны въ вотчинахъ туринскихъ инородцевъ. Начавшійся по этому поводу споръ между воеводами этихъ городовъ особенно обострился въ то время, когда туринскимъ воеводой былъ Никита Кафтыревъ; послѣдній, кажется, и былъ настоящимъ виновникомъ челобитныхъ туринскихъ инородцевъ 1639 и 1640 гг., или по крайней мѣрѣ они писались не безъ участія этого воеводы. На это ясно указываетъ самое содержаніе челобитныхъ. Правительство порѣшило споръ между туринскимъ и верхотурскимъ воеводами тѣмъ, что всѣ ницынскія слободы приписало къ Тобольску, но Ощепкова-Ницынская и Ирбитская все-таки остались присудными воеводамъ верхотурскимъ. Тогда Кафтыревъ рѣшился силою прогнать крестьянъ съ Ирбитской слободы и отправилъ туда какого-то Ѳедьку толмача «крестьянскія селитьбы разорить и дворы сжечь..». Новоприбранные верхотурскимъ воеводой крестьяне 24 человѣка въ 1640 г. жаловались Михаилу Ѳедоровичу, что они селиться въ Ирбитской слободѣ не смѣютъ, потому что воевода Кафтыревъ велитъ жечь эту слободу»[1]). Изъ этого видно, что туринскимъ воеводамъ было непріятно развитіе верхотурскаго уѣзда насчетъ уѣзда туринскаго и они прибѣгали къ разнымъ средствамъ, чтобы ограничить это развитіе. И вражда, возникшая между инородцами и русскими крестьянами, несомнѣнно была раздута воеводой Кафтыревымъ, а не явилась слѣдствіемъ притѣсненій крестьянами туринскихъ татаръ и остяковъ.

Теперь спрашивается, какъ же правительство отнеслось къ челобитнымъ туринскихъ инородцевъ? Какъ и прежде, такъ и теперь оно приказывало, чтобы русскіе крестьяне владѣли только пашнями, а въ угодья, лѣса и бобровые гоны, которые находятся въ вотчинахъ инородцевъ, не вступались, чтобъ лѣса не выжигали и звѣрей не прогоняли огнемъ, а въ про-

---

[1]) А. М. Ю. Свб. Пр. Ст. № 6138/94 л. 505—506.

тивномъ случаѣ велѣно воеводамъ бить ихъ кнутомъ. Это странное требованіе правительства, свидѣтельствующее впрочемъ объ особенныхъ его заботахъ относительно инородцевъ, было совершенно невыполнимымъ. Развѣ русскіе насельники Сибири менѣе инородцевъ нуждались въ разныхъ угодьяхъ?! Вѣдь и имъ были необходимы для жизни и луга и лѣса и рѣки. Не ради же одной государевой пашни русскіе крестьяне селились въ упомянутыхъ слободахъ, основанныхъ въ вотчинахъ инородцевъ?! Притомъ русскіе крестьяне и теперь еще смотрятъ на рѣки и лѣса, какъ на общій Божій даръ, какъ на общее народное достояніе. И если они ловили въ рѣкахъ и озерахъ рыбу, били бобровъ, охотились за всякими звѣрями въ лѣсахъ, находящихся въ вотчинахъ инородцевъ, то вовсе не считали это посягательствомъ на чужую собственность, а равнымъ образомъ вовсе не думали этимъ выразить свою враждебность къ покореннымъ туземцамъ *). Какой-нибудь національной гордости или призрѣнія къ инородцамъ со стороны русскихъ людей мы совсѣмъ не замѣчаемъ. Они смотрятъ на вогула, самоѣда, остяка и татарина прежде всего какъ на человѣка и только съ этой стороны опредѣляютъ къ нимъ свои жизненныя отношенія. У торговыхъ русскихъ людей были «старые други и знакомцы» между самоѣдами березовскаго уѣзда, которые доставляютъ имъ оленей для перевоза ихъ товаровъ; торговые люди путешествуютъ съ своими товарами по инородческимъ юртамъ во всѣхъ сибирскихъ уѣздахъ и даже по тундрамъ, вмѣстѣ съ инородцами пьютъ, ѣдятъ и ночуютъ въ ихъ жилищахъ, вмѣстѣ обходятъ государевы заставы, чтобъ не платить десятинной пошлины и т. п. Изъ разныхъ отписокъ воеводъ видно, что русскіе крестьяне ходятъ въ инородческія юрты, а инородцы посѣщаютъ русскія деревни, вмѣстѣ пьютъ водку, играютъ въ зернь и карты; инородцы говорятъ русскимъ языкомъ и «всякому русскому обычаю навычны»; инородцы указываютъ русскимъ людямъ

*) *Примѣч.* Точно также нельзя обвинять русскихъ крестьянъ за выжиганіе лѣсовъ: имъ прежде всего нужна была пахатная земля и для этого нужно было расчищать лѣса; но вырубать вѣковые лѣса у нихъ не хватило бы силъ; только огонь могъ помочь имъ въ этой работѣ.

на соленые ключи, на желѣзныя и серебряныя руды [1]). Въ 1625 году пронесся слухъ, что калмыки и кучумовы внучата намѣрены вторгнуться въ русскіе уѣзды, вѣсть объ этихъ замыслахъ верхотурскій и туринскій воеводы прежде всего получили отъ тамошнихъ инородцевъ. Толбузинъ, приказчикъ Ницынской слободы, доносилъ по этому поводу тобольскому воеводѣ слѣдующее. «Пришелъ татаринъ Берсегеневъ въ слободу и сказалъ, что будетъ у насъ драка съ калмыками великая, намъ-де и вамъ быть побитыми съ женами и дѣтьми». Поэтому татаринъ предлагаетъ русскимъ людямъ совмѣстно построить острогъ въ Ницынской слободѣ, куда на случай дѣйствительнаго нападенія калмыковъ можно было бы перевести женъ и дѣтей русскихъ и инородцевъ; «а будемъ, говорилъ Берсегеневъ, стоять за одно и измѣны-де отъ насъ не будетъ». То-же самое и въ то-же время инородцы Мулгайской волости предлагали тагильскимъ крестьянамъ относительно постройки Тагильскаго острожка [2]). Не лишнимъ считаемъ указать и на слѣдующій фактъ, который довольно ясно характеризуетъ взаимныя отношенія между крестьянами и инородцами. Верхотурскій воевода доносилъ въ Москву, что въ верхотурской тюрьмѣ съ 1633 года сидятъ два вогула, посаженные за измѣну государю, но ясачные и русскіе люди просятъ выпустить ихъ на свободу и берутъ ихъ на свои поруки [3]).

Благодаря такимъ отношеніямъ, правительству нечего было заботиться о сближеніи русскихъ насельниковъ Сибири и туземцевъ; оно установилось само собою. Напротивъ, когда инородцы помирились съ своимъ положеніемъ и обжились съ своими завоевателями, мы видимъ, что русское правительство начинаетъ уже заботиться объ отдаленіи русскихъ отъ инородцевъ, потому что тѣсное между ними общеніе дурно отражалось на нравахъ русскихъ людей. Такъ, напр., Алексѣй Михайловичъ приказываетъ тобольскимъ воеводамъ «разводить

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6111/67 л. 505. Серебряная руда, по словамъ (1636 г.) вогула верхотуринской волости, находится въ верховьяхъ рѣки Серебряной.

[2]) А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477 св. 11.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 6111/67 л. 477.

русскихъ и татаръ, чтобы они вмѣстѣ не пили, не ѣли и не жили...». Это распоряженіе вызвано было жалобою въ 1654 г. архіепископа Симеона на слишкомъ близкія отношенія, установившіяся между русскими православными христіанами и магометанами. «Послѣ пожара въ 1643 году», писалъ онъ государю. «тобольскаго города всякихъ чиновъ жилецкіе люди живутъ въ татарскихъ юртахъ подъ горою и тѣ православные христіане ожились и живутъ съ татарами вмѣстѣ, а живучи въ татарскихъ юртахъ русскіе люди сквернятся: пьютъ и ѣдятъ изъ однихъ сосудовъ и въ постъ съ ними упиваются, съ татарками живутъ блудно и дѣтей приживаютъ беззаконствомъ, а татары съ ихъ христіанскими женами живутъ тожъ блудно и дѣтей приживаютъ....». Этотъ документъ ясно показываетъ, до чего простиралось общеніе между русскими людьми и татарами въ Тобольскѣ: не только они пили и ѣли вмѣстѣ, но даже дѣлились женами. Устроившись такимъ образомъ въ татарскомъ городкѣ, русскіе всякихъ чиновъ люди, какъ видно, не хотѣли мѣнять своего мѣстожительства и въ продолженіи 11 лѣтъ не строили своихъ дворовъ, довольствуясь татарскими юртами. Конечно, не тѣснота въ Тобольскѣ приковывала русскихъ людей къ татарскому городку, а нѣчто другое. Архіепископъ Симеонъ, прося государя «вывести православныхъ христіанъ изъ татарскихъ юртъ», въ концѣ упомянутой грамоты замѣчаетъ, что въ Тобольскѣ порожнихъ земель много и на горѣ и подъ горою, гдѣ живутъ русскіе люди особо и гдѣ татарскихъ юртъ нѣтъ [1]). Всѣ эти факты показываютъ, что тамъ, гдѣ русскимъ насельникамъ пришлось жить вмѣстѣ съ инородцами—въ городѣ или въ уѣздѣ, уже въ первый періодъ заселенія Сибири, установилось между завоевателями и покоренными полное житейское общеніе: какой-нибудь племенной вражды, отчужденія мы совсѣмъ не замѣчаемъ. Подобное общеніе условливалось необыкновенною способностію русскаго человѣка къ уживчивости съ людьми—что, конечно, предполагаетъ и взаимную житейскую уступчивость. Русскій человѣкъ легко оріентируется въ каждой новой мѣстности,

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Столб.

умѣетъ приспособиться ко всякой природѣ, способенъ перенести всякій климатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ ужиться со всякою народностію, будь то самоѣды, остяки, вогулы, татары или нѣмцы; благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, онъ быстро превращалъ въ свою плоть и кровь всякихъ сибирскихъ инородцевъ, хотя, конечно, и самъ не вполнѣ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ до переселенія въ Сибирь.

УКАЗАТЕЛЬ ПОСЕЛЕНІЯМЪ.

Сокращенія: г.—городъ, сл.—слобода, о.—острожекъ, к.—караулъ, п.—погостъ, з.—застава, д.—деревня, с.—село.

А.

Алексѣева д. 113.
Ананьина д. 153.
Анисимкова д. 45.
Антонова д. 112.
Арамашевская сл. 52.

Б.

Бабасаны д. 114.
Бабинова д. 30, 93.
Балакина д. 34.
Балакиныхъ д. 31.
Байкашина д. 112.
Балахнина д. 113, 114.
Балина д. 113.
Безсонка д. 111.
Безсоновское д. 123.
Берсенева д. 35.
Березовъ г. 171.
Благовѣщенская или Сусатка сл. 75.
Богославское с. 120.
Борзунова д. 31.
Боровскаго д. 31.
Болотова д. 34.
Борисова д. 34.
Бобровая сл. 51.
Бологова д. 112.
Бубны д. 113.
Булаша д. 114.
Бурнаша д. 114.
Булгакова д. 111.
Букина д. 95.
Бусыги д. 93.
Бутакова д. 30, 93.
Быкова д. 113.
Бѣлослуцкая сл. 52.
Бѣгишево д. 120.

В.

Вавилнаго д. 93.
Вагайскій о. 117.
Вагайская д. 120.
Вагино д. 30.
Васькина д. 39.
Васильева д. 93.
Верхненицынская сл. 74.
Верхотурье г. 16.
Вискунова д. 42.
Волкова д. 111.
Волчика д. 111.
Выходцева д. 111.
Вычегжанина д. 92, 94.
Вяткина д. 94, 114.
Вятчинина д. 92, 94.

Г.

Гаврилкова д. 34.
Гаврилова д. 45, 113.
Гаева д. 35.
Гамъ д. 112.
Ганинова д. 112.
Гаринская сл. 166.
Гилева д. 94.
Глазунова д. 42.
Глазкова д. 114.
Годуновыхъ д. 153.
Голышкова д. 45.
Горсткиныхъ д. 35.
Губина д. 35.
Гулянова д. 39.
Гусельника д. 95.

Д.

Данилова д. 92, 112.
Двинянина д. 94.
Дедюхина д. 34.
Дементьева д. 34, 113, 152.
Демьяновская сл. 167.
Денисова д. 111.
Деревнина д. 93.
Дехтерева д. 42.
Деревенскаго д. 167.
Деульскаго д. 113.
Долгаго д. 42.
Дружина д. 93.

Дурынина д. 111, 112.
Дьяконова д. 42.

Е.

Евсюгина д. 30.
Елань д. 38.
Елизаровыхъ д. 39.
Елшовка д. 96.
Елтышевой д. 42.
Елтынцева д. 44.
Енбая д. 112.
Ермакова д. 113.
Ермачкова д. 111.
Ерзовка д. 30, 45.
Еремеева д. 112.
Еѳтина д. 153.

Ж.

Жаденова д. 153.
Жернокова д. 31, 35.
Жилецкая сл. 27.
Жолобова д. 30.

З.

Загоинова д. 31.
Заплатина д. 35.
Зарѣчная сл. 28.
Зубарева д. 96.
Зыряна д. 31, 112.
Зырянина д. 93.
Зырянская д. 49, 96.
Зяблова д. 114.

И.

Иванова д. 31, 110, 152.
Ивановская д. 121.
Игнатова д. 94.
Измаилова д. 111.
Измаиловыхъ д. 111.
Ирбитская сл. 50.
Истомы Бѣса д. 114.
Ишимскій о. 157.

К.

Казанца д. 95.
Кайгородцева д. 69.
Каклягина д. 92, 96.
Калинина д. 34.
Камарица д. 123.
Кабакова д. 39.
Каптагай д. 96.
Карачевца д. 93.
Карпова д. 42.
Каурдацкій о. 157.
Киргинская сл. 15.
Кириллово д. 152.
Киселевская д. 123.
Кишкина д. 45.
Киртасская з. 178.
Ключевка д. 49.
Ключь д. 38.
Клыкова д. 95.
Кокшарова д. 42, 93.
Константинова д. 35.
Комарова д. 45.
Колмогорца д. 93.
Колачникова д. 153.
Кобелева д. 111.
Коломенка с. 94.
Коника д. 93.
Копылева д. 113.
Корякова д. 113.
Котина д. 111.
Кошайское с. 54.
Косовецкаго д. 111.
Корчемкино д. 35.
Красная или Нижне-Ницынская сл. 73
Краснопольская сл. 53.
Кречатникова д. 112.
Крушинскихъ д. 111.
Кугаевская д. 121.
Кузьмина д. 112.
Куларовская сл. 117.
Кунгулова д. 112.
Кулударова д. 153.
Кунашева д. 30.
Курмина д. 153.
Кутакова д. 31.

Л.

Ламбина д. 113.
Лаптева д. 31, 42.
Лентовскаго д. 31.
Леонтьева д. 35.
Лепешки д. 92.
Литовскихъ д. 31.
Лозва г. 16.
Ломаева. д. 113.
Лошкино д. 34.
Лутовинова д. 112.
Лыжина д. 69.
Лялинскій к. 53.

М.

Максимова д. 93, 111, 114.
Мальцова д. 93.
Малова д. 153.
Мажешова д. 153.
Манькова д. 93.
Маркова д. 39.
Мартемьянова д. 30, 31, 95.
Матвѣева д. 42, 94.
Матвѣевская д. 123.
Матюшкина д. 111.
Машинскаго д. 153.

Медшука д. 111.
Мельникова д. 111.
Меньшичка д. 34.
Меркушева д. 42.
Микитина д. 94.
Митрофанова д. 69.
Михайлова д. 42, 93.
Молчанова д. 92.
Мордвинова д. 111.
Москвитина д. 95.
Мохирева д. 95.
Мощенникова д. 93.
Мосалитина д. 153.
Мурзинская сл. 52.
Мятелева д. 96.

Н.

Назарова д. 69.
Налимова д. 93.
Насѣкина д. 92.
Невьянская сл. 37.
Некрасова д. 113.
Нижне-Ницынская или Красная сл. 73.
Низовскаго д. 111.
Ницынская-Ощепкова сл. 46.
Никонова д. 113.
Нифонтова д. 31.
Новая Невьянская сл. 70.
Новоселова д. 45, 113.
Нѣмчина д. 112.

О.

Обдорскій г. 177.
Овчинникова д. 35, 42.
Олферьева д. 94.
Олешкинская д. 121.
Онисимова д. 34.
Онтонова д. 93.
Осипова д. 93.
Отраднаго д. 42.
Ортемьева д. 35.
Ошкокова д. 95.

П.

Павдинскій к. 53.
Пановыхъ д. 94.
Паншина д. 114.
Пантелеева д. 153.
Патрикѣева д. 39.
Пелымъ г. 160.
Пелымскаго д. 92.
Перевалова д. 39, 45.
Пермякова д. 69.
Петрова д. 31.
Подчекуни д. 112.
Подчуваши д. 110.
Полуянова д. 114.
Поминова д. 111.
Покровская сл. 134.
Попова д. 112.
Половинки д. 69.
Поткина д. 45.
Похалуева д. 35.
Поступкова д. 112.
Преображенскій п. 114.
Прокопія Устюжскаго п. 32.
Прокофьева д. 42.
Прокудина д. 153.
Проскурякова д. 93.
Прянишникова д. 43.
Пузырева д. 69.
Пупышева д. 69.
Пурегова д. 30.
Пуреговыхъ д. 34.
Путинцева д. 31, 42.
Пятибратова д. 45.
Пятковская д. 121.

Р.

Разсоха д. 96.
Рогалева д. 113.
Родикорцева д. 114.
Рождественскій п. 114.
Розмаза д. 95.
Роисина д. 35.
Романова д. 153.
Ростесъ к. 53.
Рудная сл. 49.
Русаковой д. 42.
Рычкова д. 35.
Рѣпина д. 113, 114.

С.

Самаровская сл. 116.
Санникова д. 111, 114.
Свѣчкина д. 93.
Семейкина д. 113.
Семенова д. 114, 153.
Сергѣева д. 111.
Серебряникова д. 42.
Сесюкина д. 93.
Сета д. 94.
Сизикова д. 39, 42.
Скибы д. 111.
Смиреннаго д. 114.
Смольникова д. 39.
Смольянина д. 30, 31.
Смокотина д. 42.
Собская з. 147.
Сорокопѣеника д. 114.
Сотонина д. 153.
Софонова д. 111, 113.
Софроновыхъ д. 153.
Степанова д. 113.
Станиславова д. 111.

Старченинова д. 153.
Субботина д. 95.
Субоярьева д. 114.
Сысоева д. 112.
Сысоевыхъ д. 95.

Т.

Таборинская сл. 166.
Тавдинская сл. 124.
Тагильскій о. 36.
Тарутина д. 94.
Тара г. 143.
Тарханскій о. 117.
Таскина д. 31.
Тебендинскій о. 157.
Терентьева д. 153.
Тимофѣева д. 42, 111.
Тобольскъ г. 103.
Толмачева д. 42.
Токарева д. 113.
Топоркова д. 35.
Трезвонова д. 113.
Трифонова д. 39.
Трубина д. 31.
Трошина д. 111, 114.
Трушникова д. 112.
Туринскъ г. 62.
Тюмень г. 80.

У.

Угренина д. 93.
Угримовыхъ д. 95.
Угрюмовыхъ д. 93.
Удинцова д. 30.
Урбатова д. 112.
Усольца д. 114.
Усенновская д. 69.
Усть-Ирбитская сл. 51.
Устинова д. 113.
Усть-Ницынская сл. 122, 124.
Ушарова д. 112.

Х.

Хомякова д. 69.
Худорошкова д. 31.
Худяка д. 113.

Ц.

Цыпелева д. 35, 42.

Ч.

Чаплина д. 42.
Чапурина д. 34.
Чапуриныхъ д. 45.
Часюбердина д. 93.
Черемнаго д. 31.
Чермисина д. 92.
Человѣчкова д. 112.
Чернаго д. 111.
Черная д. 111.
Черная-Рукосцева д. 114.
Черкасаго д. 152.
Чекрушъ д. 153.
Чекасаго д. 112.
Черепанова д. 34.
Чеснокова д. 31.
Чубарова сл. 71.
Чусовская сл. 54.
Чусовитяна д. 95.

Ш.

Шангинская д. 121.
Шапошникова д. 113.
Шелкукова д. 95.
Шеликулова д. 93.
Шешукова д. 94.
Шешуковыхъ д. 95.
Шестакова д. 121.
Шилова д. 31.
Шоломенцова д. 94.
Шуба д. 92.
Шубина д. 42.

Щ.

Щапова д. 31.
Щоки д. 112.

Ю.

Юдина д. 114.
Юрлова-Третьякова д. 121.

Я.

Якимовская д. 121.
Яковлева д. 45, 94, 110, 112, 152.
Ямская сл. 42, 66, 85.
Яновскаго д. 112.
Яркова д. 113.
Ясыря д. 111.
Ячменева д. 39.

Ѳ.

Ѳедькина д. 35, 39.
Ѳедотова д. 30, 31.
Ѳефилова д. 45, 93.
Ѳомина д. 34.
Ѳомкина д. 35.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
5 въ примѣч.	2 сверху	прискіе остяки	иренскіе остяки
14	11 снизу	и 3,000 человѣкъ	и 4,000 человѣкъ
16	5 сверху	Сычву	Сыгву
25	1 »	это количество	количество этого
26	17 »	Сольвычегодской	Сольвычегодска.
35	12 »	Топаркова	Топоркова
39	7 »	Переванова	Перевалова
42	1 »	Завыянки	Завъялки
45	7 »	Ощенковыхъ	Ощепковыхъ
69	1 снизу	Усенковская	Усенновская
110	2 сверху	только 30	только 70

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. I — IV

Глава I . . . . . » 1 — 15

Разселеніе инородцевъ: границы тогдашняго верхотурскаго уѣзда по сю и по ту сторону Уральскаго хребта; волости вогуловъ, татаръ и остяковъ; число инородцевъ въ каждой волости и общее ихъ число въ верхот. уѣздѣ. Туринскій уѣздъ, волости инородцевъ и число ихъ. Тюменскій уѣздъ; пелымскій уѣздъ; березовскій уѣздъ; тобольскій уѣздъ; тарскій уѣздъ. Волости инородцевъ въ этихъ уѣздахъ и число ихъ въ каждомъ уѣздѣ. Общее число инородцевъ въ семи уѣздахъ.

Глава II . . . . . стр. 16—61

Верхотурье и верхотурскій уѣздъ. Открытіе новой дороги отъ Соликамска къ верховьямъ рѣки Туры Бабиновымъ; основаніе города Верхотурья въ 1598 г., первоначальные жители Верхотурья; населеніе Верхотурья въ 1624 г. и въ 1645 г. Заселеніе русскими верхотурскаго уѣзда; виновники основанія первыхъ поселеній въ уѣздѣ; подгородняя волость: деревни при рѣкахъ Турѣ, Піѣ, Салдѣ основанныя верхотурскими крестьянами до 1624 г.; число всѣхъ деревень и въ нихъ дворовъ и людей муж. пола; увеличеніе жителей въ подгородней волости до 1645 г. Тагильская волость: деревни основанныя крестьянами при рѣкахъ—Тагилѣ, Піѣ, Салдѣ, Мулгаѣ или Мугаѣ и Турѣ; число всѣхъ деревень въ этой волости, дворовъ и людей до 1624 г.; увеличеніе населенія въ тагильской волости до 1645 г. Заселеніе Невьи или Нейвы и Рѣжа. Основаніе Невьянской слободы въ 1621 г.; деревни Невьянской волости основанныя до 1624 г.; основаніе Невьянскаго острожка; увеличеніе населенія Невьянской волости до 1645 г. Деревни основанныя верхотурскими служилыми людьми, посадскими, бѣлымъ духовенствомъ и Никольскимъ монастыремъ. Ямская слобода и деревни ямщиковъ. Общее число населенія въ городѣ и въ уѣздѣ въ 1624 году. Заселеніе рѣки Ницы; Ницынская-Ощепкова слобода; Рудная слобода; Ирбитская слобода; Усть-Ирбитская слобода; Арамашевская слобода; Мурзинская слобода; Краснопольская слобода. Постройка карауловъ. Хлѣбопашество въ верхотурскомъ уѣздѣ; денежные государевы доходы и расходы въ городѣ и уѣздѣ; доходныя статьи.

Глава III . . . . . стр. 62—79

Туринскъ и туринскій уѣздъ. Основаніе Туринска; первоначальное населеніе города; Туринскъ въ 1624 г.; развитіе населенія въ городѣ до 1645 года. Заселеніе уѣзда; деревни основанныя крестьянами до 1624 г. Недостатокъ охочихъ людей въ Туринскѣ и значеніе этого факта. Основаніе слободъ въ туринскомъ уѣздѣ: Чубаровой, Красной, Верхне-Ницынской, Киргинской, Сусатки или Благовѣщенской; увеличеніе крестьянскаго населенія въ деревняхъ туринскаго уѣзда съ 1624 г. по 1645 г. Общее число русскаго населенія въ уѣздѣ; хлѣбопашество въ туринскомъ уѣздѣ; денежные государевы доходы и расходы.

Глава IV . . . . . стр. 80—102

Тюмень и его уѣздъ. Основаніе Тюмени; Тюмень въ 1624 г.; Ямская слобода; тяжесть ямской службы; жалобы ямщиковъ; заселеніе тюменскаго уѣзда; деревни служилыхъ людей, деревни посадскихъ, деревни пашенныхъ крестьянъ, деревни ямскихъ охотниковъ; общее число дворовъ и людей въ уѣздѣ въ 1623 году; дальнѣйшее развитіе населенія въ Тюмени и въ уѣздѣ до 1645 г.; общее число населенія въ городѣ и уѣздѣ въ 1645; государевы денежные доходы и расходы; государевы хлѣбные запасы и хлѣбные расходы; урожаи въ тюменскомъ уѣздѣ.

Глава V . . . . . стр. 103—142

Тобольскъ и его уѣздъ. Недостатокъ матеріала относительно старины города Тобольска; основаніе города и значеніе его; Тобольскъ въ 1624 году; сподвижники Ермака; заселеніе тобольскаго уѣзда; деревни служилыхъ, деревни пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, деревни посадскихъ людей, основанныя до 1623 года; погосты Преображенскій и Рождественскій; общее число дворовъ и людей въ уѣздѣ; пашенные и оброчные крестьяне. Основаніе слободъ Демьяновской, Самаровской и Куларовской; основаніе острожковъ въ тобольскомъ уѣздѣ: Тарханскаго и Вагайскаго и стратегическое значеніе ихъ. Колонизаціонная дѣятельность тобольскаго монастыря и архіепископскаго дома; деревни монастырскія, слободы и деревни архіепископскія; матеріальныя средства архіепископскаго дома; страсть къ стяжанію у архіепископовъ Нектарія и Герасима. Общее число населенія въ Тобольскѣ и въ уѣздѣ въ 1645 г.; денежные государевы доходы и расходы; торговля въ Тобольскѣ.

Глава VI . . . . . стр. 143—159

Тара и ее уѣздъ. Необходимость основанія новаго русскаго города въ верхнихъ мѣстахъ рѣки Иртыша; основаніе Тары; борьба съ Кучумомъ; Тара въ 1624 г.; заселеніе тарскаго уѣзда; деревни служилыхъ людей; деревня пашенныхъ крестьянъ; увеличеніе населенія въ городѣ и въ уѣздѣ до 1645 г.; общее число русскаго населенія въ Тарѣ и въ уѣздѣ; государевы денежные доходы и расходы; хлѣбные запасы; сборъ ясачной мягкой рухляди.

Глава VII . . . . . стр. 171—182

Пелымъ и его уѣздъ. Основаніе Пелыма; борьба съ пелымскимъ княземъ Аблегиримомъ; Пелымъ въ 1625 году; населеніе Пелыма; слободы Та-

боринская и Гаринская и развитіе этихъ слободъ; общее число жителей въ городѣ и въ уѣздѣ въ 1645 г.; государевы денежные доходы и расходы; государева пашня; сборъ ясака. Стр. 160—170. Березовъ и его уѣздъ. Основаніе Березова; населеніе города; цѣль постройки города; заставы на дорогахъ березовскаго уѣзда: обдорская, собская и киртаская; острожекъ между рѣками Мутной и Зеленой и значеніе его; торговля въ Березовѣ и на заставахъ; государевы доходы.

Глава VIII . . . . . стр. 183—295

Какимъ образомъ заселялась Сибирь, какими путями проникало туда русское населеніе; заботы правительства о заселеніи Сибири; заселеніе «по указу», «по прибору», переселеніе духовенства, служилыхъ людей и крестьянъ. Ссылка въ Сибирь и колонизаціонное ея значеніе, бѣгство ссыльныхъ; положеніе ссыльныхъ. Вольная, народная колонизація Сибири, приборъ изъ гулящихъ людей въ пашенные и оброчные крестьяне. Этнографическій составъ населенія Сибири. Управленіе Сибири; приказы; воеводы, ихъ власть и обязанности, ихъ злоупотребленія; мѣры правительства для пресѣченія воеводскихъ злоупотребленій; таможенные головы и цѣловальники. Положеніе служилыхъ людей, посадскихъ людей, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ. Нравственное состояніе сибирскаго общества въ обозрѣваемый періодъ.

Глава IX . . . . . стр. 296—335

Борьба инородцевъ за независимость; связь инородческихъ бунтовъ съ смутною на Руси эпохою; замиреніе края. Положеніе инородцевъ подъ русскимъ владычествомъ; служба инородцевъ и повинности; заботы правительства объ инородцахъ; злоупотребленія воеводъ и ясатчиковъ; взаимныя отношенія между русскими насельниками и инородцами; вліяніе русскихъ на инородцевъ; уживчивость русскаго человѣка.

Указатель . . . . . стр. 337—340

Опечатки. . . . . » 341

2007065953